

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2021. Том 63

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2021. № 63

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2021. Nr. 63

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Заместитель главного редактора

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
--------------------------	---

ИСТОРИЯ

Василик В.В.

Всенощное бдение в Балкано-Карпатском регионе в IV в.: святитель Никита Ремесианский и его трактат «О благе псалмопения»	13
--	----

Элезович Д.М.

Значение сочинений Дмитрия Кантемира для западной просветительской историографии (на примере рукописи «История Турции» XVIII в.)	34
--	----

Одрехівський Р.В.

Мистецтво різьблення як один із проявів національного та культурного відродження лемків-русинів (кінець XIX – перша третина XX ст.)	43
---	----

Савчук Б.П., Билавич Г.В.

Феномен движения трезвости в Буковине и Хотинском уезде Бессарабской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: евроатлантическая, русинская, российская модели	52
--	----

Суляк С.Г.

И.П. Филевич и Карпатская Русь	81
--------------------------------------	----

Конев К.А.

Карпаторусское сообщество в социокультурном пространстве Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.): взгляд через призму истории эмоций	138
---	-----

Trygub O.P., Osypenko O.V

South Ukraine Greek community under revolutionary upheavals and armed conflicts (1917–1920)	156
---	-----

Морозов С.В.

Чехословакия, Польша, Венгрия и Подкарпатская Русь в контексте предыстории и последствий Мюнхенской конференции 1938 г.	173
--	-----

Содоль В.А.

Последствия румынской оккупации 1941–1944 гг. для православной церкви Молдавии	190
--	-----

Чемакин А.А.

Украинская «Чёрная сотня»? Концепция К.К. Федевича как попытка «украинизации» Союза русского народа	205
---	-----

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ковалець Л.М., Лановик М.Б., Лановик З.Б.

«Я русин, я гуцул...»: етноімагологічні доміанти авторської візії Юрія Федьковича	223
---	-----

Волошина С.В., Демешкина Т.А., Толстова М.А.

Речевой портрет жителя трансграничного региона (русско-белорусское взаимодействие)	241
---	------------

Эмер Ю.А., Акентьева К.А.

Поздравление с профессиональными праздниками в восточнославянском президентском дискурсе: когнитивно-дискурсивный анализ	269
---	------------

БИБЛИОГРАФИЯ

Власенко В.Н.

К истории русинов в межвоенной Югославии	285
---	------------

CONTENTS

Editorial	9
------------------------	----------

HISTORY

Vasilik V.V.

All-Nights Vigil in the Balkan-Carpathian region in the 4th century: St. Nicetas of Remesiana and his treatise “On the Benefit of Psalmody	13
---	-----------

Elezovic D.M.

The role of Dmitry Kantemir’s writings for the Western educational historiography (a case study of the manuscript “The History of Turkey” of the 18th century)	34
---	-----------

Odrekhivskyi R.W.

The art of carving as a manifestation of the national and cultural revival of the Lemkos-Rusins (the late 19th– first third of the 20th century)	43
---	-----------

Savchuk B.P., Bilavych G.V.

The phenomenon of temperance movement in Bukovina and Khotyn District of Bessarabia Province in the second half of the 19th – early 20th centuries: Euro-Atlantic, Rusin, and Russian models	52
---	-----------

Sulyak S.G.

I.P. Filevich and Carpathian Rus	81
---	-----------

Konev K.A.

The Carpatho-Russian community in the Siberian socio-cultural space during the Civil War (1918–1919): a view through the prism of the history of emotions ..	138
---	------------

Trygub O.P., Osypenko O.V.

South Ukraine Greek community under revolutionary upheavals and armed conflicts (1917–1920)	156
--	------------

Morozov S.V.

Czechoslovakia, Poland, Hungary, and Subcarpathian Rus in the context of the prehistory and consequences of the Munich Conference of 1938	173
--	------------

Sodol V.A.

The consequences of the Romanian occupation of 1941–1944 for the Orthodox Church of Moldova	190
--	------------

Chemakin A.A.

The Ukrainian “Black Hundred”? K.K. Fedevich’s concept as an attempt to “Ukrainize” the Union of the Russian People	205
--	------------

LITERATURE AND LITERARY THEORY

Kovalets L.M., Lanovyk M.B., Lanovyk Z.B.

“I am a Rusin, I am a Hutsul...”: Ethnoimagological dominants of Yuriy Fedkovych’s vision	223
--	------------

Voloshina S.V., Demeshkina T.A., Tolstova M.A.

Speech portrait of a resident of a cross-border region (Russian-Belarusian interaction)	241
--	------------

Emer J.A., Akenteva K.A.

Congratulation on professional holidays in the East Slavic presidential discourse: a cognitive-discourse analysis	269
--	------------

BIBLIOGRAPHY

Vlasenko V.N.

To the history of the Rusins in the interwar Yugoslavia	285
--	------------

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели журнала!

Помимо присланных в журнал и прошедших рецензирование материалов, в номере также публикуется ряд статей, написанных на основе докладов, прозвучавших на VI Международной научной конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов» (19–20 октября 2020 г.) и Международной научно-практической конференции «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Девятые чтения памяти И.А. Анцупова)» (28–29 октября 2020 г.).

Просьба к авторам: при подготовке статей следует обратить внимание на следующее:

1. Статьи в индексируемых журналах и названия самих журналов, как и названия более-менее известных трудов, уже имеют переводы на английский.

Если в журнале «Русин» эти работы уже упоминались, то надо взять за основу уже опубликованный вариант названия. Иначе может получиться, что под разными переводами будет скрываться одна и та же работа.

Если имеются DOI, их надо обязательно указывать.

2. Нет смысла указывать в разделе «Литература» цитируемые дореволюционные источники в русской дореформенной орфографии.

При их транслитерации получаются проблемы.

3. В советские времена до 1990 г. вся литература на молдавском языке выходила на кириллице. Поэтому указывать вышедшие в ту пору издания в «Литературе» на латинице неправильно.

4. Если статья, монография и т. д. есть в формате pdf, DjVu, JPG и других графических форматах, то не стоит ссылаться на электронный ресурс. В данном случае указываются страницы сканированной книги, статьи и т. д., а в «Литературе» – выходные данные источника.

5. В заголовках статей прописные (заглавные) буквы используются только там, где это необходимо (в начале первого слова предложения, в начале собственных имён или существительных).

Всё остальное – строчными буквами.

6. В именах собственных (фамилии, имена, отчества, географические названия, названия организаций, предприятий и т. д.), чтобы не было неправильного толкования (прочтения) слов, необходимо обязательно использовать букву «ё».

Правильнее было бы оставить букву «ё» во всех словах, т. к. с точки зрения лингвистики она не является разновидностью буквы «е» –

она может обозначать либо звук [o] под ударением, либо сочетание звуков [j] и [o].

Оргкомитетами конференций было принято решение о проведении в этом году двух международных конференций:

1. «Славянские языки в условиях современных вызовов».

18–19 октября 2021 г.

Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/slavlang/>

2. «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Десять чтений памяти И.А. Анцупова)».

28–29 октября 2021 г.

Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/antsupov/>

Регистрация открыта.

Формат проведения конференций (очный или онлайн) будет зависеть от ситуации с эпидемией коронавируса.

С.Г. Суляк,
главный редактор

**Dear members of the editorial board,
authors and readers!**

In addition to the peer-reviewed articles, the journal includes a number of articles based on the presentations from the Sixth International Conference “Slavic Languages: Responding to New Challenges” (October 19–20, 2020) and the International Conference “Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The Ninth Readings in Memory of I.A. Antsupov)” (October 28–29, 2020).

We ask the authors to consider the following requirements:

1. The titles of many seminal works, journals, and articles in indexed journals already have translations into English. If these works have already been referred to in *Rusin*, please use this English version of the title in your reference list. The use of different English versions of the same title may cause confusion.

If the work you refer to has a DOI, it must be included.

2. Please do not include pre-revolutionary sources in the Russian pre-reform spelling in the reference list, as it may result in transliteration problems.

3. Before 1990, all literature in the Moldovan language was published in Cyrillic. Therefore, it is wrong to include the works published before 1990 in Latin in the reference list.

4. If the article, monograph, etc. is in pdf, DjVu, JPG and other graphic formats, it makes no sense to refer to an electronic resource. In this case, include the bibliographic description and pages of the scanned source.

5. In the titles of the articles, use uppercase (capital) letters only where necessary (at the beginning of the first word of a sentence, at the beginning of proper names). Everything else must be in lowercase letters.

6. Use the letter “ë” in proper names (surnames, first names, patronymics, geographical names, names of organizations, enterprises, etc.) to avoid confusion or misinterpretation. It would be more correct to use “ë” in all words, since linguistically, it is not a variation of the letter “e” and stands either for the stressed sound [o] or a combination of sounds [j] and [o].

The organizing committees of the conferences has decided to hold two international conferences this year:

1. “Slavic Languages: Responding to New Challenges” October 18–19, 2021. Information can be found at <http://conference.tsu.ru/slavlang/>

2. “Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The Tenth Readings in Memory of I.A. Antsupov)”. October 28–29, 2021. Information can be found at <http://conference.tsu.ru/antsupov/>

Registration is open.

The format of the conferences (face-to-face or online) will depend on the coronavirus epidemic situation.

S.G. Sulyak,
Chief Editor

УДК 261.7;264-936.5"14"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/2

Всенощное бдение в Балкано-Карпатском регионе в IV в.: святитель Никита Ремесианский и его трактат «О благе псалмопения»

В.В. Василик

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9
E-mail: v.vasilik@spbu.ru

Авторское резюме

Статья представляет первый в российской науке комментированный перевод трактата просветителя даков, гетов, готов и, возможно, ранних славян святителя Никиты Ремесианского (350–420) «О благе псалмопения», посвящённого оправданию практики пения псалмов и описывающего раннехристианское бдение в Балкано-Карпатском регионе. Текст предваряется исследованием, в котором подробно рассматриваются вопросы жизни и творчества святителя Никиты Ремесианского, а равно и особенности трактата «О благе псалмопения», его исторический и литургический контекст. Судя по трактату, на Балканах существовала оппозиция практике всенощного бдения. Аргументация в защиту бдений во многом почерпнута из трудов святителя Василия Великого. В трактате присутствуют указания на антифонный способ пения, распространявшийся из Финикии и Сирии в IV в. по всему христианскому миру. Порядок утрени, восстанавливаемый благодаря трактату, содержит черты, с одной стороны, галльского обряда (песнь Иеремии), с другой – иерусалимской богослужебной традиции (состав и последовательность прочих библейских песен, упомянутых в трактате), что может быть связано с феноменом паломничества. В целом трактат является важным источником по истории церковной жизни Балкано-Карпатского региона.

Ключевые слова: миссия, бдение, псалмодия, библейские песни, псалмы.

All-Nights Vigil in the Balkan-Carpathian region in the 4th century: St. Nicetas of Remesiana and his treatise “On the Benefit of Psalmody”

V.V. Vasilik

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: v.vasilik@spbu.ru

Abstract

The article presents the first Russian commented translation of St. Niceta of Remesiana's treatise “On the Benefit of Psalmody”. St. Nicetas of Remesiana (350–420) was the Apostle of Dacians, Getes, Goths, and, possibly, Early Slavs. His treatise justifies the practice of psalmody in the Early Church and describes an Early Christian vigil in the Balkan-Carpathian region. The translation is preceded by a research on St. Nicetas of Remesiana's life and oeuvre as well as the particularities of the treatise under study, its historical and liturgical context. According to the treatise, there was an opposition to the practice of All-Night Vigils in the Balkans, while the arguments for the defense of vigils were largely drawn from the writings of Basil of Caesarea. The treatise contains indications of the antiphonic method of Church Chant singing, which spread from Phoenicia and Syria throughout the Christian world in the 4th century. The order of the Matins reconstructed in the treatise is similar to the Gallican rite on the one hand (Ode to Jeremiah) and, on the other hand, to the Jerusalem liturgical tradition (the composition and sequence of the other Odes mentioned in the treatise), which can be connected with the phenomenon of pilgrimage. In general, the treatise is an important source on the church life of the Balkan-Carpathian region.

Keywords: mission, vigil, psalmody, Bible canticles, matins, psalm.

Святитель Никита Ремесианский (350–420) особо значим для нас как просветитель Балкано-Карпатского региона [25]. Он епископствовал в значительной муниципии Ремесиана (современная Бела-Паланка), развалины которой до сих пор свидетельствуют о её былом величии [11: 52–55]. К сожалению, его жизнь известна нам лишь отчасти – как благодаря его творениям, так и стихотворному энкомию, созданному Павлином Милостивым, епископом Ноланским, а также труду Геннадия Марсельского «De viris illustribus» («О замечательных мужах») [16: XXXV–XXXVI].

Чем для нас важен святитель Никита Ремесианский? Во-первых, он – апостол румынских и молдавских земель, не только романцев, но гетов и даков и, возможно, славян.

Северным пределом его миссии являлись «северные даки» – скорее всего, «дикие даки» [17: 39–49], жившие за границами Римской империи на территории современной Румынии и, вероятно, Молдавии [5: 48].

Доказательством того, что миссия свт. Никиты Ремесианского распространялась не только на «внутреннюю», т.е. Римскую Дакию [13: 40, 41], но и на «внешнюю», т.е. варварскую, являются стихи свт. Павлина Ноланского, говорящие о том, что проповедь епископа Ремесианского доходила до крайнего севера известного мира – до мифической реки Рифей, будто бы находившейся в Гиперборее:

Quaeque Riphaeis Boreas in oris
adligat densis fluvios pruinis [8: 258].

Где Борей на берегах Рифейских
связует потоки плотными льдами...

Как в античной, так и в раннесредневековой традиции Рифей ассоциировали с Волгой и даже с Яиком. Разумеется, свт. Никита Ремесианский вряд ли добирался до таких дальних рек. Скорее всего, свт. Павлин Милостивый говорит об одной из рек, находившихся на северной периферии *Rex Romana* (Римского мира) севернее Дуная, вероятно, о Днестре, Пруте или даже о Днепре. Следовательно, можно с осторожностью полагать, что свт. Никита Ремесианский стал одним из первых просветителей Дунайско-Карпатского региона – земель, которые ныне занимают Румыния и Молдавия.

Святитель Никита озарил светом христианства целый ряд варварских племен: скифов, даков, гетов и, возможно, предков русинов – ранних славян. Среди исследователей до сих пор идёт дискуссия: являются ли геты, упомянутые свт. Павлином Милостивым, автохтонным фракийским населением, или речь идёт о готах [21: 671]. На наш взгляд, могут иметься в виду и те, и другие. Учитывая то, что такие славянские топонимы, как *Tierna* (Черна), *Berzovia*, присутствующие на Певтингеровой карте, появляются на Балканах уже в конце III – начале IV в. [8: 11–23], можно с осторожностью говорить о достаточно раннем проникновении славян в Карпато-Балканский регион и, соответственно, о возможности проповеди для них свт. Никиты [4: 21–29]. Естественно, она велась на латыни, которой являлась *lingua franca* для варваров, находившихся в сфере влияния *Rex Romana*.

Особенно значим его подвиг проповеди фракийскому племени бессов, диким обитателям Родопских гор (современная Болгария) [22:

69–71]. Жестокость их была такова, что они приносили человеческие жертвы. Однако, по свидетельству жития, при появлении Никиты произошло чудо: едва он воспел тихим голосом «Te Deum laudamus», как кровожадные и жестокие бессы преклонили пред ним главы [23]. Вот как об этом пишет Павлин Ноланский:

Nam simul terris animisque duri
et sua Bessi nive duriores
nunc oves facti duce te gregantur
pacis in aulam [8: 258].

Ведь вместе с землями и душами суровые
Бессы, суровее своего снега,
Ныне ставшие овцами, под твоим водительством собираются
во ограду мира.

Ряд авторов считают свт. Никиту Ремесианского автором гимна «Te Deum» [18: 87–91]. Если это так, то мы видим, насколько его творчество, в т. ч. гимнографическое, обладало практическим значением и насколько активно использовалось в миссии.

Для нас свт. Никита Ремесианский весьма значим как практически единственный известный православный балканский писатель и богослов IV в., в особенности когда значительная часть епархий Иллирика была заражена арианством [7]. Геннадий Марсельский пишет, что свт. Никита создал «Шесть книг наставлений» («Libeli instructionis»). Отчасти до нас дошли третья книга «О Духе Святом» («De Spiritu Sancto») [18: 18–38] и пятая – «О Символе веры» («De Symbolo») [18: 38–54]. Сохранились фрагменты первой и второй книг. Четвёртая и шестая книги не дошли до нас. Следует упомянуть подлинное сочинение свт. Никиты «О различных наименованиях Христа» («De diversis apellationibus») [18: 1]. Не исключено, что частично оно могло входить в не дошедшую до нас четвёртую книгу. Святителю Никите Ремесианскому приписывают сочинение «О расчёте Пасхи» («De ratione paschae») и «К падшей деве» («Ad lapsam virginem»), однако его авторство сомнительно. Кроме того, им были созданы трактаты «О бдениях» («De vigiliis») [18: 56–67] и «О благе псалмопения» («De psalmodiae bono») [18: 68–82; 25: 224–250; 27: 224–250], перевод которого мы публикуем ныне. Трактат «О благе псалмопения» находится в тесной связи с трактатом «О бдениях». И тот, и другой направлены на оправдание практики бдений и церковного пения во время них и на опровержение аргументов противников того и другого.

Возникает вопрос: кем были те, о которых пишет свт. Никита Ремесианский: «Я знаю некоторых, и не только в наших, но и в восточных землях, которые считают пение псалмов и гимнов излишним и совершенно не соответствующим божественной религии. Они считают,

что достаточно того, что говорится сердцем, но излишне то, что произносится языком»? Перед нами открываются две версии. Первая – он говорит о противниках бдений вообще, которые ополчались не только против пения, но и против ночных стояний. Вторая – свт. Никита Ремесианский говорит о крайних аскетах, которые считают пение греховным. Стоит вспомнить, в частности, высказывание аввы Памво (начало V в.). Его ученик пришёл на всенощное бдение в храме Св. Марка в Александрии. Там он услышал пение тропарей и по возвращении пожаловался своему наставнику, что они зря проводят время в скиту: «Не поём ни тропарей, ни канонов» (οὐτε τροπάρια ψάλλομεν, οὐτε κανόνες). И тогда авва Памво сказал: «Горе нам, чадо, близки дни, когда иноки оставят твёрдую пищу, Святое Писание, изречённое Духом, и примутся за песни и гласы. Какое может быть умиление и слёзы от тропарей? Какое умиление будет иноку, когда он, стоя в церкви или келии, возвысит голос свой, как вол или осёл?» [9: 71; 10: 208; 12: 243]. В этом ответе выражается сущность египетского монашества IV–V вв., носителя радикалистского ответа на обмирщение христианского сообщества. Он временами в чём-то напоминал ранний протестантизм, по крайней мере, явно выраженной тенденцией опираться только на Священное Писание, что несколько похоже на лозунг Лютера «Sola Scriptura» («одним Писанием»).

Как казалось авве Памво, возвращение к подлинному христианству, или первохристианству, возможно лишь на основании «твёрдой пищи», Священного Писания, а человеческое создание – поэтические строфы или тропари – способно лишь губить душу.

Следует вспомнить также реакцию святителя Епифания Кипрского на письмо одного палестинского игумена, который имел неосторожность похвастаться, что они поют вечерню, утреню и все часы. В ответ свт. Епифаний жёстко заявил, что хвалиться им нечем: «Вы должны молиться непрестанно».

Аргументация свт. Никиты в пользу псалмопения проста и основательна. Во-первых, основателями псалмопения являются святые пророки Моисей и Давид: «И, повторив от начала, насколько приятны Богу духовные песнопения, да прилипем к их творцам. Если же мы спросим, кто из людей первым изобрёл сей род песнопений, то не найдём никого другого, как Моисея, который знаменательно воспел песнь Богу (Исх. 15, 1–20), когда Египет был поражён десятью язвами, и фараон потонул, и благодарящий народ вышел чрез неведомые пути моря в пустыню, говоря: "Поим Господеви, славно бо прославися" (Исх. 15, 1). Сам Моисей, намереваясь покинуть тело, исполнил во Второзаконии страшную песнь (Втор. 32, 1–44), которую оставил народу как письменный завет, чтобы Израиль знал себе, какие и сколькие несчастья предстоят Израилю, если он отступит от Бога».

Во-вторых, псалмопение приносит несомненную духовную пользу: «Чего не найдешь ты в его псалмах, что служит для пользы, для созидания, для утешения человеческого рода, для всякого состояния, пола и возраста. В нём ребёнок найдёт, чем напиться, отрок – что восхвалить, подросток – чем исправить свою жизнь (Пс. 118, 9), юноша – чему следовать, старец – что проповедовать. Женщина учится стыдливости. Младенцы находят отца, вдовы – судью, бедные – защитника, беззащитные – стража. Слышат цари и судьи, чего надлежит бояться. Псалом утешает печального, умеряет радующегося, укрощает гневного, возрождает бедного, побуждает богатого отказываться от себя. Псалом дарует всем болящим подобающие лекарства и не презирает грешника, но приносит ему оздоровительное средство чрез слёзное покаяние».

В этом видна общность с аргументами свт. Василия Великого: «Книга псалмов... есть общая сокровищница добрых учений и тщательно отыскивает, что каждому на пользу. Она врачует и застарелые раны души, и недавно уязвленному подаёт скорое исцеление, и болезненное восстанавливает, и неповреждённое поддерживает; вообще же, сколько можно, истребляет страсти. Псалом – тишина души, раздаятель мира. Он смягчает раздражительность души и уцеломудривает невоздержанность. Он утишает мятежные и волнующие помыслы. Псалом – посредник дружбы, единение между далёкими и примирение враждующих. Псалом – убежище от демонов, вступление под защиту ангелов, оружие в ночных страхах, упокоение от дневных трудов, безопасность для младенцев, украшение в цветущем возрасте, утешение старцам, самое приличное убранство жён. Псалом населят пустыни, уцеломудривает торжища. Для нововступающих это начатки утешения, для преуспевающих – приращение ведения, для совершенных – утверждение; это глас Церкви. Он делает празднества светлыми; он производит "печаль яже по Боже". Ибо псалом и из каменного сердца вынуждает слезы. Псалом – занятие ангелов, небесное сожителство, духовный фимиам. Это мудрое изобретение Учителя, устроившего, чтобы мы пели и вместе учились полезному» [2: 155; 14: 7–8].

В трактате «О бдениях» упоминается святитель Василий Великий, приводится его «*Dixit namque vir inter pastores eximius*» и фрагмент из его проповеди о посте: «Подобно тому, как дым прогоняет пчёл, так изрыгание непереваренной пищи отвращает и прогоняет дарования Святаго Духа» [14: 184]. Согласно весьма обоснованному мнению Берна, выражение «*vir inter pastores eximius*» говорит о современнике Никиты Ремесианского святителе Василии Каппадокийском [18: 72].

Однако не только этот текст Василия Великого повлиял на просветителя Балкан, но и другие, в частности 207-е послание, в

котором святитель Василий оправдывает практику бдений: «А на обвинения в песнопениях, которыми клеветники мои наиболее устрашают людей простодушных, могу сказать следующее. Утвердившиеся ныне обычаи во всех церквах Божиих однообразны и согласны. Ибо народ с ночи у нас бодрствует в молитвенном доме, в труде, в скорби и, в слёзном сокрушении исповедуясь Богу и восстав напоследок, по молитвам начинает псалмопения. И иногда, разделившись на две части, поют попеременно одни за другими, чрез это вместе, упрочивая поучение в словесах и производя в сердцах своих сокрушение и собранность. Потом опять, предоставив одному начать пение, прочие подпевают и, таким образом, проведя ночь в разнообразном псалмопении, прерываемом молитвами, на рассвете уже дня все сообщая, как бы едиными устами и единым сердцем, возносят ко Господу псалом исповедания, каждый собственными своими словами говорит покаяние. Если за это уже бегаєте от нас, то бегайте от египтян, бегайте от обитателей той и другой Ливии, фивян, палестинян, аравитян, финикиян, сириян и живущих при Евфрате – одним словом, от всех, кто уважает бдения, молитвы и общие псалмопения» [3: 300; 15: 402].

Антифонное пение впервые ввели в 350 г. в Антиохии Флавиан и Диодор миряне, затем епископы Антиохии и Тарса – для того, чтобы противодействовать арианскому епископу Леонтию. Обычай этот широко распространился на Востоке, и антифонное пение потребовало известного профессионализма. Уже Лаодикийский собор повелевает: «Кроме певцов, состоящих в клире, на амвон входящих и по книге поющих, не должно иным некоторым петь в церкви» [12: 181]. Обычай антифонного пения достаточно рано перешёл и на Запад, в частности в Милан в 386 г., о чём свидетельствует в своей «Исповеди» блаженный Августин: «Незадолго до этого в Медиоланской церкви вошло в обычай утешать и наставлять с помощью пения: братья пели ревностно и устами, и сердцем. Уже год или немного больше Юстина, мать малолетнего императора Валентиниана, преследовала Твоего Амвросия по причине ереси, которой соблазнили её ариане. Благочестивая толпа бодрствовала в церкви, готовая умереть вместе со своим епископом, рабом Твоим. И там же мать моя, слуга Твоя, первая в тревоге и бдении жила молитвой. Мы, тогда ещё не согретье жаром Твоего Духа, всё же волновались: город был в смятении и беспокойстве. Тогда и постановлено было петь гимны и псалмы по обычаю Восточной Церкви, чтобы народ совсем не извёлся в тоске и печали; с тех пор и поныне обычай этот соблюдается, и его усвоили многие, да почти все стада Твои и в остальном мире» [1: 198; 13: 240].

Чину раннехристианского бдения посвящены классические работы Баумштарка [16], Матеоса [19; 20], Тафта [26]. Каков был порядок бдения на Балканах? На это проливает свет следующее высказывание святителя Никиты: «Вместе с Давидом мы исповедуем, что Он благ есть. Вместе с Моисеем мы воспеваем Дух Святой Господний в сих великих песнях. С Анной, несущей образ Церкви, некогда бесплодной, ныне плодородной, мы утверждаем сердца в хвале Бога (1 Царств, 2, 2–11). Со Исаией "от ночи утреннеем" (Ис. 26, 9). С Аввакумом псалмопевствуем (Аввакум 3). С Ионой (Иона 2), с Иеремией, святейшими отцами, молясь, поём. Стремя отроками, как бы стоя в печи и созывая всю тварь, благословим Творца всех. С Елизаветой наша душа величит Господа (Лук. 1, 47)».

При комментировании этого фрагмента встречается ряд сложностей. Во-первых, известную проблему представляет песнь Иеремии. Скорее всего, это влияние галликанского чина, на утрени которого присутствует песнь из пятой главы Плача Иеремии (Плач. 5, 20–36) между Иезекиилем и 4-й книгой Ездры (8 глава). Во-вторых, некоторой сложностью являются слова: «С Елизаветой наша душа величит Господа». Понятно, что речь идёт о гимне «Величит» – «Песне Богородицы». Однако возникает вопрос: почему она приписывается праведной Елизавете, матери Иоанна Крестителя? Ответ нам даёт ряд северноафриканских латинских рукописей IV–V вв., например «Codex Giganteus», где «Песнь Богородицы» приписывается Елизавете на основании того, что является непосредственным продолжением её речи [22: 140].

Следующие слова свт. Никиты Ремесианского, на наш взгляд, также говорят о составе утрени: «Следовательно, в Евангелии ты обнаружишь, прежде всего, что Захария, отец великого Иоанна, после долгого сего молчания пророчествовал в гимне. И Елисавета, долго неплодная, получив от обетования сына, не прекращала величить Бога от самой души (Лук. 1, 47). Когда же Христос родился на земле, то воинство ангелов воспевают хвалу, возносит "славу в вышних Богу" (Лук. 2, 13) и возвещает "на земле мир людям доброй воли"». Здесь имеется в виду гимн «Великое славословие». Отметим разночтение в цитате из Лук. 2, 13 с традиционным греческим текстом большинства («*Pax hominibus bonae voluntatis*»). Однако оно подтверждается рядом греческих кодексов и латинской версией Нового Завета [22: 144]. Отметим, что по своему содержанию и литургической позиции утренний гимн «Te Deum», автором которого ряд ученых считает свт. Никиту Ремесианского, мог заменять «Великое славословие».

В трактате упоминается 118-й псалом: «Неся это знание, не презирая служение, угодное Богу, сам Псалмопевец утверждает: "Седьмерицею в день хвалил я Тебя"» (Пс. 118: 164).

На основании прямых и косвенных данных выстраивается следующая схема бдения:

Пс. 140.

Светильничный гимн.

Чтения из Ветхого Завета (паримии).

Пс. 33.

Пс. 118.

Первая Песнь Моисея.

Вторая песнь Моисея.

Песнь Анны.

Песнь Исаии.

Песнь Аввакума.

Песнь Ионы.

Плач Иеремии.

Благословите.

Величит.

Песнь Захарии.

Laudes.

Великое славословие, или *Te Deum*.

Отметим, что эта схема расходится с той, которую выстраивает Р. Тафт [26: 179–181].

Из всех известных чинов данная схема библейских песен [24: 490] ближе всего к иерусалимской традиции, из которой родился девятипесенный канон [6]. Берн в своё время ошибочно назвал её константинопольской. Между тем известно, что в Константинопольском бдении существовал своеобразный «трипеснец» – песнь Ионы, песнь Трёх отроков и песнь Захарии, восходящий к антиохийскому чину и, глубже, к раннехристианской эпохе [20: 17–30].

Как подобная схема проникла на Балканы и, соответственно, в сопредельные варварские земли – дело дальнейших изысканий. Не исключено, что здесь сыграл свою роль такой феномен, как паломничество, который мог стать фактором, влияющим на богослужение. Влияние Иерусалима могло быть прямым либо опосредовано Галлией, из которой отправлялись такие паломники, как блаженная Эгерия, чьи записки дают достаточно обильную информацию об иерусалимском богослужении. На влияние Галлии на балканское богослужение и, в частности, на общины, основанные свт. Никитой Ремесианским, кажется, указывает песнь Иеремии из его Плача.

Возникает вопрос: стихословились ли эти песни все вместе или попеременно? Контекст, кажется, склоняет нас к первому ответу: речь идёт не о ежедневных утренних службах, где возможна *psalmodia*

currens – одна переменная песнь на каждый день недели. Конечно, возможна особая схема для субботнего бдения, где присутствует (или даже доминирует) песнь Ионы, и особая для воскресной службы, однако у нас нет данных для их выделения. Соответственно, можно представить себе, что все эти песни стихословились как минимум во время воскресного богослужения.

В заключение отметим, что трактат «О благе псалмопения» является ценным и до конца не исследованным источником по истории раннехристианского богослужения и вероисповедания, а также просвещения варварского мира – даков, гетов, готов и, возможно, ранних славян.

Никита Ремесианский.

Трактат «О благе псалмопения» («De bono psalmodiae»)

Текстуальная традиция памятника является достаточно надёжной, хотя количество рукописей, содержащих трактат, невелико. Из них надлежит выделить «Ватиканский кодекс» – «Codex Vaticanus» XI–II вв. Он включает в себя т. н. «Библию Фарфа». Среди прочих трактатов стоит указать «Объяснение Флорентия Григория заглавий псалмов», Письмо Флора к Гильдрату аббату и каноны Присциллиана [18: LXXXVII]. Следующая важная рукопись – кодекс из аббатства Кава (недалеко от Салерно) «Codex Cavensis» VIII–IX вв., который был написан в Северо-Западной Испании вестготским письмом. Он вместе с целым рядом лучших чтений содержит значительные лакуны [18: LXXXVIII]. Наконец, значимым является «Парижский кодекс» – «Codex Parisinus» X в., в котором трактат свт. Никиты Ремесианского следует за Энхиридином блаженного Августина, а за ним идёт трактат о блаженствах [18: LXXXVIX]. Все эти рукописи были использованы в издании Берна (*Burn A.E. Niceta of Remesiana, His Life and Works. Cambridge: University Press, 1905. P. 67–82*), по которому сделан настоящий перевод.

1. Кто возвращает обещанное, разрушает долг. Я помню, что, когда говорил о благе и пользе бдений, я обещал рассказать в следующей речи о хвале и таинстве гимнов, что представит, коль даст Бог, настоящая проповедь. Ведь не может найтись для этого время лучше, чем это. Сказано, что ночь провидится сынами света¹, поскольку молчание и покой господствуют благодаря самой ночи, когда совершается то, о чем стремится поведать речь. Принимается поклонение воина, когда он стоит на боевом посту. Единственная подобает морякам песня, когда они погружают вёсла, перемешивающие море. И ныне я обращаюсь к этому собранию, собранному для таинства гимнов, того самого дела, о котором мы говорили выше.

2. Я знаю некоторых, и не только в наших, но и в восточных землях, которые считают пение псалмов и гимнов излишним и совершенно не соответствующим божественной религии. Они считают, что достаточно того, что говорится сердцем, но излишним то, что произносится языком. И приспособливают к этому мнению главу из апостола, ибо он пишет к ефесянам: «Исполняйтесь Духом, говоря себе в псалмах и гимнах, и песнях духовных, в благодати поя и воспевая Богу в сердцах ваших»². Вот, апостол определяет, что в сердцах надлежит петь, не образом козлопения, упиваясь модуляциями голоса, ибо достаточно Богу, Который испытывает сердца, если Он воспевается в тайне сердца. Однако я, подобно тому, как не упрекаю поющих в сердце – всегда полезно размышлять в сердце о том, что Божье – так и похваляю тех, кто голосом прославляют Бога. И прежде чем приведу свидетельства из многих мест Писания³, я вновь потрясую той же апостольской главой, которую многие певцы считают гласом предписания в пользу их пустословия. Ведь апостол ясно говорит: «Исполняйтесь Духом Святым, говоря себе в псалмах»⁴. Я думаю, что он развязал уста наши, и разрешил языки, и губы наши открыл. Ведь человеку невозможно говорить без этих органов. И подобно тому, как отличается жара от холода, так различается молчащий от говорящего. Когда же он говорит: «говоря в псалмах, гимнах и песнопениях», то он не упоминал бы песнопения, если бы он хотел, чтобы глаголющий в псалмах совершенно молчал, ведь молча петь не может никто. А говоря «в сердцах», он убеждал не воспевать одним голосом, без намерения сердца. Подобно тому, как он в другом месте говорит: «Буду воспевать (psallam) духом, буду воспевать и умом»⁵.

Но именно таковы изъяснения еретиков. Ведь когда они в ином слабеют, то тончайшим образом отвергают песнопения. Ибо когда они пророкам противятся и пытаются разрушить пророчества Господа Творца, тогда изречения пророков и более всего небесные песнопения Давидовы стремятся устранить под видом⁶ честного молчания.

3. И мы, дорогие, кто научен как пророческими, так и евангельскими и апостольскими учениями, предложим пред нашими очами их дела и слова, благодаря которым мы являемся тем, чем являемся. И, повторив от начала, насколько приятны Богу духовные песнопения, да прилипем к их творцам. Если же мы спросим, кто из людей первым изобрел сей род песнопений, то не найдём никого другого, как Моисея, который знаменательно воспел песнь Богу⁷, когда Египет был поражён десятью язвами, и фараон потонул, и благодарящий народ вышел чрез неведомые пути моря в пустыню, говоря: «Поим Господи, славно бо прославися»⁸. Ведь это неслучайно вошло в книгу,

название которой «Исследование Авраама», где представляется, что поют и самые животные, и источники, и стихии⁹.

Ведь если бы эта книга была недостоверна, то она не обладала бы никаким авторитетом. Итак, Моисей, вождь колен израильских, первым установил хоры, разделив на два разряда обоих полов, поставив во главе себя и сестру¹⁰, и научил их победной песне, обращённой к Богу. Затем, оказывается, Дебора, весьма известная в Книге Судий женщина, исполняет сие служение¹¹. Сам Моисей, намереваясь покинуть тело, исполнил во Второзаконии страшную песнь¹², которую оставил народу как письменный завет, чтобы Израиль знал себе, какие и каковы несчастья предостоят Израилю, если он отступит от Бога. О, весьма несчастны и достойны жалости те, кто при таком очевидном свидетельстве не желает отречься от недозволенных суеверий.

4. И затем ты найдёшь, что многие, не только мужи, но и жёны, исполненные Божественным Духом, воспевали таинства Бога. Также Давид, который от детства особенно был избран от Господа для сего дара, заслуженно явился и главой певцов, и сокровищем песнопений. Он, будучи ещё отроком, приятно играя на гуслях и мужественно воспевая, подавлял злого духа, действовавшего в Сауле¹³. Не потому, что в его гуслях была такая сила, но потому, что образ креста Христова, каковой таинственно изображается деревом и протяжением жил, а также само воспевавшееся страдание уже тогда подавляли демонский дух.

5. Чего не найдешь ты в его псалмах, что служит для пользы, для созидания, для утешения человеческого рода, для всякого состояния, пола и возраста. В них ребёнок найдёт, чем напиться, отрок – что восхвалить, подросток – чем исправить свою жизнь¹⁴, юноша – чему следовать, старец – что проповедовать. Женщина учится стыдливости. Младенцы находят отца, вдовы – судью, бедные – защитника, беззащитные – стража. Слышат цари и судьи, чего надлежит бояться. Псалом утешает печального, умеряет радующегося, укрощает гневного, возрождает бедного, побуждает богатого отказываться от себя¹⁵. Псалом дарует всем болящим подобающие лекарства и не презирает грешника, но приносит ему оздоровительное средство¹⁶ чрез слёзное покаяние. Провидел, воистину провидел Дух Святой, каким образом жестокие и скучающие сердца с полным чувством и как бы с удовольствием воспримут божественные речения. Ведь человеческая природа бежит сурового и здорового и презирает его и едва воспринимает его, если оно не прельстит его приманкой.

Господь чрез Давида, раба своего, приготовил питьё, сладостное по вкусу чрез потребность и действенное для лечения ран от грехов чрез свою силу. Ведь псалом приятнее слушать, когда он поётся. Он

проникает в дух, когда развлекает. Легко запоминается, когда более часто поётся. И то, что суровость закона не может исторгнуть из человеческих умов, то псалом изымает чрез сладость пения. Ведь то, что восприняли закон, пророки, Евангелия, то в этих песнопениях содержится благодаря приятной сладости для размышляющих.

6. Бог показуется, идолы осмеиваются, вера присоединяется, неверие посрамляется, праведность вводится, беззаконие пресекается, милосердие восхваляется, жестокость обличается, истина взыскуется, ложь проклинается, коварство обвиняется, невинность восхваляется, надменность низвергается, смирение возвышается, терпение проповедуется, мир последующий вводится, против врагов защита полагается, возмездие обещается. И то, что всего превосходнее, Христовы таинства воспеваются. Ведь и рождение Его выражается¹⁷, и отвержение нечестивого народа и наследие язычников именуется¹⁸. Добродетели Господа воспеваются, досточтимая страсть описывается¹⁹, славное воскресение показуется²⁰, седение одесную не умалчивается²¹. Тогда огненное пришествие Господа проявляется²², и ужасный суд над живыми и мертвыми возвещается. Чего же более? Исхождение Духа Творящего и земли обновление открывается, после которого будет праведников вечное царство во славе Господа и нечестивых вечное наказание.

7. Таковы песнопения, которые воспевают Богу Церковь. Таковы они, которые наше собрание исполняют звуком своего голоса. Они не только не возбуждают певца, но скорее ограничивают его. Они не привлекают к роскоши, но скорее погашают её. Посмотри, можно ли сомневаться в том, что и песнопения угодны Богу, где и всё, что совершается, устремлено ко славе Творца. И действительно, тот же пророк побуждает всё и вся ко похвале Бога, всем управляющего. Он говорит: «Всякое дыхание да хвалит Бога»²³ и себя называл хвалителем: «Восхваляю имя Бога моего, когда пою и возвеличу Его во хвале. И угодно будет Богу паче тельца юного с рогами и копытами»²⁴. Вот более выдающееся, вот жертва духовная, большая жертва всех священнодействий. И весьма заслуженно. Если там проливается кровь неразумных животных от самой души и доброй совести, то здесь приносится в жертву разумная хвала. Достойно и Господь говорит: «Жертва хвалы прославит меня, и там есть путь мой, каковой покажу, спасительный Божий»²⁵. «Восхвали Господа в жизни Твоей»²⁶, «принеси жертву хваления»²⁷, и чрез неё показуется в душе твоей путь, каковым ты пойдешь для спасения.

8. Радует Господа хвала, исходящая от чистой совести, как ободряет песнописец: «Хвалите Господа, ибо благ псалом, Богу нашему приятным да будет хваление»²⁸. Неся это знание, не презирая служение,

угодное Богу, сам псалмопевец утверждает: «Седьмерицею в день хвалил я тебя»²⁹. И пространнее нечто глаголет: «И язык, говорит, мой поучится правде Твоей, весь день хвале Твоей»³⁰. Он почувствовал, без сомнения, благодеяние о таковом деле, как он и сам вспоминает: «Хваля, призову Господа и от врагов моих спасусь» (Пс. 17, 4). Таковым доспехом, таковым щитом вооружённый отрок уничтожил сильнейшего великана Голиафа³¹ и часто возвращался с победой над иноплеменниками.

9. Было бы долго, о возлюбленные, если бы я захотел вам рассказывать то, что содержит в себе история псалмов, в особенности когда дело требует донести до вас нечто из Нового Завета для подтверждения Ветхого, чтобы служение псалмопения не казалось неким препятствием, коль скоро, как оказывается, многое из Ветхого Завета было оставлено для соблюдения. Ведь когда плотские вещи были отвергнуты, а именно обрезание, суббота, жертвы, различение пищи, трубы, гусли, кимвалы, тимпаны, всё то, что ныне разумеется в членах человека, и звучит лучше. Прекратились и закончились ежедневные омовения³², а также то, что было необходимо младенцам в течение известного времени³³. А духовные вещи – то есть вера, благочестие, молитва, пост, терпение, благотворительность – скорее увеличились, а не уменьшились.

10. Следовательно, в Евангелии ты обнаружишь прежде всего, что Захария, отец великого Иоанна, после долгого сего молчания пророчествовал в гимне. И Елисавета, долго неплодная, получив от обетования сына, не прекращала величить Бога от самой души³⁴. Когда же Христос родился на земле³⁵, то воинство ангелов воспевае хвалу, возносит «славу в вышних Богу»³⁶ и возвещает «на земле мир людям доброй воли»³⁷. Отроки во храме «Осанна Сыну Давидову»³⁸ восклицали, и у фарисеев от этого в избытке прибывало желчи. Но Господь не закрыл уста невинных, однако, скорее, открыл их, говоря: «Разве вы не читали написанного: “Из уст младенцев и млеко сосущих Ты совершил хвалу”? И если они замолчат, то камни возопиют»³⁹. И, чтобы не длить речь, Сам Господь, врач в словах и учитель в делах, чтобы служение песнопений считалось приятнейшим среди учеников, воспев гимн, взошёл на гору Елеонскую⁴⁰. Кто усомнится в таковом свидетельстве о религии псалмов и гимнов, когда Тот, кто принимает поклонение от небесных сил и воспеваеся ими, оказывается, Сам поёт гимн с учениками.

11. Так же позднее, как известно, делали и апостолы, когда и в темнице не забывали петь псалмы. Посему и блаженнейший Павел говорит ко пророкам Церкви: «Когда вы сходитесь, то каждый из вас имеет псалом, имеет учение, имеет откровение, всё бывает к образованию»⁴¹. И опять-таки в другом месте говорит: «Воспою духом, изреку

псалом и умом»⁴². Так и Иаков в своём послании говорит: «Болен ли кто из вас? Да молится. Весел ли кто? Да поёт псалмы»⁴³. И Иоанн в Апокалипсисе при откровении Духа видел и слышал глас небесного воинства «как бы глас вод многих и громов мощных, говорящих “Аллилуия”»⁴⁴. Поэтому никому не следует сомневаться в таковом служении, если оно совершается с достойной верой и преданностью, соединено с ангелами, каковые постоянно без сна, без иного занятия непрестанно восхваляют Господа в небе и благословляют Спасителя.

12. Если так обстоят дела, братья, то с более полным доверием будем верно исполнять служение песнопений, веруя, что мы последуем за великой, большой благодатью, данной от Бога нам, чтобы со столькими и такими святыми, пророками, а также мучениками воспевать чудеса Вечного Бога. Вместе с Давидом мы исповедуем, что Он благ есть (Пс. 33,7). Вместе с Моисеем мы воспеваем Дух Святой Господний в сих великих песнях (Исх. 15; Втор. 32). С Анной, несущей образ Церкви, некогда бесплодной, ныне плодородной мы утверждаем сердца в хвале Бога⁴⁵. Со Исаией «от ночи утрением»⁴⁶. С Аввакумом псалмопевствуем⁴⁷. С Ионой⁴⁸, с Иеремией⁴⁹, святейшими отцами, молясь, поём. С тремя отроками, как бы стоя в печи и созывая всю тварь, благословим Творца всех⁵⁰. С Елизаветой наша душа величит Господа⁵¹. Что приятнее этого наслаждения? Ведь и псалмами наслаждаемся, и молитвами орошаемся, и находящимися между ними чтениями питаемся. И действительно, подобно тому, как хорошие сотрапезники наслаждаются разнообразием блюд, так и наши души насыщаются многообразными чтениями и изложениями гимнов. Так, дорогие, оставив поверхностные басни, внимательным смыслом и бодрствующим умом воспоим, чтобы угодить Богу. Так нас ободряет псалом, говорящий: «Ибо Царь всей земли Бог, пойте разумно»⁵², то есть с пониманием, чтобы мы пели не только духом, то есть голосом звука, но и умом, и размышляли над тем, что поём, чтобы ум наш, не занятый баснями и чуждыми помышлениями, имел плодородный труд. Звук же или мелодия поётся согласная со святой религией, не та, которая восклицает над трагическими трудностями, но та, которая являет в нас истинное христианство, не та, которая отдаёт чем-то театральным, но та, которая производит раскаяние⁵³ в грехах.

13. Однако и голос всех вас не должен быть несогласным, но согласным, не так чтобы один начинал, а другой заканчивал, но каждому предлагается смиренно включать свой голос в звучание совместно поющего хора, не возвышая извне или начиная как бы для глупого хвастовства издавать неподобающие звуки и не желать нравиться людям. Мы должны все совершать как бы пред лицом Божиим, а не из стремления угождать человекам. Ведь для такового согласия голоса

мы имеем установленную форму, или пример сих трёх блаженнейших отроков, о которых сообщает пророк Даниил, говоря: «Тогда сии трое как бы едиными устами воспели гимн и прославили Бога в печи, говоря: “Благословен еси, Господи, Боже отцов наших”» (Дан. 3, 50). Видите, как для учения полагается то, что три отрока равно восхвалили Бога едиными устами, смиренно и свято. И мы все как бы едиными устами возносим тот же звук псалмов, равно возносим ту же модуляцию голоса. Кто же не может равняться с прочими, лучше ему молчать или петь тихим голосом, чем мешать всем крикливым гласом. Так он и исполнит обязанность служения и не помешает поющему братству. Ведь не всем присуще иметь гибкий или певучий голос. Посему, как мы находим, блаженный Киприан говорил своему Донату, которого он мог знать, ободрял к этому самому дару: «Проведём этот день в радости, и пусть даже час не будет свободным от небесного благодарения. Пусть пир оглашается псалмами, чтобы у тебя была цепкая память и певучий голос. Приблизься к этому дару благодаря нраву, ты больше напитаешь любимых, если у нас будет духовное слушание. Пусть заманивает религиозная сладость, ведь хорошо поющие обладают некоей благодатью, которая побуждает к религии души слушающих⁵⁴.

14. Если же и наш голос будет не оскорбительным или созвучным прекрасно звучащим кимвалам уст, то и нас позабавит, и слушателей наставит. И всё наше хваление будет приятным Богу, Который, как говорится, вселяет единомышленников в дом Свой. Когда же поётся псалом, то поётся всеми, когда совершается молитва, то свершается всеми. Когда же читается чтение, то наступает молчание и равно всеми слушается чтение чтеца и никто другой не мешает крикливыми голосами. И если ты придёшь в храм, когда совершается чтение, то поклонись Господу и, перекрестив лоб⁵⁵, внимательно приклони ухо к слушанию. Достаточно времени молитвы, когда все мы молимся, достаточно, когда хочешь и сколько хочешь молиться частным образом, содержа молитву, чтобы ты не пропустил чтение, ибо не всегда кто угодно может иметь его наготове, когда возможность молитвы является неотложной. Не думай, что от слушания священного чтения рождается малая польза. Ведь сама молитва становится обильнее, когда ум насыщен недавним чтением через образы божественных вещей, о которых недавно слышал, и пробегает эти образы. Ведь и Господним гласом утверждается, что благую часть избрала Мария, сестра Марфы, сидевшая у ног Иисуса, пренебрежённая сестрой, но внимательно слушавшая слово Божие⁵⁶. Посему и диакон звонким голосом наподобие глашатая убеждает всех, чтобы единство сохранялось всеми либо в молитве, либо в коленопреклонении, либо в псалмопении, либо в слушании чтений⁵⁷.

Ибо Бог любит единоплеменных и, как сказано выше, вселяет их в дом свой⁵⁸. И живущие в нём именуются в псалме «блаженными», ибо «во веки веков восхвалят» Господа. Аминь.

Примечания

1. 1 Фесс. 5, 8.
2. Ефес. 5, 18–19.
3. *Instrumentis scripturis*.
4. Ефес. 5, 18.
5. 1 Кор. 14, 15.
6. *per colorem*
7. Исх. 15, 1–20.
8. Исх. 15, 1.
9. По-видимому, неизвестная апокрифическая книга.
10. Исх. 15, 18.
11. Суд. 5.
12. Втор. 32.
13. 1 Царств. 16, 21–22.
14. Пс. 118, 9.
15. Сходные мысли мы находим у свт. Василия Великого, а также у св. Иоанна Златоуста.
16. Буквально «здорово вносит» – *salubriter ingerit*.
17. Пс. 2, 7; 109, 3.
18. Пс. 47, 1; 97, 2.
19. Пс. 21.
20. Пс. 15.
21. Пс. 109, 1.
22. Иметь судить Вселенной в правду. Пс. 9, 8.
23. Пс. 150, 6.
24. Пс. 68, 31, 32.
25. Пс. 49, 23.
26. Пс. 145, 2.
27. Евр. 13, 15.
28. Пс. 147, 1.
29. Пс. 118, 164.
30. Пс. 34, 28.
31. 1 Царств. 17.
32. Буквально «крещения» – *baptismata*.
33. Вероятно, имеется в виду обрезание.
34. На Западе в IV–V вв. существовала традиция приписывать «Величит» не Деве Марии, а праведной Елисавете.
35. Буквально «в землях» – *in terris*.

36. Лук. 2, 14. Этот стих является началом «Великого славословия». Последовательность гимнов «Величит», песни Захарии и «Великое славословие» здесь вряд ли случайна. Скорее всего, имеется в виду последовательность гимнов на утрени.

37. *Bonaе voluntatis*. Здесь мы видим разночтение с традиционным греческим текстом большинства. Однако это чтение подтверждают ряд греческих кодексов и латинская версия.

38. Мф. 21, 15.

39. Мф. 21, 16.

40. Мф. 26, 30.

41. 1 Кор. 14, 26.

42. 1 Кор. 14, 15.

43. Иак. 5, 13.

44. Откр. 19, 6.

45. 1 Царств. 2, 2–11.

46. Ис. 26, 9.

47. Аввакум 3.

48. Иона 2.

49. Вероятно, Плач Иеремии, глава 5, стихи 1–22. Песнь заимствована из галликанского чина.

50. Дан. 3, 52–88.

51. Лук. 1, 46. Базируется на неправильном прочтении «et dixit Elisabeth».

52. Пс. 46. 8.

53. Буквально «уязвление» *compunctionem*.

54. Киприан. К Донату. 16.

55. *Praesignata fronte*. В древней церкви существовал обычай пальцем совершать крестное знамение на лбу.

56. Лук. 10, 38.

57. По-видимому, речь идёт о последней стадии службы – о ектении после отпуска оглашённых и кающихся, типа нашей «Исполним вечернюю молитву нашу...».

58. Пс. 67. 7.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Августин*. Исповедь. М.: Канон+, 2003. 300 с.
2. *Василий Великий*. Творения. М.: Издательство Сойкина, 1911. Т. 1. 644 с.
3. *Василий Великий*. Письма. М.: Издательство Московского подворья Свято-Троице-Сергиевой лавры, 2007. 559 с.
4. *Василик В.В.* Апостол румынских земель (К географии миссионерской деятельности свт. Никиты Ремесианского) // Древняя и новая Рومания. 2018. Т. 22. С. 21–29.
5. *Василик В.В.* Никита Ремесианский и этнорелигиозные процессы в Балкано-Карпатском регионе (святитель Никита Ремесианский и его трактат «О различных именах Христа» – исследование и перевод) // Русин. 2018. Т. 51, вып. 1. С. 47–62.
6. *Василик В.В.* Происхождение канона: история, богословие, поэтика. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 320 с.
7. *Захаров Г.В.* Церкви Иллирика в IV в. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. 421 с.
8. Латински извори на историята на България. София: Издательство на Академия, 1958. Т. 1. 656 с.
9. *Максимович К.А.* Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII в. (Юридические тексты). М.: Языки славянских культур, 1998. 592 с.
10. *Никон Черногорец*. Пандекты. М.: Единоверческая типография при Свято-Троицкой Введенской церкви, 1889. 816 л.
11. *Попович Р.* Рано хришчанство на Балкану. Београд, 1995. 300 с.
12. *Скабалланович М.А.* Толковый Типикон. Вступительная глава. Киев: Типография Акционерного общества печатного и издательского дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1910. 493 с.
13. *Augustinus*. Confessio. Patrologiae cursus completus. Series Latina. Lutetia Parisiorum, 1860. Т. 32.
14. *Basilius Magnus*. Homiliae // Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Lutetia Parisiorum, 1860. Т. 31. Col. 5–206.
15. *Basilius Magnus*. Epistulae // Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Lutetia Parisiorum, 1860. Т. 32.
16. *Baumstark A.* Nocturna laus: Typen frühchristlichen Vigilienfeier und ihr Fortleben vor allem im römischen und monastischen Ritus. Münster, 1956. 300 p.
17. *Blasen Philippe*. Nicetas of Remesiana – A Missionary Bishop in Dacia? // Studia Universitatis Babeş-Bolyai Theologia catholica. 2012. № 1–2. P. 39–49.
18. *Burn A.E.* Niceta of Remesiana, His Life and Works. Cambridge: Cambridge University Press, 1905.
19. *Mateos J.* L'office monastique à la fin du IVe siècle // Oriens Christianus. 1963. Bd. 47. S. 53–83.
20. *Mateos J.* Quelques problemes de l'Orthros byzantin // Proche Orient Chretien. 1961. Vol. 11. P. 17–35.
21. *Mathisen Ralph W.* Barbarian Bishops and the Churches // Barbaricis Gentibus During Late Antiquity // Speculum. 1997. Vol. 72, № 3. P. 664–697.
22. Novum Testamentum Graece / ed. by Nestle E.-Aland K. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1993. 690 p.

23. Popovic R. The missionary and evangelical work of St. Niceta of Remesiana // Boiovic. 2006. S. 67–85.
24. Schneider H. Die biblischen Oden seit dem 6 Jh. // Biblica. 1949. T. 30. S. 28–65, 239–272, 433–452, 479–500.
25. Soroceanu A. Niceta von Remesiana. Seelsorge und Kirchenpolitik im spätantiken unteren Donauraum. Wien: Universitaet Wien, 2013. 100 s.
26. Taft R. The liturgy of hours. The Liturgy of the Hours in East and West: The Origins of the Divine Office and Its Meaning for Today. Liturgical press, 1986. 421 p.
27. Turner C. Niceta of Remesiana II. De psalmodiae bono. Introduction. Text // Journal of Theological Studies. April 1923. P. 224–250.

REFERENCES

1. Augustine. (2003) *Ispoved'* [Confession]. Translated from Latin. Moscow: Kanon+.
2. Basil of Caesarea. (1911) *Tvoreniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Soikin.
3. Basil the Great. (2007) *Pis'ma* [Letters]. Moscow: Moscow Courtyard of the Holy Trinity-Sergius Lavra.
4. Vasilik, V.V. (2018a) Apostle of Rumanian lands. (About geography of missionary activity of St. Niceta of Remesiana). *Drevnyaya i novaya Romaniya*. 22. pp. 21–29 (in Russian).
5. Vasilik, V.V. (2018b) Nicetas of Remesiana and ethno-religious processes in the Balkan-Carpathian region (St. Nicetas of Remesiana and his treatise "On the Different Names of Christ" – research and translation). *Rusin*. 1(51). pp. 47–62 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/4
6. Vasilik, V.V. (2006) *Proiskhozhdenie kanona: Istoriya. Bogoslovie. Poetika* [Origin of the Canon: History. Theology. Poetics]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
7. Zakharov, G.V. (2012) *Tserkvi Illirika v IV v.* [Churches of Illyria in the 4th century]. Moscow: PSTGU.
8. Gerov, B. (ed.) (1958) *Latinskie izvori za b'lgarskata istoriya* [Latin sources for Bulgarian history]. Vol. 1. Sofia: Institute of Bulgarian History.
9. Maksimovich, K.A. (1998) *Pandekty Nikona Chernogortska v drevnerusskom perevode XII v. (Yuridicheskie teksty)* [Pandects of Nikon Montenegrin in the Old Russian translation of the 12th century. (Legal texts)]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
10. Nikon of the Black Mountain. (1889) *Pandekty* [Pandects]. Moscow: Typography of One Faith's Community at the Church of Introduction of Our Lady into the Temple.
11. Popovic, R. (1995) *Rano khristianstvo na Balkanu* [Early Christianity in the Balkans]. Belgrade: [s.n.].
12. Skaballanovich, M. (1910) *Tolkovyy Tipikon. Vstupitel'naya glava* [Explanatory Typicon. The Introductory Chapter]. Kyiv: N.T. Korchak-Novitsky.

13. Augustinus. (1860) *Confessio. Patrologiae cursus completus*. Vol. 32. Lutetia Parisiorum.
14. Basilius Magnus. (1860) *Homiliae. Patrologiae Cursus Complectus. Series Graeca*. Vol. 31. Col. 5–206
15. Basilius Magnus. (1860) *Epistulae. Patrologiae Cursus Complectus. Series Graeca*. Vol. 32.
16. Baumstark, A. (1956) *Nocturna laus: Typen frühchristlichen Vigilienfeier und ihr Fortleben vor allem im römischen und monastischen Ritus*. Münster: [s.n.].
17. Blasen, Ph. (2012) Nicetas of Remesiana – A Missionary Bishop in Dacia? *Studia Universitatis Babeş-Bolyai Theologia Catholica*. 1–2. pp. 39–49.
18. Burn, A.E. (1905) *Niceta of Remesiana, His Life and Works*. Cambridge: University Press.
19. Mateos, J. (1963) L'office monastique à la fin du IVe siècle. *Oriens Christianus*. Vol. 47. pp. 53–83.
20. Mateos, J. (1961) Quelques problemes de l'Orthros byzantine. *Proche Orient Chretien*. Vol. 11. pp. 17–35.
21. Mathisen, R.W. (1997) Barbarian Bishops and the Churches. *Barbaricis Gentibus During Late Antiquity. Speculum*. 72(3). pp. 664–697.
22. Nestle, E. & Aland, K. (ed.) (1993) *Novum Testamentum Graece*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.
23. Popovic, R. (2006) The missionary and evangelical work of St. Niceta of Remesiana. In: *Boiovic*. pp. 67–85.
24. Schneider, H. (1949) Die biblischen Oden seit dem 6 Jh. *Biblica*. 30. pp. 28–65; 239–272; 433–452; 479–500.
25. Soroceanu, A. (2013) *Niceta von Remesiana. Seelsorge und Kirchenpolitik im spätantiken unteren Donauraum*. Vienna: Universitaet Wien.
26. Taft, R. (1986) *The Liturgy of the Hours in East and West: The Origins of the Divine Office and Its Meaning for Today*. Liturgical press.
27. Turner, C. (1923) Niceta of Remesiana II. De psalmodiae bono. Introduction. Text. *Journal of Theological Studies*. April. pp. 224–250.

Василик Владимир Владимирович – доктор исторических наук, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Vladimir V. Vasilik – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: v.vasilik@spbu.ru

УДК 930

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/3

Значение сочинений Дмитрия Кантемира для западной просветительской историографии (на примере рукописи «История Турции» XVII в.)

Д.М. Элезович

Приштинский университет

Сербия, 38220, г. Косовска-Митровица, ул. Филипа Вишница

E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs

Авторское резюме

Рассматривается вопрос оценки творчества Дмитрия Кантемира западноевропейскими писателями на примере рукописи «История Турции», написанной анонимным автором на французском языке в XVIII в., которая хранится в архиве городской библиотеки Берна. Кантемир был не только видным государственным деятелем и дипломатом, но и одним из самых образованных людей Восточной Европы того времени. Прожив в Константинополе более двадцати лет, вначале он посещал духовную школу, затем изучал историю, философию, литературу, искусство, теологию и древние языки, выучив, таким образом, восемь языков. Его работы, высоко ценившиеся в России, привлекли внимание и на Западе и использовались европейскими историками в качестве источников. Будучи выдающимся ученым и дипломатом Восточной Европы, Дмитрий Кантемир заслужил признание своих западноевропейских современников-писателей, которые исключительно высоко ценили его труды. Известно, что историки эпохи Просвещения, как и более поздних периодов, использовали сочинения Кантемира, признавая их высокую значимость. Предметом нашего анализа является как раз одна такая история, которая до настоящего момента не была в центре внимания сколько-нибудь серьезной научной проработки. Так, работа Кантемира «История возвышения и упадка Оттоманской империи» указана в рукописи «История Турции» как один из её основных источников и цитируется в нескольких местах текста.

Ключевые слова: Дмитрий Кантемир, историография, Просвещение, «История Турции», XVIII в.

The role of Dmitry Kantemir's writings for the Western educational historiography (a case study of the manuscript "The History of Turkey" of the 18th century)

D.M. Elezovic

Filip Visnic Street, Kosovska Mitrovica, 38220, Serbia

E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs

Abstract

The article uses a case study of the manuscript *The History of Turkey* written by an anonymous author in French in the 18th century and kept in the Bern City Library archives, to discuss West European writers' evaluation of Dmitry Kantemir's works. Dmitry Kantemir was not only a prominent political leader and diplomat, but also one of the most educated people in Eastern Europe of his time. When living in Constantinople, he attended a theological school, then studied history, philosophy, literature, art, theology, and ancient languages (he knew eight languages). Highly regarded in Russia, his writings attracted attention in the West and were used as sources by European historians. As an outstanding scientist and diplomat in Eastern Europe, Dmitry Kantemir earned the recognition of his Western European contemporaries as well as historians of later periods, who highly appreciated his works. This article analyses one historical plot, which has not been in the focus of scholarly studies so far: Kantemir's *History of the Growth and Decay of the Ottoman Empire* is mentioned as one of the main sources in the manuscript *The History of Turkey* and repeatedly quoted there.

Keywords: Dmitry Kantemir, historiography, Enlightenment, History of Turkey, 18th century.

Историографический труд Дмитрия Кантемира (1673–1723), господаря Молдавского княжества, российского государственного деятеля, учёного и историка, остаётся предметом внимания исследователей начиная с тех времён, когда он творил. Актуальны его работы и по сей день. Дмитрий был вторым сыном господаря Константина Кантемира. Он, будучи неграмотным, умел только подписываться, но позаботился об образовании своих сыновей Дмитрия и Антиоха, которые изучали историю, теологию, а также греческий, латинский, славянский и молдавский языки [8: 34–35].

Виктор Цвиркун, ведущий эксперт по творчеству и личности Дмитрия Кантемира, пишет, что, обучаясь в Духовной академии в Константинополе, юноша впитал в себя, с одной стороны, утончённую мудрость, многообразие и колорит Востока, с другой – учёную книжность, энциклопедические познания и рациональную логику Запада. Вот почему Цвиркун называет его первым европейским интеграционистом. Он был пионером в создании фундаментальных трудов по политической, социальной и духовной истории Османской империи, которые на протяжении целого столетия служили настольными книгами для нескольких поколений европейских учёных. Вместе с тем его работы на многие десятилетия вперед определили направления, методы и содержание научных исследований европейской школы ориентализма. В то же время в российской историографии Кантемир впервые появился как исследователь ислама, обогатив европейскую науку новыми знаниями о Ближнем Востоке, а также внёс неоценимый вклад в развитие музыкальной культуры Османской империи. У него родилась идея создать первое собрание музыкальных произведений турецких авторов конца XVII в. [7: 4].

В. Цвиркун пишет, что учёные пытаются восполнить пробелы в биографии и творчестве Дмитрия Кантемира, в связи с чем в архивах проводятся новые исследования. Поэтому в своей книге о Кантемире он сосредоточил внимание на идее о том, чтобы помочь исследователям легче изучить этот вопрос [7: 17]. В нашей статье мы вносим свой скромный вклад в его усилия, представляя архивные данные по оценке сочинений Дмитрия Кантемира в западной просветительской историографии.

В соответствии с этим цель нашей работы – показать на новом примере, насколько велик был интерес западных учёных XVIII в. к творчеству Дмитрия Кантемира, которые ценили его труды и использовали их как источники для историописания. Будучи выдающимся историком и дипломатом Восточной Европы, Кантемир заслужил признание своих современников-западноевропейских писателей, которые давали его трудам исключительно высокую оценку. Известно, что историки эпохи Просвещения, как и более поздних периодов, использовали и цитировали сочинения Кантемира.

Творческое наследие Дмитрия Кантемира продолжает интересовать исследователей не только Молдавии и Румынии, но и многих других европейских стран. Этот учёный является ярким примером представителя раннего Просвещения, иногда называемого в литературе Предпросвещением, т. е. периода с середины XVII до середины XVIII в. [5: 6]. Спустя столетие после смерти Дмитрия Кантемира

Михаил Схенда включил его литературный портрет в свою галерею выдающихся деятелей русского общества первой четверти XVIII в. [7].

Творя в преддверии эпохи Просвещения, Дмитрий Кантемир был известен в Западной Европе благодаря своей книге «История возвышения и упадка Оттоманской империи», написанной на латыни, которая была опубликована после его смерти на английском языке в 1734 г., на французском – в 1743 г. и на немецком – в 1745 г. Он также написал философско-богословский труд «Разговор или спор мудреца с миром», опубликованный в Яссах в 1698 г., и работу на латинском языке «*Sacrosanctae scientiae indepingibilis imago*» («Неописуемый образ святой науки»), переведенную на румынский язык и напечатанную также после его смерти. Он был одним из первых историков, предсказавших неминуемое падение Османской империи, видя в России великую силу, которая освободит Молдавию от турецкого рабства. Он систематизировал прошлое в двух важных работах: «*Descriptio Moldaviae*» («Описание Молдавии», 1716 г.) и «*Hronicul vechimii romano-moldovlahilor*» («Древние романо-молдаво-влашские хроники», 1717 г.). Немаловажны и его труды «*Incrementa atque decrement Aualae Othomanicae*» («История возвышения и упадка Оттоманской империи», 1719 г.) и «Историческое, географическое и политическое описание Молдавии». Историческое наследие Д. Кантемира характеризуется обширными и фундаментальными исследованиями, которые опирались на сравнение и критику, продолжая тенденции европейского Просвещения на Востоке [4: 625].

Книги Кантемира путешествовали с Востока на Запад и способствовали большему пониманию европейских народов. В ежеквартальном издании «*Bibliothèque Germanique*», выпускавшемся с 1720 г. в Амстердаме, он описывался как «очень ученый господин с большими заслугами». Два десятилетия спустя «*Le Journal Universel*», выходивший в Гааге, представил «Историю Османской империи» как величайший исторический труд. Впервые в университетских центрах Германии он стал известен благодаря журналу «*Göttingische Zeitungen von Gelehrten Sacheri*». Хотя с научной точки зрения «История Османской империи» представляет собой лишь сборник комментариев из анналов турецкой истории, именно данная работа Кантемира принесла ему известность [4: 628].

Виктор Цвиркун пишет, что исследование сочинения «История возвышения и упадка Османской империи» Кантемира (использованного анонимным автором при написании «Истории Турции») получило новый импульс благодаря изысканиям Вирджила Кынди и Паула Черноводяну. Особое внимание они уделили подготовке к научному изданию философских, исторических и литературных

произведений Дмитрия Кантемира, освещению его роли и вклада в изучение истории и культуры исламской цивилизации. Их заслугой также является попытка изучения и описания процесса формирования философских и общественно-политических взглядов Кантемира в контексте европейской и османской научной традиции конца XVII – первой четверти XVIII в. Вирджил Кындя обнаружил латинскую рукопись «История возвышения и упадка Османской империи» в библиотеке Гарвардского университета и определил, что это последняя авторская редакция данного фундаментального труда [6]. Остается неизвестным, какой вариант был использован анонимным историком при написании «Истории Турции», хотя можно предположить, что это было издание 1743 г. на французском языке.

«История Турции», являющаяся предметом нашего интереса, была создана в XVIII в., в то время, когда в Западной Европе процветало производство научной печатной продукции. Начиная с Гутенберга, а в особенности в XVI в., печатное дело на Западе получало всё большее распространение. Несмотря на то, что всё ещё сохранялись рукописи, созданные в форме небольших эссе и исследований, имелись и более обширные труды, такие как «История Турции», о которой здесь идёт речь. Автор использовал в сочинении целый список работ, описывающих историю османов от Средневековья до XVIII в. [1: 1–4]. Анализ рукописи «История Турции» убедительно свидетельствует о том, что неизвестный автор прямо цитировал Дмитрия Кантемира в хронике по различным историческим вопросам чаще других. Слова Кантемира приведены в четырёх местах хроники, а остальных авторов – не более одного раза, как в случае с английским историком Полом Рикаутом (1629–1700) и греком Панайотисом Никуссиосом (1613 или 1621–1673). Аноним использовал работы нескольких авторов, которые он указал в качестве источников во введении и в заключении, но напрямую он не цитировал. Это историки Лаоник Халкокондил (1430–1464), Ханс Каудир (начало XVI в. – 1579), Майкл Портер (1710–1776), Луиджи Фердинандо Марсильи (1658–1730) и Питер Бузенель (1705–1765) [1].

Эрнст Брайзах пишет о том, что просветители использовали старые хроники и результаты работы интеллектуалов и в меньшей степени лично занимались исследованиями в архивах. Недалеко продвинулась и критика исторических источников: для них все они были одинаково важны, и среди историков-отличных рассказчиков было заметно отсутствие элементарной критики [2].

«История Османской империи» Кантемира является одним из наиболее важных источников, который анонимный историк исполь-

зовал при работе над своим сочинением. В рукописи 205 страниц, написанных на французском языке. Первая часть объёмом в 85 страниц посвящена краткой истории Османской империи (XIV–XVIII вв.). Анонимный автор концептуализировал свой труд в хронологическом порядке, начиная с появления османов на исторической вертикали в 1300 г. Это произошло примерно тогда, когда бейлик под властью Османа I стал играть более важную роль на исторической сцене, а Византия начала ослабевать. В указанный период бейлик под властью османов начал расширяться и угрожать безопасности византийских границ. Этот период рассматривается в рамках наступления османов и расширения их государства на Балканском полуострове, когда под их власть попали сербские земли, затем Болгария и, наконец, когда Византийская империя была сведена к Константинополю и его окрестностям. Первый период истории Османской империи анонимный автор завершает падением Константинополя в 1453 г., т. е. временами Мехмеда II [1: 4–20].

Второй период, выделенный анонимным автором, – от попадания Константинополя под власть Османской империи до смерти султана Сулеймана в 1566 г. Он обозначил его как время укрепления и расширения Османской империи, когда она стала одной из самых могущественных империй в мире и переживала экономический и политический подъём. Анонимный историк определяет этот период в первую очередь как время, когда османам удалось создать угрозу имперской Вене после захвата ими огромных территории от Египта и Багдада до Венгрии, когда Османская империя стала активно участвовать в европейской политике, заключив союз с Францией и соперничая за влияние со Священной Римской империей и итальянскими республиками [1: 21–46].

Третий период автор ограничил временем между концом правления Сулеймана Великолепного и Белградским миром в 1739 г. Он описывает его как время, когда Османская империя начала понемногу стагнировать. Этот процесс ускорился в XVII и XVIII вв. Аноним завершает свою рукопись Белградским миром и возвращением Османской империей себе территорий, утраченных ранее в соответствии с положениями Пожаревацкого мира.

Рукопись была написана после 1739 г., вероятно, даже после 1743 г., когда был опубликован французский перевод «Истории Османской империи» Кантемира. Это подтверждается тем фактом, что анонимный историк писал на французском языке и использовал работу Дмитрия Кантемира в качестве источника [1: 47–85].

В четырёх местах рукописи анонимный историк прямо цитирует учёного. Одним из таких примеров являются его наблюдения за

Кандийской войной (1645–1669), для анализа событий которой он использовал сочинение Кантемира [1: 57].

Далее в кратком обзоре анонимный автор описывает отношение Османской империи во времена Сулеймана Великолепного к Молдавскому княжеству [1: 36]. Так, он цитирует Дмитрия Кантемира, говоря о доходах империи, составлявших в XVIII в. около 15 млн дукатов. Они особенно выросли в годы правления султана Мехмеда IV (1648–1687). Сочинение Кантемира было незаменимым и при описании церемонии возведения султана на османский трон и некоторых особенностей, сопровождавших эту практику в определённые периоды [1: 110–111].

Один из самых интересных вопросов, по поводу которого анонимный автор цитирует Дмитрия Кантемира, – это вопрос о равенстве, предлагавшийся османским обществом. У турок не было привилегий для людей аристократического происхождения, им не был свойствен существовавший в других странах обычай, согласно которому представители голубых кровей обладали какими-либо преимуществами. Они настаивали на равенстве и считали, что личные способности и успех конкретного человека должны быть выше его происхождения. Аноним цитирует Дмитрия Кантемира, отметившего, что в этом отношении выделялся только знатный род Кеprüлю, который породил великих визирей и стал элитарным благодаря уважению, которое снискал у народа [1: 103].

Как мы уже подчёркивали, анонимный автор хроники использовал в качестве источников большое количество историографических работ учёных Востока и Запада. Дмитрий Кантемир был тем автором, которого он цитировал чаще, чем других, показав тем самым, насколько высоко в XVIII в. ценилась работа этого просветителя из Восточной Европы.

Известно, что работа Кантемира позволила любому учёному Европы эпохи Просвещения познакомиться с подробностями возникновения Османской империи, происхождением османского рода и представить истинные факты, исправляя ошибочные. Эти аспекты объясняют большой интерес представителей Запада к его работе [4: 627].

В своей «Истории Османской империи» Дмитрий Кантемир описывает правление султана, даёт хронологию событий и обширную информацию о географии, учреждениях и обычаях великих исторических личностей. Простого описания ему недостаточно, и он представляет свои идеи в форме личных размышлений, настаивая, например, на различных общих аспектах османской культуры, на важности устной традиции в законодательной деятельности Сулей-

мана Великолепного. Он сообщает об отсутствии у османов крупных университетов и ограниченном количестве образованных людей [3].

Издания «Истории Османской империи» Кантемира всегда привлекали внимание учёных, и в предисловии к одному из последних, подготовленному и опубликованному в 1973 г., говорится об отголо-сках его сочинений в XVIII в. Обзор и предисловие к этому изданию написали ведущие османисты современности – Халил Иналджик и Роберт Мантран [4: 920–921].

В заключение мы подтверждаем вывод о том, что Дмитрий Кантемир как один из величайших историков Восточной Европы своего времени был высоко ценим западноевропейскими просветительскими кругами ученых. Об этом свидетельствует и рукопись «История Турции» XVIII в., вышедшая из-под пера неизвестного автора и хранящаяся в архиве городской библиотеки Берна. В этой рукописи «История возвышения и упадка Османской империи» Кантемира указана как один из основных источников, использованных автором при её написании. В своём тексте аноним цитировал Дмитрия Кантемира чаще, чем всех других историков, чьи работы он также использовал. Это доказывает, что к работам Дмитрия Кантемира часто обращались историки эпохи Просвещения и что существует ещё много подобных примеров использования его работ, неизвестных до настоящего времени, которые хранятся в архивах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Archiv und Handschriftenbibliothek Burgerbibliothek Bern, Schweiz. Mss.h.h.VII.161, «Histoire de l'Empire Turc». 205 s.

2. *Брајзах Е.* Историографија. Београд, 2009. 643 с.

3. *Dutu A., Cernovodeanu P.* Dimitrie Cantemir, historian of South East European and oriental civilizations, Extracts from The history of the Ottoman Empire. Bucharest, 1973. 359 p.

4. *Поповић В., Пуја-Бадеску М.* Димитрије Кантемир – претеча источноевропске просветитељске историографије, Језици и културе у времену и простору: тематски зборник. 6. ур. Снежана Гудурић, Биљана Радић-Бојанић. Нови Сад, 2017. С. 621–630.

5. *Рыженков М.Р.* Дмитрий Кантемир и его документальное наследие в Российском государственном архиве древних актов // Восточный архив. 2012. Т. 25, № 1. С. 6–13.

6. *Цвиркун В.И.* Дмитрий Кантемир и его эпоха: Историографические итоги и перспективы изучения. URL: <http://www.historia.ru/2016/01/2016-01-tsverkun.htm> (дата обращения: 24.03.2020).

7. *Цвиркун В.И.* Димитриј Кантемир: Страницы жизни в письмах и документах. СПб., 2010. 430 с.

8. Шорников П.М. Участие Дмитрия Кантемира в тайной войне против Османской империи // Русин. 2008. Т. 11–12, № 1–2. С. 34–48.

REFERENCES

1. Anon. (n.d.) *Histoire de l'Empire Turc*. Archiv und Handschriftenbibliothek Burgerbibliothek. Bern, Switzerland. Mss.h.h.VII.161.
2. Breisach, E. (2009) *Istoriografija*. Belgrade: Clio.
3. Dutu, A. & Cernovodeanu, P. (1973) *Dimitrie Cantemir, historian of South East European and oriental civilizations. Extracts from "The History of the Ottoman Empire"*. Bucharest: Association internationale d'études du Sud-Est européen.
4. Popovic, V. & Puja-Badescu, M. (2017) Dimitrije Kantemir – pretecha istochnoevropske prosvetitel'ske istoriografije. In: Guduric, S. & Radic-Bojanic, B. (eds) *Jezitsi i kulture u vremenu i prostoru*. Vol. 6. Novi Sad: Faculty of Philosophy. pp. 621–630.
5. Ryzhenkov, M.R. (2012) Dimitriy Kantemir and his documentary heritage in the Russian state archive of the ancient acts. *Vostochnyy arkhiv – Oriental Archive*. 25(1). pp. 6–13. (In Russian).
6. Tsvirkun, V.I. (2016) *Dmitriy Kantemir i ego epokha: Istoriograficheskie itogi i perspektivy izucheniya* [Dmitry Kantemir and his era: Historiographic results and prospects of study]. [Online] Available from: <http://www.historia.ru/2016/01/2016-01-tsvirkun.htm> (Accessed: 24th March 2020).
7. Tsvirkun, V.I. (2010) *Dimitriy Kantemir: Stranitsy zhizni v pis'makh i dokumentakh* [Dimitry Kantemir: Pages of life in Letters and Documents]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
8. Shornikov, P. (2008) Uchastie Dmitriya Kantemira v taynoy voyne protiv Osmanskoy imperii [The participation of Dmitry Kantemir in the secret war against the Ottoman Empire]. *Rusin*. 1–2 (11–12). pp. 34–48.

Элезович Далибор Милорадович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Приштинского университета (Сербия).

Dalibor M. Elezovic – University of Pristina (Serbia).

E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs

УДК 745.51+736.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/4

Мистецтво різьблення як один із проявів національного та культурного відродження лемків-русинів (кінець XIX – перша третина XX ст.)

Р.В. Одрехівський

Національний лісотехнічний університет України

Україна, 79057, м. Львів, вул. Ген. Чупринки, 103

E-mail: odre2010@ukr.net

Авторське резюме

Метою статті є показати, як у кінці XIX – першій третині XX ст. у русинів на Лемківщині внаслідок нових історичних та соціальних умов відбулося національне та культурне відродження. Збільшилась кількість замовників творів різьблення та меморіальних споруд із числа емігрантів, промислових працівників. Стає помітною роль меценатів. Відновили свою діяльність курорти у містах Івоніч, Риманів, Криниця та ін. Традиційне у цих краях мистецтво різьблення по дереву та каменю у результаті цього досягло свого апогею у розвитку.

Утворилися династії майстрів із відроджених традиційних русинських мистецьких ремесел. Мистецтво різьблення розвивалося у руслі національних традицій церкви східного обряду. У творах дереворізби, меморіальних споруд лемківські майстри демонстрували свою русинську національну ідентичність завдяки написам кирилицею, хрестам із іконографією східного обряду тощо у оточенні іноетнічних сакральних культур.

Ключові слова: Лемківщина, русини, національне відродження, різьблення, хрест.

Искусство резьбы как одно из проявлений национального и культурного возрождения лемков-русинов (конец XIX – первая треть XX в.)

Р.В. Одрехивский

Национальный лесотехнический университет Украины,
Украина, 79057, г. Львов, ул. Ген. Чупрынки, 103
E-mail: odre2010@ukr.net

Авторское резюме

Цель статьи – показать, как в конце XIX – первой трети XX в. у русинов Лемковщины вследствие новых исторических и социальных реалий произошло национальное и культурное возрождение. Увеличилось количество заказчиков произведений резьбы и мемориальных сооружений из числа эмигрантов и работников промышленности. Стала заметной роль меценатов. Возобновили свою деятельность курорты в городах Ивонич, Риманов, Криница и др. Традиционное в этих краях искусство резьбы по дереву и камню достигло в развитии своего апогея. Образовались династии мастеров возрождённых традиционных русинских художественных ремёсел. Искусство резьбы развивалось в русле национальных традиций церкви восточного обряда. В произведениях резьбы по дереву и мемориальных сооружениях лемковские мастера демонстрировали свою русинскую национальную идентичность посредством надписей кириллицей, крестов с иконографией восточного обряда и т.д. в окружении иноэтнических сакральных культур.

Ключевые слова: Лемковина, русины, национальное возрождение, резьба, крест.

The art of carving as a manifestation of the national and cultural revival of the Lemkos-Rusins (the late 10th – first third of the 20th century)

R.W. Odrekhivskyi

Ukrainian National Forestry University
103 Hen. Chuprynky Street, Lviv, 79057, Ukraine
E-mail: odre2010@ukr.net

Abstract

The article aims at showing the national and cultural revival of the Rusins in Lemkivshchyna in the late 19th – first third of the 20th century. The revival was brought about by new historical and social realities, including the increased number of emigrants and industrial workers who ordered carvings and memorial structures, a growing role of patrons and resumed activities of such resorts cities as Ivonic, Rimanov, Krinitsa and others. The traditional art of wood and stone carving reached its developmental apogee in these regions. Dynasties of artisans practicing the revived traditional Rusin crafts were formed. The art of carving developed in line with the national traditions of the Eastern rite church. The Lemko artisans demonstrated their Rusin national identity in woodcarving and memorial structures through Cyrillic inscriptions, crosses with oriental ritual iconography, etc., surrounded by other ethnic sacred cultures.

Keywords: Lemkivshchyna, Rusins, national revival, carving, cross.

Лемківщина – прекрасний край лісів та гірських потоків. Тут здавна проживали скромні талановиті працьовиті люди, здібні до музикальних, танцювальних, пластичних, словесних та інших мистецтв. В будній день лемки працювали на своєму ґрунті, у полі, випасали худобу, займалися ремеслом. Ґрунти в горах малородючі, тому художнім ремеслам як джерелу прибутку приділялось багато уваги – різьбленню, ткацтву, вишивці та ін. І постали у цьому краю прекрасні ошатні церкви, оздоблені іконостасами та іншими художніми витворами, а навколишній простір перехресть, обабіч доріг наповнився капличками та різними різьбленими символами-фігурами.

На сьогоднішній день Лемківщина знаходиться на території трьох держав: окремі райони західної частини Закарпатської області в Україні, Пряшівщина у Східній Словаччині та південні райони Підкарпатського та Малопольського воєводств Республіки Польща.

У наш час відродження національної самосвідомості, зростання популярності туристичних маршрутів виникає необхідність у збереженні та реставрації творів лемківського мистецтва у церквах, музеях, на цвинтарях. Тому темудослідження мистецтва різьблення як яскравого та оригінального прояву лемківської культури вважаємо актуальною.

На межі XIX та XX ст. у краї розпочався період національного відродження русинів. Окремі згадки про цей бурхливий період знаходимо у працях класика лемкознавства Ю. Тарновича [6; 7]. Його праці відіграли важливу роль для подальших наукових досліджень. У радянський період серед лемків-переселенців в Україні цю естафету перехопив відомий лемкознавець та історик І. Красовський [1; 2].

Окремі питання відродження культури та мистецтва русинів на Лемківщині піднімав у своїх працях Р. Одрехівський [4], зокрема і у контексті національного відродження русинів в Галичині [3]. Зазначимо, що багато уваги історії та етнографії лемків-русинів приділяли і польські науковці, зокрема, класик польської етнографії Р. Райнфус [9].

Однак у працях науковців майже не приділено уваги тому, що період кінця XIX – першої третини XX ст. – особливий період національного відродження русинів по обох схилах Карпат. Метою нашої статті є на основі методів системності, історизму та логічності розпочати дослідження про мистецтво різьблення як один із проявів національного та культурного відродження лемків-русинів. А також дослідити його значення у розвитку культури регіону.

Мета дослідження визначає головні його завдання: охарактеризувати соціально-економічні умови життя лемків-русинів даного періоду; обґрунтувати причину піднесення у розвитку пластичних мистецтв на Лемківщині у кінці XIX – першій третині XX ст., зокрема, різьблення; показати розвиток мистецтва різьблення як один із проявів національної самосвідомості русинів регіону.

У даний період національне відродження охопило усіх русинів Галичини. Це відобразилося у мистецтві, особливо у художньому різьбленні із виникненням національного стилю [3: 100–101].

У другій половині XIX ст. на галицькій Лемківщині відбулися великі економічні зміни – господарство трансформувалося із тваринницько-землеробського в землеробсько-тваринницьке. Це призвело до різкого зменшення поголів'я худоби. Однією із причин цього була заборона пасти худобу в панських лісах [10: 3]. В кінці XIX – на початку XX ст. лемківські емігранти відіграли значну роль в духовному житті свого родинного краю. «При значній або цілковитій допомозі лемка-емігранта, – відзначає Ю. Тарнович, – повстали майже всі новіші церкви на українській Лемківщині. Приходські доми, школи, громадські та народні доми, читальні – все те будовано за гроші лемка-емігранта.

Дорогі церковні книжки, золоті чаші, павуки, свічники, фелони, хоругви, безліч великих дзвонів, на цвинтарях гарні пам'ятники – хрести, придорожні каплички і хрести – це також придбав лемко-емігрант» [6: 185–186].

У містах розвивалась промисловість, збільшувалась кількість міського населення та заможних людей-промисловців, потенційних покупців сувенірних різьблених виробів та замовників сакрального та меморіального різьблення. Одночасно із цим розвивалися і розширювалися курортні місця відпочинку. Так, в 1856 р. був відбудований і заново відкритий курорт у місті Криниця [8: 111]. В останній третині XIX ст. були відкриті курорти в Риманові, у 1876 р. – в Івонічу [8: 111].

Друга половина XIX ст. характерна хвилею національного пробудження серед лемків-русинів обох схилів Карпат – як північних, так і південних. Позитивну роль серед розсіяних груп русинського народу відіграла праця члена «Руської трійці» Я. Головацького «Розправа о язиці южноруськім і єго наріччях» (1849) [5: 26–27]. Факт пробудження національної самосвідомості у лемків-русинів у другій половині XIX ст. підтверджують також відомі польські учені, як, наприклад, Р. Райнфус [9: 120].

Все це сприяло відродженню та розвитку традиційного для русинів мистецтва різьбярства. У навколишніх із промисловими та курортними місцями Вільці, Балутянці, Криниці різьбленням розпочали займатися цілі сім'ї. Тут виробляли дерев'яні палиці, скриньки, попільниці, удекоровані різьбленням, круглі скульптури тощо [4: 111–136.]. Саме із цих сіл походять відомі різьбярські династії Котів, Кишчаків, Одрехівських, Орисиків, Шалайдів, Сухорських та ін. [4: 111–136].

Стає помітною роль меценатів. Так, власник земель навколо м. Риманова граф Станіслав Потоцький та його дружина Ганна у 1878 р. відкрили у м. Риманові школу для навчання різьбярства та столярства, до якої приймали здібних до мистецтва хлопців із навколишніх сіл. Продукцію, що її виготовляли учні, реалізовував місцевий кіоск. Третю частину виручених коштів повертали учням, решту використовували на утримання учнів, платню учителям, закупівлю матеріалів, знарядь праці тощо. Але із смертю С. Потоцького школа припинила своє існування [1: 99–100].

Факт (хоч і короткого) існування цього навчального закладу мав велике позитивне значення – він згуртував кращих мистців, надав поштовх для подальшого розвитку різьбярства русинів. Як зазначає Ю. Тарнович, «... в кожному селі на Лемківщині є свої майстри, що з дерева роблять ложки, мисники, шапки з полицками на кухонну посуду, рами для образів, дерев'яні ліхтарні, стільниці, валки до прасування білля, праники, терлиці... різьблять-вирізають колотушки, мотовила,

кружілки до роблення масла, діжки та інше для свого вжитку й свого села» [7: 141].

Одним із найвизначніших майстрів русинського різьблення у дереві на Лемківщині є, безперечно Михайло Орисик (1885–1946) [4: 114–118, 226]. Найвідомішим із його творів є «Лемко-русин» (1930-ті рр). Автор виконав декілька версій цієї композиції. Одна із них широко відома у науковій літературі і неодноразово публікувалася [5: 17, іл. 2]. Ми віднайшли у приватній збірці у Польщі один із варіантів виконання композиції «Лемко-русин», ілюстрація якого не була ніде опублікована. На ній зображений русин у національному строї із палицею (рис. 1). Ця композиція – це не тільки образ, а й

Рис. 1. Лемко-русин. Різьбяр Михайло Орисик. Дерево. Початок 30-х рр. XX ст. Фото Р. Одрехівського. 1993 р.

символ русина того часу. Адже це повернення до свого, русинського, у епоху, коли поширення відносно дешевого і безликого промислового одягу призвело до поступового занепаду традиції виготовлення у селах національного свого одягу та інших народних ремесел.

У цей час в Горлицькому та Ясельському повітах (у міжвоєнний час – територія Польщі), у селах Бортне, Перегонина, Бодаки, Перегримка та ін., виникли великі центри каменярства. Розвивалося воно, як і різьба по дереву, на основі давніх місцевих вікових традицій [4: 87–111]. Тут теж утворились цілі сімейні різьбярські династії Дутканичів, Феленчаків, Циркотів та ін.

Каменярські русинські меморії представляють переважно хрести на підставках. Хрести бувають без прикрас або із рослинними чи геральдичними доповненнями. Особлива група христів становлять хрести із розп'яттям. Велика кількість лемківських христів виконана із трьома перемичками, що свідчить про відношення до церкви східного обряду. Адже західна церква не має традицій таких христів.

Один із найдавніших таких хрестів – це хрест із входу до цвинтаря із Бортного із 1879 р. (рис. 2). Більшість хрестів підписані кирилицею – ознака національної самосвідомості у відношенні до свого, русинського шрифту.

Зазначимо, що логос лемківського хреста відігравав важливу роль у цей період. Наприклад, про велику етнічну самосвідомість лемків промовляє кам'яний надгробний хрест із розп'яттям із Мацини Великої із 1921 р. На його постаменті викарбуваний напис «Тут спочиває лемко Пиш» (рис. 3). Логос цього напису зацентрований ще тим, що у композиції немає більше жодного епістолярію: ані традиційного картушу над верхньою перемичкою із написом «ІН ЦІ», ані якихось інших знаків. Логос промовляє із характерною для лемківського хреста небагатослівністю та конкретністю. Як і личить у традиції лаконічних, але віруючих горян-лемків: коротко, але вразливо, зрозуміло і всеохоплюючи. У цьому вся аксіологія та весь сакрум питання – донести святі та зрозумілі речі коротко, небагатослівно та лаконічно.

Ще одна риса хрестів із розп'яттям, які свідчать про національні русинські особливості церкви східного обряду, це зображення хреста із закінченнями – кожен у вигляді трилисника. Як, наприклад, хрест із розп'яттям із Пантної Горлицького повіту із 1901 р. (рис. 4).

Це було важливе визнання русинської національної самосвідомості на Північній Лемківщині в співіснуванні із представниками західної латинської церкви, де не було ні хрестів із трьома перемичками, нижній із яких символізує підніжжя Голгофи, ані хрестів

Рис. 2. Хрест із Бортного із 1879 р. Фото Р.Одрехівського. 2019 р.

Рис. 3. Хрест із написом «Тут спочиває Лемко Пиш» із 1921 р. Мацина Велика. Фото Р.Одрехівського. 1993 р.

із кінцями у вигляді трилисника, ані написів, виконаних кириличним шрифтом.

Отже, період кінця XIX – першої третини XX ст. – епоха піднесення у розвитку мистецтва і культури русинів на Лемківщині. У значній мірі цьому сприяли історичні та соціальні умови, проаналізовані вище: відновлення діяльності громадських організацій, ріст промисловості у великих містах, відкриття мистецьких шкіл, відновлення курортів – місць для оздоровлення. Це призвело до відродження культурного розвитку, розквіту мистецтв, зокрема, різьблення по дереву та каменю. Прикладом цього є наведені вище меморії – і хрест із Бортного, і хрест із Мацини Великої, і хрест із Пантної. Ці мистецькі пам'ятки свідчать про високий мистецький рівень, національне, культурне та релігійне відродження лемків-русинів. Варто підняти питання про створення музеїв-лапідаріумів кам'яної скульптури для кращого збереження пам'яток.

У перспективах подальших досліджень необхідно дослідити інші види мистецтва як прояв національного відродження лемків-русинів: народну ікону, хорову музику, танці тощо. Адже це була епоха великих здобутків у нашої русинській культурі.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Красовський І.* Народне різьбярство лемків // Дзвін. 1991. № 7. С. 99–100.
2. *Красовський І., Солинко Д.* Хто ми, лемки... Львів: Редакційно-видавничий відділ обласного управління по пресі, 1991.
3. *Одрехівський Р.В.* Мистецтво різьблення і передумови становлення дизайну просторово-предметного середовища в Галичині // Художня культура. Актуальні проблеми. 2020. № 16. Частина 1. С. 98–102. DOI: 10.31500/1992-5514.16.2020.205243
4. *Одрехівський Р.В.* Різьбярство Лемківщини. Львів: Сполом, 1998.
5. *Паньків В.М.* Лемківські майстри різьби по дереву. Київ: Видавництво Академії архітектури Української РСР, 1953.
6. *Тарнович Ю.* Ілюстрована історія Лемківщини. Львів: Накладом видавництва «На сторожі», 1936.
7. *Тарнович Ю.* Лемківщина. Матеріальна культура. Краків: Українське видавництво, 1941.
8. *Darmochwał T.* Beskid Niski Polski i Słowacki. Białystok: Agencja reklamowa «Hot», 1993.
9. *Reifuss R.* Śladami Łemków. Warszawa: Kraj, 1990.
10. *Stefanowski P.* Ogólna charakterystyka regionu Łemkowskiego // Biuletyn zarządu wojewódzkiego PTTK. Łódź, 1976. NIX-X.

REFERENCES

1. Krasovsky, I. (1991) Narodne riz'byarstvo lemків [Lemko folk carving]. *Dzvin*. 7. pp. 99–100.
2. Krasovsky, I. & Solynko, D. (1991) *Khto mi, lemki...* [Who are we, Lemkos...]. Lviv: Redaktsiyno-vidavnychiy viddil oblasnogo upravlinnya po presi.
3. Odrekhiivskiy, R. (2020) The Art of Carving and Preconditions of Establishment of Spatial and Object Design in Galicia. *Khudozhnya kul'tura. Aktual'ni problemi – Artistic Culture. Topical Issues*. 16(1). pp. 98–102. (In Ukrainian). DOI: 10.31500/1992-5514.16.2020.205243
4. Odrekhiivskiy, R. V. (1998) *Riz'byarstvo Lemkivshchini* [Carving of Lemkivschyna]. Lviv: Spolom.
5. Pankiv, V.M. (1953) *Lemkivs'ki maystri riz'bi po derevu* [Lemko masters of woodcarving]. Kyiv: Vidavnistvo Akademii arkhitekturi Ukraïns'koï RSR.
6. Tarnovych, Yu. (1936) *Ilyustrovana istoriya Lemkivshchini* [Illustrated History of Lemkivshchyna]. Lviv: Na storozhi.
7. Tarnovych, Yu. (1941) *Lemkivshchina. Material'na kul'tura* [Lemkivschyna. Material Culture]. Kraków: Ukraïns'ke vidavnistvo.
8. Darmochwał, T. (1993) *Polish and Slovak Low Beskids*. Białystok: Hot.
9. Reifuss, R. (1990). *In the footsteps of the Lemkos*. Warsaw: Kraj.
10. Stefanowski, P. (1976). General characteristics of the Lemko region. *Biuletyn zarządu wojewódzkiego PTTK*. XIX-X.

Одrehivський Роман Васильевич – доктор искусствоведения, профессор кафедры дизайна Национального лесотехнического университета Украины (Украина).

Одrehivський Роман Васильович – доктор мистецтвознавства, професор кафедри дизайну Національного лісотехнічного університету України (Україна).

Roman W. Odrekhiivskiy – Ukrainian National Forestry University (Ukraine).

E-mail: odre2010@ukr.net

УДК 94(477.8).03

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/5

Феномен движения трезвости в Буковине и Хотинском уезде Бессарабской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: евроатлантическая, русинская, русская модели

Б.П. Савчук¹, Г.В. Билавич²

Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника
Украина, 76018, г. Ивано-Франковск, ул. Т. Шевченко, 57

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Авторское резюме

Раскрывается исторический опыт развития движения трезвости во второй половине XIX – начале XX в. в Буковине, которая в то время входила в состав монархии Габсбургов, где имела статус коронного края Герцогство Буковина, и в Хотинском уезде Бессарабской губернии Российской империи. Показаны особенности историографии исследуемой проблемы, которая отражена в работах общественно-политического, историко-этнографического, этнодемографического характера. Определены три основные группы предпосылок и факторов, которые обусловили возникновение и характер развития движения трезвости в Буковине и Хотинщине: этносоциальная структура, социально-экономическое положение населения; традиционно-бытовая культура русинов; алкогольная политика государства; высокий уровень развития пьянства и др. Охарактеризованы особенности трёх организационно-идеологических моделей развития движения трезвости. Первая – евроатлантическая – проявилась в возникновении и разных формах деятельности обществ и братств трезвости в США и странах Европы. Вторая – русинская (галицко-буковинская) – проявилась в Герцогстве Буковина в деятельности обществ и братств трезвости, которые организовывали присяги трезвости, «проводы водки», установление «крестов трезвости», безалкогольные свадьбы, другие семейные и общественные торжества. Показана деятельность «апостолов трезвости», прессы и других общественных институций в этом направлении. Третья модель – русская – проявилась в функционировании

на Хотинщине попечительств о народной трезвости, которые открывали чайные-читальни, библиотеки, проводили просветительскую работу. Проведён комплексный сравнительный анализ сути и особенностей этих моделей.

Ключевые слова: Буковина, русины, пьянство, движение трезвости, алкогольная политика, попечительства о народной трезвости.

The phenomenon of temperance movement in Bukovina and Khotyn District of Bessarabia Province in the second half of the 19th – early 20th centuries: Euro-Atlantic, Rusin, and Russian models

B.P. Savchuk¹, G.V. Bilavych²

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University
57 Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Abstract

The article outlines the historical experience of the temperance movement development in the second half of the 19th – early 20th centuries in Bukovina, which at that time was part of the Habsburg monarchy as the Duchy of Bukovina with the status of the crown land, and in Khotyn District of Bessarabia Province of the Russian Empire. The historiography of the problem under study is fragmentarily reflected in socio-political, historical-ethnographic, and ethno-demographic writings. The authors have identified three main groups of prerequisites and factors determining the temperance movement in Bukovina and Hotynshchyna: the ethno-social structure and socio-economic situation of the population; the traditional everyday culture of the Rusins; the alcohol policy of the state; high level of drunkenness, etc. The article carries out a comprehensive comparative analysis to describe three organizational and ideological models of the temperance movement development. The first – Euro-Atlantic – manifested itself in various forms and activities of temperance associations and societies in the United States and European countries. The second – Rusin (Galician-Bukovinian) – manifested itself in the activities of the temperance associations and societies in the Duchy of Bukovina, which organized oaths of sobriety, “farewell to vodka”, “crosses of sobriety”,

alcohol-free weddings and other family and social celebrations. The activity of the “apostles of sobriety”, the press and other public institutions is shown. The third – Russian – model related to the guardianship for people’s sobriety in Khotyn region, which opened tea-reading rooms and libraries and carried out educational work.

Keywords: Bukovina, Rusins, drunkenness, temperance movement, alcohol policy, guardianship for people’s sobriety.

Производство и потребление крепких напитков более 10 тыс. лет сопровождают развитие человеческой цивилизации. Эта проблема приобрела всеобъемлющий, универсальный характер, т. к. охватывает все сферы жизни общества (экономику, социальные отношения, культуру, образование) и касается каждого человека, что проявляется в его мировосприятии, социальном положении, образе жизни, психофизиологическом состоянии.

Интересы государства и гражданского общества, касающиеся производства и потребления алкоголя, должны быть общими, ведь моральное и физическое здоровье, безопасность и свобода человека являются высшей ценностью цивилизованного общества. Но в исторической ретроспективе и современных реалиях они не всегда совпадают. Алкоголь был и остается важным источником пополнения бюджета государства, которое не всегда ведет сбалансированную политику между стимулированием его производства и ограничением потребления в интересах граждан. Государственные меры регулирования и контроля за реализацией крепких напитков часто носят формальный характер, игнорируются органами местной власти и самоуправления ради пополнения своих бюджетов. Алкоголь был и остается важным источником обогащения для разного рода предпринимателей, торговцев, посредников, контрабандистов. В таких условиях именно гражданское общество в виде добровольных церковных и светских объединений мобилизовало здоровые силы на борьбу с пьянством, которое разлагало людей, несло нищету, моральную и физическую деградацию.

С таких позиций значительный научный и общественный интерес представляет исторический опыт развития движения трезвости в Буковине и Хотинщине во второй половине XIX – начале XX в. Оно стало ответом имперской политике наращивания производства алкоголя и спаивания населения края. Его характер и особенности в значительной степени обуславливаются геополитическим положением Буковины, которая в географическом отношении охватывает территорию между средним течением Днестра и Карпатским хребтом в долинах верхнего течения Прута и Серета. В указанный период она входила в

состав двух государственно-политических систем. Как составляющая монархии Габсбургов в 1849–1918 гг. имела статус коронного края Герцогство Буковина (нем. Herzogtum Bukowina) площадью 10,4 тыс. км². Хотинский уезд (почти 4 тыс. км²) с 1812 г. по Бухарестскому мирному договору входил в состав Бессарабской губернии Российской империи. При такой территориальной раздвоенности русины были открытыми к общественным и культурным влияниям Запада, России, а также Галиции, находившейся под властью Габсбургов.

Историография исследуемой проблемы имеет ряд особенностей. Она нашла фрагментарное отражение в современных работах, посвященных общественно-политической жизни края (Е. Валявская [8], А. Добржанский [20] и др.), в частности, в специальных публикациях по этой теме В. Ботушанского [2]. Не потеряли научно-познавательного значения и работы Г. Купчанко [31; 32], В. Навроцкого [39], И. Франко [56] и др., появившиеся в XIX в., где борьба против пьянства рассматривается сквозь призму алкогольной политики государства. Эти вопросы фрагментарно освещаются в работах М. Гредингера [11], И. Кукурина и Е. Никулиной [33], А. Манастырского [34], А. Мендельсона [35] и др. Они посвящены «кабацкому делу» в России. Традиции употребления алкоголя русинами Буковины и другие проблемы их этнокультуры отражены в трудах по этнографии (Р. Кайндль [28; 64], Г. Кожоляно [30], И. Побережник [46] и др.), этнодемографии (И. Монолатий [38], А. Скорейко [51], С. Суляк [52]). Работы о деятельности попечительств о народной трезвости в Российской империи ученых РФ (А. Гаврилов, О. Букреева [7], А. Керзум, А. Соловьёв и др.) и Украины (Л. Дубровина, В. Соколов [53], Т. Соломонова, С. Шуклина и др.) отражают их общие и различные взгляды по этому вопросу.

Однако в предложенном нами ракурсе представленная проблема в историографии не рассматривалась. Считаем, что именно три обозначенные модели – евроатлантическая, русинская (галицко-буковинская) и российская (на Хотинщине) – отражают феномен развития движения трезвости в Буковине во второй половине XIX – начале XX в. Его аналог трудно найти в истории монархии Габсбургов, Российской империи, других стран Европы.

Предлагаем такой концептуальный подход и логику рассмотрения поднятого вопроса: определение предпосылок и факторов, обусловивших возникновение и характер развития движения трезвости в Буковине; обсуждение этапов, форм, тенденций его развертывания на трех уровнях: общеевропейском, региональном (Герцогство Буковина, Хотинщина), локальном (уезд, город, сельская община). Необходимые основания для этого дают разнообразные источники (материалы архивов, статистики, прессы, антиалкогольная литература и др.).

Возникновение и развертывание движения трезвости в Буковине в исследуемый период определяли три группы факторов: этносоциальная структура и социально-экономическое положение населения края; традиционно-бытовая культура русинов; алкогольная политика государства.

С 1880 по 1910 г. численность населения Герцогства Буковина выросла с 568,5 до 795 тыс. чел. За это время удельный вес русинов в его структуре снизился с 42,2 до 38,4 %, но они оставались доминирующей этнической общностью по сравнению с румынами (34,4 % по состоянию на 1910 г.), немцами (21,2 %), евреями (12,9 %), поляками (4,6 %) и др. Около 89 % русинов были заняты в сельском хозяйстве, причем аграрный пролетариат составлял 27 %. В промышленности работало всего 3 % русинов, в торговле и транспорте – 2,3 %; т. н. свободные профессии (учителя, юристы, врачи и т. д.) представляли 5,4 % [38; 51; 61; 64].

Около 88 % румын также были заняты в аграрном секторе, но среди них был большой процент землевладельцев, военнослужащих, ремесленников. Численность евреев в Герцогстве Буковина в 1846–1910 гг. выросла в 9 раз, до 96,2 тыс. чел. Они монополизировали мелкую торговлю, в т. ч. алкоголем, и активно влияли на производство водки и пива как предприниматели и арендаторы. Немцы способствовали развитию пивоварения в крае как владельцы и работники предприятий, а также как торговцы пивом.

Иную этносоциальную структуру имел Хотинский уезд. На рубеже XIX–XX вв. его население достигло 308 тыс. чел., из них русины составляли 53,2 %, молдаване – 23,4 %, евреи – 15,6 %, русские – 5,8 %, поляки – 0,7 %, немцы – 0,2 %. Среди двух численно доминирующих сообществ преобладало крестьянство (95 %), в т. ч. числе безземельное (25 %)¹ [38; 52; 64].

Исследуя вопрос потребления алкоголя в исторической ретроспективе, ученые определили важную закономерность: чем ниже экономические позиции и социальный статус определенных слоев населения, тем выше среди них был уровень пьянства. Они в большей степени склонны к употреблению крепких напитков (водка, ром) и разной браги. Эти напитки наносят больший вред здоровью, чем слабоалкогольные (вино, пиво). «Престижное» потребление алкоголя и постмодернистский стиль жизни были более характерны для городских, чем сельских жителей [29; 58: 7–8; 63].

Значительное влияние на потребление алкогольных напитков имели этнокультурные традиции, обычаи, ментальные установки русинов Буковины. Историко-этнографические работы свидетельствуют о высокой степени присутствия алкогольных напитков, прежде всего

водки, в их укладе жизни, обычаях, семейной (свадебной, родильной, крестильной, поминальной) и календарной обрядности [30–32; 46; 61; 64]. Такую ситуацию сквозь призму народных представлений отразил журнал «Русская правда» (1888 г., ноябрь): большая привязанность к рюмке в крае проявляется при каждой возможности – при «плохой еде» (пищеварении); при рождении ребенка; помолвке, свадьбе, крестинах, похоронах; в начале и по окончании хозяйственных работ (вспашка, сев, кошение, молотьба); при постройке дома, хлева, копании колодца; при продаже и покупке; при проводах в армию, на заработки; при посещении гостей; на каждый праздник; при ухаживании и ссорах; для лечения всевозможных болезней; на выборах в общественный совет, краевой сейм, парламент; по любому другому поводу или без повода.

Ментальное восприятие алкоголя как средства социальной коммуникации, удовольствия, спутника всякого общественного и частного дела отражают памятники народного творчества. Они свидетельствуют, что пьянство как «временное» явление часто оправдывалось «злой судьбой» (водка как «средство утешения и успокоения»), но осуждалось, если грозило здоровью, сохранению имущества, трудовой деятельности. Всё это является важным фактором и фоном, которые определяли масштабы потребления алкоголя и организацию борьбы с данным социальным явлением.

Третьим весомым фактором влияния на эти процессы стала алкогольная политика господствующих государственных систем. Учёные определяют ее как «ответ общества на потери, которые наносит ему алкоголь», как совокупность правовых, экономических и физиологических факторов, обуславливающих доступность алкоголя обывателю и др. Во всех случаях эта политика предполагает государственный контроль за производством и реализацией алкоголя (монополия, налоги), меры по уменьшению его употребления (образование, пропаганда), устранение последствий пьянства и т. п. [29; 48; 58; 63; 65; 67].

Алкогольная политика монархии Габсбургов во второй половине XIX – начале XX в. прошла сложную эволюцию от феодально-барщинных порядков к цивилизованным правилам капиталистического рынка со свободной конкуренцией. Ее особенности в Буковине и Галиции были связаны с пропинацией – монопольным правом помещиков производить в своих поместьях водку и пиво, которые в принудительном порядке предлагались крестьянам. За это они отработывали дополнительную барщину или платили специальные налоги, а потом употребляли этот «очень необходимый продукт» [56: 495–500].

Согласно патенту о ликвидации барщины от 7 сентября 1848 г., практика принудительной покупки крестьянами водки и пива отменялась, но право на их производство и продажу осталось неурегулированным, что позволяло бывшими пропинаторам получать сверхприбыли. Только в мае 1876 г. приняли краевой закон, согласно которому производство алкоголя объявлялось «свободным занятием», продавать его могли мелкие торговцы на закрепленных за ними «пропинационных территориях». С 1911 г. исключительное право на производство и розничную торговлю алкоголем было передано краевой администрации и городским магистратам. Принятые имперским правительством в 1891, 1905, 1909 гг. нормативные акты детально регулировали развитие т.н. гостевого кабацкого промысла [49: 51–63].

В соответствии с имперским законодательством по видам реализации алкоголя шинки (кабаки) делились на три группы: «водочные», «пивные», «винные». При попустительстве центральной власти нормы, регулировавшие их численность по количеству населения, не выполнялись органами краевой администрации. Как следствие, в 1880–1890-х гг. численность кабаков на территории Герцогства Буковина колебалась в пределах 2,2–2,3 тыс. Согласно официальной статистике, одно такое заведение приходилось на 296 жителей края (в монархии Габсбургов – на 259 чел.). Это в 1,7 раза превышало официально установленные нормы для городов и в 2,7 раза для сёл (один кабак должен был приходиться на 500 и 800 жителей соответственно) [59; 60].

Во многих местностях, где большинство населения составляли русины, ситуация была еще хуже. Согласно донесению органов полиции, в 1904 г. в 24 селах Кицманского уезда (42,7 тыс. чел.) было 89 кабаков по продаже водки, 91 – пива, 12 – вина, т. е. одно такое заведение приходилось на 222 чел., включая женщин, детей, стариков. Подобная картина выявлена и в других уездах: в Вижницком – 130 кабаков на 48,1 тыс. жителей (один – на 370 чел.), в Черновицком – 413 – на 107 тыс. (один – на 258), в Заставнівском – 155 – на 50,7 тыс. (один – на 327) [17]. Изучая этот вопрос, И. Герасимович утверждал, что в крае есть общины, где один кабак приходится на сто и меньше жителей [10].

Правящие круги не были заинтересованы в сокращении объемов реализации алкоголя как важного источника пополнения государственного и краевого бюджетов. Поэтому, игнорируя нарушения в этой сфере, они всячески способствовали развитию гостевого кабацкого промысла. Как следствие, с 1854 по 1912 г. численность винокурен на территории Герцогства Буковина увеличилась с 32 до 66, а объемы производимого ими алкоголя – с 24 до 74 тыс. галлонов спирта в год (1 галлон – 4,54 л) [2: 29–30; 49: 68–70].

Всё это способствовало росту потребления крепких напитков и распространению пьянства. Численность населения края в 1854–1910 гг. увеличилась в 1,4 раза, а потребление алкоголя – в 2,3 раза, что составляло 8,9 л чистого спирта или 22,2 л 40-градусной водки на одного жителя. При этом потребление пива составляло 8–12 л, вина – 1,5–2 л на душу населения. По этим параметрам Буковина была близка к показателям России (17 л водки, 8 л пива, 3 л вина), но отличалась от США (8 л водки, 47 л пива, 3 л вина), а также Германии (13, 107 и 6 л соответственно), Франции (12, 22 и 103 л) и других европейских стран [2: 29–30; 49: 65–67].

Особенность ситуации состояла в том, что суммарно объемы потребления алкоголя (водки, пива, вина) русинами Буковины были меньше, чем во многих европейских странах, но уровень его алкоголизации был выше. Причины такого парадокса ясны. Во-первых, по сравнению с пивом и вином потребление водки наносит больший психофизиологический вред человеческому организму и имеет более негативные социальные последствия. Во-вторых, официальная статистика не отражала масштабов потребления «подлой» водки, которой, по утверждению экономистов того времени, продавалось в Буковине и Галиции больше, чем «доброй» 40-градусной. Для изготовления фальсификата шинкари использовали разные «рецепты», когда, например, к 100 л водки добавляли такой же объем смеси извести, перца, табака и др. Этой брагой они спаивали доверчивых русинов [39: 24].

Общий уровень алкоголизации населения был достаточно высоким. В 1901 г. в Черновицком уезде на официальном учете как зависимые от алкоголя состояли 636 чел., в Сторожинецком – 754 чел., треть из них составляли женщины. Согласно официальным данным, на 1 тыс. чел. приходилось 35–40 алкозависимых, хотя на Антиалкогольной конференции в Черновцах (1901 г.) утверждалось, что в реальности эти показатели были в 2–4 раза выше [66: 260].

Пьянство в сочетании с ростовщицеством и различными способами «кредитования» стало важным фактором обнищания русинов Буковины. Материалы прессы свидетельствуют о распространении т. н. алкогольной задолженности, когда через «водочный долг» крестьяне были вынуждены отдавать шинкарям собранный урожай и продукты питания, а нередко орудия труда и скот. Обнародовались многочисленные факты, когда целые общины, где преобладали «состоятельные и трезвые хозяева», на протяжении нескольких лет оказывались в нищете из-за того, что «спаивались жидами», которые «за проданную водку» присваивали земельные наделы и целые хозяйства [1; 41]. «Коммерсанты» нагло обманывали доверчивых крестьян, взимая за

долги гораздо больше денег, продуктов, имущества, чем суммы, потраченные на водку. Например, в с. Неполокивци Кицманского уезда шинкарь Блошницер за дешевую «брагу на свадьбу» потребовал «пару хороших волов» и сразу продал их на ярмарке в Черновцах за 150 золотых, что в несколько раз превышало позаимствованную сумму [36].

Пьянство способствовало ухудшению криминогенной ситуации в Буковине. Анализируя это явление, социологи утверждали, что попытка получить деньги на водку и ее неумеренное употребление были причиной большинства «сознательных» и «несознательных» уголовных преступлений, административных правонарушений и аморальных поступков [23; 24].

Употребление алкоголя пагубно сказывалось на физическом здоровье русинов и моральном климате в общинах. Пресса фиксировала множество тому примеров: в с. Бряза шинкарь Гинсбрунер «сознательно споил Пантелея Типуляка до такой степени», что в «черновицкой больнице ему констатировали полное помутнение рассудка от водки» [21]; арестованный в состоянии полного опьянения Петр Мендрак так и не пришел в себя и умер в полицейском участке [42]; в с. Новые Мамаевцы пьяная потасовка на свадьбе закончилась смертью юноши [40]; пребывая в нетрезвом состоянии, хозяин Порайко в с. Широцы, «не осознавая свои действия», поджег собственный дом [6] и т. п.

Ситуацию усугубляло отсутствие элементарных знаний о пагубном воздействии алкоголя на человеческий организм. Это ярко проявилось в отношении его употребления детьми. В буковинских и галицких семьях еще в начале XX в. сохранялся обычай давать детям водку, в чистом виде или разведенную, для «улучшения аппетита», «чтобы не плакали», при отравлениях и в других случаях [49: 70–73].

Многие общественные деятели утверждали, что рост пьянства стал реальной угрозой для сохранения генофонда русинов Буковины [12; 25]. Очевидно, ситуацию не следует драматизировать, но такое положение дел подтверждают и результаты научных исследований. Польский историк и этнограф Н. Губильски отмечал, что в конце XIX в. во многих местностях Галиции и Буковины треть и более жителей совсем не употребляли алкоголь или делали это изредка. Однако таких общин было значительно меньше, чем тех, где употребление крепких напитков стало нормой жизни [61: 143–144].

Обозначенные предпосылки предопределили характер противодействия злоупотреблению алкоголем. Это вылилось в сложный многоаспектный процесс, который в общественном лексиконе и научных исследованиях обозначают как «движение трезвости», «антиалкогольная борьба». Распространенный подход, согласно которому

они отождествляются с противодействием алкогольной политике государства, не совсем корректен, поскольку оно также публично декларирует отрицательное отношение к пьянству и осуществляет контроль, ограничительные меры по производству, реализации и потреблению алкоголя, ведет пропаганду здорового образа жизни и т. п.

Исходя из реалий, можно определить два основных вектора движения трезвости в Буковине во второй половине XIX – начале XX в. Первый – государственно-правительственный – проявлялся в реализации официальной законодательной и административной политики, касавшейся контроля и ограничения производства, реализации и потребления алкоголя. Второй – общественно-самодеятельный – имел два направления (церковно-религиозное и светское) и стал главной силой в искоренении пьянства.

Публично разделяя европейские ценности и опыт регулирования алкогольной политики, правительственные круги монархии Габсбургов предпринимали меры по регулированию производства и торговли алкоголем, а также контроля за его качеством и потреблением. Это проявилось в принятом 19 июля 1877 г. специальном законе для Королевства Галиции и Лодомерии и Герцогства Буковина, который запрещал «побуждать людей к пьянству» в публичных местах, кабаках, трактирах (заезжих домах), на улицах; давать водку в кредит, если должник не рассчитался по предварительным обязательствам, и т. п. Лицам, которые трижды наказывались за пьянство, уездные власти могли запретить в течение года посещать питейные заведения. За нарушение закона пьяницам угрожал арест до одного месяца или штраф в размере 50 золотых, а шинкари могли лишиться лицензий [22].

Принятые после отмены права пропинации правительственные распоряжения 1853, 1855, 1858 гг. и новый антиалкогольный закон 1881 г. регламентировали условия открытия питейных заведений (отдаленность от школы и церкви не менее чем на 300 м, согласие общины, пропорции относительно численности населения и т. п.), а также запрещали продажу спиртных напитков в ночное время и ограничивали время работы кабаков в субботние, воскресные и праздничные дни. За их нарушение грозили штраф до 200 крон, арест до 14 дней, другие меры наказания [13; 57: 122–124].

Выполнение этих и других нормативно-правовых актов откровенно игнорировали и органы власти, и посетители кабаков, и их владельцы. Ярким тому подтверждением служит помещенный в «Черновицкой газете» (*Czernowitzer Zeitung*) от 28 апреля 1885 г. отчет управления жандармерии Герцогства Буковина, согласно которому в 1884 г. от сельских управ поступило более 2 тыс. заявлений о нарушении анти-

алкогольного законодательства, однако к ответственности привлекли только 41 чел.

Похожая система ограничительных мер в отношении производства, продажи и потребления алкоголя была прописана алкогольным законодательством Российской империи, которое реализовалось в Хотинском уезде Бессарабской губернии. Здесь действовали запреты на продажу алкогольных напитков в магазинах, торговавших другими товарами (1868 г.); на торговлю алкоголем в течение двух последних недель Пасхального поста (1873 г.); на открытие трактира в селе и городе без разрешения, соответственно, управы общины (1874 г.) и городской думы (1876 г.); на «сознательное спаивание» посетителей кабаков и реализацию напитков в долг или под залог личного имущества (1878 г.) и др. В 1885 г. были ликвидированы старые распивочные и введены новые правила розничной торговли, по которым алкоголь могли продавать в кабаках только с предоставлением закусок и горячих блюд [11: 51–55: 33: 129–133].

Начатая в 1895 г. российским правительством реформа по введению государственной монополии на производство и продажу алкоголя усиливала меры по повышению его качества и контроля за реализацией. Она предписывала создание попечительств о народной трезвости и их финансирование в размере 1 % доходов за реализованный алкоголь [35: 10–11].

Поскольку высшие правительственные круги империи Габсбургов, как и краевые администрации и органы местного самоуправления, не были заинтересованы в выполнении регулятивно-ограничительных мер по производству и продаже алкоголя, главным фактором антиалкогольной борьбы в Герцогстве Буковина во второй половине XIX – начале XX в. стал общественно-самодетельный вектор движения трезвости. Его участники, представлявшие церковно-религиозное и светское направления, объективно ориентировались на мировые и европейские организационно-идеологические модели, которые модернизировали в соответствии со своим национальными целями, интересами и общественными условиями развития.

Первые общества трезвости появились в США в конце XVIII – начале XIX в. как одно из ответвлений реформаторского движения, которое объединило разные социальные, этнические, религиозные, возрастные категории сторонников ограничения (запрета) производства и продажи алкоголя. Его идейная и организационная «многоликость» проявлялась в выдвижении широкого спектра законодательных, политических, социально-экономических, просветительско-пропагандистских и воспитательных, религиозных, морально-этических, медицинских требований и инициатив [66].

Наиболее мощной стала вторая волна движения в виде основанного 1826 г. в Бостоне Американского общества трезвости (American temperance Society). Через восемь лет деятельности оно выросло до 5 тыс. первичных организаций с 1 млн членов в 21 штате. В нем существовали течения, выступавшие за «контролируемое», «умеренное» употребление алкоголя и «полный отказ» от него. Основными формами и средствами деятельности были проведение митингов и демонстраций в поддержку трезвости, открытие безалкогольных бакалейных магазинов, таверн, т. н. домов трезвости, распространение литературы соответствующего содержания и т. п. [67].

Популярной формой этого движения были братства трезвости, которые копировали элементы масонских ритуалов. Образцом для подражания стал основанный 1835 г. в Великобритании «Независимый орден рехавитов» (по имени библейского Рехавата), действовавший в США до 1841 г., когда его преобразовали в «Орден сыновей трезвости». Позже братство превратилось в международное объединение с 700 тыс. членами [67].

Наследуя североамериканский опыт и опираясь на собственные традиции гражданского общества, разворачивалось движение трезвости в Западной Европе. По образцу его первых обществ в Шотландии (1826 г.) и Швейцарии (1837 г.) подобные ассоциации возникли в Норвегии (1850 г.), Германии (1883 г.), Австро-Венгрии (1884 г.), Франции (1895 г.), Польше (1902 г.), других странах. Их становление сопровождалось созданием разветвленных территориальных структур, ростом численности сторонников, поиском эффективных форм борьбы с алкоголизмом. Многие из них получили международное признание и распространялись в других странах, как, к примеру, создание народных кафе в Англии (Public Coffee-Houses), в которых малоимущие горожане за умеренную плату получали здоровую пищу и могли бесплатно отдохнуть в обустроенных помещениях за чтением книг и журналов. Общепризнанной стала изобретенная в 1865 г. шведским пастором и филантропом Визельгревом т. н. гетеборгская система, согласно которой часть прибыли от реализации алкоголя производители должны были отдавать на организацию антиалкогольной работы и др. [62: 21–24; 67].

Эти и другие организационно-идеологические модели проникали в Герцогство Буковина, где трансформировались и использовались в соответствии с интересами и потребностями разных этнических общностей. Доступные источники дают основания определить два основных пути их проникновения: через общеимперские организационные структуры и через Галицию, где развитие движения трезвости имело значительные успехи.

Основные достижения движения трезвости русинов Герцогства Буковина связываем с влиянием Галиции. Предметное исследование истории антиалкогольной борьбы галицких русинов во второй половине XIX – 30-х гг. XX в. позволяет утверждать, что именно ее формы, методы, механизмы оказались наиболее близкими и понятными буковинским русинам [49: 32–137]. В их основе лежали западные идейные и организационные модели, однако в Буковину они попадали уже в адаптированном к национальным потребностям и возможностям русинов виде.

В развитии движения трезвости буковинских русинов отслеживаем два основных этапа: первый приходится на 1870–1880-е гг., когда его движущей силой выступало православное духовенство; второй – на 1890-е гг. – начало XX в., когда в этой роли его сменила светская интеллигенция

В Герцогстве Буковина православные сельские священники начали активно выступать против пьянства в конце 1860-х гг. Выдававшиеся для них тексты «образцовых проповедей» выходили за пределы евангельского морализаторства и содержали красноречивые факты об размерах расходов крестьянских хозяйств и общин на алкоголь, о последствиях пьянства, которое приводит к разорению и нищете, росту преступности, заболеваний [37; 50].

Важными ячейками антиалкогольной деятельности стали действовавшие в селах и городах читальни для массового просвещения. По утверждению А. Добржанского, именно при них в середине 1870-х гг. в селах Валява, Суховерхов Кицманского уезда, Дихтинци Вижницкого уезда, Барбивци (ныне Брусница), Калинивци, Зеленев Вашковского уезда, Бродок Заставнивского уезда и др. священники создали первые общества трезвости. Они не имели формально-правового статуса и методического обеспечения, поэтому не могли эффективно функционировать только на энтузиазме отдельных приходов, в связи с чем и просуществовали недолго [20: 177].

Важной особенностью второй волны антиалкогольного движения в 1880-е гг. стало создание при сельских читальнях обществ трезвости, которые активно сотрудничали с церковными братствами. Доступные источники позволяют утверждать, что именно на этой основе начали создаваться или преобразовываться с действующих при читальнях братства трезвости при церквях. Основным условием для вступления в них было принятие в Божьем храме перед священником и верующими «присяжных-молитв», предусматривавших взятие обязательств относительно умеренного употребления алкоголя или полного отказа от него. Срок действия обеих присяг определялся преимущественно на 1–2 года, но иногда давали обет на всю жизнь. Фамилии и адреса

лиц, принявших присяги, фиксировали в «Книгах трезвости» [14; 15].

Принятие присяг сопровождалось личными обязательствами, подтверждавшими готовность соблюдать устав обществ трезвости. Уставы определяли требования к членам (христианская вера, отсутствие возрастных, половых, социальных ограничений); размеры годовых взносов; право носить медали трезвости и другие знаки отличия и др. Присягнувшие также обязывались побуждать к воздержанию от алкоголя членов своих семей и близких, всегда соблюдать «достойное поведение». Лица, нарушившие обеты, исключались из организаций и подвергались общественному порицанию, а фамилии тех, кто их поддерживался, вписывали в «Золотые книги трезвости» [15].

Третья волна развития обществ и братств трезвости началась в 1890 г., когда они стали переходить на новые уставы, разработанные по образцу Австрийского общества противодействия пьянству, которое возникло в 1884 г. в Вене во главе с юристом А. Даумом как официальный координационно-методический и контролирующий центр движения трезвости в монархии Габсбургов. Все действовавшие на ее территории общественные ассоциации, преследовавшие подобные цели, должны были ориентироваться на его идейные и организационные основы.

Примечательно, что именно известному этнографу и общественному деятелю Г. Купчанко, представителю русинов, руководство Австрийского общества противодействия пьянству в 1890 г. предложило разработать отдельный устав общества трезвости для Герцогства Буковина. Его цели и задачи, согласно утвержденному властью уставу, заключались в решительной борьбе с распространением пьянства и в организации разных форм массово-просветительской работы: публичных выступлений, бесед, чтений о вреде алкоголя и положительных последствиях трезвости, устройстве безалкогольных вечеринок, других мероприятий [55].

Хроника позволяет утверждать, что эта третья волна достигла апогея в 1894–1895 гг., когда в Герцогстве Буковина действовало около 30–35 обществ и братств трезвости, каждое из которых насчитывало от 15–20 до 70–80 членов. Материалы издававшегося Г. Купчанко в Вене журнала «Русская правда» свидетельствуют, что из столицы в край в большом количестве поступали инструктивно-методические материалы (уставы, антиалкогольные брошюры, книги, журналы, плакаты, «поучения» и т. п.). Венское руководство ежегодно награждало медалями трезвости десятки буковинских русинов за привлечение новых сторонников и активную просветительскую работу.

В середине 1890-х г. в движении трезвости начала активно участвовать светская интеллигенция, прежде всего учителя. К нему

приобщались известные общественные деятели. Например, созданное в 1895 г. по инициативе старосты и крупного землевладельца Н. Василько общество трезвости в с. Лукавци Вижницкого уезда газетой «Буковинские ведомости» (1895 г., 20 октября) было названо одним из лучших в крае благодаря его многочисленности и активной деятельности. Однако после избрания руководителя послом Буковинского сейма оно пришло в упадок.

Кроме публичных чтений и распространения литературы, члены обществ трезвости организовывали безалкогольные церковные, общественные и семейные торжества. В 1880–1890-х гг. в Герцогстве Буковина вместе с присягами трезвости практиковалось проведение миссий трезвости, акций «похороны водки», установление крестов трезвости с надписями типа «Кресть победиль язычество – Кресть победить и пьянство» и др. Яркое описание таких акций, которые часто объединялись, на примере горных сел представил Р. Кайндль: возглавлявшаяся священником «похоронная» процессия величественно продвигалась к центральной площади села, где в выкопанную яму бросали бутылку с водкой и после призыва отказаться от вредной привычки над «могилой» устанавливали «Крест трезвости». Растроганные крестьяне давали клятву не пить, а кто ее нарушит, тот может тяжело заболеть и умереть. По утверждению ученого-этнографа, в таких акциях участвовало по два-три десятка, а иногда по несколько сотен человек [28].

Материалы прессы («Буковина», 1886 г., 13 марта; 1889 г., 17 января, 6 июня; «Добрі Ради», 1889 г., ч. 4; 1890 г., ч. 6–7; 1891 г., ч. 3; 1893 г., ч. 10–12 и др.) фиксируют множество фактов проведения в селах безалкогольных свадеб, крестин, похорон, храмовых праздников, других торжеств. Они по-разному воспринимались членами общин, что приводило к внутренним спорам и расколам. Таким ярким примером стала организованная Г. Пуричем, членом братства трезвости с. Топоривци (к нему принадлежали 30 членов из 5 тыс. жителей), безалкогольная свадьба младшей сестры. Он исходил из печального семейного опыта: родители, чтобы устроить старшей дочери свадьбу, продали часть поля; сам Г. Пурич за купленную на собственную свадьбу водку несколько месяцев отрабатывал на лесоповале. На эту свадьбу пришли только члены читальни, а вся родня ее проигнорировала: «Что это за свадьба без водки». Интересно и то, что более состоятельная часть сельчан «умеренно» употребляла водку и не брала в долг у шинкаря. А другая часть, которая была беднее, выпивала часто и постоянно угрожала членам братства. На этой почве в селе возникали ссоры, доходило до драк.

Ширилась практика проведения свадеб, на которых вместо водки угощали только пивом. В этом случае на алкоголь тратили в 3–4 раза меньше средств, как правило, не было гостей с признаками сильного опьянения.

Пресса популяризировала успехи деятельности обществ и братств трезвости, когда в воскресные и праздничные дни люди вместо кабака шли в читальню, а сэкономленные благодаря отказу от водки деньги тратили на богоугодные цели. Таким образом, члены братства с. Рогизна, что около Черновцов, закупили лесоматериалы и возвели дом для вдовы (Буковина, 1895 г., 14 января), а в упоминавшихся нами выше Топоривцах для малоимущих крестьян построили три хаты (Буковина, 1888 г., 13 сентября).

Уникальным явлением антиалкогольного движения Буковины стала деятельность т. н. апостолов трезвости. Полосы буковинской прессы зафиксировали имена наиболее известных среди них: «проповедник трезвости с. Магали Стефан Саинчук», «апостол Тимуш (Власий) родом из Путилова», «Фома с гор», «девушка-пророчица Елена Юрийчук с Глиницы» и др. Обходя города и села, они в проповедях клеймили пьянство, курение табака, разврат, воровство, призывая народ поститься и придерживаться своей веры [3; 4; 6; 26–28; 43; 47].

«Апостолы трезвости» производили сильное впечатление на набожное крестьянство. К «апостолу» С. Саинчуку приходили сотни верующих «для лечения от алкоголизма» и других недугов. На одно из очередных «предсказаний» Е. Юрийчук в августе 1898 г. возле церкви в с. Мариничи собралось около 1 тыс. прихожан из близлежащих сел, а также прибыл отряд жандармерии во главе с начальником вижницкого уездного подразделения. После призыва «девушки-пророчицы» «от имени Бога» отказаться от водки, потому что употребление алкоголя «вредно и грешно», ее арестовали, а когда стали увозить, в представителей власти полетели камни [47].

С деятельностью «Власия с Путилова», других «апостолов трезвости» пресса связывала массовое «отречение от пьянства» и факты установления крестов трезвости в десятках сел. Страсти вокруг них подогревали местные шинкари, которые засыпали органы власти донесениями, что «эти подозрительные лица» «баламутят народ», «занимаются воровством» и пр. [3; 4; 6; 26–28; 43; 47].

В 1890-е гг., когда руководство движением трезвости в Герцогстве Буковина начало переходить от духовенства к светской интеллигенции, в нем усилились явления стагнации и застоя. Это имело свои причины. Привыкшим к традиционному образу жизни крестьянам трудно было полностью отказаться от алкоголя, а принципы сдержанности и умеренности его потребления не пользовались популярностью. По-

этому после окончания сроков действия присяг большинство людей не принимали их повторно, а публичное осуждение лиц, нарушавших обеты, заставляло более взвешенно подходить к таким актам.

Отрезвление десятков общин приводило к уменьшению объемов потребления алкоголя, а следовательно, и прибыли от его производства и реализации. Это вызвало мощное контрнаступление арендаторов и евреев-шинкарей. Пресса пестрела свидетельствами о том, что они отговаривали крестьян от принятия присяг трезвости как «позорных для настоящих хозяев поступков», побуждали отказаться от присяг, соблазняя дармовой водкой и разрешением бесплатно выпасать скот на своих угодьях. Не гнушаясь никакими средствами, противники трезвости прибегали к поджогам усадеб и сенокосов поборников трезвости, угрозам и подкупу священников. Например, в с. Молдова-Сулица шинкарь Ицик за отказ провести присягу трезвости предлагал настоятелю о. Грибовскому 500 золотых [27].

Сопротивление антиалкогольному движению явно или скрыто поддерживали властные структуры. Показательными стали факты, когда жандармы запрещали проведение коллективных присяг и миссий трезвости, «похорон водки», установление крестов трезвости как мероприятий, нарушавших закон 1867 г. об общественных объединениях. На самом деле такие акты носили не общественно-политический, а церковно-религиозный характер, поэтому не нуждались в специальных разрешениях.

Когда в 1890-х гг. важной движущей силой движения трезвости в Герцогстве Буковина стала выступать светская интеллигенция, оно начинает приобретать более выраженный протестный общественно-политический характер. В городах и селах получило распространение проведение веч (народных собраний), где принимались петиции к органам краевой и уездной власти с призывами урегулировать, ограничить или вообще запретить деятельность кабаков. Есть основания связать эту первую волну «вечевых акций» 1901–1903 гг., которые приобрели массовый характер в Галиции и охватили десятки сел Буковины и Закарпатья, с забастовками крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Тогда в более чем 20 горных селах Буковины были приняты резолюции об ограничении деятельности кабаков – главных «рассадников пьянства», через которые народ страдает и «уничтожается морально и материально». При помощи депутатов С. Смаль-Стоцкого и Е. Пигуляка они поступали в Буковинский краевой сейм [16].

Вторую волну антиалкогольных веч в 1906–1907 гг. связываем с активизацией общественно-политического движения за избирательную реформу. Они также охватили десятки сел Верховинско-Путильского низкогорья и знаменовались принятием петиций к власти с

требованиями обеспечить выполнение действовавших предписаний об ограничении деятельности кабаков в выходные и праздничные дни (Буковина, 1906 г., 31 января; 1907 г., 26 мая, 13 сентября; 1908 г., 27 сентября, 11, 28 октября, 1 ноября). На этот раз сельские общины были настроены более решительно. Принимали повторные резолюции с требованиями закрыть или ограничить деятельность кабаков, потому что «пьянство уничтожает бедных гуцулов морально и материально» (с. Розтоки, май 1907 г.). Звучали призывы наказывать и лишать лицензий владельцев кабаков из-за того, что они пренебрегают действовавшими правилами работы (Довгопилля, Вижница, сентябрь 1908 г.), и др.

Большинство таких общественных протестов местная власть игнорировала, т. к. поддерживала шинкарей, которые платили немалые налоги или были с ней в сговоре. Поэтому крестьяне часто сами создавали т. н. почетные комитеты для контроля за деятельностью шинкарей. Но иногда и общественные выступления достигали цели. Например, Черновицкое уездное управление удовлетворило обращения крестьян с. Горишни Шеривци о прекращении строительства помещиком Эдлером фон Горовицем винокурни, которая должна была расположиться на расстоянии менее 100 м от школы и церкви, что прямо противоречило действовавшему законодательству [18].

Важную роль в развитии движения трезвости в Буковине играла периодическая печать. Она информировала о его развитии и формировала общественное отношение к алкоголю как «вековечному врагу русинов», который наносит им большой моральный, физический и материальный ущерб. Такие материалы встречаем почти в каждом выпуске газет и журналов «Русская правда», «Добрі Ради», «Буковинские ведомости», «Буковина» и др. Несмотря на идейные разногласия, они имели общее «антиалкогольное кредо». Его суть передает передовица «Мужицкая беда» в «Буковинских ведомостях» от 19 марта 1895 г.: «Водка убивает гораздо больше людей, чем войны и болезни вместе взятые»; священник, сознательный крестьянин и власть должны совместно выступать против кабаков как «рассадников пьянства, разврата, преступности» и евреев-арендаторов, шинкарей, которые производят и продают водку.

Каждое издание имело свой формат антиалкогольной пропаганды. «Русская правда» фиксировала хронику движения трезвости; «Буковина», кроме этого, опираясь на научные изыскания, активно разъясняла вредное воздействие алкоголя на человеческий организм (статьи «Водка», «Опасность водки»; перевод выступлений немецкого врача под названием «Водочная чума» и др.). Газета «Добрі Ради» в рубрике «Против пьянства» освещала зарубежный опыт антиалко-

гольной борьбы, давала практические рекомендации, как избавиться от алкогольной зависимости, и т. п. Она призывала священников «не пугать крестьян чертом и адом», а разъяснять им «реальную социальную и физиологическую опасность алкоголя», заставляя их задуматься, как действительно бороться против «водочного бедствия».

В Герцогстве Буковина достаточно четко проявилась тенденция, согласно которой социальная структура населения предопределяла уровень алкоголизации разных сословной. Представляет интерес исследование Е. Валявской, которая показала, что светская жизнь края во второй половине XIX – начале XX в. была пресыщена карнавалами, балами, вечеринками, другими развлечениями. Они сопровождались употреблением изысканных, элитных алкогольных напитков (вино, коньяк, шампанское) в ресторанах, кафе, частных домах [8]. Однако их чрезмерное потребление, пьянство в целом считалось проявлением «плебейства» и публично порицалось. Лица, игнорировавшие эти нормы, несмотря на социальный статус (чиновник, землевладелец, предприниматель, банкир, офицер, врач, адвокат и др.), могли подвергаться общественному неприятию и изоляции.

Примечательно еще одно явление. Этнические сообщества Буковины, как правило, самостоятельно реализовывали общественные национально-культурные проекты и выступали на международной арене со своими инициативами. Но в «антиалкогольном вопросе» они проявляли очевидное единство. Как показательный пример отметим инициативу Общебуковинской конференции учителей (август 1895 г.) о создании Краевого антиалкогольного общества, которое должно было сплотить представителей образовательных учреждений русинов, румын, немцев и поляков. На конференции обнародовали ужасающую ситуацию, касавшуюся алкоголизации школьной молодежи. В ее резолюции, напечатанной в газете «Буковина» от 6 августа 1895 г., утверждалась необходимость запретить учащимся участвовать в публичных мероприятиях, на которых употребляют крепкие напитки; усилить антиалкогольное просвещение во внешкольной деятельности и работе с родителями; активизировать издание учебной и научно-популярной литературы антиалкогольного содержания и т. п. Эти инициативы активно воплощали в жизнь буковинские педагоги.

Международные форумы и австрийский парламент использовались как трибуны для пропаганды идей движения трезвости и защиты его активистов от преследований. Так, 3 тыс. участников Австрийского аграрного съезда (Вена, ноябрь 1897 г.), выслушав выступление делегата Т. Прункула, приняли решение поддержать антиалкогольное движение в Буковине и требование не преследовать его активистов, выступавших против пьянства [3]. А участников X Международного

антиалкогольного съезда (Будапешт, сентябрь 1905 г.) поразил доклад М. Бориса об «антиалкогольном вопросе» в Буковине и Галиции. Делегаты форума выступили с призывом справедливо, в духе европейских ценностей решить «дело пропинации» и прекратить преследование участников движения трезвости в регионе [9].

Вопросы антиалкогольного движения в Буковине неоднократно обсуждались в краевом и австрийском парламентах. Особенно широкий резонанс вызвал прозвучавший в ноябре 1894 г. с трибуны австрийского рейхстага протест депутата от Буковины д-ра И. Цуркана против жестокого разгона в общине Бабин участников богослужения, принимавших присягу трезвости. К этому прибегли жандармы по приказу уездного комиссара, который принял такое решение по донесениям арендатора о том, что в селе поднялся «бунт» и «пропагандируют социализм» [5].

Движение трезвости в Хотинском уезде Бессарабской губернии по своей сути и характеру существенно отличалось от подобного движения в Герцогстве Буковина. Его развитие в общественно-правовом поле Российской империи предопределило иные механизмы и формы искоренения пьянства среди населения. В материалах хроники «Русской правды» за 1890–1892 гг. можно найти факты существования в некоторых общинах Кельменецкой, Новоселицкой, других волостей братств трезвости. Под руководством местных настоятелей они проводили антиалкогольную деятельность по примеру подобных институций в Герцогстве Буковина, но по причине равнодушия русинов и предвзятого отношения местных властей эти братства не имели существенных успехов.

Говорить о формировании на Хотинщине четкой целостной модели антиалкогольной деятельности можно только с 1895 г., когда в связи с введением государственной монополии на продажу спиртных напитков здесь начала формироваться общеимперская структура попечительства о народной трезвости. Она определяет основную суть и особенность движения трезвости в регионе: в отличие от Герцогства Буковина, она в полной мере предопределялась (организовывалась, регламентировалась, финансировалась, контролировалась) государственной властью.

В состав созданного в соответствии с регламентом [54: 14] Хотинского уездного комитета попечительства о народной трезвости входили представители местной светской и церковной элиты – председатель уездной земской управы, предводители дворянства, протоиереи, член окружного суда, уездный исполнитель, уездный врач, военный начальник, налоговый инспектор, инспекторы народных училищ. Формально комитеты попечительства о

народной трезвости существовали в каждой из 12 волостей, но их реальная активность была разной [44: 56–57]. Его члены делились на почетных – жертвователи и именитые лица, которые ежегодно вносили не менее 100 руб., и действительных, взносы которых не превышали 10 руб.

Согласно утвержденному 20 декабря 1894 г. уставу, основные цели и задачи комитета попечительства о народной трезвости состояли в проведении «в интересах народного здоровья и нравственности надзора над тем, чтобы торговля крепкими напитками производилась согласно установленным правилам»; в распространении среди населения «здравых понятий о вреде неумеренного употребления крепких напитков»; в «изыскании средств» для проведения народных чтений, издания литературы, разъяснявшей вред от злоупотребления крепкими напитками; в открытии чайных, народных библиотек и лечебных приютов «для страдающих запоем» [54: 6–12].

Одну половину финансового обеспечения попечительств составляли государственные дотации (в 1895–1905 гг. их ежегодная сумма составляла в среднем 4 млн 137 тыс. руб.), а другую – доходы от чайных-читален, столовых, реализации литературы и других услуг [7: 82; 53: 26–28].

Основными структурными компонентами реализации задач попечительства о народной трезвости стали чайные-читальни и действовавшие при них или отдельно библиотеки. Они были созданы в каждом волостном центре Хотинского уезда. Чайные-читальни выписывали периодику: в обязательный комплект входили «Вестник трезвости» и «Сельский вестник», местный ежедневник, иллюстрированная газета, духовно-религиозные журналы. Некоторые из них имели небольшие книжные фонды и абонементы с изданной в России общественно-политической и художественной литературой. Согласно предписаниям, в чайных-читальнях создавали соответствующий их предназначению интерьер: просторные комнаты с книжными шкафами и удобными столами со стульями; на стенах развешивали портреты царей, картины по сюжетам Старого и Нового заветов, географические карты преимущественно Европейской России и т. п. [54: 6–9].

Такая атмосфера, по замыслу идеологов этого проекта, должна была способствовать тому, что в чайных-читальнях крестьяне и рабочие могли попить, поесть, обменяться мыслями, погреться и т. п., не заходя в трактиры и кабаки. Сначала в них продавали только чай по 3–4 коп., а позже – белый хлеб, сушки, калачи, лимонад, конфеты и пр. В некоторых городских общинах вместо чайной-читальни открывали столовые, где предлагали недорогие горячие обеды по 10–15 коп. [53: 25–25; 54: 6–9].

Трудно оценить эффективность такой модели борьбы с пьянством. При запросах Министерства финансов 1897–1899 гг. определить результаты этой реформы местные власти указывали на сокращение потребления населением водки и огульного пьянства, вызывавшего ссоры и семейные раздоры, упорядочение его образа жизни и т. п. Однако правы авторы, утверждающие, что в большинстве таких отзывов последствия реформы выставлялись в «очень благоприятном свете». Реальные дела учреждений попечительства о народной трезвости шли «вяло и неопределенно», многие комитеты даже не реализовывали суммы выделенных субсидий [7: 81–82].

Наш анализ позволяет сделать вывод, что основная просветительская направленность деятельности попечительства о народной трезвости на Хотинщине была малоэффективна из-за низкого уровня грамотности русинов, хотя многочисленные лекции и театральные представления антиалкогольного содержания, очевидно, все-таки оказывали влияние. Это же касается и организации безалкогольных развлекательных мероприятий (музыкальных вечеров, народных театров, гуляний и т. п.), и достаточно высокой посещаемости чайных-читален и столовых, о чем свидетельствуют их показатели прибыли [44]. Таким образом, русины приучались проводить содержательный досуг без алкоголя.

Подытоживая результаты исследования, целесообразно поставить вопрос о реальных достижениях и влиянии движения трезвости на жизнедеятельность русинов Буковины во второй половине XIX – начале XX в. Отвечая на него, следует признать, что, исходя из их социокультурных традиций и условий жизни, полного отказа от алкоголя априори нельзя было ожидать. Хотя, к слову, такие феномены все же имели место. Примером служат липоване – этноконфессиональная группа российских старообрядцев, которые, спасаясь от преследований официальной православной церкви, с середины XVIII в. заселяли территорию Буковины.

Этот процесс активизировался в период австрийского господства, так что на 1910 г. их численность в крае достигла 3,2 тыс. чел. [38: 13]. Способ жизни и ментальные установки липован запрещали употреблять не только все виды алкоголя и табака, но даже чай и кофе. В общинах их компактного проживания (Белая Криница, Михорда и др.) не было кабаков. Хотя существуют свидетельства, что липоване, жившие поблизости и в самих Черновцах, Сучаве, Радовцах и др., изредка посещали такие заведения [62: 4].

В качестве выводов отметим, что характер производства и реализации алкоголя в Буковине, входившей во второй половине XIX – начале

XX в. в состав монархии Габсбургов и Российской империи, обусловил направленность и масштабы развертывания движения трезвости среди русинов края. Этот сложный многоаспектный процесс разворачивался на общеевропейском фоне и сопровождался использованием разных механизмов, форм, средств борьбы с пьянством. Она давала положительные, но преимущественно краткосрочные результаты.

Представленный исторический опыт позволяет говорить, что для успешной борьбы с пьянством необходимо, с одной стороны, органическое сочетание самодеятельности, инициативности, творчества, сознательности гражданского общества (опыт Герцогства Буковина) и действенной финансовой, организационной и другой помощи государства – с другой (опыт Хотинщины). Только при объединении этих двух начал возможны значимые и стабильные изменения в образе мышления людей и осознание ими возможностей счастливой, свободной от алкогольной зависимости жизни.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. В обстоятельном историографическом анализе С. Суляка [52] приводятся различные данные, представленные исследователями, о составе населения Бессарабии. При его определении в отношении Хотинского уезда мы апеллируем к работам ученых, которые базируются на результатах официальной статистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Білецький І. Допис з Чунькова // Буковина. 1890. 12 квітня.
2. Ботушанський В. З історії руху трезвості та антиалкогольної боротьби на Буковині (70-ті рр. XIX – початок XX ст. // Науковий вісник Чернівецького університету. Історія. 2010. Вип. 514. С. 28–36.
3. Буковина. 1895. 6 серпня.
4. Буковинські ведомости. Черновці, 1895. 20 жовтня.
5. Буковинські ведомости. Черновці, 1897. 21 листопада.
6. Буковинські ведомости. Черновці, 1899. № 13. С. 3.
7. Букреева О.Г. Культурно-просветительная деятельность попечительства о народной трезвости в России в конце XIX – начале XX вв. // Культура и образование. 2014. № 4 (15). С. 79–84.
8. Вальявська К.В. Світське життя Буковини: соціальний та культурний простір (1848–1914): дис. ... канд. іст. наук. Чернівці, 2016. 355 с.
9. В справі X-го Міжнародного алькогольного зїзду в Будапешті // Буковина. 1905. 1 жовтня.
10. Герасимович І. Шинки на Буковині // Буковина. 1908. 15 квітня.
11. Гредингер М. Основы питейной монополии въ Росіи // Историко-юридические очерки. Рига: Типогр. А.И. Липинского, 1895. С. 51–55.

12. *Гринишинь М.* Дванадцять розбойниковъ нашего русского народа // Селянинъ. 1896. № 5–6. С. 32.
13. Державний архів Чернівецької області (ДАЧО). Ф. 3. Оп. 1. Спр. 4434. Арк. 3–5.
14. ДАЧО. Ф. 3. Оп. 1. Спр. 5178. Арк. 6–8.
15. ДАЧО. Ф. 3. Оп. 1. Спр. 6041. Арк. 1–9.
16. ДАЧО. Ф. 3. Оп. 1. Спр. 10069. Арк. 16.
17. ДАЧО. Ф. 3. Оп. 2. Спр. 21121. Арк. 18–280.
18. ДАЧО. Ф. 3. Оп. 2. Спр. 23670. Арк. 32–35.
19. ДАЧО. Ф. 115. Оп. 2. Спр. 30141. Арк. 1–2.
20. *Добержанський О.В.* Національний рух українців Буковини другої половини ХІХ – початку ХХ ст. Чернівці: Золоті литаври, 1999. 574 с.
21. Жертва п'янства // Буковински ведомости. 1896. № 36. С. 3.
22. Законъ з 19 липця 1877, котрымъ выдаются уставы для воздержанія п'янства. Вестникъ законовъ державнихъ для королевствъ и краєвъ въ Державной Думѣ заступленыхъ. Рочникъ. 1877. Видень, 1877. С. 131–138.
23. Злочини і відносини суспільні // Діло. 1899. 10, 12 липня.
24. Злочини і алкоголь // Діло. 1909. 21 березня.
25. 3 промови Лефлера на Міжнародному алькогольному конгресі у Відні // Діло. 1901. 6 вересня.
26. Изъ Бразы // Буковински ведомости. 1896. № 39. С. 2–3.
27. Изъ Бразы // Буковински ведомости. 1897. № 7. С. 3.
28. *Кайндль Р.Ф.* Пророк тверезості // Неділя. 1895. 3 листопада.
29. *Климова С.* Алкоголизм: обыденные теории. Социальная реальность. 2007. URL: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-225.pdf> (дата обращения: 01.11.2020).
30. *Кожоянко Г.К.* Етнографія Буковини: у 3 т. Чернівці: Золоті литаври, 1999. Т. 1. 384 с.; 2001. Т. 2. 424 с.; 2004. Т. 3. 392 с.
31. *Купчанко Г.* Буковина и еи русские жители. Видень: Просвещение, 1895. 53 с.
32. *Купчанко Г.* Горілка, або яко вылечится отъ п'янства. Видень, 1889. 16 с.
33. *Курукин И., Никулина Е.* «Государево кабацкое дело». Очерки питейного дела и традиций в России. М.: АСТ Люкс, 2005. 383 с.
34. *Манастырський А.* О нищете (бедноте) нашего народа. Моим братьям-селянам. Черновцы: Типограф. А. Морара-Андриевича, 1894. 47 с.
35. *Мендельсонъ А.* Итоги принудительной трезвости новые формы п'янства. Петроградъ: Государственная типография, 1916. 55 с.
36. *Млака Д.* Старий Лесь Чорновол // Буковина. 1901. № 29. С. 3.
37. *Монастырський А.* Проповедь на неделю 7 по сошествіи Св. Духа // Candela. Foaia bisericeasca-literaria. Anyl 1884. № 7. Р. 452–457.
38. *Монолатій І.* Австрійська Буковина: особливості національних, професійних та мовних поділів // Незалежний часопис «І». Чернівці, 2009. Ч. 56. С. 11–35.
39. *Навроцький В.* П'янство і пропінація в Галичині. Громада. Женева, 1882. Т. V. 63 с.
40. Народна рада. 1907. № 12. С. 5.

41. Народ наш подноситься // Буковински ведомости. 1895. № 17. С. 4.
42. Несчастни случаи // Буковински ведомости. 1897. № 1. С. 3.
43. Новый пророк // Буковински ведомости. 1895. № 8. С. 3; 1897. № 9. С. 3.
44. Отчёт о деятельности Бессарабского попечительства о народной трезвости за 1911 год. Кишинёв: Тип. Бессараб. губерн. правления, 1913. 66 с.
45. Переворот в гостинно-шинкарськiм промислi // Дiло. 1909. 24 грудня.
46. *Побережник І.* Роль та місце алкогольних напоїв у побуті українців Буковини та Хотинського повіту (друга половина XIX – початок XX ст. // *Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології: зб. наук. пр.* Чернівці, 2009. Т. 2. С. 217–227.
47. Пророчица // Буковински ведомости. 1897. № 17–18. С. 3–4.
48. *Розвадский Ю.Е.* Алкогольная политика в европейской перспективе // *Журнал Гродненского государственного медицинского университета.* 2005. № 1. С. 21–24.
49. *Савчук Б.* Корчма: алкогольна політика і рух тверезості в Західній Україні у XIX – 30-х рр. XX ст.). Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2001. 246 с.
50. *Семанюк Ф.* Слово о пiянствi // *Candela. Foaisa bisericeasca-literaria.* Anul 1884. № 1. Р. 56–61.
51. *Скорейко Г.М.* Населення Буковини за австрійськими урядовими переписами другої половини XIX – початку XX ст. Чернівці: Прут, 2002. 220 с.
52. *Суляк С.Г.* Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности // *Русин.* 2015. № 1. С. 95–115. DOI: 10.17223/18572685/39/7
53. *Соколов В.Ю.* Бібліотеки та читальні комітетів піклування про народну тверезість. в Україні наприкінці XIX – на початку XX століття // *Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія.* 2016. № 2. С. 21–39.
54. Устав попечительств о народной трезвости, высочайше утвержденный 20 декабря 1894 г. Сост. чл. Вилен. уезд. ком. попечительства о нар. трезвости. Вильна, 1902. 314 с.
55. Уставъ Общества тверезости // *Русская правда.* 1890. № 10. С. 69–70.
56. *Франко І.* Що то була панщина // *Франко І.* Збiр. тв. у 50 т. Київ: Наукова думка, 1986. Т. 44, кн. 2. С. 495–500.
57. *Berichte über die öffentlichen Sitzungen der Bukowiner Handels – und Gewerbekammer in Czernowitz. Jähner-Dezember, 1905.* 237 s.
58. *Bruun K., Edwards G.* Alcohol Control Policies in Public health Perspective. *Lumio-Helsinki,* 1975. 106 p.
59. *Bukowinaer Rundschau. Czernowitz, 1892.* 24 april.
60. *Bukowinter Rundschau. Czernowitz, 1898.* 11 august.
61. *Cybulski N.* Proba badan nad zywniem ludu wiejskiego w Galicyi. *Cracjw,* 1894. 226 p.
62. *Die Propination – Ablosung. Czernowitz, 1888.* 47 s.
63. *Edwards G., Anderson P., Babor T.* Alcohol Policy and the Public Good. *Oxford,* 1994. 316 p.
64. *Kaindl R.F.* Geschichte der Bukowina von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Drei Teille in einem Band. *Czernowitz: Buchhandlung von R. Eckhardt, 1904.* 154 p.

65. Osterberg E., Karlsson T. Alcohol Policies in EU Member State and Norway. A Collection of Country Report. Helsinki, 2002. 76 p.
66. Protokolle Auswanderungs-Conferenzen. Czernowitz. 1901. 260 p.
67. Samuelson J. The History of Drink: A review, social, scientific, and political // Paperback. 30 November. 2005. URL: <http://archive.org/historydrinkare01samigoog> (дата обращения: 1.11.2020).

REFERENCES

1. Biletsky, I. (1890) Dopis z Chun'kova [Letter from Chunkov]. *Bukovina*. 12th April.
2. Botushansky, V. (2010) Z istorii rukhu tverezosti ta antialkogol'noi borot'bi na Bukovini (70-ti rr. XIX – pochatok XX st.) [On the history of the movement of sobriety and anti-alcohol struggle in Bukovyna (1870s – early 201th centuries)]. *Naukoviy visnik Chernivets'kogo universitetu. Istoriya*. 514. pp. 28–36.
3. *Bukovina*. (1895) 6th August.
4. *Bukovins'ki vedomosti*. (1895a) 20th October.
5. *Bukovins'ki vedomosti*. (1897a) 21st November.
6. *Bukovins'ki vedomosti*. (1899) 13. p. 3.
7. Bukreeva, O.G. (2014) Kul'turno-prosvetitel'naya deyatel'nost' popechitel'stva o narodnoy trezvosti v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [Cultural and educational activities of the guardianship for public sobriety in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Kul'tura i obrazovanie – Culture and Education*. 4(15). pp. 79–84.
8. Valyavska, K.V. (2016) *Svits'ke zhittya Bukovini: sotsial'niy ta kul'turniy prostir (1848–1914)* [Secular life of Bukovina: social and cultural space (1848–1914)]. History Cand. Diss. Chernivtsi.
9. *Bukovina*. (1905) V spravi X-go Mizhnarodnogo al'kogol'nogo zizdu v Budapeshti [In the case of the 10th International Alcohol Congress in Budapest]. 1st October.
10. Gerasimovich, I. (1908) Shinki na Bukovini. *Bukovina*. 15th April.
11. Gredinger, M. (1895) *Istoriko-yuridicheskie ocherki* [Historical and Legal Essays]. Riga: A.I. Lipinsky. pp. 51–55.
12. Grinishin, M. (1896) Dvanadsyat' rozboynikov" nashogo russkogo naroda [Twelve robbers of our Russian people]. *Selyanin*". 5–6. pp. 32.
13. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 3. List 1. File 4434. Arc. 3–5.
14. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 3. List 1. File 5178. Arc. 6–8.
15. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 3. List 1. File 6041. Arc. 1–9.
16. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 3. List 1. File 10069. Arc. 16.
17. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 3. List 2. File 21121. Arc. 18–280.

18. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 3. List 2. File 23670. Arc. 32–35.
19. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 115. List 2. File 30141. Arc. 1–2.
20. Dobrzhansky, O.V. (1999) *Natsional'niy rukh ukraïntsiv Bukovini drugoi polovini XIX – pochatku XX st.* [The national movement of Ukrainians in Bukovina in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Chernivtsi: Zoloti litavri.
21. *Bukovins'ki vedomosti.* (1896a) Zhertva piyanstva [Victim of drunkenness]. 36. p. 3.
22. The State Duma. (1877) Zakon” z 19 liptsya 1877, kotorym” vydayutsya ustavy dlya vozderzhaniya piyanstva [Law of July 19, 1877, which issued charters for abstinence from drunkenness]. *Viestnik zakonov derzhavnikh dlya korolevstv i kraiev v Derzhavnoy Dume zastuplenykh.* pp. 131–138.
23. *Dilo.* (1899) Zlochiny i vidnosiny suspil'ni [Crimes and public relations]. 12th July.
24. *Dilo.* (1909a) Zlochiny i alkogol' [Crime and alcohol]. 21st March.
25. *Dilo.* (1901) Z promovi Leflera na Mizhnarodnomu al'kogol'nomu kongresi u Vidni [From Lefler's speech at the International Alcohol Congress in Vienna]. 6th September.
26. *Bukovins'ki vedomosti.* (1896b) Iz Bryazy. 39. pp. 2–3.
27. *Bukovinski vedomosti.* (1897b) Iz Bryazy. 7. p. 3.
28. Kaindl, R.F. (1895) Prorok tverezosti [The prophet of sobriety]. *Nedilya.* 3rd November.
29. Klimova, S. (2007) *Alkogolizm: obydenne teorii. Sotsial'naya real'nost'* [Alcoholism: everyday theory. Social reality]. [Online] Available from: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-225.pdf>. (Accessed: 1st November 2020).
30. Kozholyanko, G.K. (1999) *Etnografiya Bukovini: u 3 t.* [Ethnography of Bukovina: in 3 vols]. Vol. 1. Chernivtsi: Zoloti litavri.
31. Kupchanko, G. (1895) *Bukovina i ei russkie zhiteli* [Bukovina and its Russian residents]. Vienna: Prosvishchenie.
32. Kupchanko, G. (1889) *Gorilka, abo yako vylechitsya ot” p'yanstva* [Vodka, or how to cure drunkenness]. Vienna: [s.n.].
33. Kurukin, I. & Nikulina, E. (2005) “*Gosudarevo kabatskoe delo*”. *Ocherki piteynogo dela i traditsiy v Rossii* [“Sovereign tavern business”. Essays on drinking business and traditions in Russia]. Moscow: AST Lyuks.
34. Manastyrsky, A. (1894) *O nishchete (bednote) nashego naroda. Moim brat'yam-selyanam* [About the poverty of our people. To my peasant brothers]. Chernivtsi: A. Morar-Andrievich.
35. Mendelson, A. (1916) *Itogi prinuditel'noy trezvosti novye formy p'yanstva* [The results of forced temperance – new forms of drunkenness]. Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya.
36. Mlaka, D. (1901) Stariy Les' Chornovol [Old Les Chornovol]. *Bukovina.* 29. p. 3.
37. Monastyrsky, A. (1884) Propoved' na nedelyu 7 po soshestvii Sv. Dukha [Sermon for Week 7 on the Descent of the Holy Spirit]. *Sandela. Foaisa bisericeasca-literaria.* 7. pp. 452–457.

38. Monolatiy, I. (2009) Avstriys'ka Bukovina: osoblivosti natsional'nikh, profesiynikh ta movnikh podiliv [Austrian Bukovina: features of national, professional and linguistic divisions]. *Nezalezzhnyy chasopis "I"*. 56. pp. 11–35.

39. Navrotsky, V. (1882) Piyanstvo i propinatsiya v Galichini [Drunkenness and propination in Galicia]. *Gromada*. 5.

40. *Narodna rada*. (1907) 12. p. 5.

41. *Bukovins'ki vedomosti*. (1895b) Narod nash podnosytsia. 17. p. 4.

42. *Bukovinski vedomosti*. (1897c) Neschastni sluchai. 1. p. 3.

43. *Bukovins'ki vedomosti*. (1895c) Novyy prorok [The New Prophet]. 8. p. 3.

44. Bessarabian Guardianship for Public Sobriety. (1913) *Otchet o deyatel'nosti Bessarabskogo popechitel'stva o narodnoy trezvosti za 1911 god* [Report on the activities of the Bessarabian Guardianship for Public Sobriety for 1911]. Chişinău: Tip. Bessarab. gubern. pravleniya.

45. *Dilo*. (1909b) Perevorot v gostinno-shinkars'kim promisli. 24th December.

46. Poberezhnik, I. (2009) Rol' ta mistse alkogol'nikh napoїв u pobuti ukraїntsiiv Bukovini ta Khotins'kogo povitu (druga polovina XIX – pochatok XX st. [The role and place of alcoholic beverages in the life of Ukrainians in Bukovyna and Khotyn district (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Pitannya starodavn'oi ta seredn'ovichnoi istorii, arkhologii y etnologii*. 2. pp. 217–227.

47. *Bukovins'ki vedomosti*. (1897d) Prorochnitsa [Propination]. 17–18. pp. 3–4.

48. Rozvadsky, Yu.E. (2005) Alkogol'naya politika v evropeyskoy perspektive [Alcohol policy in the European perspective]. *Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*. 1. pp. 21–24.

49. Savchuk, B. (2001) *Korchma: alkogol'na politika i rukh tverezosti v Zakhidnyy Ukraїni u XIX – 30-kh rr. XX st.*. Ivano-Frankivsk: Lileya-NV.

50. Semanyuk, F. (1884) Slovo o piyanstv' [A word about drunkenness]. *Sandela. Foaisa bisericeasca-literaria*. 1. pp. 56–61.

51. Skoreyko, H.M. (2002) *Naselennya Bukovini za avstriys'kimi uryadovimi perepisami drugoi polovini XIX – pochatku XX st.* Chernivtsi: Prut.

52. Sulyak, S.G. (2015) The Rusins of Bessarabia in the 19th – beginning of the 20th Centuries: the Question of Numbers. *Rusin*. 1. pp. 95–115 (in Russian). DOI 10.17223 / 18572685/39/7

53. Sokolov, V.Yu. (2016) Biblioteki ta chital'ni komitetiv pikluvannya pro narodnu tverezist' v Ukraїni naprikintsi XIX – na pochatku XX stolittya [Libraries and reading rooms of people's sobriety care committees. in Ukraine in the late 19th – early 20th century]. *Bibliotekoznavstvo. Dokumentoznavstvo. Informologiya*. 2. pp. 21–39.

54. The Vilna County Committee of the Guardianship for Popular Sobriety. (1902) *Ustav popechitel'stv o narodnoy trezvosti, vysochayshe utverzhdenyy 20 dekabrya 1894 g.* [The Charter of guardianships for national sobriety, supremely approved on December 20, 1894]. Vilna: [s.n.].

55. *Russkaya Pravda*. (1890) Ustav Obshchestva tverezosti [The Charter of the Sobriety Society]. 10. pp. 69–70.

56. Franko, I. (1986) *Zibrannia tvoriv u 50 t.* [Collected Works in 50 vols]. Vol. 44(2). pp. 495–500.

57. The Bukovinian Chamber of Commerce and Industry in Chernivtsi. (1905) *Berichte über die öffentlichen Sitzungen der Bukowiner Handels – und Gewerkekammer in Czernowitz*. Jänner-Dezember.

58. Bruun, K. & Edwards, G. (1975) *Alcohol Control Policies in Public Health Perspective*. Lumio-Helsinki: [s.n.].

59. *Bukowinaer. Rundschau Czernowitz*. (1892) 24th April.

60. *Bukowinter. Rundschau Czernowitz*. (1898) 11th August.

61. Cybulski, N. (1894) *Proba badan nad zywniem ludu wiejskiego w Galicyi*. Krakow: [s.n.].

62. Anon. (1888) *Die Propination – Ablosung*. Chernivtsi: [s.n.].

63. Edwards, G., Anderson, P. & Babor, T. (1994) *Alcohol Policy and the Public Good*. Oxford: Oxford University Press.

64. Kaindl, R.F. (1904) *Geschichte der Bukowina von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Drei Theile in einem Band*. Chernovtsi: Buchhandlung von R. Eckhardt.

65. Osterberg, E. & Karlsson, T. (2002) *Alcohol Policies in EU Member State and Norway*. A Collection of Country Report. Helsinki: Stakes.

66. Anon. (1901) *Protokolle Auswanderungs-Conferenzen*. Chernivtsi: [s.n.].

67. Samuelson, J. (2005) *The History of Drink: A review, social, scientific, and political Paperback – November 30, 2005*. [Online] Available from: <http://archive.org/historydrinkare01samugoog> (Accessed: 1st November 2020).

Савчук Борис Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры педагогики им. Б. Ступарика Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Boris P. Savchuk – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: boris_savchuk@ukr.net

Билавич Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Galyna V. Bilavych – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

УДК 94(47)+94(436)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/6

И.П. Филевич и Карпатская Русь

Ч. 2. Карпатская Русь в научном наследии учёного

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Русский историк И.П. Филевич (1856–1913), уроженец Холмщины и сын униатского священника, выходца из Галичины, приехавшего по приглашению русских властей в Холмщину, всю свою жизнь посвятил изучению истории и современного состояния Карпатской Руси, в т. ч. и родного ему русского Забужья. Тема эта, составлявшая, по мнению учёного, важную часть истории России, к сожалению, оказалась вне российской историографии. Малочисленные работы российских исследователей, написанные большей частью во время посещения данных регионов, восполнить этот пробел не могли. Польские историки освещали историю этих территорий весьма тенденциозно, считая их исконно польскими. Труды галицко-русских историков Д.И. Зубрицкого, А.С. Петрушевича, И.И. Шараневича и др., малоизвестные в России, полной картины истории Карпатской Руси тоже не давали. И.П. Филевич поднял в своих работах проблемные вопросы истории Галичины и Холмщины. В магистерской диссертации «Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие» он исследует «тёмный» период истории Галицкой Руси – с 1340 до 1433 г., до окончательного присоединения захваченных земель к Польше и образования из них Воеводства Русского. В докторской диссертации «История Древней Руси. Т. 1. Территория и население» он описывает историю изучения Карпатской Руси в новое время, пытается выяснить западные границы «русской территории», указывает на наличие русского населения в Трансильвании. В других работах он даёт характеристику процессов воссоединения униатов и «возрусения» в Холмщине, вскрывает допущенные при этом ошибки, исследует историю австрийского правления в Галичине и общественно-политическую жизнь русинов, историю унии в Галичине и Холмщине, продолжает изучение судьбы Галицко-Владимирской земли в составе Польши, истории борьбы католичества с православием, поднимает вопрос о важности изучения

«географической номенклатуры» и т. д. Его работы вызывали интерес к проблемам Карпатской Руси, в т. ч. и к Холмщине, со стороны широкой общественности, в частности, и научной, политических деятелей, и в конечном итоге немало способствовали решению вопроса о выделении Холмщины и Подляшья в отдельную губернию.

Ключевые слова: Иван Порфирьевич Филевич, Карпатская Русь, Холмщина, Забужье, Подляшье, Галиция, Угорская Русь, Трансильвания, русины.

I.P. Filevich and Carpathian Rus

Part 2. Carpathian Rus in I.P. Filevich's scholarly heritage

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

The Russian historian I.P. Filevich (1856–1913) was a native of Chełm Land and the son of a Uniate priest, a native of Galicia, who had been invited to Kholmshchyna by the Russian authorities. I.P. Filevich devoted his life to studying the history and modern state of Carpathian Rus, including his native Russian Zabuzhie, which, according to the historian, played an important role in Russian history, but was ignored by Russian historiography, since the few works by Russian researchers, mostly done during their visits to these regions, could not fill this gap. Polish historians were biased in their coverage of the history of these territories, considering them originally Polish. There are few works by Galician-Russian historians D.I. Zubritsky, A.S. Petrushevich, I.I. Sharanevich and others, but they were almost unknown in Russia and failed to give a complete picture of the history of Carpathian Rus either. In his works, I.P. Filevich raises the issues of the history of Galicia and Chełm Land. In his Master's thesis "The Struggle of Poland and Lithuania-Rus for the Galician-Vladimir Legacy", he explored the "dark" period in the history of Galician Rus – from 1340 to 1433, before the occupied lands were finally annexed to Poland to form the Ruthenian Voivodeship. In his doctoral dissertation "History of Ancient Rus. Vol. 1. Territory and Population", he described the history of the study of Carpathian Rus in modern times and tries to identify the western boundaries of the "Russian territory", indicating the presence of the Russian population in Transylvania. In other works, he characterized the reunification of the Uniates and the "return to the Russian roots" in Chełm Land, analysing the mistakes made during

this process. I.P. Filevich studied the history of Austrian rule in Galicia, the social and political life of the Rusins, the history of the union in Galicia and Chełm Land, the fate of the Galicia-Vladimir land within Poland, and the history of the struggle between Catholicism and Orthodoxy. He also emphasised the importance of studying the "geographical nomenclature". His works aroused general, scholarly and political interest in the problems of Carpathian Rus, including Chełm Land, and ultimately contributed a lot to the solution of the problem of separating Chełm Land and Podlasie into a separate province.

Keywords: Ivan Porfirievich Filevich, Carpathian Rus, Chełm Land, Zabuzhie, Podlasie, Galicia, Ugrian Rus, Transylvania, Rusins.

Как уже упоминалось в первой части материала [6], большая часть научных работ И.П. Филевича была посвящена истории и современному состоянию Карпатской Руси, включая и родную ему Холмщину [3; 7 – 26], которая, по нашему мнению, тоже является частью Карпатской Руси [4: 288]. Историк, на наш взгляд, был наиболее компетентным в России специалистом по данному региону.

Все работы учёного можно условно разделить на две части. Первая – научные труды. Сюда можно отнести его монографии, научные статьи, рецензии, ответы на отзывы оппонентов, доклады на археологических съездах, предисловие к сборнику статей Е.М. Крыжановского, речи в Петербургском Славянском благотворительном обществе, отчёты о зарубежных командировках. Последние две позиции освещались нами ранее [6]. Вторая часть – его публицистика, которая сыграла важную роль в информировании российской общественности о проблемах Карпатской Руси, в дискуссиях по холмскому вопросу и последующем решении о создании Холмской губернии [2: 62].

В своих трудах И.П. Филевич исследовал политическую историю Галицко-Волынской Руси с 1340 по 1434 г., историю унии и проблеме воссоединения униатов, этническую, социально-экономическую историю региона, общественно-политическую и религиозную жизнь русинов, пытался определить западные границы Русского мира, поднимал вопрос полонизации русинского населения, проанализировал сведения о Трансильванской Руси и т. д.

Первая его научная статья «Забытый угол», вышедшая в 1881 г. в «Историческом вестнике» [7], была посвящена истории Холмщины. Она интересна тем, что И.П. Филевич подробно разобрал допущенные церковными и светскими властями ошибки при «русификации» и «воссоединении» церквей и показал негативную, по его мнению, роль в этом приглашённых священников из Галичины.

Учёный выразил недоумение, почему Холмская Русь – «земля Романа и Даниила» – «теперь, по не понятным для обыкновенного смертного причинам, входит в состав десяти польских (!!) губерний, и в глазах большинства наших отечествоведов является чисто польской землёй» [7: 79]. В материале он поставил перед собой задачу «сообщить русскому обществу главнейшие сведения об этом забытом уголке Руси, дать ему возможность верно оценить нынешнее его положение» [7: 80–81].

Коренное население Холмщины составляло более 200 тыс. малорусского населения. Немногочисленное польское население было сосредоточено в основном в имениях, принадлежавших польским помещикам (фольварках). Униатская вера считалась холопской, положение местного населения было незавидным, и «единственным стражем и оберегателем его было сельское духовенство, бедные, забытые, приниженные "помилуйки" (прозвище униатских священников. – С.С.), на всяком шагу оскорбляемые польскими панами и гордыми, заносчивыми "оремусами" (*oremus* ("Давайте помолимся") – прозвище католических священников. – С.С.)». «Хлопский ксёндз» был в глазах польских панов «лицом низшей породы». Нередко униатские священники наравне с «хлопами» отбывали панщину. Поэтому сельские священники понимали, что только народ, обзываемый «псом-русином», был близок к ним, приходил в трудную минуту за советом, приносил свои убогие подаяния и у алтаря вместе со священником отводил свою душу. И хотя духовенство в своей массе было невежественно и необразованно, требования населения были невысоки, и поэтому за несколько веков образовалась тесная связь униатского духовенства с народом [7: 81].

Ко времени очищения обряда и воссоединения картина переменилась. В унию началось «распадение, "разделение на ся"». Священники стали уже не теми «помилуйками», которые не брезговали «хлопским обществом». Это были «цивилизованные, элегантные люди, прослушавшие в холмской семинарии курс богословия по-латыни, на гимназической скамейке сидевшие со своим паном-помещиком, тяготившиеся своим положением хлопского ксёндза и с завистью поглядывавшие на жирных оремусов». Они вкусили плод «западно-европейской цивилизации, и какую бедную, неприглядную, мрачную показалась им Русь и всё русское, какую светлую, очаровательную картину представляла тут же обок стоявшая Польша». Произошло то же, что и ранее на всей территории, занимаемой малорусским народом. «Цивилизованный униатский священник перестал быть стражем и оберегателем русской народности», он стал представителем унии (обряда) и сам не знал, к какому народу себя причислить [7: 82–83].

На территории Холмской Руси было много католических костёлов и монастырей, славившихся своими «отпущами» (храмовыми праздниками). Туда приходили и униаты, привлечённые проповедями монахов, роскошными церемониями и слухами о чудесах. Стекалась масса приношений, которая потом раздавалась духовенству в виде «облиг» (предварительная плата за известное число обеден (1 руб. – за петую, 50 коп. – за «шептушку»)). Сюда устремились бедные униатские священники, для которых «облиг» стал существенным доходом. В результате они попали в материальную зависимость от ксёндзов. В свою очередь бедный «помилуйка» был рад, что вошёл в общество панских ксёндзов и сблизился с паном. Но окупить свой вход в данное общество пришлось искажением обряда. Народ, прежде не воспринимавший нововведения, постепенно стал привыкать к ним. Органы и другие принадлежности католического богослужения, действующие на чувства, понравились ему. Под сводами русских церквей стали раздаваться польские гимны, которые народ по простоте своей стал нередко считать более угодными богу. В его глазах это были атрибуты «панской веры», которая не могла быть хуже «холопской». Униатская церковь потеряла всякую самостоятельность, подляшский католический епископ Вениамин рассылал распоряжения и униатским священникам, каждый ксёндз считал себя вправе вмешиваться в дела униатской церкви. Полная подчинённость унии выразилась в назначении епископом Иоанна Калинского. Как пишет автор, «для русской народности в Холмщине настали последние дни. Но чаша переполнилась». И после увольнения Калинского (1866 г.) «начинается эра её духовного обновления». Священники стали получать жалование, освободившись таким образом от материальной зависимости от ксёндзов. Однако первая попытка «к оживлению русской народности и искоренению утвердившегося полонизма была встречена недоброжелательно». Хотя униатские священники не имели ничего против проповедей на русском языке, но они не нравились латинянам, и священники, получая рассылаемые проповеди, «соблюдали только приличие перед недавними своими покровителями» [7: 83–85].

Вскоре в Холмщине появляются приглашённые правительством галичане. На них, «щирых русинов», как «на испытанных бойцов за свою народность» возлагались большие надежды. Правда, учёный выразил сомнение, что их привлекло «единственное желание помочь своим братьям», припомнив басню И.А. Крылова «Пчела и муха». «Покровительствуемые правительством новые возмутители прибыли, однако, не с словом любви и мира на устах, а с явною враждой к местному элементу, обнаружившемуся в открытом нежелании сблизиться с местным духовенством и в какой-то страстной нетерпимости к местным

обычаям и порядкам, нередко отличавшимся чертами древнерусской старины». К сожалению, Холмской консистории во главе с архипресвитером не хватало энергии «умерить пыл пришельцев» [7: 85].

Помимо того, что галичане не наладили контакт с местным униатским духовенством, они в большинстве своём «не умели подойти к народу, их образ мыслей и привычки слишком резко расходились с местными, их жаргон казался народу странным; во всех их действиях и поступках замечается неумение держать себя в известных границах, какая-то страстная поспешность в желании засвидетельствовать своё усердие, всего более раздражавшая народ». Было ещё одно важное обстоятельство: у галичан не было отпускных грамот (*litterae dimissionales*), «они, по словам галицкого стихотворения, "примчались" в Холмщину "самохот"», и в глазах местных жителей были нарушителями канонического права. Как отмечает И.П. Филевич, при «возрусении Холмщины» на это не обращали внимание, хоть это и мелочь, «но будь они у галичан, и положение их было бы далеко не так щекотливо» [7: 86–87].

Галичане не пользовались расположением народа, «ни один из них не дал себе труда приноровиться к народным вкусам и привычкам; большинство из них, не дожидаясь прямых предписаний власти, исключило решительно всё, напоминавшее о латинстве, а были и такие, которые, из усердия не по разуму, отпустили бороду и переменили покрой платья. Народ окончательно отвернулся от них» [7: 87].

Была и ещё проблема: после Калинского униатская Холмская епархия управлялась архипресвитерами, которые вместе со светской властью проводили реформы. Униатское духовенство, воспитанное на католическом представлении о церкви, не могло смириться с тем, что эти важные перемены не санкционировались высшей духовной властью. Поэтому, «будь в Холмщине епископ, и, конечно, не было бы и десятой доли тех беспорядков, какие происходили, и, во-вторых, половина, если не больше, священников, покинувших приходы, осталась бы на месте» [7: 87].

Вывод автора: «... галичане с первого шага стали на ложный путь, внесли в Холмщину не мир, а раздор и вражду; в их нетерпимости и заносчивости ясно сказалось влияние иезуитско-католического воспитания, какое получали они в семинариях, а некоторые и в академиях (прибавим: католических); жаль только, что их воспитатели не передали им того такта и умения вести дела, каким отличаются сами» [7: 87].

М.Е. Куземский, который правил епархией после Калинского на протяжении трёх лет, «был совсем неспособен умиротворить» её.

Он был «представителем того галицкого партикуляризма, который развился в Галичине в борьбе с польским элементом, но вырос на почве унии и папизма. Куземский не любил поляков, но терпеть не мог, когда при нём говорили по-великорусски, и сам объяснялся уродливым книжным галицким языком». Успешному делу «возрусения края» мешало отсутствие центральной власти, от которой бы исходили все распоряжения. Консистория «рассылала различные циркуляры, рапорты, отношения, предписания, всё более и более волновавшие народ». Ограничившись канцелярской перепиской, «она возложила всю тяжесть умиротворения епархии на сельское духовенство», что было «ему не по силам» [7: 88–89].

В 1874 г. «некоторые земляки покинули приходы», причём не все из них были «польские патриоты фанатики» (те лишились должностей ещё в 1868 г. за поддержку польского восстания. – С.С.). «С 1874 г. церкви опустели, народ перестал обращаться к священникам за исполнением духовных треб, волнение достигло высочайшего пункта... Если и прежде действовали подозрительные личности, ходили по рукам "пастырския послания", то теперь они появились ещё в большем числе... Оставшимся на приходах священникам народ прямо указывал на покинувших свою паству как на людей святых, пострадавших "за веру!"» [7: 90–91].

С 1875 г., со времени окончательного воссоединения с православием, разделение священников должно было бы прекратиться: все стали православными священниками Холмско-Варшавской епархии. Однако на самом деле было не так. Высшая церковная власть не делала различия между духовенством «по принадлежности его к той или другой партии, стали ценить только действительные заслуги». В результате, как пишет И.П. Филевич, «поднялся тот шум, отголоском которого можно считать несколько статей, появившихся в "Церковно-общественном вестнике". Не исчезло различие между духовенством и в глазах народа. Признавая в теории всех одинаковыми, народ по-прежнему не благоволил к галичанам» [7: 91–92].

Говоря о простом народе, автор отметил, что «в последние дни унии духовенство в Холмщине потеряло характер стражей и оберегателей народности, что в этом отношении народ был предоставлен самому себе. Но, несмотря на беспомощное положение, несмотря на бесчисленные соблазны и искушения, русский народ в Холмщине исполнил своё святое назначение и остался передовой стеной русской народности на западной её окраине. В настоящее время, когда вопросы национальные играют такую важную роль в жизни народов вообще, мы не можем не сказать сердечного спасибо этим так называемым "русинам" за их стойкость и выдержку» [7: 92–93].

И.П. Филевич напоминает, что в Люблинской и Седлецкой губерниях, буквально в 70 вёрстах от Варшавы, в сёлах и местечках любовью «услышит тот же малорусский язык, каким говорят в Волынской, Подольской губерниях», встретит такие же понятия и обычаи, как «по всей территории, занимаемой малорусским народом». Правда, в городах «многие мещане перешли в католичество, а вместе с тем отпали от своей народности», оставшиеся униатами тоже «переняли много польских обычаев и даже язык, но тем не менее не могли они считать себя вполне поляками». Учёный приводит в качестве примера одного «старшего братчика в небольшом городке, униата, породнившегося с поляками и считавшего себя поэтому аристократом. Он всегда говорил по-польски и не только, так сказать, в официальных случаях, но даже у себя дома; одним словом, это был униат совсем ополячившийся. "Отче наш" он знал на трёх языках; начинал по латыни, затем говорил по-польски и наконец прибавлял: "a dla lepszego wyrozumienia ą Panie", "Отче наш, иже еси..."». Т. е. есть русский язык считал «наиболее понятным Богу!» [7: 93–94].

Автор снова коснулся болезненной для Холмщины темы «возрусения и воссоединения», отметив, что «тёплого, сердечного отношения» к её деятелям в крае нет. Он подчеркнул, что первоначально цель правительства была «не в воссоединении, а в возрусении Холмщины», т. е. стоял вопрос не религиозный, а политический. «Первый почин был как нельзя более целесообразным: униатское духовенство было освобождено в материальном отношении от той зависимости, в какой оно состояло всё время у католического клира, в холмской семинарии преподавание было установлено на русском языке, польские гимны и проповеди были запрещены, и, что всего более важно, было основано три классических гимназии для греко-униатского населения и значительно увеличено число народных училищ. Этими действиями правительство заявило, что оно очень хорошо понимает невозможность в несколько лет уничтожить плоды вековых трудов католического духовенства и панов». Т. е. вначале правительство планировало «мирное, медленное воздействие на униатов в смысле обращения их к народности и вере, в смысле постепенного возвращения заблудших сынов на материнское лоно». Правительство возлагало надежды на молодёжь, подготовленную во вновь основанных учебных заведениях. «Но явились новые, чуждые элементы, и дело возрусения и воссоединения приняло совершенно другой оборот». Вместо благоразумности была проявлена непонятная поспешность, желание поскорее покончить с униатским обрядом. «Вот эта-то поспешность в очищении обряда, в чём и выражалось возрусение, была главным грехом возрусителей, принёсшим наиболее зла Холмщине» [7: 94].

«Усердные возрусители» игнорировали местные обычаи, нравы и понятия. Они захотели сделать из Холмщины «сразу самый православный край и притом не на малорусский, а на великорусский лад». Они стали перестраивать церкви, забыв, что «из-за местных святынь совершались исторические подвиги, что и в настоящее время везде, у каждого народа есть местные святители и святыни, пользующиеся особенно любовью и уважением; уничтожить их – значит отнять у народа то, что есть у него самого дорогого». Униатские церкви обыкновенно строились помещиком, но украшались и отделялись прихожанами, нередко церковь украшалась за общественный счёт. Престолы, которых в униатских церквях было по несколько, украшались «нередко очень затейливой резьбой», у этих престолов, особенно с иконой св. Николая, совершались по воскресным и праздничным дням молебны, акафисты, на них народ любил ставить миски с пирогами и другими приношениями. Поэтому, когда они оказались вынесены во двор, на народ это произвело тяжёлое впечатление [7: 94–95].

Обратил внимание учёный и на следующий момент: в Холме существовала школа причётников. Окончившие её нередко становились сельскими учителями, одновременно получая место и в лучших приходах. И хотя часть из них не уклонялась от своих обязанностей, создавала прекрасный хор, но в большинстве они были «парадными» причётниками, исполнявшими свои обязанности в праздничные дни. Обязанности же причётника исполнялись одним из крестьян. В униатских церквях употреблялся древний южнорусский напев по изданному в Киеве и Почаеве Ирмологиюнам. Народ к нему привык, знал, и многие прихожане принимали участие в пении. Однако «ревностные очистители обряда, уничтожая латинские примеси, не пощадили и древнерусского напева». «Стали вводить так называемое пение "по кругу", а для более верного успеха молодых причётников обучали исключительно круговому пению. Старые певуны из крестьян должны были стушеваться, потому что кругового пения не знали. Народу новый напев показался монотонным, недостаточно торжественным». «Неприятно было народу и великорусское произношение новых причётников, которым они, как нарочно, особенно любили щеголять». Простым прихожанам не нравилось, когда пели «Господи Помилуй», а не привычное «Господы помылуй»; «Тебе», а не «Тебі, Господы» и т. д., а при пении херувимской происходили открытые скандалы. Униаты пели: «всякую ныне житейскую отверзем печаль!», а новые причётники: «отложим попечение». «Народ при этом обыкновенно громко кричал: "Нам не треба печени (т. е. жаркого), сховай ю для себя, а нам спывай – печаль!"». Были и другие тонкости. В униатском обряде бракосочетания полагалась и присяга, заимствованная у ка-

толиков. Народ привык считать её основной в обряде, и её отсутствие сильно его смущало. Как писал И.П. Филевич, бывали случаи, «когда мужа, недовольные своими жёнами, прогоняли их от себя, вовсе не испытывая угрызений совести и не подвержаясь упрекам односельчан. "Або я тобі присягав?" – говорят они в этом случае жёнам» [7: 95–96].

Автор считал, что «православие, основываясь на внутренней правде, не может стесняться мелкими обрядовыми формальностями в том случае, когда они не изменяют значения и смысла таинства», и «православие никогда не обнаруживало нетерпимости к местным народным обычаям и понятиям, и именно потому оно стало везде, где ни существует, религией народной, национальной, чем никогда не было и не будет католичество». Поэтому, «даже не зная в точности церковного устава, можно сказать, что всё указанное могло бы остаться в прежнем виде, нисколько не вредя ни чистоте восточного обряда, ни русской народности» [7: 96–97].

Говоря о католическом духовенстве, автор замечает, что хотя оно «старается принять вид зрителя, равнодушно смотрящего на всё, что происходит кругом», но «это ещё не значит, что влияние уничтожено». В некоторых приходах до сих пор народ толпами «устремляется на католические "отпусты" в места более или менее отдалённые от русской территории, особенно в Ченстоховский монастырь» [7: 97].

Указал автор на значение сельской школы, из которой «в Холмщине должны выходить не только верные сыны отечества, но и верные сыны православной церкви». В то же время сельский учитель получает всего 120 рублей, причётник – 200 рублей и пользуется при этом ещё церковной землёй. «Россия не обеднела бы, если бы назначили сельским учителям в Холмщине по 500 руб. и надзор за школами поручили хорошо знающим местные условия лицам» [7: 98].

Посещение Холмской епархии преосвященным Модестом (в миру Даниил Константинович Стрельбицкий, с 1878 г. – викарий Холмско-Варшавской епархии. – С.С.), во время которого он показал «удивительный такт и верное понимание характера народа», произвело благотворное впечатление на народ («и как за то не любят его галичане», – добавил автор) [7: 98].

В 1885 и 1886 гг. И.П. Филевич опубликовал рецензии на изданные П.Н. Батюшковым VII и VIII выпуски «Памятников русской старины в западных губерниях», посвящённые Холмской Руси [8; 9]. Издание «Памятников русской старины в западных губерниях» было предпринято в начале 60-х гг. XIX в. С 1864 по 1874 г. вышло шесть выпусков, первые четыре были посвящены волынским, два последних – виленским древностям. После этого их издание прекратилось. В декабре 1883 г. на основании доклада министра внутренних дел,

президента Императорской академии наук графа Д.А. Толстого императору Николаю II «состоялось высочайшее соизволение государя императора на продолжение прекращённого издания», и в 1885 г. вышел VII выпуск объёмом 432 страницы, посвящённый Холмщине. Его учёный приветствовал как «явление особенно радостное, особенно благовременное» [8: 150].

Автор рецензии напоминал, что «вековая борьба поляков и русских и в настоящее время далеко не пережита, и теперь в ней так много больных мест, так сильно затрагивает она интересы и чувства обоих народов, что спокойное, беспристрастное изучение даже отдалённой старины представляет нелегко одолеваемые затруднения». Хотя в школе молодых польских историков сильно стремление к исторической правде, как пишет И.П. Филевич, «эта правда слишком горька, скажем прямо, слишком обидна для того, чтобы высказать её во всей полноте». Он упомянул польского историка М. Бобжинского (Bobrzynski) и его труд «Очерк истории Польши» (*Dzieje Polski w zarysie*. 1879). «Произнося справедливый приговор над польским шляхетством, историк не может найти в себе достаточной силы для столь же справедливой оценки отношения шляхты польского народа к другим народам польского государства». Упомяная унию, польский историк говорит о «кровавом поте», обливаясь которым работал польский народ над цивилизацией восточных пустынь». Под «польским народом» имелся в виду шляхтич, «немедленно закрепощавший себе население этих якобы пустынь», «о благах цивилизации, тяжёлым кошмаром давившей русский народ на всем его протяжении в пределах польского государства, не может быть и речи, если этот народ всеми силами старается от этой цивилизации отрезвиться». Если такое пишет польский историк, стремившийся к объективности, то что можно сказать о других? [8: 151].

И.П. Филевич считал, что «трезвый и справедливый взгляд даже на стародавние отношения Польши и Руси может предвидеться в польской среде вовсе не в близком будущем; он должен будет составить новую стадию в польской исторической науке, но по аналогии с отрезвлением взгляда на шляхту можно с уверенностью сказать, что он появится не раньше, как практика жизни снимет очки с польских глаз и не оставит решительно никакой возможности для каких бы то ни было иллюзий» [8: 152].

Если говорят о тяжёлом положении русского населения в Северо-Западном крае, «то что же сказать о Забужье, о том действительно несчастнейшем уголке русской земли, который даже официально причислен к губерниям Царства Польского». Этот «злосчастный русский угол» представлен в «Памятниках русской старины в западных

губерниях». В нём помещены, как говорится в предисловии от издателя, «исторические свидетельства об исконной принадлежности Забужского края к России, сведения о судьбах Холмщины под чуждою властью, которая для искоренения русской народности и веры стремилась к одной цели – ополячению края, сведения о самозащите православия посредством учреждения церковных братств и о мерах, которые были приняты правительством в ограждение русского простонародья от дальнейшего и окончательного совращения в латинство». Содержание выпуска, пишет И.П. Филевич, «может быть распределено по двум отделам: 1) памятники русской старины с описанием и историей их и 2) краткие очерки, касающиеся и отдалённой старины, и недавнего прошлого Холмщины» [8: 153].

Прямая цель такого издания, считал учёный, – «оживлять в памяти потомства давно минувшую старину. Ещё обязательнее эта цель там, где старина как будто онемела. Бедное Забужье не может, конечно, похвалиться многочисленными памятниками, но они есть; увы! многие из них доживают последние дни». И.П. Филевич упоминает о помещённых в «Памятниках» заметках о старинных церквях, рисунках в приложенном к книге альбоме. Задачу подобного издания он видит в собрании на своих страницах «как можно более таких заметок о разрушающихся памятниках старины и таким образом сохранить их по крайней мере в тщательном описании». Помощь в этом своими сообщениями могло бы оказать духовенство Холмско-Варшавской епархии [8: 154].

Рецензент отметил в книге труды, которые могут стать «твёрдым основанием для будущей полной истории края». К ним из первого раздела относятся статьи священника А. Будиловича («Чудотворная икона Пресвятой Богородицы в Холме», «"Апостол" львовской перепечати Ивана Фёдорова Москвитина (1573–1574 гг.)», Г.К. Хрущевича («Белавинская и Столпъенская башни под Холмом», «Посад Коден и его исторические достопримечательности»), Н.И. Петрова («Холмско-подляские православные монастыри: Холмский, Замостский и Яблочинский»). Говоря о материалах второго раздела, учёный выделил работу «почтенного историка» Д.И. Иловайского («Даниил Романович Галицкий и начало Холма»), продолжением которой стал «Город Холм» Г.К. Хрущевича, «Монастыри Юго-Западной России вообще и Креховский монастырь» Я.Ф. Головацкого. Статья «Греко-униаты в Царстве Польском и князь Черкасский» (N.N.) «в многих местах напомнила нам труд одного из почтейнейших деятелей и лучших знатоков края» Е.М. Крыжановского «Князь В.А. Черкасский и холмские греко-униаты», вышедший ранее, о котором в данной статье нет упоминания. В «Очерках быта крестьян Холмской и Под-

лясской Руси по народным песням» протоиерея Н.И. Страшкевича и К.Ю. Заусцинского «мы были бы более удовлетворены простым приведением образцов с ссылками на соответствующие варианты в сборнике Чубинского, который у автора был под руками». Статья Н.И. Петрова «Сплетский архиепископ Марк-Антоний Господневич и его значение в южнорусской полемической литературе XVII в.» «доказывает, что и в Холмщине существовал интерес к полемической литературе в защиту православия» [8: 154–157].

По материалам «Памятников» видно, как отметил рецензент, что «1750 г. был годом поворотным в религиозной жизни населения Холмской Руси», «это понятно: должны же были в чём-нибудь проявиться результаты Замостьского собора». Учёный предположил, что в следующем готовящемся выпуске издатель даст обозрение целых периодов истории Холмской Руси [8: 158].

Говоря о VIII выпуске «Памятников русской старины в западных губерниях», являющемся продолжением предыдущего, И.П. Филевич также разделяет все статьи в нём на две группы: «одни имеют прямое, непосредственное отношение к краю», «другие, то захватывая отдельные моменты его истории, то касаясь некоторых его местностей, имеют к нему или менее близкое отношение, а иногда и довольно отдалённое отношение» [9: 117]. В «Памятниках» приняли участие «не только местные деятели, вообще не заявившие себя более или менее заметными трудами, но и пользующиеся почётной известностью учёные исследователи судеб Западной Руси, как М.О. Коялович, И.И. Малышевский, О.И. Левицкий, С.В. Шолкович», а также Н.И. Петров и А.В. Лонгинов [9: 118].

Говоря о материалах первой части, рецензент, разбирая статью «Устная народная словесность в Холмской и Подлясской Руси» протоиерея Н.И. Страшкевича, рассматривая её как дополнение к его же статье предыдущего выпуска, указывает, что «если сосчитать все кусочки, помещённые в VII выпуске, разумеется, с указанием местности, то число их не превзойдёт 150, причём мы включаем сюда даже отрывки в две строки. Ввиду такого количества, кажется, трудно пока говорить о неоспоримом поэтическом богатстве холмско-подлясского народа (стр. 454). Мы уверены, что и этот край Малороссии не беден песнями, но прежде всего их следует только собирать, и притом так, как это делали лучшие собиратели наших народных песен, непременно с самым точным обозначением местности, а, пожалуй, и лиц, со слов которых песня записана, – не говорим уже о точном соблюдении особенностей местного говора» [9: 126]. Он заостряет внимание на статье М.И. Городецкого «Последний греко-униатский епископ Холмской епархии (материалы для характеристики деятель-

ности епископа Михаила Куземского)». И.П. Филевич делает вывод, что «эта личность представляет высокий интерес, и жаль, что первая попытка к её разъяснению малоудовлетворительна» [9: 127–137].

В заключение учёный пишет: «Издание ещё не закончено, и потому нам кажется уместным указать, что оно уже дало и чего следует ещё ожидать. Перед нами два толстые тома в 962 страницы, заключающие в себе 36 статей; из них 23 касаются Холмщины непосредственно; остальные имеют с нею более или менее близкую связь». В конце VIII выпуска приложены описание представления униатской депутации из Холмской Руси императору Александру I и алфавитные указатели личных имён к обоим выпускам. Выпуск, как и предыдущий, сопровождается «атласом рисунков, изображающих холмско-русские местности и древности. Рисунки эти превосходно исполнены г. художником Грязновым» [9: 137].

Автор пишет, что издатель встретился с трудностями, собирая материалы, касающиеся «истории малоизвестного Забужья». Однако эта тема затрагивается не впервые. Ей отводилось место в исследованиях галицких учёных Д.И. Зубрицкого, А.С. Петрушевича, И.И. Шараневича, у польских авторов, в описаниях Варшавской православной епархии. Кроме того, «Памятники холмской старины без истории холмских святителей, немислимы». К VII выпуску приложена «маппа царств Галицкого и Володимирского»; «полагаем, что она будет дополнена в следующем выпуске картой всей Холмщины». Исследователь пишет, что «есть карта Люблинской губернии г. Риттиха, к Холмскому месяцеслову за 1871 г. приложена карта двух русских забужных губерний, в 1880 году издана г. Щебальским "Карта русского Забужья", но все они, по нашему мнению, недостаточны: названия местностей большею частью являются на них в польской форме, а если исправлены, то весьма часто неудачно». В свою очередь, есть яблочинский «помянник», в который «занесено свыше 60 названий местностей Подлясья в чисто русской форме» [9: 138–139].

В рецензии на монографию К. Горжицкого «Соединение Червонной Руси с Польшей Казимиром Великим» (*Kazimierz Jozef Gorzycki. Połączenie Rusi Czerwonej z Polską przez Kazimierza Wielkiego*), которая вышла во Львове в 1889 г., И.П. Филевич отметил, что вторая половина XIV в. «в истории Западной Руси и Польши представляет резкий перелом, закончившийся, как известно, неожиданным и непредвиденным соединением Литвы и Польши, резко изменившим ход как польской, так и западнорусской жизни. Обстоятельства этого перелома чрезвычайно сложны, темны и запутаны. Неудивительно поэтому, что историческая наука подходит к уразумению их весьма медленно». Рецензент указал, что большинство исследований не касаются борьбы

Польши и Литвы за галицко-владимирское наследие после смерти Юрия II. Если взять польскую и русскую литературу, то среди всех земель больше всего внимания уделено Галицко-Владимирской. Однако момент столкновения Польши и Литвы-Руси в 1340 г. и последовавшая затем борьба до 1387 г., как и судьба «Галицко-Владимирской земли за это же и непосредственно следующее время – до смерти Ягайло, остаётся в стороне, не разъяснённую, как будто не поддающуюся исследованию, как будто в самом этом периоде заключается что-то отпугивающее исследователя» [10: 131–132].

Исследуя этот период, учёный указывает, что надо убедиться в достоверности и значении главных источников и «немыслимо брать указанный момент отдельно, рассматривать его самого по себе, без связи и отношения к предшествующему и последующему как в польской, так в русской и литовской жизни, и притом за время особенно мало разработанное». Видимо, для Горжицкого подобных задач не существовало. Он берёт время Казимира само по себе. Коснувшись немного «обстоятельств, предшествовавших 1340 году, он в трёх главах рассматривает ход борьбы Казимира с Литвой-Русью». Первая часть его труда носит название «Политическое соединение Червонной Руси с Польшей», вторая – «Церковное соединение», третья – «Внутреннее соединение Червонной Руси с Польшей». «Все эти "соединения" являются тем более странными, не говорим уже о церковном». Разбирая детально монографию, И.П. Филевич подчёркивает ошибки автора. Галицкая Русь принадлежала Польше не с 1360 г. «До 1387 года Галицкая Русь составляла, так сказать, "забранный край", как называли потом поляки западнорусские земли, остававшиеся в польских руках лишь постольку, поскольку их удерживали в них польские гарнизоны и воздвигаемые поляками крепости» [10: 133–134].

Указал рецензент и на другие неточности: «Почему, например, он считает нужным относить договор Детка с Казимиром не к 1341 г., а ко времени позднему (30)? Почему, далее, первый договор Казимира с литовскими князьями он относит к 1340–1345 гг. (31), когда он, несомненно, относится к 1350–1352 гг.?». Автор «совершенно не знает приводимого Нарушевичем договора 1366 г., хотя мог бы найти на него ссылку в известном ему, по-видимому, "Очерке" В.Б. Антоновича». «Вообще вся первая часть его книжки решительно никуда не годится. По пути действительного научного выяснения хода борьбы Казимира с Литвой-Русью за галицко-владимирское наследие г. Горжицкий не двинул дела ни на один шаг вперёд, не бросил ни одной мысли, сколько-нибудь уясняющей эту борьбу» [10: 135].

Касаясь второй главы, учёный указал, что «именно положение католицизма в Галичине при Казимире представляет яркое доказа-

тельство непрочности в ней польского господства», «слабость, даже ничтожность успехов католицизма» в Галиции во времена Казимира «представляет явление весьма красноречивое». «"Церковное соединение" г. Горжицкого представляет, однако, сшивку до того гнилую, что она ползёт и трещит по всем швам» [10: 135–136].

Говоря о «внутреннем соединении», рецензент спрашивает: «Какой смысл может иметь для историка внутренняя жизнь страны при столкновении одного племени с другим, если он отвергает идею национальности? Г-н Горжицкий вообще не признаёт этой идеи в средние века (28), в частности, относительно Руси он утверждает, что она никогда не отличалась национальной однородностью (4)». «В самом деле, о национальности в средние века говорить "смешно", правда, тогда было другое – религия, но ведь и на неё можно смотреть с точки зрения выгоды. Очевидно, смело можно вести речь о всяческих "соединениях", никакого столкновения, никакой борьбы, никакого противодействия стремлению изменить исконное, старое, а потому привычное, потому же самому и дорогое; ввести на его место новое, непривычное, чужое – никакого, повторяем, отпора всему этому при таком взгляде не было и быть не могло. Ведь ассимиляционные меры были "для короля очень полезны", а способы, которыми они проводились с точки зрения средневекового искусства управлять, были "легальны и разумны", хотя бы даже и грубо насильственные» [10: 137].

И.П. Филевич в конце рецензии пишет: «мысль, что Русь представляла лишь материал, из которого Польша вправе была лепить что ей угодно», давно появилась в Кракове, теперь она перешла во Львов. В книге пропало всё, что составляло смысл полувековой борьбы. «Это австрийщина в науке» [10: 138].

Магистерская диссертация И.П. Филевича «Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие» вышла отдельной книгой в 1890 г. Ранее она была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» (1889. Ч. 266. Ноябрь С. 135–187; Декабрь. С. 280–304; 1890. Ч. 267. Январь. С. 95–135; Февраль. С. 253–302; Ч. 268. Март. С. 119–168).

Монография была посвящена К.Н. Бестужеву-Рюмину, состоит из предисловия, описания предмета исследования и пяти глав. Как написал автор в предисловии, «в предлагаемых очерках мы неоднократно имели случай указывать, что за всё время самостоятельности Галич не только ничем не выделялся в ряду других русских земель, но что ход его внутренней жизни представляет замечательную аналогию с ходом исторического развития земли, ставшей впоследствии ядром объединения Руси». И.П. Филевич отметил, что «некоторые важные моменты были как бы предвосхищены Галичем: здесь раньше старым

городам был противопоставлен новый город, княжий Галич, здесь же раньше начинается объединение земель, и одновременно на юге и севере стараются переместить в свои земли представителя духовного единства Руси». Представителями этих проявлений являлись князья волынские, но «возможность их осуществления опиралась, очевидно, на Галич». «Эти идеи скоро стали общим достоянием населения и поддерживали целостность земли при слабых Даниловичах и Юрии-Болеславе. Но на галицко-волынской почве они не могли осуществиться. Другая земля, шедшая, как мы видели, по следам Галича, явилась их полною выразительницей. Роль Москвы определилась как раз тогда, когда над Галичем разразилась гроза, и как раз незадолго до окончательного прекращения борьбы на западе был нанесён первый решительный удар вековому врагу на востоке, причём пало значение Литвы как русской державы». «Победа на востоке стала залогом будущей победы и на западе». Автор считал, что это говорит о тесной связи «исторической жизни обеих половин русского мира, при всём видимом различии её хода. С этого времени связанный с Польшей Галич является местом постоянного противодействия Польше, а в силу этого он был объектом непрерывного воздействия с её стороны». Учёный исследовал период до 1433 г. (окончательное присоединение к Польше земель Галицко-Волынского княжества, захваченных в последней четверти XIV в., и образование около 1434 г. из них административно-территориальной единицы Польского королевства – Воеводства Русского. – С.С.) [11: VII–VIII]. Как отметил автор, 1433 г. «был для Галицкой Руси завершением того процесса, какой с 1569 года начинается на всём пространстве Литовско-Русского государства» [11: 3].

Хотя то, что происходило позже, имеет тоже большое значение: именно Галицкая Русь выработала идею церковного братства и распространила её по другим русским областям как средство сохранения православия. На галицкой почве Русь столкнулась с Польшей, Польша восторжествовала, но «ни претворить в себя Русь, ни тем более уничтожить её Польша оказалась не в силах» [11: VIII]. В рассматриваемом периоде, важном для общерусской истории, не только определяется значение предшествующей деятельности Романа и Даниила, но и, главное, «взаимное отношение главнейших частей русского мира – юной Москвы и старого Галича в период непосредственно следующий». Также это время является исходным моментом вековых отношений Западной Руси с Польшей, «которые не могут быть поняты правильно без правильного освещения их начал» [11: X].

В первой главе «Польша, Литва и татары до 1340 г.» вкратце описывается внутри- и внешнеполитическое положение Польши,

расширение Литовского княжества, взаимоотношения Галицко-Волынского княжества с соседями, в т. ч. и татарами, усиление власти татар в Галицкой земле с конца XIII в. [11: 5–54].

Во второй главе «Очерк военных действий 1340–1387 годов» исследуются ситуация, сложившаяся после смерти Юрия-Болеслава, переписка польского короля с папским престолом и другие документы папской канцелярии, начало военных действий против Галицкой Руси, в т. ч. весенний поход 1341 г. Казимира III, борьба Польши и Литвы за галицко-волынское наследство после захвата Казимиром галицкой земли в 1349 г. После смерти Любарта борьба за галицко-волынское наследие прекращается. Автор отметил, что до 1344 г. Галицкая Русь оставалась под управлением Детка совершенно независимой от Казимира. В 1386 г. литовско-польский князь Ягайло женился на польской королеве Ядвиге и стал польским королём Владиславом II Ягелло. Галицкое княжество осталось за Польшей. Хотя некоторое время к нему предъявляла претензии Венгрия, но спор был дипломатическим и на судьбу Галиции уже не влиял [11: 55–120].

Главу «Дела церковные» автор начинает с краткой истории взаимоотношений католичества и православия после разделения церквей в 1054 г. и взятия в 1204 г. Константинополя войсками крестоносцев. Он напоминает о начавшейся тогда католической экспансии на русские земли: в 1204 г. папский посол предлагал галицко-волынскому князю Роману принять католичество, обещая ему королевский титул. В 1208 г. папа Иннокентий обращается ко всему русскому народу и духовенству, находя нецелесообразным упорство части греческой церкви (русской церкви) в разделении и извещал о посылке легата, предлагая оказать ему во всем послушание. Послание осталось без ответа. Оно служит «доказательством отдельности русского православия от Рима», а попытки папы подчинить его «достаточно ясно указывают, что отдельность никогда не прерывалась» [11: 121–123].

Попытки введения католичества, по крайней мере пропаганды его, были во времена краткого господства венгров в галицкой земле до окончательного утверждения власти Даниила [11: 123–124]. Несмотря на то что в Галицком княжестве действовали доминиканские проповедники, а затем и францисканцы, особых успехов они не достигли, и до 1232 г. на Руси не было никакого католического епископа. Лишь после 1234 г. аббат Опатовского монастыря Герард (Опатув – город в Польше, входит в Свентокшиское воеводство. – С.С.) был возведён в сан русского епископа с резиденцией в Любоше (Любош с 1250 г. политически, а после 1378 г. в церковном отношении отпал от Польши, став частью Бранденбургского маркграфства и Магдебургской епископии, ныне – деревня в округе Чарнуков-Трзчанка Великопольского

воеводства Польши. – С.С.). В 1245 г. начались переговоры Даниила Галицкого с папой, которые прекратились в конце 1254 г., а окончательно были прерваны в 1257 г. [11: 126–127, 132].

Контакты Даниила с папой не остались без последствий. В 1257 г. папа Александр IV утвердил «права духовной юрисдикции любушского епископа в пределах Руси. По документу оказывается, что предшественники любушского епископа "с незапамятных времён" (?) ведали духовные дела католиков на Руси. Исполнению пастырских обязанностей мешали, однако, "вероломство князей и злоба жителей"» [11: 127]. В 1320 г. папа Иоанн XXII назначил Генриха, доминиканского лектора в Порвалле, киевским епископом, которому, как и Герхарду, так и не пришлось побывать в «своей» епископии [11: 128–129].

В 1327 г. папа Иоанн XXII пишет письмо галицкому князю Юрию II Болеславу по поводу его желания объединиться с римской церковью. Однако планы князя стали известны митрополиту Феогносту. С 1329 по 1331 г. Феогност был в Киеве, потом на Волыни, где во Владимире в 1331 г. он рукоположил в новгородские епископы Василия, которого он вызвал туда же в 1334 г., по возвращению своему из Греции. В рукоположении принимали участие епископы Григорий Полоцкий, Афанасий Владимирский, Фёдор Галицкий, Марк Перемышльский и Иоанн Холмский. «Цель этого полного собора западнорусских иерархов объясняется характером и деятельностью Юрия-Болеслава, открыто перешедшего в католицизм». Митрополит придавал большое значение церковным делам православной окраины и хотел укрепить дух пастырей для противодействия католической экспансии [11: 135–136].

Отделение Галицкой митрополии произошло около первой половины XIV в. и было подготовлено предшествовавшими событиями. Киев после татаро-монгольского нашествия утратил «своё первенствующее значение». До разгрома 1240 г. в нём был наместник Даниила. Митрополитом стал ставленник Даниила Кирилл. После разорения Киева он перенёс свою резиденцию во Владимиро-Суздальское княжество. Его преемником стал митрополит Максим – грек, завершивший переход митрополии во Владимир-на-Клязьме. Следующим митрополитом с 1308 г. был утверждён игумен Новодворского монастыря на реке Рате Пётр. Его убедил стать первосвятителем галицко-волинский князь Юрий I (Георгий) Львович, недовольный переселением киевских митрополитов в Северо-Восточную Русь. Пётр тоже переехал на север. Как отметил И.П. Филевич, если, «потерпев чувствительный удар, юг склонился перед фактом, то это может свидетельствовать лишь о силе общерусского единения, и надо было появиться на сцене другим факторам для того, чтобы порешённый вопрос опять всплыл» [11: 143–146].

Этим фактором оказалась Литва. «В борьбе с нею пали преемники Юрия, обнаружив на деле явное для Петра бессилие юга, а Литва вскоре после этого стала Литвой уже только по имени. Киев перешёл под её власть, а город этот сохранял своё обаяние даже тогда, когда уже давно резиденция митрополита была перенесена из Владимира в Москву». По замыслам Гедиминовичей вся Русь должна перейти под власть Литвы, но против «этих замыслов стояла Москва, а вместе с нею и представитель единства Руси – митрополит, всё ещё официально носивший титул Киевского». Поэтому Ольгерд написал в 1371 г. патриарху Филофею: «дай нам другого митрополита на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород» [11: 146].

Ранее, в 1354 г., Ольгерду удалось создать Литовскую митрополию с центром в Новгороде, которая просуществовала 12 лет, и ей подчинялись епархии литовские (Полоцкая и Туровская), а также малорусские. После смерти митрополита Романа (1362 г.) патриарх Филофей постановил, «чтобы Литовская земля ни под каким видом не отлагалась и не отделялась от власти и духовного управления митрополита Киевского, ибо это, быв раз допущено, произвело много замешательств и беспорядков» [11: 150]. В 1376 г., за несколько месяцев до смерти, Ольгерд добился, чтобы в митрополиты Киевские и Литовские был поставлен Киприан, назначив его наследником Алексия. Однако, как отметил автор, неудачный союз Ольгердовича с Мамаем и Куликовская битва разнесли «славу имени Димитрия по всей Русской земле, и русское дело Литвы было проиграно окончательно и навсегда» [9: 151]. При Витовте Литва ещё раз возвысилась, при нём «снова осуществляется духовное разъединение русского мира», но всего на четыре года [11: 152].

В 1371 г. патриарх Филофей по просьбе польского короля Казимира III рукоположил в митрополиты Галицкие епископа Антония. В 1391 г. заведовать Галицкой церковью патриарх поручил Симеону, монаху одного из молдавских монастырей. В Перемышле появляется первый католический епископ. В 1352 г. папа Климент VI после смерти перемышльского епископа Ивана назначил на его место доминиканского сандомирского приора Николая. Второй была утверждена епископская католическая кафедра во Владимире, третьей – в Холме. Это не привело «к желательным для курии успехам», «успехи католичества среди русских могли обуславливаться единственно лишь силой». Казимир обратился к папе с просьбой назначить епископа во Львов. Организация католической церкви в Галичине была установлена в 1375 г. буллой Григория XI «*Debitum pastoralis officii*». Окончательно утверждение Галицкой архиепископской резиденции во Львове было признано буллой 1412 г. Львовскому архиепископу

подчинялись Перемышльская, Владимирская, Холмская епархии, а также вновь основанные – Киевская, Каменецкая и Серетская [11: 152–154, 160–161, 164, 170].

В главе «Дела гражданские» И.П. Филевич, резюмируя сказанное в двух предыдущих главах, пишет: «1) Борьба имеет характер культурно-религиозный: рядом с польским мечом идёт латинский крест; потому она тянется ещё долго по окончании борьбы вооружённой. 1387 год составляет момент, после которого она изменяет лишь форму. 2) Только случайность – вступление Ягайло на польский престол – закрепляет Галичину за Польшей и, что составляет иронию истории, – закрепляет литовскими же силами. 3) Только при Ягайло могла быть устроена в пределах Галичины католическая иерархия; только с этого времени сопротивление стало пассивным, выражаясь, скажем, словами Длугоша, "плачем, рыданиями, воплями". До этого времени несколько раз встречаемся с грозными для католицизма реакциями» [11: 173].

Анализируя архивные сведения, автор пришёл к выводу, что «представителя польской власти в Галичине встречаем не раньше 1352 г., т.е. лишь с того времени, когда она по договору с литовскими князьями была формально передана во временное владение Казимира; до этого времени польская администрация не могла в ней иметь места». До 1387 г. Галицкая Русь была предметом нерешённого спора и находилась на военном положении. Главным распорядителем здесь был король. В таком положении она оставалось во всё время правления Казимира, оно не изменилось при Людовике. До 1372–1387 гг. она не имела никакого отношения к Польше. Правление Владислава, как считает учёный, «представляет замаскированное, а правление Марии совершенно открытое господство угров» [11: 206–207].

«Быстрая смена правителей Галицкой Руси, как равно и то, что даже титул их не был официально установлен, показывает, что они были лишь временными наместниками короля, сменялись по его усмотрению, или иначе, что Галицкая Русь с 1387 до 1434 г. составляла личное достояние польского государя, "королевщину", которою он, как мы видели, и распоряжался совершенно произвольно». На это влияло то, что государем Польши был великий князь Литовский [11: 208]. Отмечая, что, как правило, высшие классы примыкают к власти и становятся её опорой, автор указывал, что в Галичине «особенного старания со стороны высшего галицкого класса заслужить милости новых правителей не видно» [11: 212]. Говоря о дальнейшей судьбе бояр, автор сделал предположение о сходности их судеб с судьбами бояр, «оставшихся верными народности и вере в других местах русского и литовского мира, где Польша не имела того права вполне

неограниченно распоряжаться, каким пользовалась в Галичине». «Целый ряд таких бояр был низведён поляками сначала в разряд путных, а потом и холопов. Их имена пропали для истории бесследно» [11: 214]. Говоря о польском влиянии на те группы, которые не вписывались в рамки польского и западноевропейского строя, отметим, что бортники вскоре перестают существовать как свободный класс, их участки стали собственностью помещиков; дьяки дольше сохраняли своё положение, постепенно и они «пали жертвой новых условий». Мелкие землевладельцы Западной Руси «впоследствии сослужили немалую службу полякам в подготовительном процессе политического слияния Польши и Литвы», но при первом столкновении с Польшей эта прослойка Галицкой Руси «в значительном числе должна была обратиться в крестьян, следовательно, несвободных» [11: 215]. Однако, как отметил И.П. Филевич, «в Галиче к половине XIV века коренные нормы русской жизни остаются в полной силе» [11: 217].

Упомянул автор и об иноземном элементе, который начинает появляться в больших количествах уже при Казимире, в основном в городах. Упомянул, в частности, немецкую колонизацию (1200 семей поселились во Львове). Немало в Галичине было армян и евреев. «Весь этот чужеродный элемент, преданный одной лишь наживе, вносил в русские города нравственное растление. Но при русских князьях он не мог быть столь опасен просто потому, что не имел той воли и того простора, какие открылись для него при польском владычестве» [11: 218].

В пятой главе «Галицко-Волинская земля во второй половине XIV века в исторической литературе» автор не только указал источники и литературу, относящуюся к теме его исследования, но и дал оценку степени изученности вопроса в польской и российской историографии. Он упомянул работы В.Б. Антоновича, К.Н. Бестужева-Рюмина, Н.П. Дашкевича, труды представителей краковской исторической школы (М. Бобжинского, С. Смолки, Ю. Шуйского и др.), К. Стадницкого и др., отметил, что в последние годы «были сделаны весьма важные шаги к правильной постановке вопросов, относящихся к истории Галицко-Волинской земли в XIV веке». Главными источниками для автора, помимо летописей русских и литовских летописей, «Истории Польши» Длугоша, Дубницкой хроники, послужили акты (документы папской канцелярии) и девять томов изданных во Львове в 1868–1883 гг. «Актов городских и земских» (*Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie*) [11: 221–232].

Исследователь сделал вывод: «Польский, точнее западнорусский вопрос стал предметом живых обсуждений наших публицистов, а

что гораздо важнее – история Западной Руси и Литвы стала с того времени предметом постоянной научной разработки; вместе с этим всё более и более раскрывалось её общерусское значение. Шаг за шагом пределы русского мира как бы восстанавливались в русской исторической науке, которая в трудах последних годов стала наконец на фактическом русском рубеже» [11: 232–233].

В статье «К вопросу о борьбе Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие» И.П. Филевич напоминает, что в разработке истории Галицкой Руси русская наука занимала «далеко не первое место», «ограничиваясь в течение долгого времени передачей – да и то далеко не всегда полной и точной – результатов работ местных галицких учёных, главным образом Д.И. Зубрицкого и отчасти И. Шараневича и А. Петрушевича» [12: 318].

В общем изложении истории Руси «Галич занял подобающее место лишь в трудах К.Н. Бестужева-Рюмина и особенно Д.И. Иловайского, лично побывавшего в Галичине и ознакомившегося там со всеми главнейшими произведениями местной исторической литературы». В 80-е гг. XIX в. активизировалось изучение русской и особенно западнорусской истории [12: 319].

«Исследователям нелегко было овладевать материалом, тем более что материал, особенно для галицкой истории, очень разбросан; довольно трудно было следить и за новыми работами, появляющимися за границей; наконец, выводы этих работ иногда просто поражали новизной и потому плохо прививались в науке, требуя полной перестройки научного здания». Автор отметил вклад в изучение личности Юрия-Болеслава Тройденовича (Юрия II), который внесли А. Нарушевич, В.Б. Антонович, А.В. Лонгинов и др., чтобы показать, в каком состоянии в России находились «общая постановка и разработка вопросов галицкой истории» [12: 319–321].

Поэтому в своей статье автор воспользовался «как замечаниями гг. Чучинского и Лисевича, так и замечаниями г. Линниченка, не столько для полемических целей, сколько для разъяснения спорных вопросов галицкой истории XIV века». Отзывы были сделаны на его монографию «Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. Исторические очерки» [10: 322]. Автор разбирает проблемные вопросы истории Галицкой Руси и источники, начиная с правления Юрия II до 1366 г., полемизируя с рецензентами. Исследователя удивило высказывание Лисевича, который заявил, что «вопрос о галицком наследии» составляет «один из самых тёмных вопросов польской (!) истории» [12: 322–342].

В рецензии «Вопрос о воссоединении западнорусских униатов в его новейшей постановке» (1891) на монографию П.О. Бобровско-

го «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. Ист. исслед. по арх. документам. С прил. алф. указ. имён и предметов» (СПб., 1890) И.П. Филевич отметил, что автор монографии придерживался взгляда, что 24-летний промежуток времени (1803–1827 гг.) до акта воссоединения послужил началом конца западнорусской унии; он обусловил дальнейшие реформы, естественно приведшие её к воссоединению. «Труд г. Бобровского имеет, таким образом, самую тесную связь с актом 1839, представляя исследование его подготовки, т. е. именно того, что в историческом отношении и наиболее важно, и наиболее интересно, ставя, по мнению автора, самый этот акт на твёрдую историческую почву» [13: 2–3]. Рецензент указал, что «основная идея труда г. Бобровского следующая. Промежуток времени 1803–1827 гг. составляет особый период истории западнорусской унии. Это период решительной борьбы клира с базилианским орденом. Он так важен, что все предшествовавшие явления в общественной и политической жизни народонаселения оживают в этой борьбе (стр. 13). Период этот подготовил возможность воссоединения. Митрополит Иосиф лишь завершил дело» [13: 5].

Разбирая это положение, И.П. Филевич пришёл к выводу, что «рамки исследования должны бы поэтому раздвинуться, включить в себя не только историю унии в России в последнюю четверть XVIII в., но и историю унии в соседней Галичине, где движение против базилиан началось раньше и к 80-м гг. привело уже к заметным результатам» [13: 9]. Протесты белого духовенства были и раньше, в 1746 г. и 1747 гг., и они, как и вообще движение белого духовенства против базилиан, начались в Галичине. «Именно тогда по жалобе львовского и перемышльского белого духовенства папа Бенедикт XIV издал буллу 4 августа 1747 г., в которой поручил униатским епископам иметь преимущественную заботу о образовании белого духовенства, допускать его к высшим духовным должностям (епархиальным); здесь же папа предписал не давать этих должностей монахам, т. е. базилианам». Уния, подчеркнул исследователь, «представляла тогда одно целое, неразделённое между Австрией и Россией, и галицкие протесты сейчас же обнаруживают своё влияние в других местах» [13: 10].

И.П. Филевич поставил вопрос о роли греко-униатских капитулов (коллегия (совет) клириков при епископской кафедре или коллегиальной церкви. – С.С.), которые, особенно Брестский, по мнению П.О. Бобровского, вынудили базилианский орден признать своё поражение [13: 13–14]. Автор рецензии упоминал, что Львом Шептицким Львовский капитул был установлен ещё в 1771 г. И хотя окончательное утверждение капитулов в Галичине началось с 1813 г., преобладанию базилиан пришёл конец здесь раньше. Они

были окончательно подчинены епископам, избираемым из белого духовенства, и окружающему их капитулу, т. е. тоже представителям белого духовенства. Таким образом, герои Бобровского «не отличались даже оригинальностью мысли, что они только перерабатывали то, что уже было сделано в Галичине; стремились к достижению тех целей, какие там были вполне достигнуты в 1813 г.» [13: 19, 21–22].

«Бобровский обнаруживает в своём исследовании полное отсутствие научной подготовки. Он совершенно не знаком с историей унии XVIII века, оттого-то он и не решился отодвинуть туда начальную грань своего периода; оттого-то обе первые главы исследования, захватывающие XVIII в., отличаются крайне плохой обработкой», – констатирует учёный [13: 11].

Он сравнивает А. Сосновского, М. Бобровского и их единомышленников с галицкими святоюрцами. «И те, и другие не считали себя поляками, а русскими – и даже, пожалуй, более русскими, чем так называемые ими "москали". Везде и во всём – в жизни, в науке – они окружены польщиной, и это пробуждает в них сознание необходимости бороться с ней. В этом отношении святоюрцы (отстаивали греко-галицкий обряд от латинских нововведений, опираясь на белое женатое духовенство. – С.С.) ушли дальше своих прототипов, которые и говорили по-польски, и вообще дружили с поляками. Но и те, и другие были одинаково отрезаны от русской жизни, не знали её, были ей чужды, и вследствие этого черты своей русской народности они должны были восстановить, так сказать, археологически. Отсюда это копанье в древностях, стремление к восстановлению якобы археологически чистых древних обрядов, общее тем и другим. Непосредственного живого чувства народности, которое было, например, у Семашко, у них не было и не могло быть» [13: 28–29]. В качестве иллюстрации он приводит деятельность холмского униатского епископа М. Куземского, который «бесспорно считал себя русским человеком»: «многое в очищенном в Холмской унии обряде считал "нововведением" вполне вредным святой церкви, греческому обряду, русской народности и даже святой вере». «Сделанное в Холмщине очищение обряда не совпадало с его археологическими данными, точно так же и брестские каноники подумывали о созвании чего-то в роде археологического западнорусского конгресса для исправления церковных книг» [13: 29–30].

На IX Археологическом съезде в Вильно (1893) И.П. Филевич выступил с докладом «Угорская Русь и научные вопросы, с нею связанные». В своём докладе он описал нынешние границы Угорской Руси, её административное деление и количество жителей, обратился к вопросу о времени поселения русского племени в Карпатах. На основании

географической номенклатуры, в особенности названий рек, используя сведения Начальной русской летописи, а также византийские и иные источники, докладчик, как и П.И. Шафарик, и Н.И. Надеждин, полагал «глубокую древность поселения русских по обеим сторонам Карпатских гор». Касаясь западной границы, референт обратил внимание на открытый В. Кентржинским новый источник, говорящий о племени хорватов на Дунае в Нижней Австрии. По его мнению, это известие «требуется дальнейшего разъяснения, равно как и частные вопросы о гуцулах, лемках, бойках и проч.» [14: 101–102].

В следующем году учёный издал отдельной брошюрой работу «Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки», посвятив её памяти Ю. Венелина. Отрывки из неё были зачитаны автором ранее на IX Археологическом съезде в Вильно [16].

И.П. Филевич писал, что Угорская Русь занимает северо-восточную часть Венгерского королевства. На севере и востоке она граничит с Галицией и Буковиной, на западе это крайние отроги лесистого Бескида, на юге – горы Сатмарские и Тиса. По сведениям Г.И. Бидермана, это пространство в 340–380 кв. австрийских миль (стандартная австрийская миля составляла 7,586 км. – С.С.). Часть его, примыкающая к Галиции с Буковиной (комитаты Сарошский, Земненский, Унгварский, Бережско-Угочский и Марамарошский), приблизительно 200 кв. миль, занята и в настоящее время почти сплошным русским населением, писал автор. В комитатах Спишском, Абауйско-Торнайском, Саболчском и Сатмарском русское население перемешано с поляками, словаками, венграми и румынами. Учёный обратил внимание на противоречивость данных о численности населения. Большинство склоняется к цифре 500 тыс. чел. Однако в 1826 г. угрорус Орлай насчитал 800 тыс., в 70-х гг. по официальным данным показывалось 448 тыс., по переписям 1880–1890 гг. – всего 353 226–379 782 чел. Однако по церковным спискам (шематизмам) и теперь их насчитывается 476 560–499 400 чел. Угорская Русь составляет окраину русского мира, отмечал И. Филевич, «по-видимому, вовсе не участвовавшую в его исторической жизни» [16: 1–2].

Исследователь считал, что «два капитальных вопроса нашей исторической науки связаны с закарпатской частью русского мира:

1) Каким образом проникло сюда русское имя, если Угорская Русь, по-видимому, не входила в состав древнерусской державы?

2) Современное различие двух главных ветвей русского племени – великорусской и малорусской – не объясняется ли передвижением населения с Карпат в нынешнюю Юго-Западную Русь с одной, и древнего южнорусского населения на северо-восток с другой стороны?» [16: 2–3].

Учёный был убеждён, что «русская стихия простиралась на юго-запад, по обе стороны Карпат, вплоть до Дуная, задолго до вторжения мадьяров в Паннонию, что мадьяры не привели сюда с собою русов, а нашли их здесь, осилили, расположились жить и господствовать меж них и таким образом разорвали то непосредственное соседство, в котором русы, по свидетельству и наших отечественных, и чужих преданий, находились некогда с сербами, хорватами и славяно-чехами». Доказательства этому есть «исторические, этнографические, топографические и даже лингвистические». Он упомянул, в частности, о существовавших до сих пор «русских» селениях в Трансильвании: «в сокровеннейших ущельях Карпат, при истоке Ольты, между румынами, мадьяро-секлерами и саксами находятся деревни, которые по сие время называются "русскими", жители которых на памяти ныне живущего поколения говорили ещё между собою "по-русски", т. е. карпаторусинским, или, что то же, – малороссийским языком! Никто не знает и не помнит, каким образом и когда образовались здесь эти оазисы» [16: 4–5].

И.П. Филевич не согласен с мнением академика А.А. Куника, что «русское имя за Карпатами имеет не национальный, а вероисповедный смысл», и что тот «решительно отвергает древность топографических названий» [16: 7]. В течение полувека после Надеждина, отмечал учёный, разработка данного вопроса не продвинулась ни на шаг. «Русская мысль боролась с норманистами под знаменем Руси поморской, роксолан, скифов и, наконец, готов». Про Угорскую Русь же в основном забыли [16: 11]. Автор перечисляет ряд постоянно повторяющихся в Карпатах славянских топонимов, в т. ч. с корнем *рус-* (*рос-*, *орос-*) [16: 16–21].

Учёный считал, что «только на Карпатах русская историческая наука может найти твёрдую почву для объяснения начал киевской государственности» [16: 28].

Говоря о вопросе передвижения населения с Карпат в нынешнюю Южную Русь, И.П. Филевич упомянул, что сторонники такой теории – «Погодин прежде, А.И. Соболевский теперь – основывают её на данных языка. Историк обязан принимать эти данные к сведению». Оставив в стороне вопрос о влиянии татарско-монгольского нашествия на населённость Юго-Западной Руси, который, как считалось в науке, не имел «особенного значения в этом отношении», историк писал: «Допустим, что это так. Исключается ли этим возможность колонизации, на которую указывает проф. Соболевский? По-моему, нисколько. История не может определить момента передвижения населения с Карпат в ю.-з. [Юго-Западную] Русь, но ведь так же точно история не может определить момента русской колонизации сев-

вост. [Северо-Восточной] Руси. Тем не менее никому из историков не придёт в голову отрицать её. Передвижение русского населения с ю.-з. на сев.-вост. составляет факт, подтверждаемый всем ходом русской исторической жизни, иначе говоря, факт несомненный, но он не такого рода, чтобы его можно было приурочить к известному моменту» [16: 31–32].

Однако если «принять во внимание оттеснение мадьярами русского населения с нынешней угорской равнины, передвижение румын с Балканского полуострова и возникновение румынских господарств на Нижнем Дунае и южных склонах Карпат, то мнение проф. Соболевского окажется заслуживающим самого серьёзного внимания русских историков», – заключает автор [16: 32].

В монографии «Польша и польский вопрос» (1894), посвящённой русскому философу, литературному критику и публицисту Н.Н. Страхову (1828–1896), автору монографии «Борьба с Западом в нашей литературе: исторические и критические очерки» (в 3 кн.: 1882, 1883, 1896), И.П. Филевич писал, что «в течение целого ряда веков польский вопрос заключал в себе все признаки вопроса грозного для Русского государства и народности; свою остроту он потерял лишь на наших глазах». Польский вопрос занимал в русской литературе заметное место. На него откликались все крупные представители нашей мысли, поэты отражали в своих стихотворениях общественное настроение, историки раскрывали его подноготную и дальнейшее развитие, слависты рассматривали его «на широкой основе славянской жизни» и т. д. Со второй половины XIV в. Польша «открывает наступление и отхватывает себе галицко-русскую окраину», в конце века «случай предлагает полякам все обширные земли Литовско-Русского государства, как вено за руку Ядвиги». «1795 г. положил конец преобладанию Польши на Русской земле, 1815 г. водрузил русское государственное знамя в Варшаве, но ещё долго оставалось всё по-старому, и представители поляков в "Западном крае" мечтали не на шутку об его отторжении от России не только в 1830 г., но и даже в 1863 г.» [15: 1–2].

Хотя в настоящее время польский вопрос «потерял свою практическую остроту», не может грозить какими-то «крупными осложнениями», т. к. территория Польши разделена между тремя мировыми державами, однако ещё долгое время, по мнению автора, «польский вопрос будет сохранять не только живой, но и даже животрепещущий интерес». Будет весьма большой теоретический интерес к падению государства, «долгое время игравшего видную роль в судьбах славянства», «обращает и будет обращать на себя внимание и современная жизнь потомков политического банкрота». И если для германских и

австрийских немцев эти вопросы имеют «весьма слабое значение», то «для славян и в частности для России они не безразличны по многим причинам... Для России не может быть безразлична судьба свыше 10 млн единоплеменного народа, большая часть которого неразрывно связана с нею общей государственной жизнью. Свыше 4 млн поляков занимают сплошную территорию этнографической русской Польши, около 2 млн живут за её пределами, преимущественно на русской, отчасти на литовской земле» [15: 3].

Учёный упомянул, что значительный процент поляков в России составляют помещики и вообще землевладельцы, в известной мере располагающие экономическими силами страны. Отметил «неопределённое положение поляков: в Австрии продолжавших свою историческую атаку на Русь, в Пруссии – меняющих свою политику сообразно минутным партийным комбинациям, в России – придерживающихся политики более или менее заметного пассивного сопротивления» [15: 4]. Он упомянул о 25-летней борьбе австрийских славян: старочехов и младочехов в Чехии, русских и поляков в Галиции, старорусской и украинофильской партий в Галиции, словаков и угрорусов с мадьярами, которой в России придаётся мало значения, в т. ч. и в гимназической программе [15: 5–6].

Русско-польские взаимоотношения продолжались в течение многих веков и отличались одинаковым характером: это была борьба народностей и культур. Она шла с переменным успехом. В истории русско-польских отношений автор отмечает три главных момента:

«1. Государственное объединение русского племени при Владимире Святом, нарушившее политические рубежи польского государства, можно думать, раздвинутое далеко за пределы собственного польского племени.

2. Решительный польский напор на Русь при Казимире III со второй половины XIV века. С этого времени к борьбе народностей присоединяются и культурно-религиозные элементы, которые составляют существенный характер отношений во все следующие времена.

3. Принятие Иваном III титула "всея Руси" и начало воссоединения Руси, а вместе с тем и освобождения от господства иноземных начал» [15: 9].

Учёный не указал в качестве важных периодов ни на унию, ни на смутное время, т. к. считал, что «они не были результатом внутренней жизни народа, а явлениями совершенно случайными». Смутное время «только мимолётно нарушило исторический ход взаимных отношений, и недаром уже сын непризнаваемого поляками царя имел возможность воссоединить Малороссию». «Ягайлова уния имеет, правда, чрезвычайное значение»: она открыла латино-европейскому

влиянию территории до Двины и Днепра, половину русского мира. «Но, независимо от случайности брака Ягайлова, уния эта, строго говоря, представляет собой явление новое только по грандиозности его размеров». Включению Великого княжества Литвы-Руси в «польское государственное тело» на Люблинском сейме в 1569 г. предшествовало такое же включение галицкой окраины в 1433 г. Этому, в свою очередь, предшествовало включение Санока, Сандеча, Спиша и других западнорусских территорий в состав Польши и Угорской Руси в состав Венгрии. «Моменты этих включений и пределы отвергнутых от Руси земель могут быть определены лишь более или менее приблизительно вследствие отдалённости от главного поприща деятельности русского племени и весьма малой научной разработки предмета». Все эти факты имеют одинаковый характер, отличаются по размеру отторгнутых территорий, «но никак не по внутреннему характеру их жизни». Под эту борьбу, как считал И.П. Филевич, не подходит только кратковременная «эпоха Владислава Локетка, отмеченная союзом двух спорящих сторон», которая и в польской истории составляет особый промежуток [15: 9–10]. Далее исследователь подробно разбирает три вышеуказанных периода, доводя третий период до времени «перевеса России» и раздела Польши.

На X Археологическом съезде в Риге (1896) И.П. Филевич поднял вопрос о разработке географической номенклатуры. Он упомянул о двух попытках показать значение географической номенклатуры как самостоятельного научного материала. Зориан Доленга-Ходаковский (Адам Черноцкий) отметил частую повторяемость некоторых названий на обширном пространстве нынешнего славянского пространства, связал этот факт с некоторыми сторонами жизни славян. Н.И. Надеждин, подобно Ходаковскому, «настаивает на самостоятельном значении номенклатуры, но объяснение этого значения он нашёл не в поэтических и религиозных представлениях народа, а в том, что номенклатура представляет след существования и деятельности человека, иначе говоря, представляет факт этнологический. В этом смысле Надеждин указал на географическую карту как на "первую страницу истории", как на самостоятельный её источник». Надеждинский «опыт исторической географии русского мира» «полагает начало географии этнологической». Последняя, в отличие от географии исторической, «обращается к карте как к пособию налагает на неё места и границы, указываемые другими источниками и, таким образом, получает условные, конечно, карты известного времени» [17: 328].

Н.И. Надеждин был первым, кто поднял в российской науке вопрос о важности разработки «географической номенклатуры», причём не только в самой России, но и за её пределами. Он призывал изучать

«народность русскую вне России» – в Карпатской Руси, в сопредельных с Россией Молдавском и Валашском княжествах, в Трансильвании и Венгрии, почти вплоть до Дуная, где «под толстым слоем румынского и мадьярского наноса скрывается основной кряж – мало того славянский – собственно и именно русский» [5: 53, 55–56, 58–59, 61].

Современное положение «этнологической географии» в России, считал И.П. Филевич, «нельзя характеризовать вообще»: разные части русской территории разработаны в номенклатурном отношении неодинаково, а это оказывает весьма заметное влияние на отношение у нас к номенклатурному материалу» [17: 329]. Отмечая двойственность названий, в т. ч. и на Карпатской территории, учёный напомнил, что ещё Надеждин требовал «предварительной работы над географической номенклатурой, восходящей от нынешних названий к древним старобытным, первоначальным через весь ряд изменений, которые они вытерпели» [17: 334].

В 1896 г. выходит в свет докторская диссертация И.П. Филевича «История Древней Руси. Т. 1. Территория и население», которую автор посвятил памяти Н.И. Надеждина [19], внёсшего значительный вклад в изучение истории Карпатской и Трансильванской Руси [5]. За год до этого часть результатов его исследования публиковалась в «Журнале Министерства народного просвещения» [18]. Сама работа состояла из «Предисловия» и трёх глав: «Задача и метод исследования», «Территория и население», «К этнографии Древней Руси». В дополнениях автором давались разъяснения некоторых высказанных им в работе положений, в частности его отношение к норманизму и готизму, значения перечней племён в летописи для разработки истории [19: 375–380].

Положения, извлечённые из диссертации И.П. Филевича «История Древней Руси. Т. I. Территория и население», данные в начале монографии, не потеряли актуальности и сегодня: «1) В научной разработке вопроса о Руси не были приняты во внимание вопросы, связанные с Русью Карпатской (стр. 1–23); 2) Соображения Надеждина об этой Руси, а равно его мысли об изучении русской исторической древности не оказали должного влияния на нашу науку, вследствие чего вопрос о пределах древнерусской территории остаётся до сих пор вопросом открытым (стр. 25–63); 3) В соображениях об этом вопросе должно иметь в виду следующее: а) По свидетельству языка земли, пространство нынешней России к северу от Припяти и к востоку от Днепра не могло служить ядром русского племени. Территория этого ядра должна быть отодвинута значительно более к юго-западу (стр. 69–142); б) Западные окраины русского мира, как в пределах нынешней России, так и за её пределами, всегда обнаруживали и поныне обнаруживают

замечательную устойчивость русского имени как обозначения земли и народа; а данные этнографии номенклатуры обнаруживают на всех западных рубежах Руси (русско-польском, русско-словенском, русско-мадьярском, русско-волошском) однородные факты постепенного этнографического перерождения русского племени. Эти факты дают основание предполагать, что в древности в этих местах Русь простиралась значительно дальше своих нынешних пределов (стр. 189–213, 241–272); в) Примыкающая к нынешним русским окраинам территория древних "словен" (теперь уже не славянская) представляет и поныне на всём своём пространстве живые следы славянства в языке земли. Номенклатура, общий этнографический характер и природное тяготение к древнему "Русскому морю" объединяют её с территорией нынешнего русского юго-запада, составлявшего в древности русское достояние, ввиду чего названия, связанные с русским именем, до сих пор ярко характеризующие эту территорию, можно считать определителями её древней племенной основы (стр. 142–189, 276–342); 4) Название Русь было коллективным обозначением славянских колен, занимавших весь бассейн древнего "Русского моря" от Дуная до Днепра. Название это не исключало частных обозначений (напр. летописные), которым, однако, нельзя придавать племенного смысла. Об отношениях частей этого древнерусского целого можно приблизительно судить по данным нынешней этнографии и отчасти диалектологии, не упуская, конечно, из виду векового влияния позднейших государственных и местных условий (стр. 214–240); 5) Указанные соображения о Древней Руси подтверждаются свидетельством летописи, которая в начальной своей части представляет отдельную повесть о начале русской земли. Можно думать, что редакция этой повести, как она сообщена в Никоновском своде, ближе к пропавшему древнему её тексту, чем редакции сводов Лаврентьевского и Ипатского (стр. 342–374)» [19: 1–3].

В «Предисловии» исследователь даёт краткую историю изучения Карпатской Руси в новое время, поясняет, что «история целой территории, особенно близкой и памятной древнерусским преданиям, письменно закреплённым её начальной "Повести о русской земле", до сих пор не включена в историческое изложение древнерусской жизни», что влияет «на историческое освещение всей нашей древности». Задача первого тома «Истории Древней Руси» состоит в восполнении этого пробела. Под «Древней Русью» автор понимал «ту часть славянского целого, с которою русское имя как обозначение земли и народа было наиболее крепко связано с самого начала исторической эпохи. В этом случае Древняя Русь представляет для нас факт этнографический, как коллективное обозначение известной части славянских колен».

Задача данного исследования – «определить объём этой части и взаимное отношение составлявших её элементов» [19: VIII–IX].

В первой главе И.П. Филевич указал стоящие перед ним задачи: «уяснение вопроса о территории, этнографическом составе и связи Руси Карпатской с остальным русским миром, с одной стороны; указание её отношений к славянскому роду – с другой» [19: 23]. Касаясь метода исследования, учёный упоминает, что «мысль о Карпато-Дунайской Руси высказал впервые Надеждин» [19: 25]. Именно он указал на необходимость изучения истории с изучением ландкарты (географических названий), для чего «требуется предварительная работа над географическою номенклатурою, восходящая от нынешних названий к древним, старобытным, первоначальным, через весь ряд изменений, которые они вытерпели», и необходимость «вслушиваться в живую речь народов» [19: 31–32]. Также Н.И. Надеждин требовал «самой широкой постановки этнографических изучений», отмечал «важность для древнейшей истории антропологических и археологических изучений» и «необходимость критического обследования древних письменных памятников, как своих, так и иностранных» [19: 39], т.е. «впервые вполне определённо формулировал научный метод разработки древностей» [19: 42]. Источниками И.П. Филевич определяет «письменные свидетельства, язык земли и народа, этнографию и археологию». Главнейшими из них, из-за скудности во многих других местах, остаются «письменные и язык земли» [19: 65].

Во второй главе даётся описание Карпатских гор и прилегающих территорий, перечисляется население региона (славян, в т.ч. и русских и «иноподданных всельников»), показываются примеры географической номенклатуры и её изменений, примеры распространённых на всей территории Руси названий, встречающихся и у других славянских народов [19: 69–98]. Особенно автор обращает внимание на гидронимы к прилегающей к северу от Карпат низи («как известно, наиболее устойчивые») и связанные с ними названия поселений, встречающиеся в Польше [19: 98–110].

Автор отметил, что «для русской части нашей территории мы не имеем столь подробных перечней древнейшего времени», как это было в Силезии, и привёл примеры из записи первой половины XIII в. об основании Генриховского монастыря [19: 111–118]. Далее исследователь анализирует географические названия на «границе низи и возвышенности», «горную номенклатуру», «язык земли, особенно Трансильвании». Он считает, что «близкое знакомство с характером народной терминологии открывает целую бездну между учёной и учебной географией и действительностью, которую должна бы отражать эта география». Учёный указывает на многочисленность

в Трансильвании названий урочищ, связанных с корнем *рус-*, приводит сведения из «древнейших трансильванских грамот», обращает внимание на славянскую номенклатуру на территории Бессарабии, Молдавии, Валахии. Упоминает он и о значительном русском населении в Венгрии и большом количестве греко-католических приходов. И.П. Филевич добавляет, что «на всём этом пространстве, рядом с живыми славянскими названиями или их явными отголосками, встречаются повсюду названия от корня *рус-*: от *Kis-Oroszi* на Дунае до *Russ pe Boul* на Молдавице». Он приходит к выводам: на данной территории сохранились следы славянства, постепенно происходит процесс «этнологических изменений», «язык нашей земли на всём её громадном пространстве почти один и тот же; мало того, он однокровный брат того же языка, какой мы видели на значительной части нашей низи» [19: 142–216].

В главе «К этнографии Древней Руси» автор анализирует летописные сведения, средневековые иностранные источники о Руси и соседних с ней народах, её взаимодействии со степью. Проанализировав источники, исследователь заключает: «название Русь есть коллективное обозначение славяно-русских колен, занимавших весь бассейн древнего Русского моря от Дуная до Днепра»; «Русью припонтийской объясняется древнее название Черного моря; Русью Карпато-Дунайскою объясняются названия от корня *рус-*, рассеянные по всему пространству карпато-дунайской территории»; «эти данные языка земли представляют этнографические показания и вполне соответствуют ряду других как этнографических, так и исторических свидетельств» [19: 276–353].

В своей «Программе для собирания сведений по этнографии Холмской Руси» (Холмско-Варшавский епархиальный вестник, 1900) И.П. Филевич поставил вопрос о важности изучения наряду с местной историей и местной этнографии: «жизнь и быт, нравы и обычаи, предания и поверия народа составляют давно и повсюду предмет самого живого общего интереса», «в живом облике народа отражается результат условий и хода его вековой жизни, и наряду с современными влияниями и воздействиями в народном быту хранятся нередко отголоски отдалённой старины; одним словом, народный быт представляет целый архив исторических источников». Собрать эти данные, по мнению учёного, должны те, кто ближе всего стоит к народу, кому они более доступны и понятны, прежде всего духовенство Холмской епархии. Для сбора этнографических сведений И.П. Филевич подготовил целую программу. Он предложил собрать данные «топографические и исторические» и «этнографические». При сборе данных «топографических и исторических» исследователь поставил

следующие вопросы: 1) Общий характер местности, где находится село или деревня; 2) Местные названия в районе земель села или деревни (обозначить название частей села и разных урочищ, строго придерживаясь местного народного произношения); 3) Не изменились ли названия некоторых мест, и если да, то когда и по какому случаю; 4) Не имеют ли некоторые из мест двойных названий, и как это объясняется в народе; 5) Все ли названия понятны народу? Нет ли особенно мудрёных, и как объясняет себе народ их смысл; 6) Нет ли каких-нибудь местных примечательностей письменных или археологических; 7) Не связаны ли с ними какие-нибудь народные преданья, поверья, приметы и т. п.; 8) Считают ли себя жители старожилами или новопоселенцами? Откуда? Нет ли преданий об этом? [20: 169].

Сбор этнографических сведений он разделил на ряд тем: общая характеристика, быт домашний (одежда, пища), семейный и общественный быт, язык. К примеру, в общей характеристике есть вопросы: какие имена особенно любимы и распространены? прежде, теперь; какой характер имеют фамилии (разнородные прозвища (напр., Сорока, Коцюба) или преобладают однородные окончания, напр. *-вич*, *-ук*, *-юк* и проч.)?; Однофамильцы считают себя родственниками или нет? В теме «Язык», в указании общего характера: 1) Как говорят дома, в семье; 2) Умеют ли говорить и на другом языке; 3) В каких случаях употребляется язык не домашнего обихода; 4) Как говорили лет 30–40 назад; 5) Нет ли разницы в говоре старшего и младшего поколения; 6) Нет ли в церкви старых русских метрических книг? Очень желательно сообщение, с какого года начинают попадаться в них нерусские записи и с какого русские совсем прекращаются. Не менее желательны образцы нескольких записей в точных выписках. Собранный материал И.П. Филевич просил выслать в Варшавский университет на его имя. Сообщённый материал после его использования исследователь, по желанию корреспондентов, готов был возвратить обратно или передать в церковно-археологический музей при Холмском православном Свято-Богородицком братстве [20: 169–171].

В своих двух статьях «По поводу теории двух русских народностей» (1902) [21; 22] и «Вопрос о двух русских народностях и "Киевская старина"» [23; 24], написанных в 1902 г., исследователь поднял тему единства русского народа. Этот вопрос, поставленный в России давно, ещё в 30-х гг. XIX в., по словам учёного, осветил Юрий Венелин. Он говорил о двух русских народностях, называя их «северянами» и «южанами». Позже эта тема получила известность благодаря статье Н. Костомарова «Две русские народности». Венелин разделил русский народ, несмотря на его огромность, «только на две ветви (между тем как другие народы распались на многие отрасли)», по местополо-

жению: Северная и Южная Русь. Главным условием разделения на две ветви, как указывал Ю. Венелин, было взаимное постепенное уклонение в языке, отсюда наречие северное и южное. Венелин заметил, что каждая из ветвей признает русскую, в сущности, только себя. «Поляки и католицизм (иезуиты) очень искусно воспользовались этим внутренним, так сказать, раздором между русаками и за то сколько наделали себе прозелитов между южанами». Причём, как отмечает Венелин, это продолжается и поныне. Способствует этому и то, что высшее общество (образованное) состоит в Южной Руси в основном из поляков [22: 23–24].

«Отношение Венелина к пререканиям "двух Ивановичей", – продолжает далее И.П. Филевич, – сказывается ясно в приведённых выше выдержках: спорить, в сущности, не о чём; надо дружно работать над устранением тех зол, которые представляют результат неблагоприятного склада исторических условий и столь заметны и поныне на всей территории южан в виде чужих влияний, принизивших до земли русское имя». Автор приводит высказывание Н.В. Гоголя в письме к А.О. Смирновой в 1844 г.: «Скажу вам одно слово насчёт того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что я сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, – явный знак, что они должны пополнять одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве» [22: 25–26].

И.П. Филевич считал, что «в русской жизни и в русской науке элементы народности обращали на себя внимание, но выяснены были недостаточно, и потому в общем продолжали господствовать старые механические представления. Будущему предстояло разрешить задачу». Вся сложность и запутанность вопроса выявилась в «эпоху великих реформ». Учёный отмечал, что в то время на территории Южной Руси «рушилось не только материальное рабство, но должно было пасть и вековое нравственное рабство русской народности, приниженной до земли, сплошь разжалованной в крестьянство». «На правом берегу Днепра дело возрождения осложнялось прежде всего большей силой векового исторического гнёта. Этот гнёт заметно сказывался в жизни народной массы. Н. Костомаров в своей

"Автобиографии" отметил: "В Ровно я стал неприязненно относиться к полякам-помещикам и к жидам; беседуя постоянно с народом, я имел много случаев убедиться, как страшно беден и забит народ на Волыни. По выезде оттуда русские помещики по сравнению с польскими показались мне почти гуманными людьми, и самый народ, по мере приближения к Великороссии, казался мне более живым и крепким". Поляки полностью господствовали в «верхах общества». Вдруг картина начинает меняться, и «побуждаются подавляемые до тех пор элементы». Часть южной народности, «по географическому положению более близкая к самостоятельной России и раньше испытывавшая на себе её нравственное влияние, стала заметно пробуждаться уже с конца XVIII века» [22: 27–28].

«Как ни были поляки богаты и сильны связями и влиянием, но они не могли не задуматься над своим положением. Достаточно известно, что они не бездействовали». «Идеи, прежде смутно мелькавшие в провинциальных центрах, – в Харькове ("Украинский вестник"), в Киеве (Кирилло-Мефодиевское братство), – отзываются, наконец, в русской столице и получают в петербургской "Основе" впервые более-менее определённую формулировку». Это идеи начинают называться «украинофильством» или «хохломанством», «хлопоманством» (автор ставит эти два явления в один ряд. – С.С.). Это характерные термины, обозначающие одно и то же явление и различное отношение к нему [22: 31].

В это время появляется статья Костомарова «Две русские народности». Его «опыт параллельной характеристики двух русских народностей составляет своего рода эпоху. От него идёт теория двух русских народностей. Она заключается в том, что малорусская народность совершенно обособляется от великорусской уже с древнейшего времени». Эту теорию в изложении истории литературы применил профессор Львовского университета Е. Огоновский в своей «Истории литературы русской», что вызвало критику академика А.Н. Пыпина [22: 32–33]. В возражении на отзыв Пыпина Огоновский «в подтверждение своего взгляда не привёл ничего, кроме ссылок на Костомарова и на мнения самого Пыпина, высказанные им в некоторых статьях. Обнаружилось, таким образом, что одни и те же взгляды воспринимаются в Галичине совсем иначе, чем вообще в науке, в России и в остальном славянстве. Теория двух русских народностей имеет и до сих пор решительных сторонников среди галицких учёных так называемого "українсько-руського направления"». В «українсько-руській» литературе Галичины теория двух народностей пользуется большой популярностью. «В то время, когда одна часть русских галичан чаёт нового Богдана, который бы довершил дело героя "единой неделимой

России", другая ждёт иного, уже специально "українсько-руського" Богдана» [22: 33–34].

Проанализировав изучение русских наречий, в т. ч. и работы А.А. Шахматова, И.П. Филевич делает вывод, что «целостность русского народа в отношении языка представляет факт несомненный: русский на Тисе и на Амуре остаётся в глазах науки всерусским» [22: 35–41].

И.П. Филевич, разграничивая понятия «народ» и «народность», указывает, что второму «соответствует в области живой речи столь же реальное явление – наречие». «Что же касается понятия народа, то этой фикции, объединяющей живые части однородного целого, соответствует другая фикция – язык». Эти «фикции» являются результатом исторического процесса. В таком случае народ «превращается в живое культурное целое – нацию, национальность, а наиболее ярким её выражением является литература и литературный язык». Он складывается на основе «наречия той народности, которой по обстоятельствам выпадает в жизни народа более видная, руководящая роль; но в него входят и элементы других однородных народностей». «Благодаря этому литературный язык как плод общего труда и становится общим достоянием». Учёный приводит примеры: «немецкий литературный язык – это значит общенемецкий язык, так же точно, как французский, итальянский литературные языки представляют общие языки французской и итальянской наций» [22: 41]. «Литературный язык представляет в жизни народа такую же "надстройку", как гражданские и общественные формы, как всё то, что обыкновенно обозначается термином культура и что, как сказано, делает из народа как совокупности однородных частей известного племени то целое, которое обыкновенно принято называть нацией» [22: 42].

По сравнению с постепенным становлением единого литературного языка становление «русской национальности представляет несравненно большие трудности». «Национальность повсюду представляет весьма поздний продукт исторической жизни народа». Во Франции она создалась в эпоху революции, в Германии ещё позже. В России же её создание относится к «эпохе реформ». По мнению профессора Ф.И. Леонтовича, «император Александр II, бесповоротно решивший вопрос о свободе многомиллионного сельского населения, тем самым решил столь же бесповоротно и другой великий вопрос о свободном развитии русской национальности» [22: 42–43].

Особенностью «исторической жизни русского народа», по мнению автора, является то, что после наступления «долгого периода разобщения» «процесс самостоятельного исторического творчества» смог продолжаться только в одной её части, «и то при чрезвычайно неблагоприятных условиях – изолированности от остального культурного

мира и крайней материальной бедности». «Другая часть русского мира очутилась в таком положении, при котором путём естественной эволюции отпали от русского древа все его листья». «Единственную связью обеих частей оказалась вера (даже в униатстве сохранившая за собой название "русской веры"), но своеобразный ход русской жизни наложил и на этот единственный связующий элемент отпечаток местного своеобразия. Автор пишет, что к концу XVIII века украинское Левобережье уже совершенно сроднилось с русской государственностью и общественностью и настолько ожило и обновилось под их влиянием, что дало России целый ряд видных деятелей и стало даже проявлять своё местное литературное творчество». «Правобережье стало рождать представителей польско-украинской школы и фанатических проповедников той крайней политической ненависти, которая так ярко выразилась в теории о коренном различии «Руси» и «России»». По мнению автора, это произошло в результате разрыва русских «верхов» и русского «низа» [22: 44, 49–50]. Установление при Александре I господства т. н. официальной народности не оказало влияния на Западную Русь. Она начинает возрождаться только с 60-х гг. XIX в. [22: 51].

Рассказывая об изучении истории России, двух её частей, в т. ч. и Западной Руси, автор констатирует, что последней, начиная с Н.М. Карамзина, уделяли мало внимания. Карамзин писал, что изучение истории Северной Руси «для нас важнее: ибо там решилась судьба нашего отечества» [22: 51]. Этому же мнению придерживался и Соловьёв: «бытописатель с самого начала разделения должен поставить Северо-Восточную Русь и её князей на первый план» [22: 53]. «Изучение областной жизни русского народа стало лозунгом русской исторической науки сейчас же после крымской катастрофы (автор имеет в виду Крымскую войну 1853–1856 гг. – С.С.). Очень ярко, и именно в противовес московской исторической школе, выразил эти новые стремления Бестужев-Рюмин в замечательной для своего времени статье "Современное состояние русской истории"» [20: 58]. «В областной разработке особенно выдвинулась, по совершенно естественным причинам, Южная Русь и в частности деятельность Н.И. Костомарова» [22: 59]. Правда, «монографии Костомарова представляют лишь отдельные мазки на полотне русской истории» [22: 60].

«В "Русской истории" Бестужева-Рюмина впервые изложены в надлежащей мере исторические судьбы всех частей русского мира, и наряду с суздальским Владимиром, Москвой, Тверью, Рязанью стали не только Смоленск, Псков, Новгород, Вятка, но и старые исторические гнёзда всего русского запада». Одновременно выходит ряд отдель-

ных исследований по истории западнорусских земель. Изучением Западной Руси начинают заниматься в Петербурге, Вильно, Варшаве, Киеве, Москве. Это продолжается и в настоящее время. Дальнейшее изучение Западной Руси, по мнению И.П. Филевича, «имеет громадное значение именно для русского национализма, что оно и расширяет, и углубляет его содержание, обновляя его новыми элементами своей же народности. Объединённая на новых началах равноправия и свободы русская народность входит через Западную Русь в непосредственное общение с остальным славянством...» [22: 60].

Другая статья И.П. Филевича «Вопрос о двух русских народностях и "Киевская старина"» посвящена ответу на критику его предыдущей статьи, опубликованной в «Научно-литературном сборнике Галицко-русской матицы» (1901. Кн. 2–4). Автор отмечает, что его статья, по словам критика, «представляет собою (?) покушение осветить вопрос в известном направлении, но это в полном смысле слова покушение с негодными средствами». «Какими логическими путями возникло "осуждение якобы от лица "науки" (недаром же г. Филевич именует себя профессором – не знаю только, каких наук) литературных стремлений галичан» – это представляется критику почтенного журнала неразгаданным "ребусом"». Учёный выразил недоумение: «средства негодны – неверны ли приводимые мною факты, неправильны ли высказываемые взгляды, в чём заключается нелогичность приводимых мною аргументов – об этом ни слова». Далее «отзыв представляет, как сказано, сплошное вышучивание моей статьи в форме якобы изложения её содержания» [24: 61].

И.П. Филевич ответил критику: «У "Киевской старины", очевидно, своя особая мерка и для суждений, и для оценки. Например, мой критик полагает, что я, "видимо, не понимаю" статьи г. Шахматова об образовании русских наречий и народностей. Позволю себе сообщить критику маленький секрет. Вторая глава моей статьи, где изложен обзор разработки вопроса о взаимных отношениях русских наречий, была любезно просмотрена в корректуре и одобрена акад. Шахматовым, Соболевским и Карским. Как же мне смотреть на отзыв почтенного журнала? В его отзыве нет ни одного, буквально ни одного фактического указания ошибок, погрешностей, неточностей. Зато много непередаваемого остроумия». Понимая, что с критиком говорить не о чем, но т. к. «отзыв помещён в журнале, занимающем особую "позицию"» [24: 63], исследователь решил ответить на критику.

Учёный отметил, что правильность взглядов на вопрос об отношениях «двух русских народностей» журнал оценивает «не по существу, не по имеющимся в науке данным, а по соответствию с занимаемой им "позицией"», а т. к. журнал является «единственным малорусским

органом», то позиция его «не может не представлять интереса». Автор решил охарактеризовать эту «позицию» [24: 64].

В 1898 г. в России возобновились затихшие было споры «об особенностях малорусского племени и языка, о роли и значении малорусской литературы и об отношении её к той литературе, которой обыкновенно усваивается значение русской, без всяких частных определений». Причём эти споры велись по отношению к Галиции, и живое участие в полемике приняла «Киевская старина». Полемика продолжалась в газетах и журналах два года. Поводом к ней послужила новость о решении галицкого сейма открыть новую (четвертую) малорусскую гимназию в Тернополе. Полемике вызвала в «Биржевых ведомостях» (1898. № 10) статья «От говора к языку», где, наряду с чувством радости от успехов галичан в их тяжёлой борьбе за народность, высказано было сожаление, что языком преподавания в новооткрытой гимназии является «галицко-русский простонародный говор, уснащённый сфабрикованной на скорую руку научной терминологией» [24: 64–65].

И.П. Филевич отметил, что наряду с малорусскими голосами, отстаивавшими малорусский язык, были и другие голоса, тех, кто не заглядывался на Австрию и считал, что Галиция должна идти за Малороссией, а не наоборот. «Эти малороссы оставляли в стороне лингвистические тонкости, но они очень желали серьёзно обсудить потребности нашей жизни в связи с её действительным положением. Этим малороссам был, по-видимому, очень дорог Шевченко и "нежный малорусский говор", но, по-видимому, были также дороги и оригинальные произведения Гоголя, а не их "украинсько-русские" перелицевания. По-видимому, и эти малороссы не вполне были довольны установившимися за последнее время русско-малорусскими отношениями». К сожалению, им не удалось высказаться, и их голоса «были совершенно заглушены шумными провозглашениями лингвистических генеалогий и аналогий» [24: 71].

Другой чертой полемики было то, что хоть она и была посвящена галицким делам, сведения о них были «довольно смутны», что приводило к тому, что в одних и тех же органах появлялась противоположная информация [24: 67]. «Спор не был разрешён, но голоса обеих партий (общерусской и украинофильской) звучали в Галичине гораздо определённое, чем у нас», – отметил учёный [24: 71]. Причём «положение русской партии, провозглашающей национальное единение всех русских народностей, не могло быть особенно легко в австро-польской обстановке галицкой жизни. С 80-х годов эта партия стала подвергаться открытому преследованию. Значительная часть представителей русских изданий была заключена в тюрьму, а митрополит кардинал С. Сембратович налагал на эти издания чуть не интердикт. Но партия

не погибла, и в этом, кажется, нельзя не видеть яркого доказательства её жизненности» [24: 73].

Автор перечислил «главнейшие факты галицкой жизни за последние годы»: спор о правописании, работу «азбучной комиссии», т. н. временную «консолидацию» «народовецкой» и «москвофильской» партий, распад «консолидации» и провозглашение «русько-украинської» партией её принципов национальной «самостийности» и «окремишности» [24: 73].

В полемике 1898 г. «Киевская старина» не принимала участия. Она «заговорила о галицких делах только после того, как профессор Флоринский обратил внимание на их отголоски в чешской литературе» в 1899 г. [24: 74] (имеется в виду статья И. Франко «Literatura ukrajinsko-ruská (maloruská)», части которой были опубликованы в 1898 г. в чешском журнале «Slovanský přehled». – С.С.). Газетная полемика показала, что и в России есть сторонники точки зрения галицкой «украинсько-руської» партии, сторонники обособления малорусского народа. В то же время оказалось, что в России есть и другое украинофильство, оно «дорожило Шевченко, но не желало отказаться от подлинного Гоголя. Оно указывало на великороссиянку Марко Вовчка как на живой пример взаимного русско-малорусского обмена». «Оно было, по-видимому, недовольно стеснительной регламентацией русско-малорусских отношений и могло бы доказать, что подобная регламентация диктовалась иногда вовсе не русскими интересами. Оно требовало для этих отношений свободы соответственно естественным потребностям русской жизни. К научным рефератам на малорусском, или – точнее – "украинсько-руськом" языке, оно, по-видимому, относилось скептически, требуя, прежде всего, более внимательного изучения и более заботливого отношения к памятникам своей малорусской старины» [24: 77–78].

«Киевская старина» поддержала точку зрения И. Франко. «Особенно ярко обнаружилась она в статьях самого редактора журнала г. Науменко, которые появились с января 1899 г. Он заявил, что Франко обосновывает свои взгляды на украинскую литературу "путём беспристрастного научного рассмотрения давно прошедшей жизни Украины-Руси"» [24: 78]. Своеобразным ответом на точку зрения Науменко был выход в январе того же года во Львове журнала «Живое слово» под редакцией Ю.А. Яворского на русском литературном языке [24: 79].

В статье «Карпатская Русь накануне XX века» (1905) И.П. Филевич поставил перед собой задачу ответить на вопрос, как отразилась на Карпатской Руси «движущая идея века, какое наследие оставил он по себе веку новому», учитывая, что «в силу политического обособления Карпатская Русь переживала период европейского обновления

вместе с австрийским славянством и отдельно от России» [25: 45–46].

Говоря о первых годах австрийского правления, И.П. Филевич напоминает, что вначале австрийские чиновники не могли определиться насчёт русского населения края: посчитали, что «это – народность не то "российская", т. е. одинаковая с жителями русского государства, не то "иллирийская"». Говоря о положительных сторонах австрийского правления, учёный отмечает, что австрийские власти сразу поняли характер польско-русских отношений в крае и «сразу стали на сторону подавленной Руси, состоявшей в сущности из бесправной массы "хлопов и попов русской веры"». Шляхта была поставлена в рамки закона, улучшилось положение и образование русского духовенства. Во Львове был открыт немецкий университет (1784), с 1787 г. «некоторые предметы читались здесь русским богословам на тогдашнем русском литературном или славяно-русском языке, что сообщало самому университету в известной мере русский характер» [25: 46].

Вскоре австрийцы определились с названием народности: «Австрия выбрала для этого старый термин папской канцелярии: *ruthenus* (*ruthene, ruthenisch*), решительно исключив из употребления другой, соответствовавший народному обозначению и в начале нередко попадавшийся в официальных австрийских бумагах: *russe, russisch*» [25: 46]. Была устранена неопределённость польской терминологии, «слово "русин" имело два значения: в применении к бесправной народной массе оно сохраняло свой этнографический смысл, связывая Русь польского государства со всею остальною Русью; в применении к лицам и группам, возвышавшимся над уровнем массы, оно обозначало людей русского рода и веры, но польской культуры. Последняя очень скоро претворяла таких русинов в совершенных поляков, а потому "русинство" составляло в Польше в сущности лишь временную стадию перерождения Руси в Польшу». Однако это не соответствовало государственным интересам Австрии. *Рутены* должны были оставаться *рутенами*, т. е. самостоятельной народностью среди славянских и неславянских народов Австрии. Так появился «рутенский вопрос» в Галиции, определилось его отношение к полякам. После окончательного падения Польши Австрия стала граничить с Россией, и «австрийскому правительству приходилось подумать об ограждении своих "рутенов" от влияния могущественной соседки». Однако после смерти Екатерины II изменился характер русско-польских отношений, с «"дней Александровых счастливого начала" у Австрии исчезли всякие опасения насчёт русского соседства». Российская власть закрепила формы польского влияния над Западной Русью. «Австрийские "рутены" имели полное основание трепетать пред такою участью и как утопающие всеми силами хватались за Австрию». «Так,

в силу обстоятельств обозначилась и другая сторона "рутенского" вопроса: "рутены" сами должны были страстно желать как можно более обособиться от России, стать австрийцами» [25: 47–48].

С другой стороны, положение, созданное Александром I, не могло не отозваться на Галиции: «почувствовав свою силу, поляки запротестовали против "рутенства"», считая «рутенков» чистой фикцией. «Есть только "русины" – хлопы, со своими хлопскими попами. Таковыми им и подобает оставаться». Положение «рутенков» оказалось сложным: «как вырабатывать народность без языка?». Власти неоднократно предлагали духовенству употреблять понятный для паствы местный народный язык, «настоящий *ruthenisch*». «В 1818 г. митрополит (Михаил Левицкий. – С.С.) торжественно заявляет властям, что его паства – вовсе не "россияне", а "рутены", что они спокон веку говорят своим собственным "рутенским" языком, писали и пишут на нём же, что русский (*russische*, "российский") язык резко отличается от "рутенского" и совершенно чужд "греко-католическому" населению Галичины» [25: 48–49].

Каноник И. Могильвицкий в статье «О *jezyku raskim*», помещённой в учёном издании библиотеки Оссолинских за 1829 г., по мнению И.П. Филевича, дал «первый опыт научной формулировки вопроса о взаимных отношениях русских народностей». Взгляды автора сложились «под влиянием многовекового политического разобщения русского народа», и он вывел «не две народности одного народа, а две отдельные, самостоятельные национальности – "российская" и "рутенская"; границу между ними составлял старый московско-литовский рубеж». Его теории, как и произнесённой ранее речи митрополита, мало кто поверил. И до 1848 г. «"рутенизм" оказался пригодным лишь для официального парада и не мог осилить даже традиционного "русинизма". Галицкая Русь всё более и более мертвела» [25: 50].

«Весна европейских народов» в Карпатской Руси сказалась иначе, «потому что наравне с всей Западной Русью она давно потеряла всю свою листву и сохранила лишь глубоко вросшие в родную землю корни». «Рутенский» вопрос оказался вопросом, выходящим за пределы Габсбургской державы; связанный с Польшей и Россией, он «стал чем-то вроде тяжёлого кошмара как для пражского съезда (славянского. – С.С.), так и для венского и кромержижского парламентов» [25: 51].

1848 г. «оставил глубокий след в жизни Карпатской Руси», она «прошла первый курс настоящей политической школы». «Впервые был поставлен ряд вопросов, составляющих и поныне злобу карпаторусской жизни. Политически разрозненные части Карпатской Руси обнаружили взаимное тяготение, мелькнул даже вопрос об их

объединении». «Тогда же всплыл вопрос и о русском литературном языке» [25: 52]. В 1849 г. через территорию Карпатской Руси прошли русские войска (венгерский поход русской армии). Встреча их с местным населением не прошла бесследно: «племенное единство Руси обнаружилось теперь ясно для всех, обнаружилась и справедливость поговорки, которую очень любил повторять даже такой "рутенец", как М. Гарасевич: "велика русска маты"» [25: 53].

Учёный считал, что в 1848 г. «русинство» (в таком понимании, как его представляли поляки) «было убито» деятельностью «Русского собора» с его «русской шляхтой». «Рутены» преобразились, «и атмосфера Карпатской Руси сразу очистилась. Но Русь не была хозяином в своей хате, и вследствие этого "рутенский" вопрос продолжил своё существование». «Рутенов» провозгласили «тирольцами востока», наместником Галиции назначили графа Агенора Голуховского, и в австрийской политике наметился переход на сторону «исторической нации» [25: 53].

Новый наместник должен был «понемногу парализовать пробуждение галицко-русского общества, уничтожить его организацию», «поднять пошатнувшееся значение "политической нации"». С отменой Конституции это сделать не представляло труда, и «десятилетнее правление Голуховского не оставляет сомнения, что он был орудием Вены, выбранным по указанию» графа Франца-Серафа фон Штадион-Вартгаузена (устар. Стадион; 1806–1853). В своих записках о «Рутении» (1849) и о русском языке в школах (1851) Голуховский указал Вене на опасность «неизбежного возникновения вопроса о культурном и политическом единстве всея Руси» [25: 53–54].

С «октябрьского диплома» (австрийский конституционный закон от 20 октября 1860 г. – С.С.) начинается попытка оздоровления австрийской государственности. «На первом галицийском сейме полякам предоставлена была почти полная возможность устраиваться в Галиции сообразно их интересам и планам». Положение поляков в государстве «создавало в Галиции полную иллюзию старой Польши». «Галицкая Русь начала переходный период австрийской жизни "обрядовым движением", затем, похоронив надежды, какие возлагала на сейм, открыто заявила о своём единстве со всею остальною Русью и наконец... раскололась на две партии». Обрядовое движение ставило своей целью восстановить чистый униатский обряд, т. е. убрать из него «латинские примеси», из-за которых происходило «выветривание из унии её русских начал». И.П. Филевич пишет, что «связь обрядового движения с жизнью остальной Руси обнаружилась через Холмщину» [25: 54–55].

Автор отметил, что «с освобождением крестьян русский народный характер всей Западной Руси обнаружился так ярко, что он должен

был, наконец, лечь в основу внутренней русской политики на всём громадном пространстве русского запада, в том числе и входящей в административный состав так называемого Царства Польского – Холмщины. Это была наиболее приниженная и народно-обезличенная часть Данилова наследия, но всё же на дне её придавленной польщишной души теплилась ещё смутная память о Киеве как общей русской матери, о Владимире Святом, о Романе и Данииле. Это было замечено сразу, и в запущенном Холме закипела новая жизнь». Причём, как отмечает автор, её общий высокий темп по всей Руси придал и реформам в Царстве Польском характер, несопоставимый с деятельностью первого галицкого сейма [25: 55–56].

Униатский характер Холмщины указывал на такой же путь, по которому пошла Карпатская Русь. «По призыву Милютина и Черкасского в Холмщину собралось немало русских людей с разных концов России, особенно южнорусов и, в частности, киевлян (Ф.Г. Лебединцев, Е.М. Крыжановский, на короткое время П.А. Кулиш), а наряду с ними стали в общий дружный строй и приглашённые сюда же галичане с знаменитым своим "батьком" – епископом Михаилом (Куземским). На живом деле обновления русской народности в Холмщине русская государственность получила задачу показать свою способность к объединению и организации раздробленных русских общественных сил». Но, как отмечает автор, «униатская эпопея в Холмщине дала полнейшее фиаско. Благодарнейшее дело было проиграно перед лицом всей Руси, Польши и всего славянства, проиграно так, как трудно было бы проиграть даже по конкурсу на наихудший исход...» (подробнее в статье И.П. Филевича «Забывтый угол». – С.С.). Имело это последствия и для Карпатской Руси: силы Галичины и отчасти Угорской Руси были ослаблены эмиграцией в Холмщину, из Холмщины, наоборот, «направились в Галичину самые фанатические и озлобленные против России представители холмского "русинства". При их содействии начатое в Галичине обрядовое движение продолжается и поныне, но, конечно, в обратном направлении» [25: 56].

Заявление галицкого «Слова» о единстве всего русского народа от Тисы до Великого океана вызвало раскол [25: 57, 60]. Причины его учёный видел «в австрийской обработке одного и того же русского вопроса, который, по существу дела, неразрывно связан с самыми крупными факторами русской и славянской жизни». О «русинстве» и «рутенстве» автор писал ранее. Он считал, что с 1848 г. выяснилось большое политическое значение «русского вопроса», чем «ярче обрисовывается связь политической его стороны с культурною, тем ярче выступает *всеславянский* его характер. На почве Карпатской Руси это обнаруживается с осязательною наглядностью, между прочим, в

отождествлении "панславизма" с "москвофильством"» [25: 57–61].

Говоря о том, что «нового представляет обнаружившийся после заявления "Слова" и теперь на наших глазах окончательно оформившийся "украинсько-русский" национализм», И.П. Филевич отмечает: «Главный его лозунг – национальная отдельность ("окремишность" или "видрубность" – *odrębność*) как от поляков, так и от "россиян"... с 1867 г. эта идея развивается с удручающим однообразием во всех "русских", "русских" и, наконец, современных "украинсько-русских" изданиях и писаниях» [25: 61]. Завершается это всё в 1890 г. т. н. «танцюристым раем» известной «новой эры». Автор ставит вопрос: «Что же во всём этом нового? Ведь ещё в 1849 г. один из видных рыцарей старой Австрии очень красноречиво изобразил по этому же поводу свои чувства». Он приводит слова гр. Стадиона, который, в частности, заявил: «Чего не в силах была сделать Польша, то делает Рутения: она раздавит извивающуюся около её гнезда змею» [25: 62–63].

Завершается статья оптимистично: «Мы, русские, особенно по ближайшем знакомстве со своим родным миром, не можем и сомневаться в будущей великой роли и русского языка, и русского народа. Но было бы нелепо детски ласкать себя надеждой, что это величие может быть достигнуто без всякой борьбы, без энергических усилий с нашей стороны» [25: 63].

В монографии «Из истории Карпатской Руси. Очерки галицко-русской жизни с 1772 г. (1848–1866)», изданной в Варшаве в 1907 г., И.П. Филевич описывает историю присоединения Галиции к Австрии и положение русинов в крае. Австрия, вытеснив польских конфедератов, заняла обширную область, которая получила название Королевство Галиции и Лодомерии, манифест о присоединении был издан 11 сентября 1772 г. 19 сентября был занят Львов, оставленный русскими войсками, которые находились здесь с 1764 г. В Вене была издана брошюра, доказывавшая права венгерской короны на данные земли. Для стратегических целей владения надо было округлить, и в марте 1774 г. в состав австрийского государства вошла Буковина, бывшая частью Молдавского княжества [26: 1–3].

Первый губернатор Галиции граф Перген передал Иосифу II во время посещения им Львова в 1773 г. подробную записку о состоянии края. В нём также было отмечено, что большую часть сельского населения составляют русские, что между русским и польским духовенством существует вражда, советовал обратить внимание на экономическое положение крестьян и таким образом привлечь их на свою сторону. Он не советовал оказывать русским особого покровительства, но сообщал, что «они могут составить очень удобное орудие против

польского правящего класса». Позднее гофрат (надворный советник) Коранда, ведавший школьными делами, считал, что большинство населения составляет «народ не польский, язык этого народа близок к "русскому" или иллирийскому». Коранда полагал что польский язык не подходит для преподавания [26: 4].

Далее автор попытался «проследить этот новый процесс галицко-русской жизни, по крайней мере, в главнейших чертах». Он указывает, что Галичина раньше других западнорусских областей вошла в состав польского государства. Полувековая борьба с Польшей (1340–1386 гг.) «закалила дух галичан, а Кревская уния в значительной мере восстановила их связь с остальной Русью». Галичина приняла унию позже других западнорусских земель. В 1768 г. «в книгах галицкого суда занесено было наместником скитским по поручению игумена и всего скитского собора заявление от имени всех соседних жителей монастыря (Манявского скита в южной части Галичины. – С.С.), "всякого звания и состояния, что они, узнав о признании свободы православного исповедания (согласно ходатайству русской императрицы), открыто признают себя исповедниками той святой православной веры, которую до сих пор хранили в своём сердце"». В северной части Галичины, в Жолкве, хранились мощи святого Иоанна Нового, перевезённые туда из Сучавы Собеским и возвращённые лишь в 1783 г. Все эти годы на поклонение святым мощам покровителя Молдавии в Жолкву ежегодно приходила «масса православных буковинцев, "поддерживающих в галицких униатах живую память об их старой вере"» [26: 5–6].

В 1911 г. вышел сборник статей русского православного богослова, члена учёного совета при Синоде Е.М. Крыжановского (1831–1888) «Русское Забужье. Холмщина и Подляшье» с предисловием «К холмскому вопросу» И.П. Филевича [3: V–XLVI]. Сборник включал в себя труд Е.М. Крыжановского, относившийся «к русскому Забужью, т. е. Холмщине и Подляшью или, по-местному, Подлясью». В работах исследователя «эта полоса русской земли предстаёт перед нами в том своём виде, в каком она оказалась после полувекового полного обособления от русского мира, когда, оторванная от русских земель на правом берегу Буга и от Галицкой Руси, она испытала на себе сильное воздействие не только польского католического строя, но и того нового бытового уклада, который сложился в Польше с наполеоновской эпохи». Как происходило это воздействие и как возникли в Холмщине те особенности, которые в 60-е гг. XIX в. заметно отличали её от «вполне однородных с нею земель на правом берегу Буга и в Галиции», – это и разъяснил Крыжановский на основании документов и личных впечатлений [3: XXXVIII].

С 1865 по 1871 г., как писал И.П. Филевич в предисловии, Е.М. Крыжановский состоял начальником седлецкой учебной дирекции и объездил всё Подляшье, местные связи сохранились у него надолго «и служили самым верным и живым источником для уяснения и оценки дальнейших перипетий русского вопроса в Холмщине», что придаёт его статьям особую ценность. Его труды представляют «единственное серьёзное и беспристрастное освещение тех двух периодов холмской жизни, влияние которых сказывается в нынешних холмских злобах: периода исключительного польского воздействия при полном обособлении от русского мира за время с 1809 до 1863 г. и последующего затем быстрого перелома, закончившегося воссоединением холмских униатов с православием в 1875 г.» [3: XXXVIII]. И.П. Филевич счёл необходимым изложить краткую биографию автора и перечислить его работы по данной тематике [3: XXXXIX–XLVI].

В предисловии исследователь даёт историю холмского вопроса и его решение, которое предлагает внесённый 24 апреля 1909 г. в Думу законопроект. Идея об объединении «всей этой русской территории в одну административную единицу с центром в древнерусском Холме» была высказана князем Черкасским в 1865 г. в журнале комитета по устройству губерний Царства Польского [3: V]. По разным причинам эта идея не была осуществлена. Она вновь появилась в 1875 г., а с 1880-х гг. «холмский вопрос не сходит с очереди, вызывая постоянный обмен взглядов между высшей местной и центральной властью». Каждый варшавский генерал-губернатор высказывался по холмскому вопросу. Например, в записках князя А.К. Имеретинского, представленных министру внутренних дел в 1897 и 1899 гг., приводились аргументы, которые используют противники выделения Холмщины: нецелесообразность в защите интересов русской народности и православия, удручающее впечатление, которое это может произвести на поляков. Из всех губернаторов только граф П.А. Шувалов, в отличие от своего преемника Имеретинского, высказался за образование Холмской губернии [3: VI]. В 1902 г. было назначено «Особое совещание по вопросу об образовании Холмской губернии», которое признало необходимость этого [3: VII].

Манифест 17 октября 1905 г. положил конец той неопределённости, в которой находились в Холмщине не пожелавшие воссоединиться с православием униаты. С 1875 г. «они очутились в категории т. н. "упорствующих" и на грани православного и католического мира составили предмет спора между этими двумя мирами». С выходом манифеста спор этот закончился, и 150 тыс. бывших холмских униатов стали католиками. Если бы дело ограничилось только этим и оно бы не вышло из рамок свободы совести, по словам автора, то это «пришлось

бы признать результатом допущенных раньше ошибок и примириться с этим во всяком случае грустным для православия фактом». Однако это оказалось «только первым звеном длинной цепи, которая сейчас же стала стремительно разматываться». 12 мая 1905 г. шесть русских крестьян Седлецкой губернии с игуменьей леснинской женской обители были приняты императором в Царском Селе. Они пришли, чтобы проверить распускаемый в Холмщине слух, будто бы царь со своей семьёй «оставил православие, принял "единоспасательную католическую веру", признал власть святейшего папы и что именно оттого стали по-прежнему разъезжать по всей Холмщине польские бискупы, как некогда в дни польского панования» [3: VIII].

Действительно, такое впечатление на местное население произвёл торжественный объезд епархии люблинским католическим епископом Ячевским, предпринятый им после объявления манифеста. Этому событию поляки придали большую пышность: епископа сопровождала конная свита из крестьян (т. н. бандерий), иногда насчитывавшая более 1 000 чел., выписанный из Варшавы Польский крестьянский оркестр под управлением К. Намысловского и т. д. На массу русских крестьян это произвело указанное выше впечатление. Надо сказать, что, когда крестьяне-депутаты до встречи с императором побывали у министра внутренних дел А.Г. Булыгина, они приветствовали его словами «Христос Воскрес!», но ответа не получили и сделали вывод, что он «пристал к полякам». Сомнения рассеялись только после встречи с императором. В то время о восстановлении Польши прямо говорили воззвания «Общества опеки над униатами», в которых подвергалась издевательствам деятельность православного духовенства, не оставили в покое и крестьян, встречавшихся с царём [3: VIII–X].

«Стремительность польского натиска вызвала у русского населения Холмщины смущение и тревогу». Однако, когда выяснилась «лживость усердно распространяемых по всей Холмщине слухов о повсеместном торжестве латинства над православием», в ноябре 1905 г. в Санкт-Петербург прибыли представители Холмщины с ходатайством о выделении Холмской Руси из Царства Польского в отдельную губернию, если последнее невозможно, просили присоединить русскую территорию к соседним Гродненской и Волынской губерниям. Также представители ходатайствовали об избрании от русского населения Холмщины особого депутата в Государственную Думу, улучшения положения безземельных русских батраков, приостановления планируемого введения григорианского календаря [3: X].

Как пишет И.П. Филевич, «обнаружилась, с одной стороны, полная беспомощность местного русского населения, с другой – полная несклонность поляков признать в Холмской Руси самостоятельную,

отдельную от польской национальную личность». С польской стороны раздавались заявления: «польский край, наша земля, наша собственность». Причём подобную политику проводило не только упоминаемое «Общество опеки над униатами», но это же было в программах и заявлениях польских политических партий [3: X]. Автор упоминает докладную записку графа В. Тышкевича, представленную министру внутренних дел в конце 1904 г. и опубликованную в газетах в январе 1905 г. [3: XI].

С декабря 1905 г. по холмскому вопросу происходит обмен мнениями между центральной властью и местной властью в Варшаве, Киеве и Вильно. Было признано, что с 1902 г. ситуация изменилась и что предоставление в будущем местного самоуправления окраинам может «изменить положение в ущерб русской народности в Холмщине». Однако окончательное решение о выделении Холмской Руси «было отложено до выяснения дальнейших обстоятельств». Они появились очень скоро: польский натиск на Холмщину продолжался, что отметил в официальном отзыве от 22 мая 1906 г. варшавский генерал-губернатор Г.А. Скалон. В октябре 1906 г. холмский епископ обратился к министру внутренних дел с заявлением о необходимости выделения Холмской Руси из Царства Польского, в ноябре стали поступать прошения от местного населения. Поляки считали холмский вопрос решённым и все эти прошения безнадёжными [3: XI–XII]. Однако в ноябре-декабре 1906 г. этот вопрос был снова обсуждён на созданном при Министерстве внутренних дел Особом совещании из представителей местного гражданского и духовного начальства и министерства. Они высказались о «предпочтительности присоединения частей Холмской Руси к Гродненской и Волынской губерниям», не желая производить коренных преобразований, связанных с образованием отдельной губернии. Также были предложены соображения и меры на случай выделения Холмщины в отдельную губернию. Соответствующий законопроект был рассмотрен в Совете министров в январе 1909 г. и 24 апреля был внесён в Государственную Думу [3: XIII].

Далее автор пишет, как «польское общество» решило оказать воздействие на «холмское дело». Кампания начинается с конца 1906 г., её пик приходится на весну 1909 г., когда холмский законопроект вносится на рассмотрение в Думу. «К голосам польской печати присоединяется тогда целый ряд заявлений»: польского кола в Венском парламенте, многочисленных народных собраний в Галиции и даже в Силезии, польских журналистов в Галиции, заявлений и открытых писем отдельных поляков и полек «к разным представителям европейского общественного мнения». Как отметил учёный, «громкие отголоски польских мотивов раздавались и в русской

печати, особенно в газете "Русь", а также "Речь". Не оставлена была без внимания и печать славянская». Автор отметил «одушевление и единодушие» поляков «в отстаивании своих прав на Холмщину перед европейским и русским общественным мнением», такое же, с каким «они двинулись на окончательное её ополячивание после апрельского манифеста» [3: XIII–XIV]. Исследователь подробно разобрал точки зрения и аргументы польской стороны, в т. ч. графа В. Тышкевича, депутата Думы, члена «Холмской подкомиссии» Л. Дымшы, выпустившего книгу «Холмский вопрос» (СПб., 1910), профессора Лембергского университета С. Аскенази и др. [3: XIV–XXXVI].

И.П. Филевич считал, что «польские взгляды и настроения к холмскому вопросу определились с совершенной ясностью». «Для поляков холмский русин – это "польско-русский хлоп" без связи с окружающим его русским миром, но крепко привязанный к католической колеснице, которая оказывается "гарантией польскости", он никогда не станет русским (по польской терминологии "россиянином"), но он, конечно, и не станет поляком, как стали поляками в 1905 г. т. н. "упорствующие", а поэтому следует содействовать движению той колесницы, которая в Холмщине оказывается "гарантией польскости"» [3: XXI].

Автор напомнил, что поляки не смогли отстоять свою точку зрения на холмский вопрос на Славянском съезде в Праге и предшествовавших ему славянских совещаниях в Санкт-Петербурге. Говоря о Славянском съезде, исследователь напоминает, что на нём была делегация русских галичан. В Праге она объединилась в одну общую делегацию с русскими из России. «Благодаря этому польско-русские отношения встали перед съездом во всём своём объёме, и относящаяся к ним резолюция съезда имела в виду всю Русь в её историко-этнографических пределах, совершенно независимо от каких бы то ни было политических или административных границ. Факт этот был признан на съезде и польскими делегатами из Галиции» [3: XXII–XXIII].

Заседания «Холмской подкомиссии» Государственной Думы открылись 17 ноября 1909 г. Прошло 11 заседаний, закончившихся 20 ноября 1910 г. Шестью голосами против трёх и двух воздержавшихся было решено перейти к постатейному чтению законопроекта («Предисловие» было написано до представления доклада подкомиссии в общее собрание Думы. – С.С.) [3: XXVII]. Автор считал, что «около Холмщины всё ещё продолжается старая историческая борьба "ягеллонской" польской идеи обладания Русью и русской идеи освобождения и национального объединения "всёя Руси"». По его мнению, «объединение Холмщины с остальной Русью – это завет всей исторической жизни русского народа, долг его национального чувства и совести» [3: XXXVII].

Автор шести монографий и многочисленных научных и публицистических статей, посвящённых истории Карпатской Руси, в т. ч. и Холмщине, И.П. Филевич, как отмечал К.Я. Грот, «по характеру и натуре своей ... обладал большим тактом и выдержкой, не был способен ни "раздражать и допекать", ни вообще опускаться до мелкой вражды и недоброжелательства. Его деликатность, миролюбие и незлобивость были всегда преобладающею его чертою. Но при всём том он был несокрушимо твёрд в своих взглядах и убеждениях православного русского человека, в непоколебимом отстаивании исторических и национальных прав русской народности в пределах Царства Польского (Холмщина) и всюду, где они попирались – то поляками, то чужеземною властью (в Австро-Венгрии). А его всегдашняя откровенность, прямота и благородство в действиях, выступлениях и речах располагали к нему не только единомышленников, но и более широкие круги общества» [1: 37–38].

Большинство российских исследователей изучали историю Карпатской Руси фрагментарно, она не являлась предметом их постоянного научного интереса. Внимание к ней возникало либо во время командировок / путешествий, либо в связи с какими-то важными политическими и иными событиями. Для И.П. Филевича же история Карпатской Руси, включая Холмщину, была связана с его происхождением. Ему были небезразличны дальнейшие судьбы этих осколков Галицко-Владимирской Руси и его населения, что придавало ему сильную мотивацию в её изучении. Он был хорошо знаком с историей и реалиями этого региона. Его характеристика общественно-политической жизни Галичины и Холмщины, чёткая периодизация истории Галицкой Руси, начало разработки истории Трансильванской Руси не только сыграли большую роль в активизации изучения истории данных регионов со стороны научного сообщества и интереса к ней со стороны общественности, но и оказали большое влияние на решение вопроса о выделении Холмщины с Подляшьем в отдельную губернию.

Его замечания по поводу ошибок, допущенных во время русификации Холмщины и воссоединения её униатов, и высказанные им рекомендации помогли бы, если бы к ним прислушались на государственном уровне, избежать многих допущенных просчётов как в Холмщине, так и в Галичине, когда она была временно оккупирована Россией во время Первой мировой войны. Как, впрочем, и при присоединении Галичины к СССР и оставлении Холмщины в составе Польши.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грот К. И.П. Филевич (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1913. Май. Ч. 45. Отд. IV. С. 26–46.
2. Захарчин Н. Політична полеміка в російській пресі як відображення позиції російської громадськості до ідеї створення Холмської губернії // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: Історія. 2010. № 2. С. 59–64.
3. Крыжановский Е.М. Русское Забужье. Холмщина и Подляшье: сб. ст. Е.М. Крыжановского с предисловием «К холмскому вопросу» И.П. Филевича. СПб.: тип. «Мирный труд», 1911. XLVI, 438 с.
4. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16
5. Суляк С.Г. Н.И. Надеждин и Карпатская Русь // Русин. 2020. № 61. С. 41–66. DOI: 10.17223/18572685/61/4
6. Суляк С.Г. И.П. Филевич и Карпатская Русь. Часть 1. Биография // Русин. 2020. № 62. С. 32–49. DOI: 10.17223/18572685/62/3
7. Филевич И.П. Забытый угол // Исторический вестник. 1881. Т. 5. Май. С. 79–99.
8. Филевич И.П. Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с Высочайшего соизволения П.В. Батюшковым. Вып. VII: Холмская Русь (Люблинская и Седлецкая губернии Варшавского генерал-губернаторства). СПб., 1885 г. (с приложением большого альбома рисунков). Критика и библиография // ЖМНП. 1885. Март. Ч. 238. С. 150–159.
9. Филевич И.П. Памятники Холмской Руси. Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с Высочайшего соизволения П.В. Батюшковым. Выпуск VIII. Холмская Русь (Люблинская и Седлецкая губернии Варшавского генерал-губернаторства). СПб., 1885 г. Критика и библиография // ЖМНП. 1886. Март. Ч. 244. С. 117–140.
10. Филевич И.П. К. Горжицкий. Соединение Червонной Руси с Польшей Казимиром Великим. Львов, 1889. Критика и библиография // ЖМНП. 1889. Сентябрь. Ч. 265. С. 131–138.
11. Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. Исторические очерки. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1890. X, 233 с.
12. Филевич И.П. К вопросу о борьбе Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие // ЖМНП. 1891. Декабрь. Ч. 278. С. 318–342.
13. Филевич И.П. Вопрос о воссоединении западно-русских униатов в его новейшей постановке. По поводу исслед. П.О. Бобровского «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I». СПб., 1890. Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1891. [2], 31 с.
14. Филевич И.П. Угорская Русь и научные вопросы, с нею связанные // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 / Под ред. графини Уваровой и С.С. Слуцкого. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. Т. 2. С. 100–101.
15. Филевич И.П. Польша и польский вопрос. М.: Унив. тип., 1894. [2], 104 с.

16. *Филевич И.П.* Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки. Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1894. [2], 32 с.
17. *Филевич И.П.* О разработке географической номенклатуры // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 / Под ред. графины Уваровой. М.: Типография Э. Лисснера и А. Гешеля, 1899. Т. 1. С. 327–339.
18. *Филевич И.П.* Очерк карпатской территории и населения // ЖМНП. 1895. Апрель. Ч. 298. С. 361–385; Ч. 299. С. 156–218.
19. *Филевич И.П.* История Древней Руси. Т. 1. Территория и население. Варшава: в тип. Ф. Чернака, 1896. X, 383, [1] с.
20. *Филевич И.П.* Программа для собирания сведений по этнографии Холмской Руси // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. 1900. 2 апреля. № 14. С. 168–171.
21. *Филевич И.П.* По поводу теории двух русских народностей. Львов: Галицко-русская матица, 1902. [1], 59 с.
22. *Филевич И.П.* По поводу теории двух русских народностей / Сост. серии М.Б. Смолин. М.: Имперская традиция, 2005. С. 23–60.
23. *Филевич И.П.* Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина». Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1902. [2], 45 с.
24. *Филевич И.П.* Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина» // Русская Галиция и «мазепинство» / Сост. серии М.Б. Смолин. М.: Имперская традиция, 2005. С. 61–87.
25. *Филевич И.П.* Карпатская Русь накануне XX века // Новый сборник статей по славяноведению. Сост. и изд. учениками В.И. Ламанского, при участии их учеников, по случаю 50-летия его учёно-лит. деятельности. СПб., 1905. С. 45–63.
26. *Филевич И.П.* Из истории Карпатской Руси. Очерки галицко-русской жизни с 1772 г. (1848–1866). Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1907. [2], 162 с.

REFERENCES

1. Grot, K. (1913) I.P. Filevich (Nekrolog) [I.P. FiLevich (Obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. May. Ch. 45. pp. 26–46.
2. Zakharchin, N. (2010) Politichna polemika v rosiys'kiy presi yak vidobrazhennya pozitsii rosiys'koï gromads'kosti do idei stvorenniya Kholms'koï gubernii [Political controversy in the Russian press as a reflection of the position of the Russian public to the idea of creating the Chełm province]. *Naukovi zapiski Ternopil's'kogo natsional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni Volodimira Gnatyuka. Seriya: Istoriya*. 2. pp. 59–64.
3. Kryzhanovsky, E.M. (1911) *Russkoe Zabuzh'e. Kholmshchina i Podlyash'e. Sb. st. E.M. Kryzhanovskogo s predislaviem "K kholmскому вопросу" I.P. Filevicha* [Russian Zabuzhie. Chełm Land and Podlasie. Collected articles by E.M. Kryzhanovsky with a preface "To the Chełm Question" by I.P. Filevich]. St. Petersburg: Mirnyy trud.
4. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

5. Sulyak, S.G. (2020) N.I. Nadezhdin and Carpathian Rus. *Rusin*. 61. pp. 41–66 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/61/4
6. Sulyak, S.G. (2020) I.P. Filevich and Carpathian Rus. Part 1. Biography. *Rusin*. 62. pp. 32–49 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/62/3
7. Filevich, I.P. (1881) Zabytyy ugol [A Forgotten Corner]. *Istoricheskiy vestnik*. 5. pp. 79–99.
8. Filevich, I.P. (1885) Pamyatniki russkoy stariny v zapadnykh guberniyakh, izdavaemye s Vysochayshego soizvoleniya P.V. Batyushkovym [Monuments of Russian antiquity in the western provinces, published with the highest consent of P.V. Batyushkov]. Vol. 7. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 238. pp. 150–159.
9. Filevich, I.P. (1886) Pamyatniki Kholmskoy Rusi. Pamyatniki russkoy stariny v zapadnykh guberniyakh, izdavaemye s Vysochayshego soizvoleniya P.V. Batyushkovym [Monuments of Chelm Rus. Monuments of Russian antiquity in the western provinces, published with the highest consent of P.V. Batyushkov]. Vol. 8. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 244. pp. 117–140.
10. Filevich, I.P. (1889) K. Gorzhitskiy. Soedinenie Chervonnoy Rusi s Pol'shey Kazimirom Velikim. L'vov, 1889. Kritika i bibliografiya [K. Gorzycki. The connection of Chervonnaya Rus with Poland by Casimir the Great. Lvov, 1889. Criticism and bibliography]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 265. pp. 131–138.
11. Filevich, I.P. (1890a) *Bor'ba Pol'shi i Litvy-Rusi za Galitsko-Vladimirskoe nasledie. Istoricheskie ocherki* [The struggle of Poland and Lithuania-Rus for the Galicia-Vladimir Legacy. Historical Essays]. St. Petersburg: Tip. V.S. Balasheva.
12. Filevich, I.P. (1891) K voprosu o bor'be Pol'shi i Litvy-Rusi za Galitsko-Vladimirskoe nasledie [On the struggle of Poland and Lithuania-Rus for the Galicia-Vladimir legacy]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 278. pp. 318–342.
13. Filevich, I.P. (1890b) *Vopros o vossoedinenii zapadno-russkikh uniats v ego noveyshey postanovke. Po povodu issled. P.O. Bobrovskogo "Russkaya greko-uniatskaya tserkov' v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I"* [The reunification of the Western Russian Uniates in its newest formulation. Concerning P.O. Bobrovsky's "Russian Greek-Uniate Church during the reign of Emperor Alexander I"]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.
14. Filevich, I.P. (1897a) Ugorskaya Rus' i nauchnye voprosy, s neyu svyazannye [Ugrian Rus and scientific issues related to it]. *Trudy Devyatogo arkheologicheskogo s'ezda v Vil'ne*. 2. pp. 100–101.
15. Filevich, I.P. (1894a) *Pol'sha i pol'skiy vopros* [Poland and the Polish question]. Moscow: Universitetskaya tip.
16. Filevich, I.P. (1894b) *Ugorskaya Rus' i svyazannye s neyu voprosy i zadachi russkoy istoricheskoy nauki* [Ugrian Rus and relevant issues and tasks of Russian historical science]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.
17. Filevich, I.P. (1899a) O razrabotke geograficheskoy nomenklatury [On the development of geographical nomenclature]. In: Countess Uvarova (ed.). *Trudy Desyatogo arkheologicheskogo s'ezda v Rige. 1896* [Proceedings of the

Tenth Archaeological Congress in Riga. 1896]. Vol. 1. Moscow: E. Lissner and A. Geschel. pp. 327–339.

18. Filevich, I.P. (1895a) Ocherk karpatskoy territorii i naseleniya [A sketch of the Carpathian territory and population]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 298. pp. 361–385; 299. pp. 156–218.

19. Filevich, I.P. (1896a) *Istoriya drevney Rusi* [The History of Old Russia]. Vol. 1. Warsaw: F. Chernak.

20. Filevich, I.P. (1900) Programma dlya sobiraniya svedeniy po etnografii Kholmской Rusi [A program for collecting information on the ethnography of Chelm Rus]. *Kholmско-Varshavskiy eparkhial'nyy vestnik*. 14. pp. 168–171.

21. Filevich, I.P. (1902a) *Po povodu teorii dvukh russkikh narodnostey* [Regarding the theory of two Russian nationalities]. Lvov: Galitsko-russkaya matitsa.

22. Filevich, I.P. (2005a) *Po povodu teorii dvukh russkikh narodnostey* [Concerning the theory of two Russian nationalities]. Moscow: Imperskaya traditsiya. pp. 23–60.

23. Filevich, I.P. (1902b) *Vopros o dvukh russkikh narodnostyakh i "Kievskaya starina"* [The question of two Russian nationalities and "Kievskaya starina"]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.

24. Filevich, I.P. (2005b) *Vopros o dvukh russkikh narodnostyakh i "Kievskaya starina"* [The question of two Russian nationalities and "Kievskaya starina"]. In: Smolin, M.B. (ed.) *Russkaya Galitsiya i "mazepinstvo"* [Russian Galicia and the "Mazepa Movement"]. Moscow: Imperskaya traditsiya. pp. 61–87.

25. Filevich, I.P. (1905) Karpatskaya Rus' nakanune XX veka [Carpathian Rus on the eve of the 20th century]. In: Draganov, P. et al. *Novyy sbornik statey po slavyanovedeniyu* [New Collection of Articles on Slavic Studies]. St Petersburg: [s.n.]. pp. 45–63.

26. Filevich, I.P. (1907) *Iz istorii Karpatskoy Rusi. Ocherki galitsko-russkoy zhizni s 1772 g. (1848–1866)* [From the history of Carpathian Rus. Essays on Galician-Russian life from 1772 (1848–1866)]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(47) 084.3(571)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/7

Карпаторусское сообщество в социокультурном пространстве Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.): взгляд через призму истории эмоций*

К.А. Конев

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Авторское резюме

В годы революционных событий и гражданской войны на территории Сибири и Дальнего Востока находилось несколько десятков тысяч уроженцев Прикарпатской Руси – как беженцев, так и военнопленных. Все они, включая членов Центрального карпаторусского совета (ЦКС), вынуждены были избирать различные стратегии адаптации к менявшейся обстановке. Вместе с тем это заставляло их выбирать какую-либо из сторон конфликта, что в свою очередь актуализировало проблему самоидентификации. Обращаясь к изучению данных вопросов с точки зрения истории эмоций, можно выстроить исследовательскую модель, которая позволит реконструировать и охарактеризовать применявшиеся рассматриваемым сообществом стратегии адаптации и самоидентификации как своеобразные попытки конструирования «эмоционального сообщества». Само же это конструирование могло происходить путём создания определённых «эмоциональных режимов», представлявших собой набор предписанных эмотивов – речевых актов, как описывавших какие-либо эмоции, так и изменявших или вызывавших их. Поскольку эмотивы могли выражаться в дискурсе и ритуалах, уместно обратиться к анализу содержания символической политики и средств массовой информации, в частности официального органа ЦКС – газеты «Карпаторусское слово». Цель данной работы – выявить в текстах газетных публикаций эмотивы, с помощью которых руководство ЦКС стремилось сформировать определенный эмоциональный режим, предписав его конструируемому «эмоциональному сообществу»

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

– уроженцам Прикарпатья, оказавшимся в непривычной для себя социокультурной среде на территории востока России. Анализ выявленных эмотивов позволяет рассмотреть особенности агитационной деятельности ЦКС и процесса конструирования идентичности карпаторусов «как неотъемлемой части русского народа».

Ключевые слова: гражданская война, Сибирь, карпаторусы (русины), Российское правительство адмирала А.В. Колчака, Центральный карпаторусский совет, история эмоций, эмотивы, эмоциональные сообщества.

The Carpatho-Russian community in the Siberian socio-cultural space during the Civil War (1918–1919): a view through the prism of the history of emotions*

K.A. Konev

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Abstract

During the Revolution and the Civil War, a few score of thousands of natives of the Ciscarpathian Rus came to Siberia and the Far East as refugees and prisoners of war. All of them, including members of the Central Carpatho-Russian Council (CCC), had to choose different strategies to adapt to the changing environment. At the same time, this forced them to choose sides in the conflict, which, in turn, foregrounded the problem of self-identification. Addressing these issues in terms of the history of emotions, it is possible to build a research model that allows reconstructing and describing the adaptation and self-identification strategies used by the community as a kind of attempt to construct an “emotional community”. This construction itself could occur by creating certain “emotional modes”, which were a set of prescribed emotives – speech acts describing emotions and changing or causing them. Since emotives could be expressed in discourse and rituals, it is appropriate to turn to the analysis of the content of symbolic politics and media, namely the official CCC newspaper *Karpatorusskoe slovo*.

* This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project Nr. 0721-2020-0042.

This research analyses the newspaper publications to identify the emotives used by the CCC for shaping a certain emotional mode for the “emotional community” – the natives of Carpathia, who found themselves in unfamiliar social and cultural environment in Eastern Russia. The analysis allows considering the specificity of the CCC’s agitation activities and the process of construction of the Carpatho-Russian identity as “an inherent part of the Russian people”.

Keywords: Civil War, Siberia, Carpatho-Russians (Rusins), Russian Government of Admiral A.V. Kolchak, Central Carpatho-Russian Council, history of emotions, emotives, emotional communities.

В период революционных событий 1917 г. и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке находилось несколько десятков тысяч уроженцев Прикарпатской Руси. В первую очередь, это были беженцы, покинувшие разоренные в ходе боевых действий территории. Так, по данным С.Г. Суляка [25: 53], И. Барина и И. Стрелкова [1: 118], в России находилось около 200 тыс. жителей Прикарпатья, часть из которых осела на востоке страны. Карпаторусы были также и среди военнопленных – бывших военнослужащих австро-венгерской армии, размещённых в лагерях на территории востока России. В октябре 1918 г. для упорядочения вопроса о военнопленных Временное Сибирское правительство постановило образовать специальный национальный лагерь для пленных карпаторусов в Омске [2: 175].

Организационными структурами, выражавшими интересы карпаторусов на востоке России, стали сначала челябинский Союз освобождения Прикарпатской Руси, а затем Съезд уроженцев Прикарпатской Руси, состоявшийся в октябре 1918 г. Принятый на съезде устав Карпаторусской центральной организации определил в качестве исполнительного органа, выражавшего волю карпаторусов, Центральный карпаторусский совет (ЦКС), председателем которого был избран А.В. Копыстянский.

К настоящему времени в ряде публикаций И. Барина, И. Стрелкова [1], С.Г. Суляка [25], И.В. Нам и Н.И. Наумовой [14; 15], Д.Н. Шевелёва [31–33] рассмотрены вопросы, связанные с деятельностью съездов карпаторусов и Центрального карпаторусского совета, с его взаимоотношениями с существовавшими в Омске антибольшевистскими правительствами, с формированием воинских частей русинов на востоке России, с вовлечением уроженцев Прикарпатья в идеологические кампании антибольшевистских сил.

Тем не менее представляет интерес проблематика, связанная с особенностями самоидентификации и адаптации карпаторусов, оказавшихся в удалении от родных мест на периферийной ранее

территории, ставшей в экстремальных условиях гражданской войны центром формирования новых антибольшевистских органов власти.

Менявшаяся политическая и военная обстановка вынуждала рядовых беженцев, военнопленных, представителей интеллигенции и политического руководства карпаторусского движения избирать те или иные стратегии адаптации и искать способы консолидации сообщества, к которому они относились. Это в свою очередь актуализировало и задачу самоидентификации данного сообщества.

Представляется уместным рассмотреть обозначенную проблематику через призму истории эмоций – молодого направления, оформившегося на стыке гуманитарного и естественно научного знания и переживающего, по словам Яна Плампера, «взрывообразное развитие» [17: 15]. Применение теоретических положений авторов, работающих в данном направлении, позволяет выстроить исследовательскую модель, с помощью которой возможно реконструировать и охарактеризовать применявшиеся карпаторусами на востоке России стратегии адаптации и самоидентификации. Интерес в данном случае представляет предложенная Б. Розенвейн концепция «эмоциональных сообществ», которые определяются исследовательницей как группы, в которых люди разделяют одни и те же нормы по поводу выражения эмоций и одинаково оценивают одни и те же эмоции или не признают за ними ценности [37: 1, 11]. К таковым могли относиться как группы, основанные на личных связях, – семьи, общины, гильдии и т. п., так и текстуальные сообщества, объединённые с помощью средств коммуникации [37: 11; 38: 842].

Интерес также представляют и теоретические построения У. Редди [36], предложившего такие понятия, как «эмоциональный режим», «эмотив», «эмоциональное убежище», «эмоциональная навигация». По мнению ученого, эмотив – речевой акт, способный не только описывать эмоцию, но и изменять/создавать её. Соответственно, эмоциональный режим – набор предписанных эмотивов и связанных с ними символических практик. Каждый политический режим, по мнению Редди, поддерживается эмоциональным. Как указала Б. Розенвейн, оба понятия – эмоциональные сообщества и режимы – тесно связаны: доминирование определенного эмоционального сообщества над текстами и нормами значительной части общества приводит к формированию определенного эмоционального режима [37: 22].

По словам Розенвейн, один и тот же человек мог входить в различные эмоциональные сообщества. Очевидно, что и уроженцы Прикарпатья являлись членами подобных социальных групп. Вместе с тем интерес представляет вопрос: в какой степени сообщество

карпаторусов, находившихся на востоке России под политическим руководством ЦКС, само по себе являлось эмоциональным сообществом, и каковы были его границы?

Представляется, что активная часть карпаторусского движения на востоке России – руководство ЦКС, военные и интеллигенция, вовлекавшая остальных уроженцев Прикарпатья в политическую и общественную жизнь Белой Сибири, создавая вооружённые формирования, осуществляя информационную и пропагандистскую деятельность, пытались сконструировать определённое эмоциональное сообщество и навязать ему соответствующий эмоциональный режим. В рамках данного сообщества с помощью трансляции ряда эмотивов происходила не только консолидация всех карпаторусов, но и вырабатывались «правильные», с точки зрения его создателей, модели поведения, которые позволили бы карпаторусам успешно интегрироваться в российское общество в качестве его неотъемлемой части.

Следовательно, цель данной работы – путём выявления и анализа эмотивов, которые использовались руководством ЦКС для формирования эмоционального режима, охарактеризовать процесс конструирования эмоционального сообщества, призванного включать в себя уроженцев Прикарпатской Руси, оказавшихся на востоке России. Необходимо при этом отметить, что в статье реконструируются элементы эмоционального режима, формировавшегося руководством и идеологами ЦКС, а также журналистами, затрагивавшими соответствующие темы. Следовательно, речь идёт не о реконструкции и анализе эмоций всего сообщества, а прежде всего об изучении того эмоционального режима, который для этого сообщества предназначался и транслировался как своего рода норма.

Поскольку эмотивы могли выражаться и в дискурсе, и в ритуалах, уместно обратиться к анализу содержания символической политики, проводившейся лидерами рассматриваемого сообщества, а также средств массовой информации, использовавшихся ими для распространения значимых идей и образов. Представители ЦКС в Сибири издавали в 1918–1919 гг. газету «Карпаторусское слово», являвшуюся официальным органом организации. Выходили также однодневные газеты и листовки, приуроченные к значимым событиям. Таким образом, основным источником для данного исследования стали материалы периодической печати.

Анализу подверглись номера газеты с 1-го по 25-й, выходившие с 20 декабря 1918 г. по 23 октября 1919 г. сначала в Екатеринбурге, затем в Омске. Выявленные эмотивы и контексты их применения позволили сделать вывод о наличии двух основных компонентов, на основе которых конструировался эмоциональный режим.

Первый компонент включал в себя группу эмотивов, описывавших и актуализировавших ряд негативных эмоций, главными из которых являлись горе, страдание, печаль. Данные эмотивы применялись как в контексте репрезентации самого сообщества карпаторусов, так и при формировании образов врагов, при оценке событий прошлого и настоящего.

Карпаторусы как сообщество коллективного страдания. Как было показано ранее, ключевым мотивом, репрезентация которого происходила на страницах газеты «Карпаторусское слово», являлась идея «единства русского народа», согласно которой карпаторусы рассматривались в качестве представителей русского народа, а территория Буковины, Галицкой и Угорской Руси – как неотъемлемая часть Российского государства. Данная идея была упакована в связный рассказ – нарратив о «Единой Неделимой Руси», объединявший разрозненные газетные тексты различных жанров в слитное сверхтекстовое повествование со своим сюжетом и акторами [32: 172].

В рамках данного идеологически нагруженного рассказа карпаторусы представляли в образе сообщества угнетаемого, терпящего бедствия и лишения во имя идеи единства русского народа. Подчеркивался при этом масштаб переживаемых страданий. «Братья! Всеми миру известны наши бесконечные страдания и мучения. Наша дорогая Родина дотла разорена, и сотни тысяч её лучших сынов нашли смерть от руки тевтоно-мадьярских палачей», – говорилось в воззвании ко всем уроженцам Прикарпатской Руси, подписанном А. Копыстьянским и Н. Лозинским [3]. Подчёркивалось при этом, что идея единства русского народа для карпаторусов имела особую ценность и значимость в силу того, что вопрос этот «был выстрадан, куплен дорогою ценою многовекового порабощения!» [22].

При актуализации темы страданий использовались также религиозные образы и мотивы, подчёркивавшие масштаб и тяжесть описываемых событий. На заседании II Карпаторусского съезда в апреле 1919 г. А. Копыстьянский характеризовал произошедшие за пять лет события как «русскую Голгофу», «воздвигнутую на костях 9 миллионов лучших сынов Руси». «И чем дальше к западу, тем рельефнее выступают контуры русской Голгофы. Но самую страшную картину мучений и стараний мы видим на склонах Карпатских гор, в нашей разрушенной несчастной Родине» [4]. Так, наряду с коллективным образом карпаторусов как сообщества страдания создавался и образ Галиции как земли, наводнённой горем и разрушениями. Данный образ должен был мотивировать представителей сообщества на активные действия – вступление в карпаторусский отряд и уплату пожертвований. «Слышишь ли стоны матерей и сестёр, гибнущих от

холода и голода, видишь ли пожары и разрушения родных гнезд? Почему же ты не уплатил ещё национального налога и лавины-подати? Неужели молчит твоя совесть?» – гласил лозунг в одном из номеров газеты [24].

Покушения на территорию Прикарпатской Руси со стороны соседей, расценивавшиеся как удар по единству России, вызывали эмоциональный отклик со стороны руководства ЦКС. Например, сообщение о захвате поляками Львова в апреле 1919 г., по словам автора публикации «Вести с Родины», вызывало чувство «боли и скорби в сердцах всех карпаторусов» [12]. Подобные перформативные высказывания призваны были привить читателю определенный тип реакции на события, способствовать конструированию сообщества карпаторусов как эмоционального – «мы, те, кто скорбит о...», а также побуждать тем самым к конкретным действиям. Общее горе при этом должно было сплотить не только карпаторусов, но и весь русский народ. «Ничто так не сближает людей, как обоюдное несчастье», – подчёркивал некто Н. К-к, по мнению которого «спасение» России «возможно исключительно путем глубокого национального сознания, воссоздания души русского народа, проникновения в свои национальные святыни» [11].

В конечном счёте, все потери и страдания карпаторусов выступали в качестве своеобразного символического капитала, который должен был стать залогом благополучного будущего Прикарпатской Руси. «Вековые страдания нашего народа, великая искупительная жертва, принесённая им на алтарь верности идее в нынешнюю войну, незаметные подвиги наших соплеменников, сражавшихся в разных союзнических армиях против центральных империй, – всё это не может пропасть даром», – полагал автор статьи, посвящённой рассмотрению вопроса о Прикарпатье на мирной конференции в Версале [20].

Таким образом, конструируя образ карпаторусов как сообщества, претерпевшего множество страданий, идеологи карпаторусской организации на востоке России использовали пережитые и переживаемые негативные эмоции в качестве ресурса, способного обеспечить символическое единство сообщества или подтолкнуть его к решительным действиям. Применение соответствующих эмотивов призвано было в данном случае путем надавливания на «болеую точку» актуализировать идею «единства русского народа», ценность которой была подкреплена многочисленными страданиями и лишениями.

Германцы, «самостийники» и большевики как причина страданий карпаторусов. В процессе конструирования образов врагов также происходила актуализация негативных эмоций. Как следовало из газетных публикаций, Центральные державы и их союзники или

«пособники», будучи ответственными за переживаемые карпаторусами и остальным населением России страдания, наделялись самыми нелицеприятными характеристиками, что обуславливало применение ряда соответствующих эмотивов.

Ключевым антигероем рассказа о «Единой Неделимой Руси» выступали германцы и венгры, зависимость от которых в период существования Австро-Венгрии характеризовалась как «иго» и «кошмарное угнетение» [22]. Эмоционально окрашенные отрицательные характеристики формировавшегося образа врага подчёркивали его негативные качества и стремление поработить или уничтожить карпаторусов – «кроважидный палач» [28], «оскотиливший гунн и зверский германец» [5].

Аналогичным образом характеризовались и действия австрийцев и венгров. В стихотворении «Песнь нашего воина» «злой мадьяр и хитрый лях» «коварно разорили» русские земли, а их «дикий гнёт» являлся причиной вооружённого сопротивления карпаторусов [6]. По мнению автора обзорной статьи «Прикарпатская Русь на мирной конференции», цель «дьявольской работы германо-мадьяр заключалась в стремлениях завоевать русские области не только с помощью оружия (что им оказалось не по силам), но и посредством привнесения вражды и взаимного озлобления в единую русскую семью, сделать своё чёрное дело с помощью русских же рук» [19].

Эмотивами, ретроспективно актуализировавшими негативные эмоции, были наполнены публикации, посвящённые началу мировой войны и гонениям на карпаторусов со стороны австрийских властей. Описанию эмоционального состояния карпаторусских узников Терезинской тюрьмы уделялось особое внимание в очерках, рассказывавших о попытках заключённых отпраздновать религиозные праздники. Карпаторусы переживали целый спектр чувств – от радостного волнения в ожидании церковной службы до печали и страданий во время и после неё. «И хотя в нашем каземате обитала главным образом студенческая молодёжь, которая всегда стоически, а даже с оттенком какого-то высокомерного презрения переносила тяжёлые минуты заключения, сегодня стояли все понуря головы, как будто стыдясь тех слез, которые так упорно просились наружу. Слишком уж тяжело было на душе. Да и сам батюшка иногда тайком утирал слезу», – вспоминал Рождество 1914 г. один из узников [35].

В большой статье «Маминка», которая была посвящена чешке, оказывавшей материальную помощь карпаторусам в Терезинской тюрьме и за доброту прозванной Маминкой, подчёркивалась особая жестокость тюремных надзирателей-австрийцев. «В изобретении всякого рода пакостей и мытарств отличался возненавиденный

всеми нами взводный Сальман, который с утончённым сладострастием продерживал маминку долгое время у входа к нам, особенно в дождливую погоду или морозные дни, обращаясь к ней грубо и всегда клевета на неё перед своим начальством», – писал автор публикации [34].

Эмоциональные характеристики титульных наций двуединой монархии Габсбургов позволяли формировать в их лице образ жестокого, коварного и хитрого противника, все действия которого являлись причиной страданий и озлобленности карпаторусов. Ещё одним антигероем являлись «украинские самостийники», характеризовавшиеся как «политический эксперимент Центральных держав над русским народом» и «кучка фанатиков» [20]. Деятельность «сепаратистов» также служила источником негативных эмоций в сообществе карпаторусов. Так, по словам А.В. Копыстьянского, «пользуясь бедственным положением военнопленных (карпаторусов. – К.К.), самостийники развивали в них чувство ненависти ко всему русскому и запугивали их всякими ложными слухами, угрозами и сплетнями» [4].

Аналогично осуществлялась и репрезентация негативного образа большевиков, формировавшегося также посредством эмоционально окрашенных характеристик. Характеризуя Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, автор одной из публикаций в однодневной газете «День карпаторусса» заострял внимание на эмоциональном факторе: «Злобные, отвратительные речи, переполненные бесконечными мучительно надоевшими словами "пролетариат", "империалисты", "без аннексий и контрибуций", речи, в которых было всё, что угодно, кроме любви к России и её национальным святыням. Всё дышало нечеловеческой ненавистью и враждой». В ином свете представлялся карпаторусский съезд, где «всё было проникнуто атмосферой высокого патриотизма и любви» [30].

Другой важный компонент, на основе которого выстраивался эмоциональный режим, включал в себя ряд эмотивов, обозначающих позитивно воспринимавшиеся эмоции, – радость, бодрость, любовь, воодушевление.

Положительные эмоции как инструмент консолидации. Необходимо отметить, что, позиционируя карпаторусов в качестве сообщества коллективного страдания, идеологи и лидеры ЦКС в Сибири в то же время стремились с помощью перформативных высказываний подтолкнуть это сообщество к иным, более позитивным эмоциям. Причём нередко они могли обозначаться косвенно – через попытки воспрещения испытывать негативные чувства. Так, ряд воззваний и статей, опубликованных в «Карпаторусском слове», включал в себя призывы, требовавшие от читателей не унывать и сохранять бодрость.

В упомянутом выше обращении А. Копыстянского и Н. Лозинского ко всем уроженцам Прикарпатской Руси звучали, в частности, такие слова: «Велико наше горе, но не нам, закалённым в вековой борьбе за русские идеалы, унывать и падать духом. Ведь только раб страдает и отчаивается, свободный же гражданин предпочитает смерть бесславной жизни. <...> Прочь уныние и отчаяние! Все к оружию!» [3].

Избавление от негативных эмоций провозглашалось необходимостью, важным условием налаживания эффективной деятельности Карпаторусского совета и решения проблем, стоявших перед властью и обществом. «Не уныние и оглядка, а напряжение всех сил, бодрость и мудрая стремительность должны сделаться достоянием всего общества в преддверии великих событий, приближающих родину к желанной пристани мирного культурного развития и экономического преуспевания», – писал некто Омский в первом выпуске газеты [16]. В контексте обсуждения вопроса о регистрации карпаторусских беженцев в Сибири аналогичным образом подчёркивалось, что «разочарованию и апатии менее всего должно быть места в переживаемый нами политический момент, так как подобные настроения не имеют под собой никакого разумного основания» [13]. Показательно в данном случае то, что побуждение к отрицанию негативных эмоций связывалось с апелляцией к рационализму. Как представляется, это призвано было подталкивать читателя к мысли том, что отказ от «разочарования» и «апатии» в пользу позитивного мировосприятия – разумный, сознательный шаг, способствующий скорейшему разрешению насущных проблем в текущей ситуации.

Необходимо отметить также, что именно способность не подчиняться всецело негативным эмоциям провозглашалась одной из ключевых характеристик карпаторусской общности, выступая для неё своего рода цементирующим элементом. Ретроспективная актуализация темы страданий, виновниками которых являлись австрийцы и мадьяры, сопровождалась параллельным выстраиванием образа карпаторусов как никогда не унывающего сообщества. Отвечая на вопрос: «Пал ли наш народ духом в это время страшных гонений?», автор «Катехизиса добровольца-карпаторусса» подчёркивал, что «наш народ никогда не унывал и не поддавался отчаянию; чем больше его угнетали, тем крепче он держался своего родного русского языка, своей прадедной веры» [10].

Происходила также и прямая артикуляция объединявших сообщество положительных эмоций, которые необходимо было испытывать. Ключевой из них была любовь – как к собратьям-землякам, так и к родной земле. В небольшой заметке «Русь проснулась», опубликованной во втором номере «Карпаторусского слова», в образной форме

говорилось о песне, символизировавшей возрождение «русского Духа» на Буковине. «Возвещай (песня. – К.К.), что все родные заветы, исконные и святые, влекут к себе и великого, и малого; что по всем просторам объединила нас братская любовь, что слава, что счастье вернулось к нам снова», – писал автор [23].

Сообщения о съездах, мероприятиях и праздниках, организованных ЦКС, неизменно подкреплялись указанием на царившие среди участников воодушевление и эмоциональный подъем. На Съезде карпаторусских колоний в Челябинске в октябре 1918 г. В.В. Шемердяк, докладывавший о процессе создания карпаторусского добровольческого отряда, отмечал «редкое воодушевление и сознательное отношение к долгу воина-гражданина, царящее среди добровольцев» [26]. Праздник карпаторусского полка, включивший в свою программу молебен, церемониальный марш и торжественный завтрак, сопровождался «несмолкаемым “ура”», исполнением гимнов, тостами, речами и приветствиями, также отличавшимися «глубокой искренностью и воодушевлением» [18]. Таким образом, вовлечение карпаторусов в подобные мероприятия делало их соучастниками эмоционально заряженного действия, подталкивавшего к коллективному проживанию «радостного возбуждения», «воодушевления», «волнения». Кроме того, имплицитно эти же эмоциональные состояния транслировались и читателям – членам текстуального сообщества, объединенного газетой.

Позитивные эмоции в контексте моделей будущего. По словам У. Уорнера, рассматривавшего особенности ментального воздействия различных символов и знаков, «значения “здесь и сейчас” фактически никогда не бывают полностью отделёнными от воспоминаний о прошлом и от предвосхищений грядущего» [27: 522]; <...> «завтрашние значения подготавливаются значениями сегодняшними; значения настоящего прочно базируются на значениях вчерашних» [27: 526].

Вспоминаемое на страницах газеты прошлое, интерпретируемое как период угнетения и страданий с помощью соответствующих знаков – эмотивов, выражавших негативные эмоции, служило также фундаментом для конструирования образа будущего, несомненно, счастливого. Рассуждения о минувшем и предстоящем включали в себя эмоционально нагруженные конструкции, выступавшие в качестве позитивных характеристик привлекательного образа будущего, а также средств консолидации сообщества карпаторусов.

Окончание мировой войны открывало, по мнению редакции и авторов «Карпаторусского слова», широкие перспективы перед славянскими народами. Вместе с тем нерешённость судьбы Прикарпатья рассматривалась как существенное препятствие для достижения

единства русского народа. Уверенность в скором воссоединении Прикарпатья и России связывалась с верой в «принцип самоопределения наций», подкреплённый авторитетом и поддержкой стран-победительниц в мировой войне. «В этой вере в светлое будущее нашей родины мы черпаем и будем черпать силы для преодоления последних препятствий, созданных условиями нашего подъярённого существования, помня, что близок час торжества свободы, права и справедливости для нашей ближайшей родины Карпатской Руси, великой родины нашей России и всего славянства», – отмечалось в публикации, касавшейся событий в Восточной Галиции [29].

Пытаясь привлечь внимание сибирской общественности к данному вопросу, редакция газеты подчёркивала, что «в настоящее время, как никогда более, должна рухнуть стена безразличного равнодушия и непонимания общественным мнением законных стремлений и чаяний русского Прикарпатья, и её место должны занять братская любовь, взаимное понимание и взаимная поддержка» [22].

Будущее как эпоха торжества любви фигурирует и в стихотворении «За Русь» – марше карпаторусских студентов:

Ура! Наш век русско-славянский,

Идёт наш век любви, добра,

Вперёд же, Русь, вперед же, Русь. Ура! На бой! Ура! [8].

В одной из публикаций серии «Простая беседа», предназначавшейся для простых, малограмотных читателей и использовавшей поэтому разговорный язык, рисовался образ полного радости будущего, которое наступит в том случае, если карпаторусы сплотятся и встанут «рядами дружно на работу» – «...то буде радість, і охота, і світ увидит Руси славу і исчезнут вороги лукаві, як дым розвієсь тяжка доля і усміхнесь на Руси воля» [21].

Стремление оставить негативные эмоции, прежде всего страх, в прошлом прослеживается в публикациях, призывавших смело смотреть в будущее, как бы туманно оно не было. Так, в новогоднем выпуске газеты уверение в скором воссоединении Прикарпатья и России сопровождалось словами: «...с этой верой мы без страха и сомнения глядим в глаза будущему» [9].

В рамках упомянутых выше праздников и мероприятий также создавались ситуации, при которых прошлое и настоящее, встречаясь, влияли на эмоциональное состояние участников, что стремились отразить и публицисты. В статье о Сочельнике в Карпаторусском отряде была показана характерная двойственность эмоционального состояния солдат. Испытывая «горечь разлуки с ближайшей родиной, которая привыкла терзать грудь особенно в такие моменты, как Ро-

ждество, Пасха и др.», бойцы в то же время вели «задушевные разговоры о счастливых минутах рождественских праздников в прошлые года» и выражали уверенность, что «следующий год даст возможность провести праздники уже на освобождённой Родине...» [7]. Представляется, что актуализация воспоминаний о страданиях, их коллективное проживание в сочетании с символическими действиями – богослужениями, молитвами, исполнением песен и музыки, воинскими ритуалами превращали подобные действия и соответствующие мероприятия в акты конвертирования негативных эмоций, связанных с прошлым, в позитивные чувства, место которым в благополучном, счастливым будущем.

В заключение отметим следующее. Эмоциональный режим, формировавшийся руководством ЦКС дискурсивно с помощью подконтрольной ему газеты, а также в рамках символических практик, предписывал испытывать членам создававшегося эмоционального сообщества два, на первый взгляд, противостоявших друг другу набора чувств. Печаль и тоска в связи с оторванностью Прикарпатской Руси от России, ненависть к врагам «единства России» и проживание прошлых страданий выражались совокупностью эмотивов, отвечавших за актуализацию негативных чувств и появлявшихся в каждом номере «Карпаторусского слова». С тем же постоянством транслировались эмотивы, отвечавшие за позитивные эмоции – любовь к родному краю и «собратьям-карпаторусам», бесстрашие, воодушевление, надежду на лучшее.

Используя терминологию У. Редди, можно сказать, что «эмоциональная навигация» в рамках данного эмоционального режима предполагала маневрирование между двумя этими нормами поведения. Иными словами, идеальным представителем карпаторусского сообщества мог считаться тот, кто страдал из-за притеснений, искренне переживал за судьбу Прикарпатья, презирал «австро-мадьяр», большевиков и «самостийников», но в то же время не поддавался унынию и сохранял веру в скорое объединение и «возрождение России». Режим, однако, не предлагал каких-либо эмоциональных убежищ – отношений, ритуалов или организаций, позволявших высвободиться от преобладавших эмоциональных норм и ослабить эмоциональные усилия [36: 129]. Уныние и страх вместо предписанных бодрости и радости, например, порицались, равно как и всякие проявления апатии и равнодушия.

Стремясь реконструировать эмоциональный режим, формировавшийся лидерами карпаторусской организации на востоке России, необходимо отдавать себе отчёт в том, что он не был и не мог быть воспринят всеми карпаторусами. Невозможно и в полной мере уста-

новить, какова была реакция сообщества на предлагавшийся набор эмотивов и какие эмоции при этом испытывались и выражались. Не исключено, что многие карпаторусы действительно испытывали и продолжали испытывать страдания, о которых нередко писали публицисты, как верно и то, что многие из тех, кто верил в лозунги, провозглашавшиеся ЦКС, вполне искренне могли радоваться успехам деятельности организации. Уместно также предположить, что, вопреки предписаниям эмоционального режима, могли существовать альтернативные эмоциональные убежища, предлагавшиеся иными политическими силами, например большевиками, с другим набором предписываемых эмоций и соответствующих эмотивов.

Будучи способом конструирования эмоционального сообщества карпаторусов, рассмотренный эмоциональный режим являлся также элементом стратегии адаптации, избранной лидерами Карпаторусской организации. Стремление показать себя в образе страдальцев за идею «единства Руси» преследовало политические цели – заявить о лояльности и добиться поддержки антибольшевистских правительств. В данном случае можно говорить об успешности выбранной стратегии. Антибольшевистскими силами карпаторусы рассматривались как союзники, а попытки формирования отдельного карпаторусского воинского подразделения подтверждают заинтересованность Омска в данной политической силе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баринов И., Стрелков И. А. В. Копыстьянский и его деятельность в России в годы гражданской войны, 1918–1920 гг.* // Русин. 2012. № 3 (29). С. 116–126.
2. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. док. и материалов / Сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 818 с.
3. Всем уроженцам Прикарпатской Руси // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. 20 дек.
4. Второй карпаторусский съезд // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 4 мая.
5. *Гаталяк П. П.* Праздник в тюрьме // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 4 февр.
6. *Дмухаль Г.* Песнь нашего воина // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. 20 дек.
7. Добровolec. Сочельник у наших войск // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 28 янв.
8. За Русь (Марш карпаторусских студентов) // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 11 мая.
9. Итоги // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 1 янв.

10. Катехизис добровольца-карпаторусса // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 18 янв.
11. К-к Н. Праздник русского единения // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 20 апр.
12. Л-ский И. Вести с родины // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 11 апр.
13. Л-ский И. К вопросу о регистрации беженцев // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 25 мая.
14. Нам И.В., Наумова Н.И. Съезды карпаторуссов в Сибири в годы гражданской войны. 1918–1919 // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–166. DOI: 10.17223/18572685/37/11
15. Нам И.В., Наумова Н.И. Карпаторусская проблема на Парижской мирной конференции (1919 г.) // Русин. 2018. № 53. С. 172–192. DOI: 10.17223/18572685/53/10
16. Омский. К событиям в Омске // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 1 янв.
17. Плампер Я. История эмоций / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
18. Полковой праздник карпаторуссов // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 1 окт.
19. Прикарпатская Русь на мирной конференции // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 4 апр.
20. Прикарпатская Русь на мирной конференции // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 11 апр.
21. Простая бесіда Панька Макогона // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 6 июля.
22. Россия и Карпатская Русь // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. 20 дек.
23. Русь проснулась // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 1 янв.
24. Слышишь ли... // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 1 июня
25. Суляк С.Г. Русины в период Первой мировой войны и Русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.
26. Съезд делегатов карпаторусских колоний в Челябинске // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. 20 дек.
27. Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 671 с.
28. Центрального карпаторусского совета по карпаторусским войскам Приказ № 1 // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 1 янв.
29. Что происходит в Восточной Галичине? // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. 20 дек.
30. Шамурин Е. За святую Русь // День карпаторусса. 1919. Омск. 12 сент.
31. Шевелёв Д.Н. Окончание Первой мировой войны и карпаторусский вопрос: взгляд из Сибири (осень 1918 – осень 1919 г.) // Русин. 2019. № 57. С. 66–83. DOI: 10.17223/18572685/57/5
32. Шевелёв Д.Н., Конев К.А. Тема «Великой войны» во взаимоотношениях Российского правительства адмирала А.В. Колчака и Центрального Карпаторусского совета (1918–1919 гг.) // Русин. 2014. № 3 (37). С. 167–181. DOI: 10.17223/18572685/37/12

33. Шевелёв Д.Н., Конев К.А. «За Россию и за общее дело славянства»: официальная и проправительственная печать Белой Сибири о формировании на её территории карпаторусских воинских частей // Русин. 2015. № 4 (42). С. 143–167. DOI: 10.17223/18572685/42/11

34. Юра. Маминка // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 11 мая.

35. Юра. Святая ночь в Терезинской крепости в 1915 году // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 10 янв.

36. Reddy W.M. The Navigation of Feeling. A Framework for the History of Emotions. New York: Cambridge University Press, 2001. 394 p.

37. Rosenwein B.H. Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context. International Journal for the History and Theory of Emotions. 2010. № 1. P. 1–30. URL: https://www.passionsincontext.de/uploads/media/01_Rosenwein.pdf (дата обращения: 10.10.2020).

38. Rosenwein B.H. Worrying about Emotions in History // American Historical review. 2002. Vol. 107, № 3. June. P. 821–845.

REFERENCES

1. Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) A.V. Kopystyansky and his activities in Russia during the Civil War (1918–1920). *Rusin*. 3(29). pp. 116–126 (in Russian).

2. Shishkin, V.I. (2007) *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya – 3 noyabrya 1918 g.)* [Provisional Siberian government (May 26 – November 3 1918)]. Novosibirsk: Sova.

3. *Karpatorusskoe slovo*. (1918) Vsem urozhentsam Prikarpat'skoy Rusi (Galitskoy, Bukovinskoy i Ugorskoy Rusi) [To all natives of Ciscarpathian Rus (Galicia, Bukovina, Ugric Rus)]. 20th December.

4. *Karpatorusskoe slovo*. (1919a) Vtoroy karpatorusskiy s'ezd [The Second Carpathorussian Convention]. 4th May.

5. Gatalyak, P.P. (1919) Prazdnik v tyur'me [Celebration in prison]. *Karpatorusskoe slovo*. 4th February.

6. Dmukhar, G. (1918) Pesn' nashego voyna [The song of our warrior]. *Karpatorusskoe slovo*. 20th December.

7. Dobrovolets. (1919) Sochel'nik u nashikh voysk [Christmas Eve in our troops]. *Karpatorusskoe slovo*. 28th January.

8. *Karpatorusskoe slovo*. (1919b) Za Rus' (Marsh karpatorusskikh studentov) [For Rus' (The march of Carpathorussian students)]. 11th May.

9. *Karpatorusskoe slovo*. (1919c) Itogi [Results]. 1st January.

10. *Karpatorusskoe slovo*. (1919d) Katekhizis dobrovol'tsa-karpatorussa [Catechism of the Carpathorussian volunteer]. 18th January.

11. K-k, N. (1919) Prazdnik russkogo edineniya [Holiday of Russian unity]. *Karpatorusskoe slovo*. 20th April.

12. L-skiy, I. (1919a) Vesti s rodiny [News from home]. *Karpatorusskoe slovo*. 11th April.

13. L-skiy, I. (1919b) K voprosu o registratsii bezhentsev [On the registration of refugees]. *Karpatorusskoe slovo*. 25th May.

14. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) Carpatho-Russian Conventions in Siberia during the Civil War (1918–1919). *Rusin*. 3(37). pp. 152–156 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/11

15. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2018) The Carpatho-Russian problem at the Paris Peace Conference in 1919. *Rusin*. 3(53). pp. 172–192 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/10

16. Omskiy. (1919) K sobytiyam v Omske [To the events in Omsk]. *Karpatorusskoe slovo*. 1st January.

17. Plamper, Ya. (2018) *Istoriya emotsiy* [History of emotions]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

18. *Karpatorusskoe slovo*. (1919e) Polkovoy prazdnik karpatorussov [Regimental holiday of the Carpathian-Russians]. 1st October.

19. *Karpatorusskoe slovo*. (1919f) Prikarpathskaya Rus' na mirnoy konferentsii [Cisrpathian Rus at the Peace Conference]. 4th April.

20. *Karpatorusskoe slovo*. (1919g) Prikarpathskaya Rus' na mirnoy konferentsii [Cisrpathian Rus at the Peace Conference]. 11th April.

21. *Karpatorusskoe slovo*. (1919h) Prostaya besida Pan'ka Makogona [Simple conversation of Panko Makogona]. 6th July.

22. *Karpatorusskoe slovo*. (1918a) Rossiya i Karpatskaya Rus' [Russia and Carpathian Rus]. 20th December.

23. *Karpatorusskoe slovo*. (1919i) Rus' prosnulas' [Rus' has woken up]. 1st January.

24. *Karpatorusskoe slovo*. (1919j) Slyshish' li... [Do you hear...]. 1st June.

25. Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i Russkoy smuty [The Rusins during World War I and the Russian distemper]. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65 (in Russian).

26. *Karpatorusskoe slovo*. (1918b) S'ezd delegatov karpatorusskikh koloniy v Chelyabinske [Convention of delegates of the Carpathian colonies in Chelyabinsk]. 20th December.

27. Warner, W. (2000) *Zhivye i mertvye* [The Living and the Dead]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

28. *Karpatorusskoe slovo*. (1919k) Tsentral'nogo karpatorusskogo soveta po karpatorusskim voyskam Prikaz Nr.1 [Order Nr. 1 for Carpathian troops of the Central Carpathian Council]. 1st January.

29. *Karpatorusskoe slovo*. (1918c) Chto proiskhodit v Vostochnoy Galichine? [What is happening in eastern Galicia?]. 20th December.

30. Shamurin, E. (1919) Za svyatuyu Rus' [For Holy Rus']. *Den' karpatorussa*. 12th September.

31. Shevelev, D.N. (2019). The end of the First World War and the Carpathian question: a view from Siberia (autumn 1918 – autumn 1919)]. *Rusin*. 57. pp. 66–83 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/57/5

32. Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2014) The theme of the “Great War” in the interaction of Russian government of Admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council (1918–1919). *Rusin*. 3(37). pp. 167–181 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/12

33. Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2015) "For Russia and for the Slavdom": the official and pro-governmental press of the White Siberia on the formation of Carpatho-Russian military units on its territory. *Rusin*. 4 (42). pp. 143–167 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/11

34. Yura. (1919l) Maminka [Mother]. *Karpatorusskoe slovo*. 11th December.

35. Yura. (1919m). Svyataya noch' v Terezinskoy kreposti v 1915 godu [Holy Night in the Terezin Fortress in 1915]. *Karpatorusskoe slovo*. 10th January.

36. Reddy, W.M. (2001) *The Navigation of Feeling. A Framework for the History of Emotions*. New York: Cambridge University Press.

37. Rosenwein, B.H. (2010) Problems and Methods in the History of Emotions. *Passions in Context. International Journal for the History and Theory of Emotions*. 1. pp. 1–30. [Online] Available from: https://www.passionsincontext.de/uploads/media/01_Rosenwein.pdf (Accessed: 10th October 2020).

38. Rosenwein, B.H. (2002) Worryng about Emotions in History. *American Historical Review*. 107(3). pp. 821–845. DOI: 10.1086/ahr/107.3.821

Конеv Кирилл Александрович – ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Kirill A. Konev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: konev-k-92@rambler.ru

UDC 94 (477.7)“1917/1920”
УДК
DOI: 10.17223/18572685/63/8

South Ukraine Greek community under revolutionary upheavals and armed conflicts (1917–1920)

O.P. Trygub¹, O.V. Osypenko²

¹ Petro Mohyla Black Sea National University
10 68 Desantnykiv Street, Mykolaiv, 54003, Ukraine
E-mail: alextrigub@ukr.net

² Odessa National Maritime University
34 Mechnikov Street, Odessa, 65029, Ukraine
E-mail: osupenkooleksandr@ukr.net

Abstract

The revolutionary changes of 1917 contributed to the intensification of the political, national, and cultural life of the Greek community of the entire Black Sea and Azov Sea coasts, where the national states emerged on the shards of the former Russian Empire. In contrast to the Azov Sea region, where the Greeks had an active social and political life and by the end of 1917 had formed the Mariupol Union of the Hellenic People, the Greeks of the Northern Black Sea region were quite apolitical and inactive. Their attitude to the Ukrainian and Soviet powers was rather ambiguous, and during 1917 they maintained, mainly, a wait and see position. Only individual representatives of the Greek people were affiliated with one or another party, which was more an exception than a typical feature of the Greek community. The Greeks fought in the ranks of the Imperial Army, N. Makhno's Rebel Army, in the Red Army, in regular units and partisan detachments of the Volunteer Army. In contrast to the rural population, which opposed the Volunteer Army and its policies, the urban communities of Odessa, Nikolaev, and Kherson actively supported both the French-Greek Entente troops and Denikin's Volunteer Army. Most urban Greeks were well-to-do middle-class persons running small and medium businesses (restaurants, hotels, grocery stores, various workshops, etc.) and did not accept the ideas of social and property equality proclaimed by the Bolsheviks. The article draws on the periodical press and undefined documents of the Soviet Special Services to define the role of the Greek communities of the Ukrainian Black Sea Region cities in the revolutionary events. The authors analyze the role of the Greek community mem-

bers in the military and political events of 1917–1920 and their attitude to the changing powers, participation in the revolutionary struggle, the reasons for the emigration of 1919–1920, and Bolshevik repressions against the Greek ethnos. It is concluded that the Greek community of the Northern Black Sea region suffered the greatest losses as a result of mass emigration, rather than civil confrontation during the revolution time.

Keywords: revolution, Civil War, Greeks, Entente, South of Ukraine, Greek emigration, Red Terror.

Греческая община Южной Украины в условиях революционных потрясений и вооружённых столкновений (1917–1920 гг.)

А.П. Тригуб¹, А.В. Осипенко²

¹ Черноморский национальный университет им. П. Могилы
Украина, 54003, г. Николаев, ул. 68 Десантников, 10
E-mail: alextrigub@ukr.net

² Одесский национальный морской университет
Украина, 65029, г. Одесса, ул. Мечникова, 34
E-mail: osupenkooleksandr@ukr.net

Авторское резюме

Революционные перемены 1917 г. способствовали активизации политической и национально-культурной жизни греческой общины всего Черноморско-Азовского побережья на почве создававшихся национальных государств на осколках бывшей Российской империи. В отличие от Приазовья, греки Северного Причерноморья были достаточно аполитичны и малоактивны. Отношение их как к украинской, так и к советской власти было достаточно неоднозначным, и в течение 1917 г. они сохраняли преимущественно выжидательную позицию. Лишь отдельные представители греческого народа примыкали к тем или иным партиям. В противоположность сельскому населению, которое выступило против Добровольческой армии и её политики, городские общины активно поддерживали как французско-греческие войска Антанты, так и Добровольческую армию Деникина. Большинство городских греков были зажиточными мещанами, держали мелкий и средний бизнес и не воспринимали идей социального и имущественного равенства, провозглашавшихся большевиками. В пу-

бликации сделана попытка оценить место греческой общины причерноморских городов Украины в вихре революционных событий на основе периодической прессы и неизвестных документов советских спецслужб. Рассматривается роль греческой общины в военно-политических событиях 1917–1920 гг., анализируются отношение греков к сменявшимся властям, их участие в революционной борьбе, причины эмиграции 1919–1920 гг., большевистские репрессии по отношению к греческому этносу. Сделан вывод, что наибольшие потери греческая община Северного Причерноморья понесла в результате массовой эмиграции, а не гражданского противостояния времен революции.

Ключевые слова: революция, гражданская война, греки, Антанта, Южная Украина, греческая эмиграция, красный террор.

At the turn of the 20th century, the Greeks of the Black Sea region cities lived in small national colonies with a rather high standard of living. Their main spheres of activity were commerce and banking, manufacturing, households, rent of real estate, transport and communications, public service, etc. At the same time, the percentage of the lower classes (servants, industrial workers, day laborers, and the poor) reached about 50 % economically active Greek population [47: 48]. A significant stratum of the Greek diaspora were the peasants from villages and towns situated near large port cities. The total number of the Greek diaspora in the Northern Black Sea region, reaching about 35 thousand people, was formed as a result of migration waves from 1858 to 1918 [46: 222].

The revolutionary changes of 1917 contributed to the activation of the political, national, and cultural life of the Greek community of the entire Black Sea and Azov Sea coasts. In Odessa, the Greek community began publishing the weekly “Anagennisis” (Renaissance) edited by G. Alatsidis, and the independent political newspaper “Ilios” continued to be published. The latter was the national press organ of the Greeks of Russia (at the end of 1917 the newspapers ceased to exist).

Taking advantage of the general democratization of social and political life, on June 29 – July 10, 1917, the first All-Russian Congress of the Hellenes took place in Taganrog, in which about 40 delegates took part, including those from Odessa. The All-Russian Union of Hellenes was created, and a decision was made to create political and democratic clubs and unions, which were to act as defenders of the political, national, and cultural interests of the Greek population. Those decisions did not have any success either in the organizational or political spheres [37: 83–84].

Unlike the Azov Sea region, where the Greeks consolidated by the end of 1917 into the Mariupol Union of the Hellenic People, the Greeks of the Northern Black Sea region were quite apolitical. Their attitude

to both the Ukrainian and Soviet authorities was rather ambiguous, and during 1917 they maintained, mainly, a wait and see attitude. The words of Nikolayev engineer Leonid Popandopulo are indicative in this respect: "...I met the October Revolution indifferently, neither hostilely, nor sympathetically. On the one hand, I believed that the phenomenon was temporary, no longer than 3-4 months, and the revolutionary wave would subside and a legal position would be established without any excesses, and on the other hand, I was little interested in politics as a foreign citizen and was on the sidelines" [10: 13].

Individual representatives of the Greek people affiliated with one or another party. Thus, Odessa resident Anton Yanopulo, being for a long time a member of the Socialist Revolutionary Party, in June 1917 joined the Bolsheviks and "began to campaign actively for the Bolshevik Party" [15: 18]. An active member of the Socialist Revolutionary Party was the Greek V.A. Iraklidi, who was a member of the editorial board of the Socialist Revolutionary Party newspaper "Revoliutsionnoe Delo" (Revolutionary Deed) [1: 23].

Pro-Ukrainian sentiments did not pass by the Greek community either. A striking example is the fate of Nikolai Arkas (junior), the son of the famous Nikolayev public figure and educator N. Arkas. During the February revolution, N. Arkas was in military service with the rank of subaltern officer. On July 4, 1917, he was appointed commander of the squadron, which in December 1917 was Ukrainized and renamed to a sotnia. In April 1918, the sotnia was reorganized into a cavalry battalion of the UNR army. During the Hetman coup, N. Arkas was one of the first to support Skoropadskiy, and with the coming to power of the Directory, he joined the Army of the Ukrainian National Republic and took part in battles against Denikin's volunteers. On December 11, 1919, together with the regiment, he joined the Ukrainian Galician Army, which at that time was in alliance with the Armed Forces of South Russia. Since 1920 he emigrated to Western Ukraine [41: 18–19].

But such examples are more an exception than a peculiar feature of the Greek community. The vast majority of Greeks continued to go about their current affairs.

Some Greeks supported socialist ideas as well. In 1919 Stepan Burduris left for the village, gained 4 dessiatinas of land, and got a job as a secretary of the Revolutionary Committee [18: 18]. The sailor Leonid Iliopulos, inspired by the revolutionary events in Russia, fled to Odessa from Romania in 1917 with the crew of the barge, moved to Nikolayev, where he lived from that time on [6: 13].

The October Revolution of 1917 and the subsequent first coming of the revolutionaries to power at the end of January 1918 led to the

beginning of an anarchist rampage in such largest cities as Kherson, Nikolayev, and Odessa. The new power was characterized by censorship and the suppression of a number of newspapers, confiscations, change of the old administrative apparatus, arrests and executions of “counter-revolutionaries”. Odessa bandits, using ‘revolutionary mandates’, broke into private houses, banks and counting-houses, shops, enterprises, and warehouses, where they demanded money and valuables [36: 88, 91]. But, despite this, most of the enterprises owned by the Greeks were kept safe.

In mid-March 1918, the situation changed due to the signing of the multilateral Treaty of Brest, according to which the Ukrainian National Republic was occupied by the Austro-German troops. From mid-March till early November 1918, everyone lived relatively calmly. On the other hand, with the strengthening of the power of Hetman Skoropadskiy and the Austro-German military command, the latter began to put things in order concerning the foreign citizens representing the Entente countries and their allies. As a result, on the basis of the order of the German commander-in-chief of all troops in Taurida and the Crimea, Robert von Kosch, dated July 24, 1918 (his administrative responsibility included also Kherson county (uyezd) of Kherson Province (gubernia)), all Greeks were registered and controlled, and without the permission of the military commandant's office, they were prohibited to change their place of residence [27].

Consuls, who defended the interests of the Hellenes, always played an important role in the life of the Greek community. As of the beginning of 1917, in Kherson Province, the diplomatic representatives of Greece were in Odessa (consulate general) and Nikolayev (vice-consulate), which were headed by Consul General Emmanuel Kapsambeli and Vice-Consul Ivan Zigomala. On July 8, 1918, the occupation command suggested the entire staff of the Greek consulates to leave the territory of Ukraine. The protection of Greece citizens, as well as the guarding of the premises and archives of the consulates, was entrusted to the Dutch consul in Odessa Wilhelm Muntz [3; 33]. As a result, on July 19, the Greece diplomatic corps left Ukraine [32].

Despite such an attitude towards the Greek community, most of its representatives continued to be engaged in their own and public affairs. Some Greek traders even established trade relations with the occupation power, supplying foodstuffs and forage. Thus, Mikhail Stavriyani supplied grain to the Austro-Hungarian army in Odessa, buying it from the population of the local rural area [19: 10, 17, 22], and the German army in Nikolayev was supplied by Angel Ikonomidi. The latter worked for a rich Nikolayev Greek grain merchant I. Kupp for a long time, where he saved up a fortune of 25 thousand rubles. The money in the bank

was confiscated during the socialist requisitions in January – February 1918. Since the firm run by Kupp continued to work, the grain operations were conducted for all persons concerned [4: 12].

The following events show the negative attitude of the Greek student youth towards revolutionary unrest. On the new tide of the revolutionary movement at the beginning of November 1918, the students of Novorossiia University made a decision to start a strike. In response, the Greek Student Society adopted a resolution declaring the strike to be detrimental and inopportune. As a result, the Council of Student Representatives decided to cease the student protest [39].

Events of the late 1918 – early 1919 in the international arena and in Ukraine led to the end of the short-lived Austro-German occupation. In December 1918 – January 1919, the French-Greek troops appeared in the cities of the Northern Black Sea region.

The Greek colony of Odessa held a special meeting on this matter, worked over a meeting ceremony, and appointed its representatives in the port: F. Kussis, P. Bebis, Iv. Saparis and I. S. Ksidias. The idea to meet guests at sea on a separate ship under the Greek flag was under discussion [28]. Local authorities appropriated up to 25 thousand rubles for the celebrations on the occasion of the arrival of the allies [26: 447]. The local press sang praises to the Entente troops.

On December 5, 1918, Nikolayev met the representatives of the allied squadron. Among the representatives of local public institutions and local authorities, the Greek consul was also present [2].

The historian T. Kostopoulos noted that “at the lead of the solemn ceremonies of greeting the expeditionary corps were the ‘elements of the old regime’”, and in Nikolayev “the Greek army was greeted only by the Greek consul with the elite of the Greek parish” [48].

At the beginning of November 1918, the Ministry of Foreign Affairs of the Ukrainian State called on all consuls who had left to return. Despite the “amnesty”, the Greek diplomatic corps returned incomplete. Since E. Kapsambeli was appointed to The Hague, the duties of the consul in Odessa were performed by J. Georgiadi [13: 27, 35], while I. Zigomala returned to Nikolayev [38].

At the same time, the population gave the Greek expeditionary corps a rather cool reception. The Greek historian T. Kostopoulos pointed out in his report that “the soldiers felt a sense of being surrounded by an absolutely hostile population”, since the workers of Odessa and Nikolayev “love Bolshevism... and are looking forward to the Reds”. And even the inhabitants of the remote places “all had Bolshevik views” [49].

Unlike the majority of the population, who greeted the Greek army quite hostilely, the Greeks (except for the pro-Bilshovyk minded)

treated the Greek contingent well. In Nikolayev, for example, in honor of the Greek contingent arrival, a magnificent dinner was arranged, one of the organizers of which was A. Ikonomidi, who supplied the army of his fellow countrymen with foodstuffs and was an interpreter at the Greek army headquarters. For his efforts, A. Ikonomidi got a merit certificate from the headquarters of the Greek troops “for the successful and proper supply of the troops with the foodstuffs” [4: 13–14].

On March 9, 1919, the regular anniversary of the 7th Athens Infantry Regiment establishment was solemnly celebrated in Nikolayev. A prayer service was held in the Greek Church, to which all the members of Nikolayev Greek colony were invited. Then a parade of Greek troops took place [24: 78; 42].

Despite the short stay of the Greek troops in Nikolayev (March 1–14, 1919), some Greeks managed to ‘work’ for the Greek counter-intelligence as well. For example, Dmitriy Margelis in 1937 testified that “when the city of Nikolayev was occupied by the Greek occupation forces, I took part in the work of the Greek counter-intelligence. As to the owner of a cafe-restaurant at that time, the residents of Nikolayev often came to me, whom I knew, that they supported the Soviet power and took part in Soviet demonstrations, so I immediately informed the state guards” [8: 8–9]. It should be mentioned that accusations of betraying communists to the occupation authorities were common among the execution sentences of the “Red Terror” period.

We must not forget about the pro-Bolshevik Greeks. The Bolsheviks paid great attention to the demoralization of the Entente troops and created in Odessa a special organization for subversive activities in the troops of the interventionists. It was called the “Foreign Collegium” and comprised national sections: French, Serbian, Polish, Romanian, and Greek. The Collegium arranged the spreading of proclamations and leaflets among the Greek soldiers in Odessa [36: 234]. In the book of the Greek historian K. Avgitidis [48], the copies of pro-Soviet leaflets in Greek spreading in Odessa in 1919 on behalf of the “Greek Communist Group of Odessa” are given as an appendix. Also in Odessa, several underground printing houses were publishing the newspaper “Communist” in Greek.

As a result, the French-Greek expeditionary contingent did not hold out in the South Ukraine cities for long. In March 1919 N. Grigoryev occupied the Black Sea region cities and approached Odessa. Not wanting to suffer casualties, the Bolsheviks agreed to allow civil and military evacuation from Odessa, which began on April 4 and lasted 3 days [46: 240–241].

Of course, the Greeks realized the danger of their position under Soviet rule, so they boarded ships with the Greek military and went abroad. This was promoted by the spreading rumors about the massacres committed by the men of Ataman Grigoryev. Ivan Bunin, after the surrender of Kherson and Nikolayev, wrote in his diary: "Rumors: The French are leaving Odessa... In Kherson, the Bolsheviks massacred up to 200 Greek families" [36: 239]. Many Greeks, abandoning real estate, left their homes. Only Odessa was left by 10–12 thousand Greeks [46: 241] (including refugees from the regions). Mostly those were wealthy Greeks who had the financial means for the trip. Of the entire Greek population, only 3 % left for Greece. The overwhelming majority refused to leave their homes and remained in Soviet Russia [48: 290–291].

The remaining Greek population was taken under their protection by the consuls of other states. The Greeks of Nikolayev and Kherson were taken under his protection by the Danish consul in Nikolayev, about which he informed the Executive Committee of the Soviet of Workers' Deputies on March 28, 1919 [21]. In Odessa, the Dutch consul W. Muntz [46: 241] undertook the protective functions over the Greek colony.

The second advent of the Bolsheviks (March–August 1919) was marked by a bloody tragedy called the "Red Terror", carried out by the All-Ukrainian Extraordinary Commission (VUChK) and its local branches. The victims of the "famous" Odesa Extraordinary Commission, according to various sources, were from 1,000 to 2,000 executed [45: 116]. The number of people tortured in Kherson and Nikolayev has not been calculated for today, even approximately.

Having studied the available materials, we can say with confidence that the officials of Cheka did not carry out repressions on the ground of national origin, but focused on the class issue. In May 1919, for example, Spiridon Scarlato, a member of the underground organization "Russian People's-State Union" [35], was shot. As monarchists and counter-revolutionaries were shot: teacher Vladimir Frangopulo and staff captain Pavel Pitaki (Mitaki) [34; 43: 262; 44], the White officer Dionisius Papafanasopulo [17: 8–12, 18]. In response to the "White Terror", the following people were shot during the "Red Terror": the houseowner Ivan Ambatelo, landowners Ksenofont Shurmuraki and Petro Dulanaki, Ivan Panayoti and his son Dmitriy Panayoti [29; 30; 43: 263–264]. Prince Dmitriy Mavrokordato managed to get free thanks to the support of the workers of the "Volunteer Fleet" shipping company, who came with a protest to the building of Odessa Cheka [23].

In Nikolayev on June 11, 1919, the Greek Ivan Kuppa was arrested, but on June 14, 1919, he was released because he settled for so-called

“oblozhenie” (payment of a certain amount of money) [24: 82–83]. Most likely, many of the remaining wealthy Greeks of the South of Ukraine cities simply paid off, agreeing to this form of ‘cooperation’ with the Bolsheviks. Our point of view is that the Greek diaspora, despite all the disadvantages of its position due to the intervention, escaped the expected massive repression. At the same time, all the Greeks were registered by the Foreign Affairs Department [22].

In the second half of August 1919, the region was taken under the control of the Volunteer Army headed by General Denikin. Some representatives of the Greek diaspora began to return along with the White Army. Odessa inhabitant Vladimir Sarlo told about his return: “In 1919, on March 21, I left with my mother for Greece to the city of Thessaloniki together with the retreating occupation Greek forces. The reason for the departure was the stampede of a part of the Greek population from Odessa, being afraid of the Soviet power revenge for the deeds of the occupation Greek troops and the anti-Soviet Greek population towards the Greeks. I returned to Odessa at the end of August 1919, when Odessa was occupied by the Whites” [16: 15]. Dmitriy Psaropulo told a similar story.

Angel Ikonomidi also fled from Nikolayev together with the units of the Greek troops and through Odessa got to Romania, from there he moved to Galati, and then moved to Constantinople. He stayed in Constantinople for about 4 months and in August 1919, having learned that Sevastopol was occupied by the White troops, he went there together with other Greeks who had fled from the Bolsheviks to Turkey. From Sevastopol, A. Ikonomidi returned to Nikolayev, where at that time were the volunteers of General Slashchov [4: 15, 24–25; 5: 9].

Almost all members of the Margelis family also returned to Nikolayev. Agreeing to the persuasions of the Greek Consul I. Zigomala, they evacuated together with the Greek corps to Thessaloniki, from where, in 5 months, they returned, after receiving the information about the occupation of the city by the Volunteer Army [8: 9].

Among the many reasons for the return, two main ones can be distinguished: 1) unsatisfactory living conditions in the mother country (most of the emigrants were placed in the unsettled camps for displaced persons) and, 2) the desire of wealthy Greeks to get back the property nationalized by the Bolsheviks and obtain the promised compensation after requisitions and nationalization.

To resolve the issue of compensation, on September 10, 1919, Consul Stelio Vasiliadi, who was instructed to find out the damage suffered by the Greeks, arrived in Odessa on a special mission from the government of Greece [40]. Since Vasiliadi soon returned to performing the

duties of Spain consul in Kiev, the issue of compensation in Odessa was resolving by Dutch Consul W. Muntz. Having returned to Odessa on September 24, 1919, he faced a flow of requests and applications regarding the requisition of property, dwellings, and the restoration of lost documents.

To speed up the solution of those issues, the Greek Charitable Society, headed by rich Odessa merchant and the head of the Greek colony Eleftheri Pavlidi, established a special commission to analyze the claims. At the initiative of the commission, even a meeting on this issue was held with the city governor, as a result of which all Greek passports found in the administrative building were returned, the commission was given official rights to continue its work under the leadership of Wilhelm Muntz, and the taking back of requisitioned apartments and houses of Greek citizens began [26: 490–491; 31].

The Greeks also carried out a humanitarian mission to rescue the ‘missing in action’ members of the Greek expeditionary corps. For this, in the first half of November 1919, a Greek military mission headed by Lieutenant Meliant Atasonopulo arrived in Odessa. The mission had special instructions from the Greek government to gather in Odessa all the soldiers and officers of the Greek army “who stuck for some reason in Odessa, Nikolayev, Kherson, Kiev, and in the south of Russia”. According to the information obtained by the mission, in the south of the former Russian Empire, there were many Greek soldiers who were taken prisoners or sick. To find them, the mission contacted the local military administrations “with a petition to assist in the return of Greek soldiers to their homeland” [20].

Many Greeks actively collaborated with the Volunteer Army. In 1919, Odessa Greek woman Ekaterina Snezhkova placed the Denikin Army Headquarters in her own mansion and housed the White Lieutenant Colonel Biryukov [12: 11]. Georgiy Surmeli, while studying at Nikolayev gymnasium, accepted an offer to collaborate with the White counter-intelligence as a secret agent and got an agent pseudonym ‘Greek’ [11: 10–15]. The Nikolayev city dweller Paraskovya Kentros was a member of the White Army Aid Committee and participated in the collection of clothes, linen, and money for the volunteers [7: 8].

Unlike urban communities, the rural community actively opposed the Volunteer Army and its policies. For example, Afanasiy Kiriya, after moving to Odessa in 1919, joined the detachment of Grigoriy Kotovskiy [14: 9], and the representatives of the Nanaki family, who lived in the villages near Nikolayev, were the members of the Red partisan detachments [9: 35–39]. The villagers formed detachments that fought armies of different political affiliations, boycotted mobilization,

plundered landowners' estates, etc. It is not possible to highlight the attitude of the rural Greek community in more detail due to the lack of the necessary documentary data. At the same time, in the turbulent events of the First World War, revolution, and civil confrontation, the Greeks, like other peoples, found themselves in different camps, served different ideas, and espoused different doctrines.

On January 29, 1920, the Reds occupied Kherson, and the next day – Nikolayev. Odessa was taken on February 8. With the first news of the advance of the Red Army, a significant number of Greeks decided to emigrate, or at least temporarily move to the Crimea, controlled by Wrangel's army. As a rule, the noble families, industrial and financial aristocracy, that is, the most active and educated strata of the Greek diaspora resorted to emigration. Representatives of such families as Arkas, Mavrokordato, Inglezi, Kuris, Petrokokino, Popandopulo, Rodokonaki, and many others left the Northern Black Sea region.

The Bolsheviks were true to their principles and after their return in 1920. The Regional Extraordinary Commissions and revolutionary tribunals with special zeal started looking for counter-revolutionaries. In the context of our paper, we would like to dwell on the case of Panat Serafidis, the secretary of the Greek Consulate.

On July 18, 1920, Odessa chekists arrested the 'spy White Guard organization' headed by P. Serafidis. Among the group's activists were: Odessa militiaman Arseniy Kiriliuk, uyezd chekist Dionisiy Petrato (Petrako), Serbian officer Aleksandr Komachevich (Kovalevich), Staff Captain Leonid Robu, Lieutenant of Denikin army Semen Golyasko and Nikolay Raftopulo (Ravtopulo), who was a courier between the organization and Wrangel headquarters. The organization joined together up to 300 people. The chekists confiscated large stocks of weapons, money, uniforms. By order of the collegium of Odessa Regional Extraordinary Commission, all the activists were shot [25].

Thus, the period of national revolutions and civil war left a heavy legacy. Omitting the issue of the destruction of industry and agriculture, communications and transport, the quantitative losses of the population of Ukraine, in particular, the Greeks, were unconditionally very heavy. The results of the study indicate that the greatest losses were suffered by the Greek community of the Northern Black Sea region as a result of the mass emigration of 1919–1920, and not as a result of civil confrontation or Bolshevik terror. If during 1918–1919 among the emigrants there was mostly the aristocracy, then in 1919–1920, together with the last units of the Entente and the White movement, all the strata of Greek society were leaving the Black Sea cities. The Greeks middle class and their social leaders paid the price for expression of their anti-Bolshevik

opinion and support for the Greek troops participating in the Allied intervention in Ukraine (January – summer of 1919).

Greek position regarding the revolutionary events of 1917–1920 affected the fate of the Soviet Greeks during the Great Terror of 1937–1938 (the so-called “Greek Operation” of NKVD), when collaboration with the Austro-German administration, the support of the Greek contingent, and the Entente forces, participation in the White movement gave cause for accusations of counter-revolutionary activities and the subsequent imposition of death sentences.

REFERENCES

1. Avgitidis, K.G. (2003) *Izdatel'skaya deyatel'nost' grekov Odessy (1829–1917)* [Publishing activity of the Greeks of Odessa (1829–1917)]. Odessa: Astroprint.
2. Anon. (1918) Beseda komandovaniya minonostsev s konsulami. Nikolaev, 6 Dekabrya [Conversation of the destroyer command with the consuls. Nikolaev, December, 6]. *Yuzhnoe slovo*. 7th December.
3. Anon. (1918) Vyyezd konsuliv [Departure of consuls]. *Nova Rada*. 27th June (10th July).
4. The State Archive of Nikolaev Region. Fund R-5859. List 2. File 2161. Ikonomidi Angel Apostolovich, 1937–1957.
5. The State Archive of Nikolaev Region. Fund R-5859. List 2. File 2162. Ikonomidi Vladimir Angelovich, 1937–1998.
6. The State Archive of Nikolaev Region. Fund R-5859. List 2. File 2164. Iliopulos Leonid Anastasovich, 1937–1990.
7. The State Archive of Nikolaev Region. Fund R-5859. List 2. File 2313. Kentros Vasily Khristoforovich, 1937–1990.
8. The State Archive of Nikolaev Region. Fund R-5859. List 2. File 3155. Margelis Dmitriy Panayotovich, 1937–1990.
9. The State Archive of Nikolaev Region. Fund R-5859. List 2. File 3440. Nanaki Petr Vasil'evich, 1937–1958.
10. The State Archive of Nikolaev Region. Fund R-5859. List 2. File 3887. Popandopulo Leonid Isifovich, 1933–1958.
11. The State Archive of Nikolaev Region. Fund R-5859. List 2. File 4630. Surmeli Georgiy Vladimirovich, 1938–1966.
12. The State Archive of Odessa Region. Fund R-8065. List 2. File 219. Sn-zhkova Ekaterina Antonovna, 1938–1994.
13. The State Archive of Odessa Region. Fund R-8065. List 2. File 2124. Georgiadi Idomentiy Pavlovich, 1937–1988.
14. The State Archive of Odessa Region. Fund R-8065. List 2. File 2319. Kiriya Afanasiy Panayotovich, 1938–1991.
15. The State Archive of Odessa Region. Fund R-8065. List 2. File 2320. Yanopulo Anton Konstantinovich, 1937–1993.

16. The State Archive of Odessa Region. Fund R-8065. List 2. File 2938. Sarlo Vladimir Panayotovovich, 1937–1958.
17. The State Archive of Odessa Region. Fund R-8065. List 2. File 3224. Papafanasopulo Sof'ya Frantseva, 1937–1959.
18. The State Archive of Odessa Region. Fund R-8065. List 2. File 6181. Buduris Stepan Khristovich, 1937–1989.
19. The State Archive of Odessa Region. Fund R-8065. List 2. File 8670. Stavriyani Mikhail Ivanovich, 1937–1989.
20. Anon. (1919). Grecheskaya missiya [Greek mission]. *Odesskiy listok*. 31st October (13th November). Nr. 163.
21. Anon. (1919) Zashchita grecheskikh poddannyykh [Protection of Greek subjects]. *Izvestiya Nikolaevskogo soveta rabochikh deputatov*. 28th March. Nr. 5.
22. *Izvestiya Nikolaevskogo soveta rabochikh, krasnoarmeyskikh i krasnoflotskikh deputatov*. (1919) 4th July. Nr. 77.
23. Anon. (1919) Kn. D.G. Mavrokordato [Prince D.G. Mavrokordato]. *Odesskiy listok*. 13th (26th) October. Nr. 145.
24. Levchenko, L.L. (2019) Ukrayins'ka kampaniya grets'koyi armiyi 1919 r.: vplyv na podal'shu dolyu ukrayins'kykh grekiv (na prykladi Mykolaeva i Mykolayivshchyny) [Ukrainian Campaign of Greek Army in 1919: Its Influence on the Future of Ukrainian Greeks [The Case of Mykolayiv and Nearby Region]. *Storinky istoriyi*. 49. pp. 59–91. DOI: 10.20535/2307-5244.49.2019.189549
25. Anon. (1920) Likvidatsiya shpygyns'koyi bilogvardiys'koyi organizatsiyi [Liquidation of the White Guard Spy Organization]. *Visti Odes'kogo Gubernial'nogo Revolyutsiynogo Komitetu*. 20th July. Nr. 202.
26. Matyash, I. (2019) *Inozemni predstavnytstva v Ukrayini (1917–1919 rr.): derzhavna misiya ta povsyakdennist'* [Foreign missions in Ukraine (1917–1919): state mission and everyday life]. Kyiv: NAS of Ukraine.
27. Anon. (1918) Ob'yavlenie General'nogo germanskogo komandovaniya [Announcement of the German General Command]. *Put' sotsial-demokrata*. 24th July. Nr. 54.
28. Anon. (1918) Odesskie greki i soyuzniki [Odessa's Greeks and Allies]. *Odesskie novosti*. 14th November. Nr. 10841.
29. *Odesskie novosti*. (1919) 17th (30th) August. Nr. 10970.
30. *Odesskiy listok*. (1919) 21st August (3rd September). Nr. 94.
31. Anon. (1919) Osvobozhdenie grecheskikh kvartir [Clear of Greek Apartments]. *Odesskie novosti*. 18th (29th) November. Nr. 11061.
32. Anon. (1918) Ot'ezd konsulov [Departure of the consuls]. *Odesskiy listok*. 21st July. Nr. 147.
33. Anon. (1918) Ot'ezd soyuznykh konsulov [Departure of the allied consuls]. *Odesskiy listok*. 9th July (16th June). Nr. 137.
34. Anon. (1919) Revtribunal [Revolutionary Tribunal]. *Izvestiya Odesskogo soveta rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov*. 4th June. Nr. 54.
35. Anon. (1919) Rozkryto monarkhichnu organizatsiyu [Disclosed Monarchical Organization]. *Izvestiya Odesskogo Soveta rabochikh deputatov*. 16th May. Nr. 37.
36. Savchenko, V. (2013) *Proekt "Ukrayina". Vol'naya Odessa – Odesskaya respub-*

lika – Yugo-Zapadnyy kray (1917–1919) [Project “Ukraine”. Free Odessa – Odessa Republic – South-Western Territory (1917–1919)]. Kharkiv: Folio.

37. Smolii, V. (ed.) (2000) *Greki na ukrayins'kykh terenakh: Narysy z etnichnoyi istoriyi. Dokumenty, materialy, karty* [Greeks on Ukrainian lands: Essays on ethnic history. Documents, materials, maps]. Kyiv: Lybid'.

38. Anon. (1918) Soyuzni konsul'stva [Allied Consulates]. *Nova Rada*. 1st December. Nr. 227.

39. Anon. (1918) Strayk studentiv [Students Strike]. *Nova Rada*. 12th November. Nr. 211.

40. Anon. (1919) Temnaya istoriya [Dark Story]. *Kievlyanin*. 18th September (1st October). Nr. 19.

41. Tynchenko, Ya. (2007) *Ofitsers'kyi korpus Armiyi Ukrayins'koyi Narodnoyi Respubliki (1917–1921)* [Officer Corps of the Army of the Ukrainian People's Republic (1917–1921)]. Kyiv: Tempora.

42. Anon. (1919) Torzhestvennyy moleben [Solemn Prayer]. *Yuzhnoe slovo*. 8th March. Nr. 119.

43. Felshtinskiy, Yu. & Chernyavskiy, G. (2013) *Krasnyy terror v gody Grazhdanskoy voyny* [Red Terror during the Civil War]. Moscow: Knizhnyy klub Knigovek.

44. Anon. (1919) Chervonyy sud [Red Court]. *Izvestiya Odesskogo soveta rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov*. 25th June. Nr. 70.

45. Shyshko, O. (2019) *Politychnyy teror bil'shovyts'koyi vlady v Odes'kiy guberniyi (sichen' 1918 r. – berezen' 1922 r.)* [The Political Terror of the Bolshevik Power in Odessa Region (January 1918 – March 1922)]. Odesa: Osvita Ukrayiny.

46. Petsalis-Diomidis, N. (1972) Hellenism in Southern Russia and the Ukrainian Campaign: their effect on the Pontus Question (1919). *Balkan Studies*. 13(2). pp. 221–263.

47. Sifneos, E. (2018) *Imperial Odessa. Peoples, Spaces, Identities*. Leiden: Brill.

48. Avgitidis, K. (1999) *I stratiotiki epemvasi ton kapitalistikon choron enantia sti Sovietiki Rosia kai i Ellada (1918-1920)* [The military intervention of the capitalist countries against Soviet Russia and Greece (1918–1920)]. Athina: Synchroni Epochi.

49. Kostopoulos, T. (2019) *I epanastasi ton bolsevikon me ta matia ton andron tou ellinikou ekstrateftikou somatos* [The Bolshevik revolution through the eyes of the men of the Greek expeditionary corps]. [Online] Available from: <https://www.academia.edu/38988145> (Accessed: 25th September 2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авгитидис К.Г.* Издательская деятельность греков Одессы (1829–1917). Одесса: Астропринт, 2003. 128 с.

2. Беседа командования миноносцев с консулами. Николаев, 6 декабря. // Южное слово. 1918. 7 дек. № 43.

3. Виїзд консулів // Нова Рада. 1918. 27 червня / 10 липня. № 110.

4. Государственный архив Николаевской области (ГАНО). Ф. Р-5859.

- Оп. 2. Д. 2161. Дело по обвинению Икономиди Ангела Апостоловича, 1937–1957 гг.
5. ГАНО. Ф. Р-5859. Оп. 2. Д. 2162. Икономиди Владимир Ангелович, 1937–1998 гг.
6. ГАНО. Ф. Р-5859. Оп. 2. Д. 2164. Илиопулос Леонид Анастасович, 1937–1990 гг.
7. ГАНО. Ф. Р-5859. Оп. 2. Д. 2313. Кентрос Василий Христофорович, 1937–1990 гг.
8. ГАНО. Ф. Р-5859. Оп. 2. Д. 3155. Маргелис Дмитрий Панайотович, 1937–1990 гг.
9. ГАНО. Ф. Р-5859. Оп. 2. Д. 3440. Нанакі Петр Васильевич, 1937–1958 гг.
10. ГАНО. Ф. Р-5859. Оп. 2. Д. 3887. Попандопуло Леонид Иосифович, 1933–1958 гг.
11. ГАНО. Ф. Р-5859. Оп. 2. Д. 4630. Сурмели Георгий Владимирович, 1938–1966 гг.
12. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. Р-8065. Оп. 2. Д. 219. Снежкова Екатерина Антоновна, 1938–1994 гг.
13. ГАОО. Ф. Р-8065. Оп. 2. Д. 2124. Георгиади Идоментий Павлович, 1937–1988 гг.
14. ГАОО. Ф. Р-8065. Оп. 2. Д. 2319. Кириак Афанасий Панайотович, 1938–1991 гг.
15. ГАОО. Ф. Р-8065. Оп. 2. Д. 2320. Янопуло Антон Константинович, 1937–1993 гг.
16. ГАОО. Ф. Р-8065. Оп. 2. Д. 2938. Сарло Владимир Панайотович, 1937–1958 гг.
17. ГАОО. Ф. Р-8065. Оп. 2. Д. 3224. Папафанасопуло Софья Францевна, 1937–1959 гг.
18. ГАОО. Ф. Р-8065. Оп. 2. Д. 6181. Будурис Степан Христович, 1937–1989 гг.
19. ГАОО. Ф. Р-8065. Оп. 2. Д. 8670. Ставрияни Михаил Иванович, 1937–1989 гг.
20. Греческая миссия // Одесский листок. 1919. 31 октября / 13 ноября. № 163.
21. Защита греческих подданных // Известия Николаевского Совета рабочих депутатов. 1919. 28 марта. № 5.
22. Известия Николаевского Совета рабочих, красноармейских и краснофлотских депутатов. 1919. 4 июля. № 77.
23. Кн. Д.Г. Маврокордато // Одесский листок. 1919. 13 / 26 окт. № 145.
24. Левченко Л.Л. Українська кампанія грецької армії 1919 р.: вплив на подальшу долю українських греків (на прикладі Миколаєва й Миколаївщини) // Сторінки історії. 2019. Вип. 49. С. 59–91. DOI: 10.20535/2307-5244.49.2019.189549
25. Ліквідація шпигунської білогвардійської організації // Вісти Одеського губерніяльного революційного комітету. 1920. 20 липня. № 202.
26. Матяш І. Іноземні представництва в Україні (1917–1919 рр.): державна місія та повсякденність. Київ: Інститут історії України НАН України, 2019. 556 с.

27. Объявление Генерального германского командования // Путь социал-демократа. 1918. 24 июля. № 54.
28. Одесские греки и союзники // Одесские новости. 1918. 14 / 1 нояб. № 10841.
29. Одесские новости. 1919. 17 (30) авг. № 10970.
30. Одесский листок. 1919. 21 августа / 3 сент. № 94.
31. Освобождение греческих квартир // Одесские новости. 1919. 18 (29) нояб. № 11061.
32. Отъезд консулов // Одесский листок. 1918. 21 / 8 июля. № 147.
33. Отъезд союзных консулов // Одесский листок. 1918. 9 июля / 16 июня. № 137.
34. Ревтрибунал // Известия Одесского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 4 июня. № 54.
35. Розкрито монархічну організацію // Известия Одесского Совета рабочих депутатов. 1919. 16 мая.
36. *Савченко В.* Проект «Україна». Вольная Одесса – Одесская республика – Юго-Западный край (1917–1919). Харьков: Фолио, 2013. 283 с.
37. *Смолій В.* (ред.). Греки на українських теренах: Нариси з етнічної історії. Документи, матеріали, карти. Київ: Либідь, 2000. 488 с.
38. Союзні консульства // Нова Рада. 1918. 1 грудня. № 227.
39. Страйк студентів // Нова Рада. 1918. 12 листопада. № 211.
40. Темная история // Киевлянин. 1919. 18 сент. / 1 окт. № 19.
41. *Тинченко Я.* Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ: Темпора, 2007. Кн. 1. 536 с.
42. Торжественный молебен // Южное слово. 1919. 8 марта. № 119.
43. *Фельштинский Ю., Чернявский Г.* Красный террор в годы Гражданской войны. М.: Книжный клуб «Книговек», 2013. 432 с.
44. Червоний суд // Известия Одесского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 25 июня. № 70.
45. *Шушко О.* Політичний терор більшовицької влади в Одеській губернії (січень 1918 р. – березень 1922 р.). Одеса: «Освіта України», 2019. 340 с.
46. *Petsalis-Diomidis N.* Hellenism in Southern Russia and the Ukrainian Campaign: their effect on the Pontus Question (1919). *Balkan Studies*. 1972. Vol. 13, T. 2. P. 221–263.
47. *Sifneos E.* Imperial Odessa. Peoples, Spaces, Identities. Leiden: Brill, 2018. 286 p.
48. *Αυγητίδης Κ.* Η στρατιωτική επέμβαση των καπιταλιστικών χωρών ενάντια στη Σοβιετική Ρωσία και η Ελλάδα (1918–1920). Αθήνα: Σύγχρονη Εποχή, 1999. 368 с.
49. *Κωστόπουλος Τ.* 2019. Η επανάσταση των μπολσεβίκων με τα μάτια των ανδρών του ελληνικού εκστρατευτικού σώματος. URL: <https://www.academia.edu/38988145> (дата обращения: 25.09.2020).

Тригуб Александр Петрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики Черноморского национального университета им. П. Могила (Украина).

Oleksandr P. Trygub – Petro Mohyla Black Sea National University (Ukraine).

E-mail: alextrigub@ukr.net

Осипенко Александр Валентинович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин Одесского национального морского университета (Украина).

Oleksandr V. Osypenko – Odessa National Maritime University (Ukraine).

E-mail: osypenkoaleksandr@ukr.net

УДК 94(437.7):438.081:437:1938

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/9

Чехословакия, Польша, Венгрия и Подкарпатская Русь в контексте предыстории и последствий Мюнхенской конференции 1938 г.

С.В. Морозов

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: roland60@mail.ru

Авторское резюме

Исследуются обстоятельства, подробности, элементы борьбы за Подкарпатскую Русь, за влияние на неё, использование её в собственных политических расчётах не только со стороны Польши и Венгрии, но и правящих кругов Чехословакии. Оказавшись перед лицом германской военной угрозы и будучи вовлечённой в мае 1935 г. наряду с Францией и Советским Союзом в «систему малой коллективной безопасности», она была вынуждена, среди прочего, решать проблему стратегического взаимодействия с последним при отсутствии общей границы путем строительства стратегической железной дороги через территорию Румынии. Вследствие этого Подкарпатская Русь, располагавшаяся на востоке ЧСР, оказалась на острие данного, во многом вынужденного, но кровно необходимого политическому руководству тогдашней Праги взаимодействия. Обострившаяся же после Мюнхенской конференции активность Варшавы и Будапешта в совокупности с иными факторами привела в середине марта 1939 г. к провозглашению независимости «Подкарпатской Украины» и сразу же оккупации данного региона Венгрией с негласного разрешения Германии.

Ключевые слова: Польша, Чехословакия, Подкарпатская Русь, Венгрия, 1936–1939 гг., польско-венгерская граница, буковинская железная дорога.

Czechoslovakia, Poland, Hungary, and Subcarpathian Rus in the context of the prehistory and consequences of the Munich Conference of 1938

S.V. Morozov

Belgorod State National Research University
85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: roland60@mail.ru

Abstract

The article examines the circumstances, details, and elements of the struggle among Poland, Hungary and the ruling circles of Czechoslovakia for the influence on Subcarpathian Rus to use it in their own political expediency. Since Subcarpathian Rus was faced with the German military threat and involved in the “small collective security system” along with France and the Soviet Union in May 1935, it had to solve the problem of strategic interaction with the latter. As there were no common border between Subcarpathian Rus and the Soviet Union, the problem was solved by constructing a strategic railroad through the territory of Romania. As a result, Subcarpathian Rus, which located in the east of Czechoslovakia, found itself at the forefront of the interaction, largely forced, yet vitally necessary for the political leadership of Prague. The activity of Warsaw and Budapest, which intensified after the Munich conference, together with some other factors ended up in mid-March of 1939 with the proclamation of the independent “Subcarpathian Ukraine” and its immediate occupation by Hungary with the tacit permission of Germany.

Keywords: Poland, Czechoslovakia, Subcarpathian Rus, Hungary, 1936–1939, Polish-Hungarian border, Bukovina railway.

История почему-то распорядилась так, что небольшая по площади территория, расположенная на западных склонах Восточных Карпат, называемая многими из местного населения, в т. ч. причисляющими себя к русинам, Подкарпатской Русью, занимала и продолжает занимать не слишком заметное, но весьма важное место, поскольку нередко находилась в свете политических интересов своих влиятельных соседей. Эта особенность относится и к полям гуманитарно-исторических сражений. Например, активно

ведётся российско-мадьярская полемика относительно приоритета заселения данной территории: кто раньше стал там жить – русины или мадьяры? В связи с этим московский учёный из ИРИ РАН М. Юрасов в результате многолетних исследований пришёл к выводу, что придворный историк Иштвана V магистр Акош «при составлении списка народностей, группы которых переселялись в Карпатскую котловину после захвата её территории венграми», «не стал вносить... рутенов / русинов» в него, зная, что последние проживали там ещё до появления мадьяр [27: 18].

Подобного же мнения в 1840-х гг. придерживался видный славист Н.И. Надеждин, который «убедился вполне, неопровержимыми доказательствами, что русская стихия простиралась на юго-запад по обе стороны Карпат, вплоть до Дуная, задолго до вторжения мадьяров в Паннонию; что мадьяры не привели сюда с собою русов, а нашли их здесь» [25: 56].

Эти гуманитарно-исторические сражения приходилось вести не только в отношении венгров, но и поляков. Ведь когда подкарпатские деятели встретили возрождение 1848 г. созданием «Головной русской рады» и газеты «Зоря Галицкая», польские политики в противовес учредили «Ruskij Sobor» и газету «Dnewnyk Ruskij» с целью «не допустить организации русского элемента и внести в ряды его раскол»¹ [24: 77].

Данная особенность – нахождение Подкарпатской Руси и её населения среди инородных, не всегда дружелюбно расположенных акторов, например той же Польши или Венгрии, а также её трактовка в качестве объекта их территориально-политических расчётов – имела место и в течение межвоенного периода XX в. Тогда данный регион, как и некоторые другие, оказался в хитросплетениях политических планов крупных закулисных игроков², создавших «правовой механизм подталкивания Германии на Восток» [11: 88].

Цель данной статьи – исследование обстоятельств, подробностей, элементов борьбы за данный регион, за влияние на него, использование в собственных политических планах не только со стороны Польши и Венгрии, но и правящих кругов Чехословакии. Ведь, оказавшись перед лицом германской военной угрозы и будучи вовлеченной в мае 1935 г. наряду с Францией и Советским Союзом в «систему малой коллективной безопасности», она была вынуждена, среди прочего, решать проблему стратегического взаимодействия с последним при отсутствии общей границы [8: 50]. Вследствие этого Подкарпатская Русь, располагавшаяся на востоке ЧСР, оказалась на острие данного, во многом вынужденного, но кровно необходимого политическому руководству тогдашней Чехословакии взаимодействия.

В качестве источниковой базы были привлечены документы польской разведки из Российского государственного военного архива, неопубликованные материалы ТАСС из Государственного архива РФ, польские дипломатические документы из Архива внешней политики Российской империи. Значительную помощь оказали материалы из таких официальных публикаций, как «Документы внешней политики СССР», «Documents on German Foreign Policy» и др. Вспомогательную роль сыграли произведения публицистического характера польских и чешских авторов. Весомый вклад в достижение значимых результатов привнесли уже опубликованные результаты научных исследований.

Характер темы нашего исследования определил использование в нём в качестве методологической основы проблемно-хронологического метода, а источниковая база, прежде всего, документы из архивов и официальных публикаций, обусловила применение аналитического подхода.

Расположенная на востоке Чехословакии Подкарпатская Русь по определению должна была требовать к себе всё большего внимания со стороны Града. Неуклонный распад Малой Антанты, отдаление Франции, германо-австрийское соглашение от 11 июля 1936 г. свидетельствовали о том, что Прага всё больше оказывалась в изоляции, внешнеполитические позиции Чехословакии в Центральной Европе ослаблены, а её руководству следует искать пути, чтобы выйти из сложившейся ситуации. С этой целью Град с осени 1936 г. начал предпринимать конкретные шаги в сфере долговременного военно-политического сотрудничества с Советским Союзом и строить сеть военных аэродромов вдоль северо-восточного участка границы [16: 45].

Обеспокоенность пражского руководства отсутствием общей границы со своим стратегическим союзником по «системе малой коллективной безопасности» способствовала появлению публикаций, агитировавших в пользу её установления за счёт в т. ч. и Подкарпатской Руси. В конце 1936 г. вышла книга чехословацкого посланника в Бухаресте Я. Шебы с предисловием главы МИД К. Крофты, посвящённая анализу и истории отношений между Малой Антантой и СССР. Её некоторые фрагменты, в частности, посвящённые рассуждениям о необходимости установления общей границы между Советским Союзом и Чехословакией, а также о влиянии такого положения вещей на её обороноспособность вызвали возмущение в Варшаве [32: 186–234]. «Часть польских политиков усмотрела в ней намёк на то, что Чехословакия якобы допускала возможность создания общего участка границы с Советским Союзом за счёт польской территории» [30: 238].

В целом резкая реакция режима «санации» на брошюру Шебы³ не могла не вызвать удивления, ибо, начиная с 1936 г., в самой Поль-

ше возросло количество публикаций, посвящённых возвращению Тешенской Силезии. В них нередко речь заходила об отделении от Чехословакии судетских земель, Подкарпатской Руси или даже о полном разделе Чехословакии [28: 18–34; 33: 118–221].

В русле подобного рода маловероятных предположений был составлен доклад «Чехословакия и коммунистическая Россия», поступивший 12 января 1937 г. во II отдел Главного штаба по каналу военной разведки. В довольно-таки объёмном, несколько путанном, но с претензией на аналитичность докладе автор также не исключал возможности установления общей советско-чехословацкой границы через Восточную Малопольшу и Подкарпатскую Русь [18: 12–13].

Венгерские и польские политики действовали намного прозаичней. Например, заведующий политическим департаментом польского МИДа Т. Кобыляньский, прибывший в Будапешт в составе польской делегации с премьером Косцялковским, будучи доверенным лицом министра Бека, умудрился в течение двух часов за спиной главы делегации с глазу на глаз побеседовать с премьером Гёмбёшем. В соответствии с записью от 26 апреля 1936 г. среди прочего была затронута и тема Подкарпатской Руси. Польский дипломат, с одной стороны, опроверг слухи о том, что у Польши якобы были особые территориальные претензии к югу от Карпат, а с другой – успокоил собеседника тезисом, что устремления польской и венгерской политики полностью совпадают, «поскольку они стремятся к развалу единства чехословацкого государства» [14: 224].

Ещё более прямолинейно действовали некоторые польские общественные организации. Например, Союз государственной идеи, собравшийся в Варшаве вскоре после вышеупомянутой беседы, принял решение, что вследствие договора ЧСР – СССР, якобы угрожавшего Польше, необходимо потребовать от Лиги Наций предоставить мандат Венгрии на Подкарпатскую Русь, «ставшую в руках чехов самым опасным источником бурь в Европе» [14: 227].

Как можно заметить, Подкарпатская Русь присутствовала в политических расчётах и Чехословакии, и Польши, и Венгрии. Политики первой не прочь были установить совместную границу с СССР, дабы создать условия для претворения в жизнь *малой системы коллективной безопасности* и защититься от германской, да, пожалуй, и польской военной угрозы. Политикам же второй и третьей была необходима общая польско-венгерская граница, дабы, с одной стороны, создав совместный военно-политический блок, куда предполагалось включить и другие страны, быть на равных с гитлеровской Германией, а с другой – для реализации в жизнь собственных захватнических планов. Но если решимость, военные традиции и возможности второй и

третьей не оставляли сомнений в достижении поставленной цели, то для политических стратегов первой присовокупить к Подкарпатской Руси кусочек польской территории с целью создания общей чехословацко-советской границы было вряд ли достижимой мечтой. В связи с этим в тиши пражских, московских и бухарестских кабинетов был разработан проект военно-политического взаимодействия путём создания стратегической железной дороги, которая бы соединила СССР с Чехословакией через румынскую территорию.

В 1936 г., а затем в феврале 1937 г. Румынией были выпущены займы, в частности, на сумму 3 млн фунтов стерлингов, покрытые главным образом французским и чехословацким капиталом, на строительство из советских материалов т. н. *буковинской железной дороги* длиной в 200 миль. Первый уже готовый отрезок простирался от Тирасполя до Кымпулунга, откуда предполагалось проложить совершенно новую магистраль длиной 60 миль, пролежавшую бы через Трояна Стампи, Борша и до Валя Вишэулуй, затем пересекавшую бы Карпаты в направлении Подкарпатской Руси. Здесь линия должна была разветвиться: одна ветка шла бы на север к городу Ясиня на границе с Польшей и была известна как Ясинская железная дорога. Другая – к Сигету, где она пересекала бы границу Подкарпатской Руси примерно в 40 милях к востоку от Хуста⁴ [5: 76–77; 9: 100; 10: 33].

Бенеш был опытным политиком и, заимев такой рычаг, как защищенная правовой договоренностью железнодорожная связь с СССР, получил бы возможность исключить в отношении своей страны опасность политического давления или прямой военной угрозы. Поэтому, получив в своё распоряжение *буковинскую железную дорогу*, чехословацкий президент мог попытаться шантажировать англичан и французов, в т. ч. и разыгрывая «советскую» карту.

В то время, пока строилась дорога, высокими темпами осуществлялось советско-чехословацкое военное сотрудничество. Агентурные источники польской военной разведки отмечали, что с января 1938 г. в Министерство национальной обороны Чехословакии прибывали советские офицеры-советники. Например, в мае их приехало 48 чел., в т. ч. в Моравскую Оставу и Нитру [20: 13–19]. Наряду с этим стали поступать сообщения о регулярных перелётах в Чехословакию советских военных самолётов. Так, в донесении от 9 мая 1938 г. сообщалось, что «с 1 по 26 апреля перелетело 46 трехмоторных бомбардировщиков», а в донесении от 31 мая 1938 г. – что «на ужгородском аэродроме быстрыми темпами складировуют бензин. Заполнены оба подземных резервуара, а также 200 бочек прямо на земле» [19: 176, 196]. Информация о советской помощи в тот период подтверждается и из других источников. Например, в беседе с замнаркома иностран-

ных дел В.П. Потёмкиным 26 марта 1938 г. чехословацкий посланник Фирлингер от имени правительства благодарил его «за скорое разрешение продать Чехословакии добавочных 20 самолетов» [7: 158].

К лету 1938 г. стали заметны первые итоги. В частности, 11 июля 1938 г. пришло сообщение со ссылкой на венгерские источники, что в Чехословакию из СССР должны были поступить около 250 самолетов, а через территорию Румынии из Советского Союза в Чехословакию следовали крупные эшелоны с зерном и горюче-смазочными материалами. Они продвигались через Чоп, следовали далее на запад, причем часть зерна складировалась в элеваторах Ужгорода и Михаловиц, а бензин и смазочные материалы – в подземных складах Ужгорода, Рахова и Камениц⁵ [19: 240]. Сообщалось также, что 14 июля 1938 г. из Румынии через Чоп проследовал эшелон из 26 вагонов с советскими танками, который был направлен в Кошице. Так или иначе, но факт размещения полученных из СССР зерна и горюче-смазочных материалов, имевших военно-стратегическое значение, в восточных регионах страны, т. е. максимально удаленных от потенциального места ведения возможных военных действий в случае агрессии со стороны Германии, свидетельствовал, что подобный ход развития событий вовсе не исключался [19: 256].

Для предотвращения подобного рода вероятности Бенеш начинал готовить «рояль в кустах» – *буковинскую железную дорогу*. Её прокладка по румынской территории осуществлялась не так быстро, как бы ему этого хотелось⁶, но имела бы важнейшее значение, т. к. после её завершения военно-стратегические позиции ЧСР существенно бы усилились. Ведь в случае гитлеровской или любой иной агрессии по ней бесперебойно могла бы поступать военная помощь из СССР, руководство которого было решительно настроено не допустить военной агрессии против ЧСР. Позиции Праги также значительно укрепились бы и относительно Варшавы, под сомнение были бы поставлены и ревизионистские планы пилсудчиков относительно Тешенской Силезии, и выполнение бековского «интермариума». Ведь он предполагал расчленение ЧСР и установление общей польско-венгерской границы, а прямое железнодорожное сообщение с СССР позволило бы в случае необходимости осуществлять эффективное военно-стратегическое взаимодействие, что крайне затруднило бы агрессорам разрушение чехословацкой государственности.

Следовало также иметь в виду, что строительство железной дороги через румынскую территорию, позволившей бы ЧСР эффективно противодействовать агрессору, затруднило бы осуществление мирной ревизии германских восточных границ за счёт славянских государств, к чему склонялась часть западных политиков. Поэтому им следовало

торопиться с реализацией своих планов до завершения её постройки, если они не хотели, чтобы события приобрели нежелательный для них оборот. Таким образом, строительство железной дороги через румынскую территорию, которая соединила бы ЧСР с СССР, стало теми незримыми часами, которые отсчитывали годы, месяцы и дни, оставшиеся до кардинальных изменений в Центральной Европе.

Усиление стратегических позиций ЧСР не входило в планы великих держав. Ещё весной 1936 г. британское руководство проявило интерес к региону возможной прокладки стратегической железнодорожной магистрали. 15 апреля 1936 г. польский резидент сообщал из Подкарпатской Руси, что в Ужгород прибыл капитан британской разведки Стенли Мортон [17: 147]. К осени 1938 г., когда до завершения строительства *буковинской железной дороги* оставалось не более двух десятков миль, влиятельные английские политики осознали, что промедление в решении «судетского вопроса» для них подобно смерти.

Несмотря на предпринятые меры со стороны Праги и Бухареста⁷, Мюнхенская конференция, олицетворявшая на практике реализацию «правового механизма подталкивания Германии на Восток» и воплощение идеи «пакта четырёх», в конце сентября 1938 г. приняла на основе германо-чехословацкого арбитражного договора 1925 г. и 19-й статьи Устава Лиги Наций решение о передаче Судетской области Германии. А варшавский режим «санации» после имитации на чехословацкой территории «восстаний» посредством перешедших границу польских диверсионных отрядов, концентрации на границе войсковой группировки генерала Бортновского и предъявления ультиматума заставил Прагу передать Тешенскую Силезию Польше [12: 516–536].

Чехословакия переживала глубокий государственный, политический, идеологический и моральный кризис. Господствующее положение чешских правящих кругов было подорвано. Этим воспользовались автономисты в Словакии и Подкарпатской Руси. 7 октября 1938 г. пражское правительство пошло на уступки требованиям созданного Словацкой трудовой партией людацко-аграрного блока и предоставило Словакии автономию. Автономное правительство возглавил Тисо. 8 октября была провозглашена автономия Подкарпатской Руси, премьером которой стал А. Бродий [22: 24]. Распоряжением правительства от 15 октября государственными языками были объявлены русский и малороссийский [26].

Возникшими центробежными тенденциями не преминул воспользоваться Будапешт. Бывшему министру внутренних дел М. Козме было поручено организовать диверсионные группы. Из деклассированных элементов Козма спешно собрал и вооружил т. н. гвардию оборванцев,

банды которой стали перебрасывать на чехословацкую территорию для ведения «малой войны». 12 октября Каня сообщал своему посланнику в Польше: «До сих пор удалось забросить в Русинскую область приблизительно 750–800 человек. После стычек и актов саботажа, имевших место вчера и позавчера, чехи буквально наглухо заперли границу» [2: 113].

Призвав в армию пять возрастных групп и сконцентрировав на границе войска, Будапешт обратился в Берлин, заявив устами посланника Стояи 15 октября о решимости Венгрии начать войну, но Геринг выразил убеждение, что той удастся и «без войны вернуть свои территории». Делавшие ставку на автономистов венгры понесли ещё одну утрату. 26 октября при возвращении из Венгрии в Чопе чехословацкими властями (конечно, не без ведома Берлина) был арестован премьер Бродий, обещавший Венгрии присоединить к ней Подкарпатскую Русь путём «организации плебисцита»⁸. Новым премьером стал ставленник Берлина А. Волошин [22: 35].

Когда же Будапешт попросил державы оси быть арбитрами в создавшейся тупиковой ситуации, то Берлин неожиданно предложил передать решение спора четырём странам. Однако французский посол в Берлине и английский посол в Риме отдали предпочтение арбитражу держав оси [2: 115–117]. Дабы избежать создания общей польско-венгерской границы, Германия решила поддержать словаков. Она не допустила, чтобы арбитром в споре, как это предлагали Италия и Венгрия, наряду с державами, подписавшими мюнхенское соглашение, выступила также и Польша. По инициативе Германии и Италии обе стороны согласились на их арбитраж, который прошёл 3 ноября 1938 г. в Вене. В результате обширные территории, включая Кошице, Ужгород и Мукачево, отошли к Венгрии [29: 95–97].

Заявив 2 ноября об отсутствии претензий к Чехословакии, венгерское руководство 6 ноября тем не менее приняло решение об оккупации Подкарпатской Украины. 18 ноября венгерское правительство приказало армии начать действия в ночь на 20 ноября. Возмущению Гитлера не было предела. Из Берлина и Рима раздался такой окрик, что хортисты были вынуждены забить отбой. Авантюра провалилась [2: 140–142].

А что же Варшава? Об отношении Польши к послевоенной Чехословакии можно судить по интервью главы варшавского МИДа Бека, данному 31 октября 1938 г. американскому журналисту Гильману. Польский министр заявил, что он не считает перекраивание карты Европы завершённым. Аннексия Судетской области и Тешенской Силезии не исчерпывала, по его мнению, чехословацкой проблемы. Польша, подчеркнул Бек, ещё ожидает удовлетворения венгерских

требований и, поддерживая их во всём объёме, будет добиваться присоединения Подкарпатской Руси к Венгрии [3: 164–165].

Яркое представление о состоянии польско-чехословацких отношений даёт сообщение польского посланника в Праге Папе от 6 декабря 1938 г. о его беседе с главой пражского МИД Хвалковским, длившейся в течение часа. Среди прочего собеседники коснулись вопроса о Подкарпатской Руси. Посланник выказал опасение, как бы на эту базу не собрались все антипольские украинские элементы, подчеркнув: «Мы имеем все основания серьёзно думать, не действует ли пражское правительство на этом участке явно во вред нам». Хвалковский заверил Папе, что он дал распоряжение генералу Сватеку, командированному на Подкарпатскую Русь, чтобы украинская акция не оборачивалась остриём против Польши. Он уже вызывал одного из «министров» подкарпатского правительства Ревая, от которого настойчиво требовал того же. Хвалковский пообещал, что премьер-министр Беран также предпримет для этого соответствующие меры. Подводя итог беседе о Подкарпатской Руси, Папе сказал: «Вторая республика на каждом шагу отмечает, что хочет избежать любого риска во внешней политике, а включение Подкарпатской Руси в её состав отягчает это консолидированное государство большим риском международного характера. При этом неизвестно вообще, какой позитивный фактор вносит эта третья "часть" государства. Ясно, что цена представляет собой огромную сумму финансовых затруднений». Хвалковский ответил, что определённые аспекты польской точки зрения он понял и хотел бы переговорить на эту тему с президентом республики [1: 2–6].

Несмотря на кризис, охвативший фактически все направления существования, идеологическая борьба не утихала. Один из наилучших чешских публицистов доктор Бауер опубликовал 17 декабря 1938 г. в «Народни политике» редакционную статью о польской линии в отношении Чехословакии. Условия для нормализации польско-чехословацких отношений он видел в отказе Польши способствовать Венгрии в присоединении Подкарпатской Руси и предоставлении гарантий чехословацким границам: «Польша не должна забывать, что хорошие отношения с нами могут и ей помочь» [15: 825].

Однако к весне 1939 г. события стали разворачиваться по другому сценарию. Ещё в начале февраля 1939 г. в русофильском Хусте был учреждён германский консулат во главе с пресс-секретарем германской миссии в Праге Хофманом, который стал проводником германского влияния и центром интриг в Подкарпатье. Пражский корреспондент английской газеты «Дейли геральд», посетив Хуст, писал 3 марта 1939 г., что особенной популярностью пользуется там

местный журналист геббельсовской «Фелькишер беобахтер». К нему относятся как к официальному представителю рейха. «Германское влияние и контроль, – писал английский журналист, – настолько сильны в Подкарпатье, что почти невозможно взять интервью у министра или видного чиновника без присутствия фашистского агента... Хуст является сегодня центром интриг, шпионажа и контршпионажа, в которых Германия играет руководящую роль» [5: 35–36].

Тем временем, выступив на совещании представителей военных, экономических и партийных кругов Германии 8 марта, Гитлер раскрыл перед собравшейся верхушкой фашистской империи свои агрессивные планы на ближайшие три года. О судьбе Чехословакии он упомянул как об окончательно решённой проблеме: «Положение в Праге становится нетерпимым. Кроме того, Прага нужна как средство доступа к сырью. В соответствии с этим отданы приказы о том, чтобы через несколько дней, не позднее 15 марта, Чехословакия была оккупирована войсками» [23: 225].

11 марта Будапешт наконец получил из Берлина столь долгожданное благословение на оккупацию Подкарпатской Руси (однако в переданной ноте венгерское правительство строго предупреждалось о необходимости учитывать интересы Германии в этой области [2: 126]). 13 марта 1939 г. германский посланник в Венгрии Эрдсмандорф сообщил Хорти, что венгерская армия может приступить к оккупации Подкарпатья 18 марта [2: 158]. Гитлер умышленно не сообщил Венгрии, что своим войскам он отдал приказ начать захват «второй» Чехословацкой Республики 14 марта.

Развёртывавшиеся с молниеносной быстротой события убедили венгерское правительство в том, что Гитлер умышленно дезориентировал Венгрию, разрешив ей двинуть войска в Подкарпатье только 18 марта. Боясь упустить удобный момент, Хорти решил не дожидаться согласованного срока. Спровоцировав утром 14 марта вооружённые инциденты в районах Мукачева и Ужгорода, Венгрия в 12 часов того же дня предъявила чехословацкому правительству ультиматум с требованием немедленно вывести чешские войска из Подкарпатской Руси, которую оккупирует венгерская армия. Срок ультиматума заканчивался через 12 часов [4: 28]. Но уже через час после вручения ультиматума венгерские войска вступили на территорию Подкарпатской Руси и начали продвигаться к польской границе. Чехословацкое командование приказало своим войскам не оказывать сопротивления.

В тот же день хустское правительство, возглавлявшееся агентом влияния Берлина Волошиным, также заявило о своей «независимости», провозгласив создание государства «Карпатская Украина», и

обратилось к Гитлеру и Муссолини с просьбой о признании и защите [4: 27].

15 марта германский консул в Хусте Гофман получил телеграмму от статс-секретаря Германии Вейцзекера, в которой говорилось: «Будьте добры, проинформируйте устно карпатоукраинское правительство, что, поскольку венгерские войска наступают против Карпатской Украины на широком фронте, германское правительство советует не оказывать никакого сопротивления. В связи с таким положением германское правительство сожалеет, что оно не может предоставить протекторат». Волошин и его свита ретировались в Румынию, а оттуда – в Германию [22: 68].

Венгерской армии потребовалось три дня, чтобы оккупировать всю Подкарпатскую Русь и небольшую полосу в Восточной Словакии. По приказу из Берлина дальнейшее продвижение венгерских войск было остановлено. Варшава, пытавшаяся посредством румынского военно-дипломатического вмешательства, а также собственными силами прибрать к рукам участок *буковинской железной дороги* Ясиня – Мараморош – Сигет под предлогом установления общей польско-венгерской границы, получила от Будапешта жесткую отповедь [12: 488–489].

Таким образом, борьба между Чехословакией, Польшей и Венгрией за влияние на Подкарпатской Руси шла с переменным успехом. После формирования «системы малой коллективной безопасности» Прага совместно с Бухарестом пыталась реализовать проект создания стратегической железнодорожной магистрали, соединившей бы СССР и Чехословакию через румынскую территорию и проходившей в т.ч. по территории Подкарпатской Руси. Однако Великие державы во главе с Великобританией не позволили реализоваться данному проекту, позволявшему Праге теоретически уклониться с пути продвижения Германии на Восток.

Варшава и Будапешт, стремившиеся к расчленению Чехословакии и установлению совместной польско-венгерской границы за счёт Подкарпатской Руси, добились своей цели – она была установлена. Однако стратегически важный участок *буковинской железной дороги* Ясиня – Мараморош – Сигет, на обладание которым в своих стратегических расчётах делали ставки румынские стратеги и министр Бек вкупе с идеологическими наследниками Пилсудского, достался не им, а Венгрии, которая к тому моменту уже находилась под влиянием Берлина. Подкарпатская же Русь, получившая в октябре 1938 г. автономию и развернувшая широкий спектр разнообразнейших реформ, с одной стороны, была слишком заангажирована в хитросплетениях политики своих влиятельных соседей, а с другой – не располагала

собственными политическими деятелями, способными бескорыстно действовать в её интересах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тогда-то и возникло крылатое выражение: «Натравить русина на русина» (puścić rusina na rusina) [24: 77].

2. В качестве таковых, среди прочего, в немногочисленных публикациях, посвящённых этой теме, принято рассматривать тогдашнего директора Английского банка М. Нормана и директора Федеральной резервной системы Нью-Йорка Б. Стронга [13: 22–30].

3. Советский полпред в Бухаресте М. Островский сообщал, что в результате совместных польско-германских усилий Ян Шеба был отозван с поста посланника в Румынии [6: 706].

4. Несмотря на то, что румынский король Кароль высказывал открытое недоверие Москве, он не противодействовал прокладке этой железной дороги, более того, «работы производились строго под охраной жандармерии и самолётов» [5: 77].

5. Сведения о количестве самолётов, перелетевших из СССР, представляются несколько завышенными. Например, германский военный атташе позднее в разговоре со своим польским коллегой говорил о 60 самолетах-бомбардировщиках, полученных ЧСР в течение весны – лета 1938 г. из Советского Союза [21: 1].

6. Румынское правительство откровенно тормозило постройку железной дороги. Ещё в июле 1937 г. чехословацкий военный атташе в Бухаресте сообщал в Прагу, что строительство продвигается «очень медленно и существует поэтому опасение, не был ли заем использован для иных целей». Выводы комиссии Министерства обороны Чехословакии, которая провела обследование строительства, были неутешительны. Они гласили, что завершения стройки можно было ожидать лишь весной 1938 г. Полный же ввод её в строй мог произойти лишь в 1940 г., когда планировалось закончить строительство той части дороги, которая должна была проходить по территории Чехословакии [31: 414].

7. Английский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн» поместил в номере от 8 апреля 1939 г. статью под заголовком «Буковинская железная дорога». Её автор, некто Филип Сэнт, под личиной которого вполне мог скрываться капитан С. Мортон, писал: «Как раз перед Мюнхеном сообщалось, что 4 тысячи дополнительных рабочих спешно строят последние 10 миль этой железнодорожной линии, которые должны были соединить её с чехословацкой железнодорожной сетью» [5: 77].

8. За эту услугу Бродий должен был получить от венгерского правительства 100 тыс. пенге, титул барона и имя [22: 35].

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 15. Оп. 1. Д. 167.
2. Сикачев Н.Н. Венгрия и Вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 367 с.
3. Государственный архив РФ. Ф. 4459. Оп. 31/5. Д. 5.
4. Государственный архив РФ. Ф. 4459. Оп. 31/5. Д. 11.
5. Государственный архив РФ. Ф. 4459. Оп. 28/2. Д. 333.
6. Документы внешней политики СССР. Т. XX. М.: Госполитиздат, 1976. 876 с.
7. Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М.: Госполитиздат, 1977. 796 с.
8. Морозов С.В. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги. Документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933–1939). М.: Международные отношения, 2017. 592 с.
9. Морозов С.В. Железная дорога, которая привела Бенеша в Мюнхен // Экономические стратегии. 2019. № 1. С. 96–102. URL: <http://www.inesnet.ru/magazine/es2019/es2019-01/page/2/> (дата обращения: 24.01.2021).
10. Морозов С.В. К вопросу о роли так называемой Буковинской железной дороги в развитии мюнхенского кризиса // Славяноведение. 2010. № 1. С. 31–41.
11. Морозов С.В. К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на Восток // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 84–89. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1482 (дата обращения: 24.01.2021).
12. Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 528 с.
13. Морозов С.В., Олейник Н.Н. «Правовой механизм подталкивания Германии на Восток» 1925 г. и его движущие силы // Оригинальные исследования. 2020. Т. 10, № 12. С. 22–30. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2020-oris-12-2020/> (дата обращения: 24.01.2021).
14. Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1934 – январь 1937 г. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. 303 с.
15. Российский государственный военный архив. Ф. 308к. Оп. 5. Д. 266.
16. Российский государственный военный архив. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 357.
17. Российский государственный военный архив. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 360.
18. Российский государственный военный архив. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 398.
19. Российский государственный военный архив. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 425.
20. Российский государственный военный архив. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 426.
21. Российский государственный военный архив. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 439.
22. Сливка Ю.Ю. Підступи міжнародної реакції на Закарпатті в 1938–1939 рр. Львів: Вид-во Львів. ун-ту, 1966. 71 с.
23. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы. М.: Политиздат, 1971. 736 с.

24. Суляк С.Г. Елизавета Ивановна де-Витте и Карпатская Русь // Русин. 2020. № 60. С. 61–97.
25. Суляк С.Г. Н.И. Надеждин и Карпатская Русь // Русин. № 61. 2020. С. 41–67.
26. Урядовый вестник правительства Подкарпатской Руси. № 1. 20.10.1938. URL: <http://rusyns-library.org/uryadovyy-vestnik-podkarpatskoj-rusi-1-20-oktyabrya-1938-goda/> (дата обращения: 24.01.2021).
27. Юрасов М.К. Еще раз о времени появления русинов в Паннонии // Русин. 2020. № 60. С. 11–22.
28. *Bem de Cosban W.* Polsko-węgierska wspólna granica. Zagadnienia dotyczące Słowaczyny i Rusi Podkarpackiej. Cieszyń: [s.n.], 1936. 65 s.
29. Documents on German Foreign Policy. Ser. D. 1937–1945. Washington: US Government Printing Office, 1954. Vol. IV. 1062 p.
30. *Kozeński J.* Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań: Instytut Zachodni, 1964. 319 s.
31. *Kvaček R.* Nad Evropou zataženo: Československo a Evropa 1933–1937. Praha: Svoboda, 1966. 450 s.
32. *Šeba J.* Rusko a Malá Dohoda v politice světové. Praha: Melantrich, 1936. 662 s.
33. *Studnicki W.* System polityczny Europy a Polska. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1935. 323 s.

REFERENCES

1. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 15. List 1. File 167.
2. Sikachev, N.N. (1962) *Vengriya i Vtoraya mirovaya vojna. Sekretnye diplomaticheskie dokumenty iz istorii kanuna i perioda vojny* [Hungary and WWII. Secret diplomatic documents from the history of the eve and the period of the war]. Moscow: Izd-vo inostr. lit-ry.
3. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 4459. List 31/5. File 5.
4. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 4459. List 31/5. File 11.
5. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 4459. List 28/2. File 333.
6. Gromyko, A.A. (ed.) (1976) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [The USSR Foreign Policy Documents]. Vol. 20. Moscow: Gospolitizdat.
7. Gromyko, A.A. (ed.) (1977) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [The USSR Foreign Policy Documents]. Vol. 21. Moscow: Gospolitizdat.
8. Morozov, S.V. (2017) “*Varshavskaya melodiya*” dlya Moskvy i Pragi. *Dokumenty iz lichnogo arkhiva I.V. Stalina, Sluzhby vneshney razvedki Rossiyskoy Federatsii, II Otdela Glavnogo shtaba Voyska Pol'skogo i dr. (1933–1939)* [The “Warsaw Melody” for Moscow and Prague. Documents from the personal archive of J.V. Stalin, the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, the Second

- Department of the General Staff of the Polish Army and others (1933–1939)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
9. Morozov, S.V. (2019) Zheleznaya doroga, kotoraya privela Benesha v Myunkhen [The railway that brought Beneš to Munich]. *Ekonomicheskie strategii*. 1. pp. 96–102. [Online] Available from: <http://www.inesnet.ru/magazine/es2019/es2019-01/page/2/> (Accessed: 24th January 2021).
10. Morozov, S.V. (2010) K voprosu o roli tak nazyvaemoy Bukovinskoy zheleznoy dorogi v razvitii myunkhenskogo krizisa [On the role of the so-called Bukovina Rail in the development of the Munich crisis]. *Slavyanovedenie*. 1. pp. 31–41.
11. Morozov, S.V. (2016) On the creation of a legal mechanism for “pushing” Germany to the East in 1925. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 84–89 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/412/14
12. Morozov, S.V. (2004) *Pol'sko-chechoslovatskie otnosheniya. 1933–1939. Chto skryvalos' za politikoy "ravnoudalennosti" ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations. 1933–1939. What was hidden behind the policy of “equidistance” of Minister Yu. Beck]. Moscow: Moscow State University.
13. Morozov, S.V. & Oleynik, N.N. (2020) The legal mechanism for pushing Germany to the East of 1925 and its driving forces]. *Original'nye issledovaniya*. 10(12). pp. 22–30 (In Russian).
14. Pushkash, A.I. (1996) *Vneshnyaya politika Vengrii. Fevral' 1934 – yanvar' 1937 g.* [Hungarian Foreign Policy. February 1934 – January 1937]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences.
15. The Russian State Military Archive. Fund 308k. List 5. File 266.
16. The Russian State Military Archive. Fund 308k. List 3. File 357.
17. The Russian State Military Archive. Fund 308k. List 3. File 360.
18. The Russian State Military Archive. Fund 308k. List 3. File 398.
19. The Russian State Military Archive. Fund 308k. List 3. File 425.
20. The Russian State Military Archive. Fund 308k. List 3. File 426.
21. The Russian State Military Archive. Fund 308k. List 3. File 439.
22. Slivka, Yu.Yu. (1966) *Pidstupi mizhnarodnoi reaktsii na Zakarpatti v 1938–1939 rr.* [Approaches of the international reaction in Transcarpathia in 1938–1939]. Lviv: Lviv University.
23. Gromyko, A.A. (ed.) (1971) *SSSR v bor'be za mir nakanune vtoroy mirovoy voyny (sentyabr' 1938 g. – avgust 1939 g.). Dokumenty i materialy* [The USSR in the struggle for peace on the eve of World War II (September 1938 – August 1939). Documents and materials]. Moscow: Politizdat.
24. Sulyak, S.G. (2020) Elizaveta Ivanovna de Witte and Carpathian Rus. *Rusin*. 60. pp. 61–97 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/60/5
25. Sulyak, S.G. (2020) N.I. Nadezhdin and Carpathian Rus. *Rusin*. 61. pp. 41–67 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/61/4
26. Anon. (1938) *Uryadovyy vestnik pravitel'stva Podkarpatskoy Rusi*. 20th October. [Online] Available from: <http://rusyns-library.org/uryadovyy-vestnik-podkarpatskoj-rusi-1-20-oktyabrya-1938-goda/> (Accessed: 24th January 2021).

27. Yurasov, M.K. (2020) On appearance of Rusins in Pannonia (revisited). *Rusin*. 60. pp. 11–22 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/60/2
28. Bem de Cosban, W. (1936) *Polsko-węgierska wspólna granica. Zagadnienia dotyczące Słowaczyny i Rusi Podkarpackiej*. Cieszyn: [s.n.].
29. Sweet, P.R. et al. (eds) (1954) *Documents on German Foreign Policy. Ser. D. 1937–1945*. Vol. IV. Washington: US Government Printing Office.
30. Kozeński, J. (1964) *Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938*. Poznań: Instytut Zachodni.
31. Kvaček, R. (1966) *Nad Evropou zataženo: Československo a Evropa 1933–1937*. Prague: Svoboda.
32. Šeba, J. (1936) *Rusko a Malá Dohoda v politice světové*. Prague: Melantrich.
33. Studnicki, W. (1935) *System polityczny Europy a Polska*. Warszawa: Gebethner i Wolff.

Морозов Станислав Вацлавович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, регионоведения и политологии Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Stanislav V. Morozov – Belgorod State University (Russia).

E-mail: roland60@mail.ru

УДК [94 "1941/1944":271.2](478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/10

Последствия румынской оккупации 1941–1944 гг. для православной церкви Молдавии

В.А. Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 октября, 107
E-mail: sodol_slv@mail.ru

Авторское резюме

За последние несколько десятилетий в отечественной и зарубежной историографии истории православной церкви утвердилось мнение, что румынская оккупация Молдавской ССР спасла храмы и верующих от «богоборческой» советской власти. На основе анализа данных архивов Республики Молдова, Приднестровья и материалов ряда исследователей приведены факты материального ущерба, нанесённого немецко-румынскими оккупантами учреждениям православной церкви Молдавии. Выявлены три этапа нанесения захватчиками урона религиозным организациям, приведены общие суммы ущерба – 91,5 млн руб., в т. ч. недвижимому имуществу православной церкви – 22 млн 580 тыс. руб. (в частности, храмам левобережной части Молдавии – 4 192 423 руб.). Оккупанты полностью уничтожили здания 44 церквей и двух часовен, частично повредили 22 храма. Из молдавских храмов и монастырей были вывезены десятки ценных религиозных святынь (например, украшенную золотом с бриллиантами икону Божьей Матери (стоимостью 120 млн руб.), обшитые золотом и драгоценными камнями ризы к ней (стоимостью 50 млн руб.), церковную утварь и священнические облачения под предлогом «спасения» от их уничтожения большевиками. Руководство епархии Кишинёвской и Молдавской Русской православной церкви неоднократно поднимало перед румынской стороной вопрос о возвращении вывезенных оккупантами ценностей, но окончательно решить его так и не удалось. В молдавские храмы вернулась лишь незначительная часть похищенного захватчиками имущества.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Румынская православная церковь, Молдавская ССР, Румыния, церковь, монастырь, ущерб, религиозные святыни, немецко-румынская оккупация, реституция.

The consequences of the Romanian occupation of 1941–1944 for the Orthodox Church of Moldova

V.A. Sodal

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25th Street, Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: sodo_slv@mail.ru

Abstract

The article presents the facts of material damage caused by the German-Romanian invaders to the institutions of the Orthodox Church of Moldova. The analysis of the archives of the Republic of Moldova, the Pridnestrovian Moldavian Republic and the works of researchers revealed three stages of damage inflicted by the invaders on religious organizations. The total amount of damage amounted to 91.5 million rubles, including church buildings – 22,580,000 rubles (including the churches of Pridnestrovie – 4,192,423 rubles). The invaders destroyed the buildings of 44 churches and 2 chapels, partially damaged 22 churches. Dozens of valuable religious shrines were removed from Moldovan churches and monasteries. The most valuable loss is a copy of the Gerbovetsky Icon of the Most Holy Mother of God (worth 120 mln rubles). The invaders also stole church utensils and priestly vestments. The motive for these actions was the alleged desire to “save” the shrines from destruction by the Bolsheviks. The leadership of the Russian Orthodox Church has repeatedly raised the question of returning the valuables taken by the occupiers to the Romanian side. However, the problem has not been solved, though a small part of the property stolen by the invaders returned to the Moldovan churches.

Keywords: Russian Orthodox Church, Romanian Orthodox Church, Moldavian SSR, Romania, church, monastery, damage, religious shrines, German-Romanian occupation, restitution.

За последние несколько десятилетий в отечественной и зарубежной историографии истории православной церкви фактически принято за аксиому утверждение, что румынская оккупация Молдавии стала чуть ли не спасением для местных храмов и верующих от «богоборческой» советской власти. Так, В. Чорбэ отчасти справедливо пишет, что «в 1941 г. румынские власти нашли Транснистрию лишённой церковей и монастырей, священников и епископов. Население было безразличным, дезорганизованным атеистической пропагандой

и расколами тела Церкви. Для... воцерковления населения, для организации церковной жизни требовалось много труда, интенсивной миссионерской деятельности» [1: 123, 124].

Многочисленные исследователи приводят данные об открытии значительного числа храмов и заботе румынской администрации по обеспечению их священнослужителями, церковной утварью, богослужебными книгами и прочим «инвентарём», необходимым для функционирования открытых церквей. Более того, в одном из изданий, вышедших из-под пера ученых Академии наук Республики Молдовы, провозглашается, что «все утверждения советских авторов об ограблении румынами бессарабских монастырей... являются лживыми и необоснованными...» [3: 342]. Политическую и идеологическую подоплёку такой «заботы» румынских гражданских и духовных функционеров детально изучил и неоднократно представлял на суд общественности П.М. Шорников. Он, в частности, указал, что «деятельность Румынской церкви на оккупированной территории была направлена на установление духовного контроля над населением и его румынизацию... В апреле 1942 г. И. Антонеску распорядился передать священникам часть имущества уничтоженных евреев. Принятие подобных даров обязывало служителей церкви поддерживать оккупационную политику» [27: 214]. Мы же остановим своё внимание преимущественно на материальной стороне хозяйничанья румынских «миссионеров» в нашем крае на основе анализа как опубликованных, так и неопубликованных данных, обнаруженных нами в архивах России, Молдовы и Приднестровья.

Как известно, в годы Великой Отечественной войны оккупированным фашистскими захватчиками территориям СССР был нанесён значительный материальный ущерб. Для определения его величины 2 ноября 1942 г. Указом Президиума ВС СССР была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК).

В Молдавии данная работа была начата осенью 1944 г. под эгидой Совнаркома и ЦК КП(б) МССР. На совместных заседаниях горкомов, райкомов, горисполкомов, райисполкомов и аналогичных им учреждений для руководства и проведения в городах, уездах, районах создавались комиссии по учёту ущерба и расследованию злодеяний [23: 69]. Для ведения практической работы по составлению актов о причинённом ущербе эти комиссии в соответствии с инструкциями ЧГК создавали отраслевые комиссии, в т. ч. по учёту ущерба, при-

чинённого зданию, оборудованию и утвари религиозных культов. При этом в состав последних должны были входить председатель (представитель Совета депутатов трудящихся), члены комиссии (служитель религиозного культа, староста и один-два члена общины верующих) [23: 69 об.]. Например, в состав комиссии по учёту ущерба, причинённого зданию, оборудованию и утвари религиозных культов в Бендерах, вошли: 1) Липатова Анна Владимировна (зав. общ. отделом горисполкома); 2) Катыкин Степан Григорьевич (священник); 3) Клачанов Иван Федорович (староста); 3) Кердиваренко Порфирий Тимофеевич; 4) Коломыченко Митрофан Прокофьевич (староста); 5) Беляков Николай Петрович (от верующих) [5: 3]. В комиссии Дубоссарского района работали: 1) Халупа Петр Максимович (председатель сельсовета с. Лунга); 2) Степанов Дмитрий Парфентьевич (церковный староста); 3) Нестеренко Никифор Карпович (представитель от церковной общины); 4) Грекул Матвей Иванович и 5) Дрыга Петр Моисеевич (свидетели) [23: 29 об.].

Предполагалось, что вся работа по установлению ущерба должна была быть завершена не позднее 25 октября 1944 г., однако на практике данные о нанесённом захватчиками ущербе продолжали направляться с мест в республиканскую комиссию и весной 1945 г. Всего в Молдавии было создано 5 270 комиссий, в работе которых приняли участие 19 739 чел. [9: 232].

Названные выше комиссии составляли акты о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на основе материалов расследований, опросов и заявлений очевидцев и потерпевших. Были случаи, когда о действиях захватчиков и нанесении ими ущерба советским ответственным лицам сообщали целые группы представителей того или иного религиозного учреждения. Например, специальное письмо с подробным указанием того, кто, когда и что именно вывез из Кицканского Свято-Вознесенского монастыря, составили его настоятель Филадельф (Сорочан), духовник Леонид Лашку, иеромонахи Антоний, Неонил, Феодосий, Арсений, Исакий и другие члены монастырской братии [7: 88]. При составлении актов предписывалось обращать внимание на виновников злодеяний [23: 7]. Акт подписывали председатель и члены комиссии, свидетели и эксперты, заверял исполнительный комитет соответствующего Совета депутатов трудящихся. Акты регистрировались в Книге актов по учёту ущерба и концентрировались в Республиканской комиссии по ущербу. Вместе со сводной ведомостью и реестром они направлялись в соответствующие отделы ЧГК по принадлежности. Ущербом, причинённым зданию, оборудованию и утвари религиозных культов, занимался отдел культуры ЧГК [19: 160].

Проведённый анализ найденных нами сведений об ущербе, содержащихся в научной литературе, демонстрирует следующую картину. Чётко прослеживаются три этапа нанесения того или иного урона / ущерба учреждениям православной церкви в Молдавии:

- первый этап: в ходе боев за Молдавию летом 1941 г.;
- второй этап: во время румынской оккупации Молдавской ССР (особенно накануне освобождения края от фашистов);
- третий этап: в ходе освобождения края от немецко-румынских захватчиков весной-летом 1944 г.

На первом этапе пострадало в основном недвижимое имущество – здания церквей и различные постройки в монастырях. 16 июля 1941 г. при обстреле города немецкой и румынской артиллерией был повреждён Кишинёвский кафедральный собор [25: 276]. В результате интенсивного артиллерийского обстрела был серьёзно повреждён монументальный кафедральный собор Курковского монастыря Рождества Богородицы (пришлось ремонтировать два купола) [2: 48; 3: 272]. В результате бомбардировки (как утверждает Дину Поштаренку [4: 48], советскими войсками) был повреждён собор Вознесения Господня Кицканского монастыря – раскрыта крыша, внутренняя обстановка пострадала от пожара, остались только стены, требовавшие капитального ремонта [14: 88 об.]. На его восстановление братия получила щедрый дар маршала И. Антонеску – 1 млн леев [4: 48]. В 1941 г. зимняя церковь Гербовецкого монастыря была взорвана динамитом и сгорела [3: 372]. Летняя церковь Успения Богородицы Цыганештского монастыря в результате военных операций была повреждена, её экстерьер нуждался в ремонте [3: 608]. В ходе военных действий в июне-июле 1941 г. немецкой авиацией был разрушен собор в Сороках, повреждены церкви в пригородах Бужоровка и Застынка, как и десятки церквей в других городах и сёлах [25: 276].

Были случаи вынужденного уничтожения религиозных построек. Например, храм Успения Богородицы в м. Каменка был закрыт ещё в 1934 г., и в нём разместили склад боеприпасов воинской части рыбницкого укрепрайона. В июле 1941 г. при отступлении советских войск боеприпасы, хранившиеся в нём, взорвали, т. к. не было возможности их вывезти. Здание церкви превратилось в руины [20: 378]. Примечательно, что вину за нанесение ущерба церковным зданиям на территории Молдавии в тот период исследователи прорумынской ориентации возлагают целиком лишь на отступавшую Красную армию: «Во время отступления большевики поджигали и взрывали многие школы, общественные и административные здания, мосты и железные дороги, а также многие церкви. Все здания митрополии: дворец, епархиальный совет, великолепный "епархиальный дом",

свечной завод и другие сооружения стоимостью несколько миллиардов (леев. – В.С.) вместе со всем оборудованием были взорваны и сожжены» [1: 107]. Видимо, подобными утверждениями В. Чорбэ и ему подобные авторы стараются создать ложное впечатление, что вероломно напавшие на Советскую Молдавию немецко-румынские войска, с огромными потерями в течение месяца преодолевшие расстояние между Прутом и Днестром, пришли на наши земли абсолютно невооружённые и воевали с частями 95-й Молдавской дивизии голыми руками, ничего не разрушая на своём пути...

На втором этапе оккупанты демонстрировали своё пренебрежение к святыням местного населения (немецкие военные въехали в собор Преображения Господня г. Бендеры на лошадях, стреляли по иконам, переворачивали лампы и свечи. До сих пор на некоторых старых образах видны следы от немецких пуль) [20: 343, 344]. Присланные из Старого королевства в губернаторство Транснистрия 460 священников для «опровержения большевистской идеологии» и «возвращения населения к христианской вере» не ограничивались только лишь «идеологической» работой. Как выяснилось, на заседании Военно-гражданского кабинета для администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии (КББТ) 4 марта 1942 г. не только рядовые священники, присланные в Транснистрию, но даже «архимандрит Скрибан старались воспользоваться любой возможностью для обогащения» [8: 286, 287]. Эти приезжие священники устанавливали свои таксы на отправление ими религиозных обрядов и треб, причём весьма солидные. По утверждению бессарабского губернатора от 20 января 1942 г., «попы требуют за "обслуживание" свадьбы 1 500 – 3 тыс. леев, крещение ребенка – 1 тыс. леев, и этим снижается престиж церковнослужителей, а без него невозможно укрепить веру и осуществить моральное возрождение народа» [8: 314]. Помимо этого, приезжие румынские священники своими действиями дискредитировали священнический сан, совершая уголовные преступления. Так, например, священник церкви сёл Вада-Турково и Белочи Калофетяну вместе с помощником примара с. Белочи собрали у жителей, намеченных к переселению (украинцев. – В.С.), вещи (ковры, одеяла, полотенца, подушки и т.д.), пообещав, что за это они будут ходатайствовать перед уездной префектурой об отмене приказа об эвакуации. Кроме того, по инициативе того же священника была собрана сумма в 700 оккупационных марок РККС на покупку ковра, который должен был быть подарен священнику. Такое поведение Калофетяну произвело удручающее впечатление на местных жителей [9: 150].

20 ноября 1943 г. правительство Румынии и Генеральный штаб румынской армии направили инструкции об осуществлении «Опе-

рации 1111» оккупационным властям Бессарабии. Одна из них, разработанная администрацией губернаторства Бессарабия на основе инструкции № 660 500, включала пункт «Церковь», который гласил: «Эвакуируются священники и певчие с семьями. А также дорогая утварь, в первую очередь изготовленная из ценных материалов, и церковные книги, начиная с имеющих историческую ценность» [26: 91]. В начале 1944 г. руководство губернаторств Бессарабия и Трансильвания предписало эвакуацию врачей, учителей и священников, за её выполнением следила полиция [26: 89]. А накануне освобождения края от фашистов начался массовый исход духовенства из края в Румынию. Вместе с отступавшими румынскими войсками бежали из Молдавии настоятели Жабского, Каларашевского, Кошеловского, Добрушского, Фрумесского, Гинкульского, Цыганештского, Курковского и Хировского монастырей, половина белого духовенства [20: 237]. Часть монашествующих с настоятелем Курковского монастыря укрылась в румынских монастырях Кэлдэрушаны и Черника [20: 269]. При этом попутно под предлогом «спасения» от большевиков в Старое королевство вывозилось различное церковное имущество, включая ценные реликвии. Так, игуменья Фрумесского монастыря Агафья и её окружение увезли с собой много ценных предметов, а именно: 1) икону Успения Богородицы (привезённую из Киева), окованную серебром и украшенную тремя золотыми цепочками, семью рубинами и позолоченным ожерельем; 2) золотой архиерейский крест; 3) кипарисовый крест, окованный серебром; 4) три позолоченных креста с Гроба Господня в Иерусалиме; 5) пять серебряных крестов для Святого Престола; 6) позолоченную чашу из серебра; 7) позолоченную чашу; 8) два священнических облачения с серебряным шитьём и ценными камнями; 9) 16 парчовых священнических облачений, расшитых золотом; 10) покров Богородицы с золотыми цветами; 11) три кадила, покрытых золотом и серебром; 12) 14 серебряных лампад; 13) 22 серебряных венка для икон; 14) шесть позолоченных праздничных икон [3: 325]. На мельнице этого же монастыря «все мелкие части мотора разграблены немцами, остались лишь стены, крыша и колесо мотора» [18: 15 об.].

Бывшая настоятельница Сахарнянского монастыря Валентина (Чеботарь) увезла с собой в Румынию «ткацкую машину монастыря, благодаря которой монастырь имел хорошее производство и... хороший доход» [17: 5].

В январе–марте 1944 г. настоятель Гинкульского монастыря Иакинт вместе с несколькими монахами и послушниками бежал в Румынию и вывез с собой часть монастырского имущества: священнические облачения, сосуды и другие серебряные предметы культа (все эти

предметы были переданы румынскими властями советским представителям в соответствии с условиями советско-румынского перемирия) [3: 342]. Оставшиеся в монастыре насельники в течение месяца скрывали у себя советских десантников под командованием капитана Г. Посадова, за что монашествующие были арестованы и с апреля по июнь 1944 г. находились в заключении в г. Браила [12: 13; 27: 349]. За время отсутствия братии оккупанты полностью разграбили монастырь: «...после возвращения из Румынии... (мы. – В.С.) ничего не нашли. Все двери открыты, окна разбиты», – сообщал настоятель монастыря Никодим (Кику) [12: 15]. Немецкая воинская часть (видимо, в мае 1944 г. – В.С.) разграбила Сурученский монастырь и расстреляла двух послушников монастыря – 17-летних Антона Лунгу и Михаила Монцока, все монахи подвергались избиению, отчего умер священник монастыря Иеремей Васильевич Виеру (75 лет) [9: 67].

Из Свято-Вознесенского Кицканского монастыря фашисты увели 12 пар волов, шесть пар лошадей, 200 овец, 10 коров; захватили шесть вагонов ячменя, восемь вагонов пшеницы, 12 вагонов кукурузы и 6 вагонов вина [7: 89]. Вместе с ними ушла часть монашествующих обители во главе с иеромонахом Венедиктом. Они увезли с собой в Георгиевский скит Калдарашанского монастыря украшенную золотом с бриллиантами икону Божьей Матери (стоимостью 120 млн руб. в ценах 1940 г.), обшитые золотом и драгоценными камнями ризы к ней (стоимостью 50 млн руб.) [14: 134, 135]. В Национальном архиве РМ хранится опись церковных святынь, вывезенных в 1944 г. в Румынию, состоящая из 54 наименований. На первом месте стоит «копия Гербовецкой иконы Божьей Матери в серебряной ризе с бриллиантовым кольцом» [20: 295]. Бывший насельник монастыря, ныне епископ Орский и Гайский Ириней (Тафуня), в своей работе утверждал, что «эти ценные для нас святыни были вывезены в Румынию для сохранения. Румыны боялись, что они могут быть уничтожены в связи с тем, что Молдова оказалась в руках большевиков» [7: 84]. Однако он так и не пояснил, почему «вывезенные для сохранения» реликвии так и не вернулись в монастырь после ликвидации советского строя в Молдове и возобновления деятельности монастыря, хотя вопрос о возвращении вывезенных в Румынию ценностей неоднократно поднимался его настоятелями [14: 120].

Из Припиченского монастыря настоятель вывез в Румынию «разные вещи на двух повозках», предварительно продав пару волов и 300 овец [16: 6 об.]. В Кондрицком монастыре «хозяйство разорено немецко-румынскими захватчиками» [15: 1].

Не избежал печальной участи и Кафедральный собор в Кишинёве. Староста церковной общины Давид Коростоянов, прослуживший в

нём 40 лет, вспоминал, что «немцы и румыны увезли из храма все ценные вещи, в том числе большой серебряный крест, серебряную чашу и другие серебряные и золотые вещи, забрали парчовые ризы священников, увезли большой набор Евангелий в серебряной оправе, сняли серебряные ризы с икон, ободрали и покрасили в соборе художественные фрески работы русского художника Зорина» [26: 91].

Церковные ценности из ряда сёл севера Молдавии были вывезены в румынское с. Олтенъ (коммуна Бужорень, уезд Вылча). В январе 1945 г. советские представители обнаружили там похищенные из церкви с. Плопь серебряный позолоченный киот, серебряный потир с позолотой, серебряные ложки, различные серебряные принадлежности; из церкви с. Мендык – старинное Евангелие на славянском языке в серебряном окладе, книгу на молдавском языке (кириллицей) – «Поучения Симеона, архиепископа Фессалонийского»; из церкви с. Царьград – серебряный позолоченный киот в форме церкви с пятью куполами, разборный крест с серебряным пьедесталом, ризу, два комплекта одежды священника, вышитых один золотом, а второй серебром; из церкви с. Гринауцы – серебряный потир, серебряный крест и другие ценности [26: 91]. Прислужник Кафедрального собора Александра Невского г. Унгены М. Чуботару увёз всю ценную утварь: иконы, книги, богослужебные сосуды в храм с. Присэикань неподалеку от г. Яссы, где она находится и в наши дни [20: 288]. При отступлении немецко-фашистских захватчиков из с. Лунга в апреле 1944 г. ими было разграблено имущество сельской церкви, нанесенный ущерб составил 577 380 руб. [23: б/н, 28 об.]. Из храма Св. Александра Невского на территории Бендерской крепости оккупанты похитили всё имущество, начиная от икон и заканчивая скамейками, нанеся тем самым ущерб в 743 060 руб. [5: 5, 6; 21: 41, 42]. Было полностью уничтожено или расхищено церковное имущество храма Св. Петра и Павла в г. Бендеры, ущерб составил 524 956 руб. [5: 3, 4]. Аналогичная участь постигла церкви в предместьях города – Борисовке (ущерб храма предместья – 45 512 руб. [5: 15–16], кладбищенской церкви – 129 341 руб. [5: 19–20]) и Плавнях (ущерб – 421 470 руб. [5: 23–24]). Пострадала и Покровская церковь г. Тирасполя, ущерб оценивался в 104 144 руб. [22: 1 об., 68 об.].

1 июня 1944 г. оккупационная администрация губернаторства Бессарабия доложила, что вывозы, предусмотренные «Операцией 1111-Б», за исключением Бельцкого и Сорокского уездов, откуда румынские войска и администрация к тому времени были изгнаны, осуществлены почти полностью [26: 92].

По имеющимся в нашем распоряжении данным и по самым скромным подсчётам, румынские оккупанты во время своего бегства

весной-летом 1944 г. нанесли только храмам Приднестровья ущерб около 4 192 423 руб.

На третьем этапе вновь основной урон пришёлся на недвижимое церковное имущество. Так, собор Преображения Господня г. Бендеры не раз оказывался в секторах артиллерийских обстрелов. Как следствие одного из них в соборе возник сильный пожар, был серьёзно повреждены центральный купол и часть стены с фреской «Крещение Господне». Пострадали своды, колокольня и центральный алтарь, а также внутренние росписи. Иконостас сгорел полностью и утрачен навсегда. Погиб в пожаре и соборный архив [20: 343, 344]. Городская комиссия оценила ущерб, нанесённый храму, в 2 096 400 руб. [5: 13–14]. Пострадал при бомбёжке в 1944 г. и молитвенный дом с. Буторы [11: 45]. Была сильно повреждена церковь Св. Николая в г. Оргееве, на восстановление которой верующие затратили более 33 тыс. руб. [10: 69]. Авиабомба повредила строения Киприановского монастыря [13: 21]. В с. Устье напротив Дубоссар немецкие артиллеристы, стреляя прямой наводкой, разрушили церковь, в с. Кочиеры – колокольню [24: 197]. Здание церкви Св. Николая в с. Лунга Дубоссарского района было частично повреждено артиллерийским обстрелом [23: 28].

Сумма ущерба по Молдавской ССР в государственных ценах 1941 г. составляла 11 млрд руб. [9: 577]. Общий материальный ущерб, причинённый зданиям, оборудованию и утвари религиозных организаций Молдавской ССР, подсчитанный на основании 200 актов об ущербе, не включал стоимости большей части исторических и художественных сокровищ, вывезенных оккупантами в Румынию, но тем не менее был значителен и составил 91,5 млн руб. [19: 157]. Были полностью уничтожены здания 44 церквей и двух часовен, частично повреждены 22 храма [19: 156]. Стоимость причинённого ущерба только зданиям церквей и часовен Молдавии составила, согласно сведениям Республиканской комиссии, 22 млн 580 тыс. руб. [19: 158]. Комиссия также учитывала ущерб, нанесённый зданиям хозяйственного назначения, жилым зданиям, оборудованию и транспортным средствам, поголовью скота, многолетним насаждениям, топливу, материалам и готовой продукции, сырым сельхозпродуктам и посевам религиозных организаций на территории республики [19: 158–160].

Разрушая храмы, оккупанты грабили и уничтожали всё их имущество. Однако никакие цифры, свидетельствующие о материальном ущербе, не могут определить истинный ущерб. Речь идёт прежде всего о причинении верующим нравственных страданий, о духовных потерях, об утрате национальных святынь.

Проблема возмещения ущерба, нанесённого имуществу и верующим Русской православной церкви в Молдавии, стала одним из препятствий для налаживания конструктивных взаимоотношений между Русской и Румынской поместными церквями. Так, уже в ходе визита делегации РПЦ во главе с епископом Кишинёвским и Молдавским Иеронимом (Захаровым) в Бухарест 12–22 мая 1945 г. обсуждались вопросы возмещения румынской стороной ущерба, нанесённого во время войны православным церквям Бессарабии и т. н. Транснистрии, освобождения из мест заключения русских православных священников и возвращения их на приходы, репатриации бежавших в Румынию священников [19: 129].

Однако в своём ответном послании патриарху Алексию от 20 мая предстоятель Румынской церкви Никодим заметил: «Мы слишком поздно узнали о некоторых фактах, явившихся следствием войны, и мы искренне сожалели о них и оплакивали их. Тем не менее наша Церковь не взяла и не использовала ничего из того, что могло быть взято» [6: 244]. Эта позиция главы Румынской церкви была, вероятно, основана на его уверенности в том, что документальных свидетельств вывоза церковных и иных ценностей найти не удастся: И. Антонеску после разгрома немецких войск на Курской дуге распорядился прекратить на Пруте пограничный учёт ценностей, ввозимых с оккупированной территории, а имевшиеся на таможенных документы о доставке в Румынию похищенного имущества уничтожить. От губернаторов Бессарабии, Буковины и Транснистрии он требовал «брать как можно больше, но не оставлять никаких документов, чтобы завтра русские не смогли вытащить и предъявить их нам за круглым столом» [26: 88].

В дальнейшем в связи с приходом к власти в Румынии Коммунистической партии и избранием новым румынским патриархом Юстиниана (сторонника налаживания дружественных отношений с РПЦ) российской стороной эти вопросы уже не поднимались. Таким образом, проблема реституции церковных ценностей, равно как и другие спорные вопросы отношений двух церквей, так и не были разрешены.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ciorbă V. Biserica Ortodoxă din Basarabia și Transnistria (1940–2010)*. Chișinău: Pontos, 2011. 460 p.
2. *Golub V. Mănăstirea Curchi*. Orhei, 2000.
3. *Mănăstiri și schituri din Republica Moldova. Studii enciclopedice*. Chișinău: Institutul de Studii Enciclopedice, 2013. 800 p.
4. *Poștarencu D. Mănăstirea Noul Neamț*. Chișinău, 1994.

5. Бендерский государственный архив (БГА). Ф. 139. Оп. 1. Д. 1. Акты ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками.
6. Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. Т. 1. 887 с.
7. *Иринея (Тафуня)*. История Свято-Вознесенского Ново-Нямецкого Кицканского монастыря. Ново-Нямецкий монастырь: Издательство преп. Паисия Величковского, 2004. 172 с.
8. *Левит И.Э.* Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация (1.IX.1939–19.XI.1942). Кишинёв: Штиинца, 1981. 392 с.
9. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Кишинёв: Штиинца, 1976. Т. 2. 676 с.
10. Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 3046. Оп. 1. Д. 5. Материалы, поступающие из епархиального управления по вопросам, относящимся к деятельности православных церквей и монастырей, 1945 г.
11. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 12. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1946 г.
12. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 346. Регистрационное дело на Гинкуловский мужской монастырь Страшенского района МССР, снятый с регистрации в 1950 г.
13. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 350. Регистрационное дело на Киприяновский мужской монастырь Страшенского района Кишиневского уезда МССР, снятый с регистрации в 1961 г.
14. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 351. Регистрационное дело на Кицканский Ново-Нямецкий Вознесенский мужской монастырь Бендерского района МССР, снятый с регистрации в 1962 г.
15. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 352. Регистрационное дело на Кондрицкий Николаевский мужской монастырь Страшенского района Кишиневского уезда МССР, снятый с регистрации в 1946 г.
16. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 355. Регистрационное дело на Троицкий Припиченский мужской монастырь Резинского района Оргеевского уезда МССР, снятый с регистрации в 1958 г.
17. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 358. Регистрационное дело на Сахарнянский Троицкий женский монастырь Резинского района Оргеевского уезда МССР, снятый с регистрации в 1952 г.
18. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 362. Регистрационное дело на Фрумосовский женский монастырь Бравического района Оргеевского уезда МССР, снятый с регистрации в 1946 г.
19. Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991. Собрание документов: в 4 т. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. Т. 1. 823 с.
20. Святые русского православия юга Украины и Молдавии: историко-документальный фотоальбом. Тирасполь, 2016. 400 с.
21. Страж Бендерской крепости. Страницы истории Александров-Невского храма. Тирасполь, 2018. 240 с.

22. Центральный государственный архив Приднестровской Молдавской Республики (ЦГА ПМР). Ф. 107. Оп. 1. Д. 4. Материалы об ущербе, причинённом городу Тирасполь немецко-фашистскими оккупантами за 1944 год.

23. ЦГА ПМР. Ф. 685. Оп. 1. Д. 2. Протоколы, списки, сведения, акты погибших от немецко-фашистских оккупантов.

24. Шорников П. Народное православие в Молдавии. Очерки истории. Тирасполь: Полиграфист, 2018. 232 с.

25. Шорников П. Церковная политика Румынии в Бессарабии (1941–1944) // Сохранение культурного наследия в странах Европы: международная научная конференция. г. Кишинев, 25–26 сентября 2008 г. Кишинев: «Business-Elita» SRL, 2009. С. 276–286.

26. Шорников П.М. «Операция 1111»: замысел, исполнение, итоги // Приднестровское наследие. Материалы III Международной научно-практической конференции «Культурное наследие в системе духовных ценностей приднестровского общества». Тирасполь: Центр исследования культурно-исторического и духовного наследия, 2010. С. 86–94.

27. Шорников П.М. Молдавия в годы Второй мировой войны. Кишинев, 2014. 448 с.

REFERENCES

1. Ciorbă, V. (2011) *Biserica Ortodoxă din Basarabia și Transnistria (1940–2010)*. Chișinău: Pontos.

2. Golub, V. (2000) *Mănăstirea Curchi*. Orhei: [s.n.].

3. Eșanu, A. (ed.) (2013) *Mănăstiri și schituri din Republica Moldova. Studii enciclopedice*. Chișinău: Institutul de Studii Enciclopedice.

4. Poștarencu, D. (1994) *Mănăstirea Noul Neamț*. Chișinău: [s.n.].

5. Anon. (n.d.) *Akty ushcherba, prichinennogo nemetsko-fashistskimi zakhvatchikami* [Acts of damage caused by the German fascist invaders]. The State Archives of Bender (BGA). Fund 139. List 1. File 1.

6. Volokitina, T.V. (ed.) (2009) *Vlast' i tserkov' v Vostochnoy Evrope. 1944–1953 gg. Dokumenty rossiyskikh arkhivov* [The authorities and the Churches in Eastern Europe. Documents from Russian archives]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.

7. Irenaeus (Tafunya). (2004) *Istoriya Svyato-Voznesenskogo Novo-Nyametskogo Kitskanskogo monastyrja* [History of the Holy Ascension New-Nyametsky Kitskansky Monastery]. Novo-Nyametsky Monastery: Saint Paisius Velichkovsky.

8. Levit, I.E. (1981) *Uchastie fashistskoy Rumynii v agressii protiv SSSR. Istoki, plany, realizatsiya (1.IX.1939 – 19.XI.1942)* [The participation of fascist Romania in the aggression against the USSR. Origins, plans, implementation (1.IX.1939 – 19.XI.1942)]. Chișinău: Nauka.

9. Levit, I.E. (ed.) (1976) *Moldavskaya SSR v Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuzu* [Moldavian SSR in the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Vol. 2. Chișinău: Nauka.

10. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 5. Materials received from the diocesan administration on issues related to the activities of Orthodox churches and monasteries, 1945.

11. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 12. Complaints and statements on issues related to the activities of the ROC and correspondence on them, 1946.

12. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 2. File 346. Registration file for the Ginkulovsky Monastery of the Strashensky District of the MSSR, deregistered in 1950.

13. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 2. File 350. Registration file for the Kipriyanovskiy monastery of the Strasen district of the Chisinau district of the MSSR, removed from registration in 1961.

14. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 2. File 351. Registration file at the Kitskansky Novo-Nyametsky Ascension monastery of the Bendery region of the MSSR, withdrawn from registration in 1962.

15. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 2. File 352. Registration file for the Kondritsky Nikolaevsky monastery of the Strasen district of the Chisinau district of the MSSR, removed from registration in 1946.

16. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 2. File 355. Registration file for the Trinity Pripichensky Monastery of the Rezinsky District of the Orhei Uyezd of the MSSR, removed from registration in 1958.

17. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 2. File 358. Registration file at the Saharnyanskiy Trinity Convent of the Rezinskiy District of the Orhei Uyezd of the MSSR, removed from registration in 1952.

18. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 2. File 362. Registration file for the Frumosov convent of the Bravichesky district of the Orhei district of the MSSR, removed from registration in 1946.

19. Pasat, V. (ed.) (2009) *Pravoslavie v Moldavii: vlast', tserkov', veruyushchie. 1940 – 1991. Sobranie dokumentov* [The orthodoxy in Moldavia: the power, the church and believers. Documents] Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.

20. Anon. (2016) *Svyatyni russkogo Pravoslaviya yuga Ukrainy i Moldavii: istoriko-dokumental'nyy fotoal'bom* [Shrines of Russian Orthodoxy in the South of Ukraine and Moldova: a historical and documentary photo album]. Tiraspol: [s.n.].

21. Kalmyk, A. (2018) *Strazh Benderskoy kreposti. Stranitsy istorii Aleksandro-Nevskogo khrama* [The guardian of the Bender Fortress. Pages of the history of the Alexander Nevsky Church]. Tiraspol: Poligrafist.

22. The Central State Archives of the Pridnestrovian Moldavian Republic (TsGA PMR). Fund 107. List 1. File 4. Materials about the damage caused to the city of Tiraspol by the German fascist invaders in 1944.

23. The Central State Archives of the Pridnestrovian Moldavian Republic (TsGA PMR). Fund 685. List 1. File 2. Protocols, lists, information, acts of those killed by the Nazi invaders.

24. Shornikov, P. (2018) *Narodnoe pravoslavie v Moldavii. Ocherki istorii* [People's Orthodoxy in Moldova. Essays]. Tiraspol: Poligrafist.

25. Shornikov, P. (2009) [Church policy of Romania in Bessarabia (1941–1944)]. *Sokhranenie kul'turnogo naslediya v stranakh Evropy* [Preservation of Cultural Heritage in Europe]. Proc. of the International Conference. Chişinău. September 25–26, 2008. Chişinău: Business-Elita SRL. pp. 276–286 (in Russian).

26. Shornikov, P.M. (2010) [Operation “1111”: plan, execution, results]. *Pridnestro-*

vskoe nasledie. Kul'turnoe nasledie v sisteme dukhovnykh tsennostey pridnestrovskogo obshchestva [Transnistrian Heritage. Cultural Heritage in the System of Spiritual Values of the Transnistrian Society]. Proc. of the 3rd International Conference. Tiraspol: Center for the Study of Cultural, Historical and Spiritual Heritage. pp. 86–94 (in Russian).

27. Shornikov, P.M. (2014) *Moldaviya v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Moldova during the Second World War]. Chişinău: Tipografia Centrala.

Содоль Вячеслав Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Приднестровье, Молдова).

Veacheslav A. Sodol – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Transnistria, Republic of Moldova).

E-mail: sodol_slv@mail.ru

УДК 94(47)“1905–1919”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/11

Украинская «Чёрная сотня»? Концепция К.К. Федевича как попытка «украинизации» Союза русского народа*

А.А. Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Авторское резюме

Историк К.К. Федевич, автор книги «За Веру, Царя и Кобзаря. Малороссийские монархисты и украинское национальное движение (1905–1917 годы)», выдвинул ревизионистскую концепцию, согласно которой малороссийские монархисты и черносотенцы (в первую очередь, Почаевский отдел Союза русского народа) были правым крылом украинского национального движения. Стремясь обосновать свою теорию, Федевич особое внимание уделяет поиску «украинской национальной терминологии» и «украинского дискурса» в черносотенных газетах, подменяя им историко-политический и социально-экономический анализ такого специфического явления, как волынская «Чёрная сотня». Тезис о том, что многие малороссийские черносотенцы после 1917 г. перешли в украинский лагерь, верен, но его обоснование не выдерживает никакой критики. Федевич считает, что причиной этого перехода была «украинская» агитация черносотенцев. Мы же полагаем, что в основе «украинизации» бывших членов Союза русского народа лежало желание крестьян получить землю, и поэтому характеризует малороссийскую «Чёрную сотню» как радикальное крестьянское движение, родственное социальным движениям Средневековья. Кроме того, приводятся материалы, посвящённые участию бывших черносотенцев в украинском движении в годы гражданской войны и погромах 1919 г., а также отмечаются грубые ошибки Федевича. Делается вывод о том, что, несмотря на ряд интересных находок, его концепция носит тенденциозный характер.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00414 «“Богдановцы против мазепинцев”: русское движение Киева в 1917–1919 гг.».

Ключевые слова: Союз русского народа, черносотенцы, украинский национализм, русский национализм, малороссы, русины, русские монархисты, Волянь, погромы.

The Ukrainian “Black Hundred”? K.K. Fedevich’s concept as an attempt to “Ukrainize” the Union of the Russian People*

A.A. Chemakin

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract

Historian K.K. Fedevich, author of the book *For Faith, Tsar and Kobzar. The Little Russian Monarchists and Ukrainian National Movement (1905–1917)* put forward a revisionist concept whereby the Little Russian monarchists and the black-hundredists (primarily, the Pochaev Division of the Union of the Russian People) were the right wing of the Ukrainian national movement. In an effort to prove his theory, Fedevich focuses on the “Ukrainian national terminology” and “Ukrainian discourse” in the black-hundredists’ newspapers, misrepresenting the historical-political and social-economic analysis of such specific phenomenon as the Volhynian Black Hundred. His thesis that after 1917 many Little Russian black-hundredists joined the Ukrainian camp is correct; however, its substantiation does not stand up to scrutiny. Fedevich thinks that the reason to this transfer was the “Ukrainian” campaign of the Black-Hundred. The author of the article argues that the “Ukrainization” of former members of the Union of the Russian People was based on the desire of peasants to get land, and thus qualifies the Little Russian Black Hundred as a radical peasant movement akin to social movements of the Middle Ages. Furthermore, the article brings forward materials about the participation of the former black-hundredists in the Ukrainian movement during the Civil War and pogroms in 1919 as well as focuses on Fedevich’s glaring errors. The author concludes that in spite of a number of interesting findings, Fedevich’s concept is of tendentious nature.

Keywords: Union of the Russian People, black-hundredists, Ukrainian nationalism, Russian nationalism, Little Russians, Rusins, Russian monarchists, Volhynia, pogroms.

* The research is supported by the RFBR as part of Project Nr. 20-09-00414 “Bogdanovtsy against the Mazepians: The Russian movement of Kiev in 1917–1919”.

Черносотенное движение начала XX в., широко распространившееся в малороссийских губерниях, традиционно рассматривается украинской историографией как нечто чуждое Украине, привнесённое извне. В 2017 г. в Киеве вышла ревизионистская монография московского историка, кандидата исторических наук Климентия Климентьевича Федевича, пожелавшего пересмотреть эту концепцию и утверждающего, что черносотенцы в Малороссии (в первую очередь, на Волыни) были интегральной частью украинского национального движения.

В заглавие монографии вынесены две фамилии, а также указано, что отец К.К. Федевича К.И. Федевич «был постоянным партнёром в обсуждении и обработке текста» [14: 8]. Несмотря на это, очевидно, что основным автором концепции является К.К. Федевич: именно им, начиная с 2011 г., был опубликован ряд текстов на сайтах «Historians.in.ua» и «Zaxid.net», из которых родилась монография. Стоит отметить, что в его книге содержится целый ряд ошибок (например, автор почему-то относит депутата П.Ф. Мерция к черносотенцам, путает разные думские фракции, приводит сомнительную информацию относительно одного из черносотенных изданий, хотя проверить её, живя в Москве, не составляет никакого труда [13: 120–122, 271]), но т. к. нашей целью является не рецензирование указанного труда, а полемика с ним, мы не будем останавливаться на этих частных сюжетах, а сразу же перейдём к фундаментальным вопросам.

Концепция К.К. Федевича представляет собой оригинальную попытку, с одной стороны, «реабилитации» Союза русского народа (СРН), с другой – его украинизации. Основное внимание автор уделяет Почаевскому отделу СРН, возглавлявшемуся архиепископом Антонием (Храповицким) и архимандритом Виталием (Максименко) и являвшемуся одной из крупнейших черносотенных организаций Российской империи. По мнению Федевича, волынские (и другие малороссийские) монархисты были правым крылом украинского движения, которое не ограничивалось лишь социалистами и либералами.

Он убеждает читателя, что у представителей духовенства православной церкви, стоявших во главе черносотенного движения, «доминировала концепция русской триединой нации, которая была аналогом восточного славянства и предполагала существование отдельных народов “великороссов”, “белорусов” и “малороссов”» [13: 13]. Это утверждение подкрепляется крайне сомнительными аргументами, например напечатанной в «Почаевских известиях» иллюстрированной таблицей, «где вместе с представителями славянских народов – поляком, чехом, белорусом и великороссом – на первом месте был “малоросс” в украинских одеждах» [13: 87–88]. Действительно, такая

таблица с изображениями этнографических типов была напечатана (рис. 1), но Федевич почему-то забывает сказать, что в ней, кроме вышеперечисленных, присутствовал и «русин» в своём костюме [11]. Очевидно, что в данном случае об «украинцах» в том понимании, какое было свойственно представителям украинского лагеря, речь не идёт. К тому же в каждом номере «Почаевских известий» на первой полосе публиковалось обращение, в котором русский народ упоминался наравне с галичанами, словаками и хорватами (рис. 2). В других случаях галичане обозначаются как русские или малороссы. В большинстве же материалов черносотенных газет речь обычно шла о едином русском народе, в который входят представители нескольких этнографических групп (великороссы, малороссы, белорусы, иногда к ним добавлялись русины / червонороссы / галичане и казаки). Вырывая цитаты из контекста и жонглируя терминами «малоросс», «украинец», «русский», «великоросс», Федевич представляет дело так, что концепция «триединого русского народа» предполагала существование отдельного украинского народа. А отсюда уже недалеко до того, чтобы представить участников СРН, разделявших идею русского «триединства», частью украинского движения.

В качестве основных доказательств «украинскости» СРН он приводит следующие тезисы: 1) черносотенцы (в первую очередь, почаевские) активно использовали «украинский» язык и образы «украинской» народной культуры в агитации; 2) уважительно относились к Тарасу Шевченко и печатали его портрет и стихи в своих газетах; 3) активно пользовались терминами «Украина», «украинцы» и «украинский»; 4) пропаган-

Рис. 1. Славянские народы. Рисунок из газеты «Почаевские известия» (1909. № 714. С. 2).

дировали среди «этнических украинцев» «украинскую» историю; 5) выступали за территориальную автономию «украинских» земель; 6) способствовали осознанию «украинцами» своих национальных интересов посредством борьбы за улучшение экономических позиций, развитие кооперативного движения, территориального самоуправления, самоорганизации. В итоге он делает вывод, что про СРН «в Украине можно оправданно говорить как про монархический, имперский, панславистский и консервативно-христианский вариант украинского национального движения» [13: 50].

Методика Федевича для получения нужных ему выводов предельно проста: он берёт какие-то термины или образы («Украина», «украинец», «малоросс», «козак»), маркирует их как специфически «украинские», как исключительную собственность украинского движения, а затем всех, кто этими терминами или образами пользуется, относит к украинскому лагерю, хотя из черносотенной прессы совершенно ясно, что СРН, признавая этнографические различия между великороссами и малороссами и лояльно относясь к региональным говорам, никогда

не признавал существования отдельной украинской нации (а именно это, на наш взгляд, и должно быть признаком принадлежности к украинскому движению).

Автор, кажется, совершенно не понимает, что представлял из себя дореволюционный русский национализм. Всё то, что не сводится к лаптям и косоворотке и несёт на себе какой-то отпечаток Малороссии, трактуется им как нечто национально украинское. Так, например, почитание «почаевцами» памяти казаков, погибших под Берестечком в 1651 г., интерпретируется как пропаганда «украинской» истории, хотя русские националисты считали этот эпизод частью «русской» истории, и СРН, ставивая мемориал, исходил

Рис. 2. Первая полоса газеты «Почаевские известия» (1909. № 716).

явно из «общерусского» видения этого эпизода. По сути, Федевич сводит русский национализм к «великорусской» этнографии, а любое проявление «малорусской» этнографии трактует как украинский национализм; при этом он отказывает «малороссам» в праве быть русскими националистами, считая, что их нахождение в «русском» лагере – это просто проявление традиционной монархической лояльности. Представление о двух национальных проектах, существующих на одном и том же этнографическом материале, ему совершенно чуждо. Само собой, представители украинского и русского лагерей могли иметь тождественные мнения по ряду вопросов, могли даже быть родственниками или друзьями в частной жизни. Но их принципиально разделял взгляд на будущее своего народа: должен ли он быть специфической частью «русской» нации или должен стать совершенно отдельной «украинской» нацией? Федевичу принципиально чуждо чувство историзма, когда он постоянно говорит об «этнических украинцах» применительно к жителям Волыни начала XX в., не догадывавшихся, что они «украинцы». Впрочем, они и «русскими» числились сугубо формально – тогда их национальное будущее ещё не было определено. К сожалению, для обозначения населения юго-западных губерний Российской империи нет какого-то нейтрального термина, т. к. оба традиционных – и «украинец», и «малоросс» – излишне политизированы и выдают «партийные» симпатии автора, в отличие от Галичины, применительно к которой возможно говорить о русинах (рутенах) как этнографической общности, за которую боролись представители трёх национальных партий – «украинской», «русской» и «польской».

В изданиях СРН можно найти условную «украинскую» терминологию, использовавшуюся преимущественно в историческом контексте, можно встретить и стихи Тараса Шевченко, вполне подходившие для антиеврейской и антипольской пропаганды. Кажется, Федевич привёл в своих работах абсолютно все «украинские» материалы из волынских правых газет, которые можно хоть как-то притянуть к его концепции. Но ведь это совершенно незначительная часть всей той агитационной продукции, которая издавалась СРН! Напротив, в черносотенной прессе публиковались статьи об опасности «украинского мазепинства» и даже о том, что слова «Украина» и «украинец» происходят «по крестьянской этимологии от слова "красти" – воровати» [4]. Весьма примечателен рисунок, на котором карикатурный представитель «украинцев», сидящий на «малорусской» ветке единого «русского» ствола, пытается отпилить её. Подпись под карикатурой гласит: «Довольно, Каин, оставь свою работу: Русь нераздельна» [7]. В другой статье читателям объясня-

лось, что «под невинным названием украинцев скрываются враги русской национальности и русского государства» [10]. Примеров условного «русского национального дискурса» и резкого неприятия украинского движения в изданиях Почаевского СРН гораздо больше, чем «украинской терминологии».

Конечно, нельзя отрицать, что своеобразный «укаинофильский» (а точнее, «малорусский») уклон в деятельности Почаевского отдела СРН имел место. Но всё же от интереса к краеведению, к региональным традициям, к местным говорам и истории, никак не противоречившего идеям дореволюционного русского национализма, чрезвычайно далеко до идеи о необходимости создания отдельной украинской нации. Показательно, что в 1918 г. «укаинофил» Виталий (Максименко) не только не примкнул к украинскому движению, но и вошел в совет киевского Союза «Наша Родина», созданного русскими националистами и монархистами [20]. То же самое можно сказать и про Антония (Храповицкого), и про Евлогия (Георгиевского), и про многих других видных церковных деятелей, оставшихся на русских позициях (хотя

они, как и большинство русских крайне правых, вполне лояльно отнеслись к гетману П.П. Скоропадскому). Федевич отмечает (рис. 3), что священник М.А. Тучемский, видный член СРН и основатель Острожского музея-заповедника, использовал в своей брошюре термины «Днепровская Украина», «Киевская Украина», «Брацлавская Украина», ссылаясь на «Историю Украины-Руси» М.С. Грушевского, писал про «самобытную малорусскую народность» [13: 136, 166]. На основании всего этого он делает вывод, что Тучемский «был близким к украинским идеям» [13: 273]. Но Федевич, очевидно, не в курсе, что в январе 1918 г., уже после провозглашения УНР, Тучемский шёл на выборы не от какой-то украинской партии, а от русских националистов – по

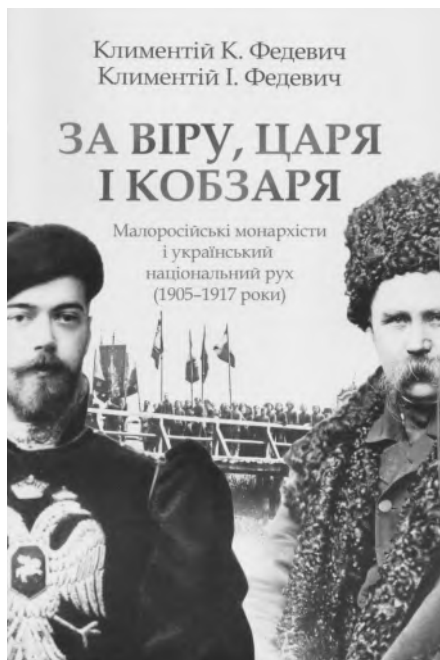

Рис. 3. Книга К.К. Федевича, в которой были опубликованы основные положения его концепции [13].

списку «От православных приходов и хлеборобов», первым номером которого являлся В.В. Шульгин [12].

Чрезвычайно интересно то, что Федевич выделяет в отдельную категорию такие правые организации, как Киевский клуб русских националистов (ККРН) и общество «Двуглавый орел». По его мнению, они «пропагандировали среди украинцев» *«русський етнічний націоналізм»* [14: 13], отличавшийся от идеи «триединого русского народа». Что это за зверь такой – «русский этнический национализм» – не объясняется. В одном месте говорится, что *«русська етнічна нація»* или *«імперська русська етнічна нація»* должна была состоять «из всех восточных славян на русских, белорусских и украинских этнических землях» [13: 48]. Чем это отличается от идеи «треединого русского народа», понять совершенно невозможно. В другом месте речь идёт о том, что не было возможности «эффективно пропагандировать идеи русского этнического национализма» из-за того, что «в Украине просто не было критичной массы этнически русского населения, которое могло бы органично русифицировать десятки миллионов украинцев» [13: 44]. Тут речь как будто бы идёт про неких – в реальности не существовавших – «великорусских националистах», которые хотели превратить малоросса в великоросса, видимо, заставив его носить вместо вышиванки косоворотку. Если же под «русификацией» подразумевается отстаивание лидирующего положения русского литературного языка (а не великорусского наречия), то чем их взгляды отличаются от тех же «почаевцев», 99 % изданий которых также выходили на русском литературном языке?

Были ли вообще принципиальные различия в понимании «русской нации» и отношении к местным «малорусским» особенностям между «украинскими» черносотенцами на Волыни и киевскими «русскими этническими националистами»? Приведём несколько примеров. В 1917 г. на базе газеты «Киевлянин» и ККРН был создан Внепартийный блок русских избирателей (ВБРИ) во главе с В.В. Шульгиным и А.И. Савенко, во время выборов в Киевскую городскую думу не только напечатавший листовку на «украинском» языке, но и запустивший по Киеву агитационный автомобиль с «украинской декорацией», что вызвало возмущение представителей украинского лагеря [1]. Как заявлял на одном из предвыборных мероприятий ВБРИ профессор Г.В. Демченко, «правая часть украинцев или малороссов примыкает и отчасти даже входит в состав русского внепартийного блока. Сюда пошли и идут все те украинцы (монархисты или республиканцы – безразлично), которые считают себя русскими, любят Украину, но и всю Россию признают своей родиной...» [5]. Сам Шульгин порой мог использовать термин «украинец» в положительном значении: «Когда

каждый обыватель Киевщины, Полтавщины и Черниговщины на вопрос, какой ты национальности, будет отвечать: "Я – дважды русский, потому что я украинец", – тогда за судьбу "Матушки-Руси" можно не бояться» [16]. Подобных примеров можно привести великое множество. Стоит ли на их основании делать вывод, что В.В. Шульгин (наверное, самый яркий пример «украинофоба») и его сторонники были правым крылом украинского национального движения? Данное утверждение звучит совершенно безумно. Но именно на таких примерах использования «украинской терминологии» и «украинского дискурса» в черносотенной прессе и попытках представить локальную «малорусскую» версию русского национализма в качестве сознательного следования украинской национальной идее и построена вся концепция господина Федевича. Если и дальше следовать этой странной логике, то можно утверждать, что важнейшую роль в развитии «украинского национального дискурса» играли не только черносотенцы, но и Русская императорская армия, раз в ней существовали, к примеру, 47-й пехотный украинский полк и 15-й гусарский украинский полк – ведь эти наименования пропагандировали в среде «этнических украинцев» «украинскую национальную терминологию»!

Но Шульгина и его группу Федевич к украинскому движению не относит. Напротив, они, согласно авторской концепции, должны быть отнесены к «русификаторам». Но где же эти глубинные идейные различия между лидерами волинских черносотенцев и киевской группой Шульгина, кстати, избравшегося в Государственную Думу как раз при поддержке «почаевцев»? Агитация в городе и агитация на селе, несомненно, имели свои особенности, но основные идейные установки что у киевских русских националистов, что у лидеров волинских черносотенцев были совершенно одинаковы.

Впрочем, кое-какие отличия между ними действительно имелись, но не в национальном вопросе, а в социальном. Волинские, подольские и киевские крестьяне верили, что, вступая в СРН, они получают землю, не будут платить подати, могут не подчиняться властям, т. к. у них есть своё «союзное» начальство. При этом в идеологию организации они особо не вникали, да и сами лидеры движения ради сиюминутной популярности подстраивались под чаяния своей паствы. По сути, Почаевский СРН играл роль своеобразного профсоюза, способствовавшего самоорганизации православного населения. Зачастую деятельность «Чёрной сотни» не только не способствовала укреплению русской государственной власти, но и приводила к обратным результатам, способствуя росту крестьянских волнений и выступлений [9: 66–67].

Стоит признать, что проповеди почаевских священников не сыграли большой роли в просвещении волинских крестьян в национально

русском духе, т. к. значительная часть потенциальной аудитории была неграмотна [9: 37]. Очевидно, что взгляды лидеров черносотенного движения в массы проникали слабо, и относить к русскому национальному движению тех же волынских крестьян, вступивших в СРН не из-за осознания своей «русскости» и монархических чувств, а из-за желания получить практическую выгоду, можно лишь сугубо формально (в отличие от более «сознательных» националистов-горожан).

Для понимания феномена Почаевского СРН чрезвычайно важны события, произошедшие после революции, но они освещены Федевичем весьма поверхностно. Правда, он выдвигает гипотезу, согласно которой успех украинского движения после 1917 г. подготовили именно черносотенцы своей «проукраинской» деятельностью. Из его трудов создаётся такая картина: крестьяне начитались черносотенных газет, в которых печатались стихи Т.Г. Шевченко и использовалась «украинская национальная терминология», и внезапно осознали, что они «украинцы», после чего присоединились к украинскому движению. На наш взгляд, эта версия совершенно фантастична, и максимум, с чем можно согласиться, так это с тем, что волынские черносотенцы невольно помогли украинскому движению, организуя крестьян и пробуждая их социально-политическую активность.

Тезис Федевича о том, что часть активистов черносотенного движения после 1917 г. присоединилась к украинскому движению, в принципе верен, но он не приводит никаких подтверждений этого, за исключением биографий нескольких священников. На самом деле переход значительной части бывших черносотенцев в украинский лагерь можно доказать, обратившись к материалам выборов в Учредительное собрание. В Волынской губернии за список Комитета православных и единоверческих приходов, созданный представителями русских церковных и правых кругов и возглавлявшийся архиепископом Евлогием (Георгиевским) и В.В. Шульгиным, проголосовало 5 044 чел. (0,64 %) [3: 75], причём, что важно, значительная часть этих голосов приходилась на Житомир и другие города – т. е., очевидно, на мещан, купцов, ремесленников, интеллигенцию, – в то время как волынское село, ещё пять-шесть лет назад покрытое многочисленными организациями Почаевского отдела СРН, поддержало украинский список.

Можно взглянуть и на статистику в разрезе отдельных сел. В качестве примера возьмём Вышевичскую волость Радомысльского уезда Киевской губернии (ныне в составе Житомирской области). В таблице в первом столбце указано название населенного пункта, во втором – численность местного отдела СРН по состоянию на начало 1910-х гг. [6: 960–961]. В третьем, четвертом и пятом – голоса за

списки № 1 (Блок украинской партии социалистов-революционеров, Украинской селянской спилки и Украинской социал-демократической рабочей партии; лидер – М.С. Грушевский), № 8 (Внепартийный блок русских избирателей; лидер – В.В. Шульгин) и № 16 (Сельскохозяйственная и торгово-промышленная группа; один из лидеров – будущий гетман П.П. Скоропадский) [14: 102].

Название населённого пункта	Численность отдела СРН	Голоса за список № 1	Голоса за список № 8	Голоса за список № 16
Веприн	270	452 (98,3 %)	5 (1,09 %)	0
Вышевичи	150	589 (96,2 %)	11 (1,8 %)	0
Красноборка	47	228 (99,1 %)	0	0
Меделевка	77	375 (100 %)	0	0
Межиречка	75	596 (97,4 %)	5 (0,82 %)	0
Федоровка	115	605 (98,5 %)	0	0
Чудин	92	200 (98,5 %)	0	0

Очевидно, лишь малая часть бывших союзников осталась на позициях русского национализма. Возможно, среди них были местные священники, а также более или менее образованные люди, вполне сознательно исповедовавшие свои «русские» убеждения. Остальная же часть черносотенной «массовки» отдала свои голоса левому украинскому списку № 1, а список № 16, созданный «хлеборобами-собственниками», будущей опорой гетманского режима, и отдельными представителями русских и украинских консервативных кругов, с треском провалился (см. таблицу). Казалось бы, есть список одновременно и консервативный, и украинский, одним из лидеров его являлся атаман вольного казачества Скоропадский, но бывшие союзники голосуют не за него, а за эсеров и эсдеков. Эти данные полностью опровергают концепцию Федевича о «Чёрной сотне» как о правом крыле украинского движения. Те немногочисленные черносотенцы, которые сознательно разделяли консервативные ценности, остались на «русских» позициях, а крестьяне, перешедшие в украинский лагерь, очевидно, никогда и не были правыми и консерваторами, их взгляды вообще невозможно соотнести с модерными политическими идеологиями.

Насколько известно, никто из селян, состоявших в СРН, не оставил воспоминаний, что является серьёзной проблемой для исследователей. Но всё же есть некоторые данные, свидетельствующие о наличии в армии УНР монархистов, а также ярко иллюстрирующие уровень

политической сознательности крестьянства. Так, например, сын петлюровского офицера Г.Т. Корниенко во время интервью для комиссии Конгресса США вспоминал, что его отец был «страшным монархистом», но во время гражданской войны оказался в армии УНР [2: 542–544]. Киевские русские националисты, согласные с тем, что в петлюровской армии полно бывших черносотенцев, считали, что главной причиной этого удивительного, на первый взгляд, явления был земельный вопрос. Подобное объяснение выглядит намного более адекватно, чем концепция Федевича о «проукраинской» деятельности СРН. Председатель ККРН А.И. Савенко отмечал, что «в эпоху послереволюционного движения 1905–1906 гг., когда крайние правые демагоги по инициативе почаевского архимандрита Виталия стали обрабатывать мотив о земле, то в Союз русского народа повалили на Волыни сотни тысяч крестьян-малороссов – единственно потому, что этим путем они надеялись получить землю. Теперь бывшие крайние монархисты в погоне за землёй повалили в банды к Петлюре» [19]. Ещё резче об этом феномене высказался В.В. Шульгин, бывший почётный председатель одного из сельских отделов СРН. В одной из статей он напоминал о том, что за несколько лет до революции вся Волынь записалась в СРН, надеясь при его помощи получить землю, теперь же волынские «хохлы», услышав, что землю получают только украинцы, решили присоединиться к ним, хотя об Украине ранее в Волинской губернии никогда и не слышали. Шульгин иронизировал: если объявить о том, что все китайцы получают по 25 десятин на душу, то крестьяне, почесав затылки, заявят: «Хочь мы китайцами зроду не були, але ж як начальство требуе, щоб мы були китайцями, то мусимо бути... *Бо земля наша!*» [15]. Е.Г. Шульгина, жена В.В. Шульгина, летом 1917 г. побывала в своём имении Курганы на Волыни. Ранее местные крестьяне, надеясь получить землю, вступали в СРН, теперь же примкнули к украинскому лагерю. Они говорили Шульгиной, что «Украина» – «це така наша спілка» (союз), в которую если запишешься, то получишь землю здесь, а если не запишешься, то земли не дадут и придется куда-то выселяться. «Так что "Украина" и "Союз русского народа" воспринимались ими в одной плоскости», – делала вывод Шульгина [17: 63].

Ещё одной важной темой, связанной с черносотенным движением в Волинской, Подольской и Киевской губерниях, является тема погромов 1919 г. Федевич не был первым, кто обратился к теме связи между «Чёрной сотней» и украинским движением, получившей широкое распространение уже в ходе гражданской войны именно в связи с массовыми еврейскими погромами, совершёнными армией УНР. Одной из ключевых причин погромов как для современников, так и для украинских историков виделось проникновение черносотен-

тенных элементов в войска Директории. Американские еврейские организации, опиравшиеся на материалы членов Еврейского национального собрания, прибывших с Украины, сообщали о том, что главными виновниками погромов были войска Петлюры и Григорьева, «чи офицеры зачастую принадлежат к Чёрной сотне» [18]. Конечно, часто слово «черносотенец» использовалось просто как ругательство и не обозначало обязательной принадлежности к монархическим организациям. Но на Волыни до революции украинского движения практически не было, поэтому армия УНР в любом случае была вынуждена черпать резервы из среды бывших членов СРН. В этом плане действительно интересным выглядит обнаружение Федевичем того факта, что в мероприятиях «почаевцев» принимал участие и будущий генерал-хорунжий армии УНР, один из лидеров Украинской партии социалистов-самостийников В.П. Оскилко [13: 275–276]. И, очевидно, это не единичный случай.

А.Д. Марголин, заместитель министра иностранных дел УНР и одновременно видный деятель еврейского движения, старался переложить хотя бы часть вины за произошедшую бойню на «провокаторов из российского черносотенного лагеря, погромщиков по убеждению, желающих одновременно скомпрометировать погромами украинское движение» [8: 311]. По его мнению, Директории было необходимо сформировать мощную армию для борьбы за независимость, и именно по этой причине не было никаких ограничений в отношении новобранцев. В результате в рядах армии УНР вместе с «настоящими, прекрасными украинскими патриотами» оказалось «немало элементов из самых нежелательных черносотенных типов» [21: 139]. Примерно в том же ключе высказываются и представители современной украинской историографии: например С.Н. Плохий, по мнению которого причиной погромов на правобережной Украине, «бастионе русского национализма перед войной», были «приверженцы малорусской идеи и активисты русских националистических организаций, для которых антисемитизм был ключевым идеологическим фактором» [22: 224].

Таким образом, украинская историография проблемы сводится к стремлению хотя бы частично переложить вину за погромы 1919 г. с петлюровцев на черносотенцев. Федевич же, стремящийся не только «украинизировать» черносотенцев, но и реабилитировать их, тему погромов просто-напросто обходит стороной, ведь если считать, что члены СРН – это правое крыло украинского движения, то и ответственность за события 1919 г. всецело ложится на него.

Что же представляла из себя волынская «Чёрная сотня»? На наш взгляд, бурная деятельность Почаевского СРН не смогла дать

того эффекта, который потенциально могли бы дать урбанизация и развитие новых путей сообщения, а «Почаевские известия» и проповеди с амвона не смогли заменить массовую русскую школу. Рядовой волынський «союзник» – неграмотный, но осознающий, что его экономическими конкурентами являются евреи, поляки и вообще «горожане», имеющий смутное представление об истории своего региона, – с лёгкостью перешёл в украинский лагерь, который эксплуатировал практически те же исторические образы, но при этом не ограничивался пустопорожними радикальными разговорами, как почаевские монахи, а давал реальную возможность с оружием в руках расквитаться с былыми «обидчиками» – «жидами», «ляхами», «панами», «буржуями».

До 1917 г. российские власти старались держать деятельность «почаевцев» под своим контролем, да и сами вожди движения ограничивались только антиеврейской и антипольской риторикой и не стремились переходить к радикальным действиям. После падения монархии и начала гражданской войны вся энергия крестьянских масс, оставшихся без контроля со стороны церкви и гражданских властей и настроенных, по сути, анархически, вылилась в бунт, «атаманщину» и еврейские погромы, но теперь уже под «жовто-блакитными» флагами. Не снимая вины за произошедшие погромы с черносотенных агитаторов, стоит отметить, что и руководство УНР на рубеже 1918–1919 гг. не отличалось особой разборчивостью в средствах, с готовностью принимая в свои ряды любые банды, состоявшие в т. ч. и из бывших черносотенцев, и при этом не имея реальной возможности (а нередко и желания) остановить творимые ими безобразия.

Но основную роль в произошедшем всё же сыграли не русские или украинские националисты, а специфические социально-экономические и этнополитические условия Волыни и соседних регионов, складывавшиеся там на протяжении нескольких столетий и проявившиеся вновь 25 лет спустя, во время Волынской резни. В этом смысле нам представляется наиболее верным рассматривать «почаевцев» не как проявление русского или украинского национализма, а как радикальное крестьянское движение, родственное европейским социальным движениям Средневековья, часто принимавшим религиозную форму. Точно так же и широкие массы жителей Волыни, Подолии, Киевщины лишь мимикрировали сначала под русский национализм консервативно-монархического толка, а затем под социалистическо-республиканский украинский национализм. Суть этого движения была не в «русскости» или «украинскости», а в социальной (и, как следствие, даже не «национальной», а скорее «этнической») ненависти местного неграмотного крестьянина (русского, малорусского или украинского

– называйте как угодно) к польскому пану, еврею-арендатору, горожанину-«буржую», которая могла принимать совершенно любые формы. К тому же массовое движение 1918–1919 гг. лишь с долей условности можно считать «украинским», как и в прежние годы это же самое движение – «русским».

Подводя итоги, можно сказать, что концепция К.К. Федевича носит во многом тенденциозный характер. Ошибочная методология и идейная заданность её автора, стремление подогнать факты под гипотезу о «Чёрной сотне» как о правом крыле украинского движения привели к тому, что всё исследование свелось к выискиванию в произвольно отобранном корпусе периодических изданий тех статей и терминов, которые можно охарактеризовать как «украинские». Поиск «украинской терминологии» настолько увлёк Федевича, что рассмотрение важнейших для понимания феномена волинского СРН социально-экономических вопросов отошло на второй план. Из его работ мы ничего не узнаём про то, кому и в каких пропорциях принадлежала земля в изучаемых регионах, какие социальные и этнические группы играли ключевую роль в той или иной экономической нише, каков был уровень грамотности населения, было ли влияние вышеперечисленных факторов на черносотенное движение в том или ином уезде, и т. д. Всё это для него второстепенно – важно лишь использование «нужных» слов и образов в прессе.

В итоге изучение действительно интересной, нестандартной и перспективной темы не дало тех результатов, которых можно было бы ожидать. Вывод о черносотенцах как о правом крыле украинского движения является совершенно несостоятельным, хотя несомненен тот факт, что многие представители социальных низов, участвовавшие в деятельности СРН, после падения монархии перешли в украинский лагерь. Но ключевым в этой «смене национальности», на наш взгляд, был всё же социальный фактор, желание получить землю и расправиться с экономическими конкурентами, а не то, сколько раз слово «Украина» было употреблено на страницах черносотенных газет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдієнко М. Виборча кампанія у Києві // Робітничка газета. 1917. 26 липня. № 94. С. 2–3.
2. Великий голод в Україні 1932–1933 років. Т. І. Свідчення очевидців для Комісії Конгресу США / Наук. ред. С.В. Кульчицкий. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. 838 с.
3. Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / Авт.-сост.

Л.Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.

4. *Галичанин*. Опасность украинского мазепинства // Волинская земля. 1913. 23 нояб. № 240. С. 2.

5. *Демченко Г.* Что день грядущий нам готовит? // Киевлянин. 1917. 23 дек. № 282. С. 1.

6. *Кальченко Т.В.* Монархическое движение в Киеве и на территории Киевской губернии (1904–1919). Историческая энциклопедия. Киев: Ин-терконтиненталь-Украина, 2014. 976 с.

7. Конец мазепинству! // Почаевский листок. 1915. 15 апр. № 15. С. 1, 3.

8. *Марголин А.* Украина и политика Антанты (Записки еврея и гражданина). Берлин: Издательство С. Ефрон, 1922. 397 с.

9. *Омельянчук И.В.* Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев: Национальный институт украинско-российских отношений, 2000. 168 с.

10. *Северянин*. Украинотоманский бред // Волинская земля. 1912. 22 мая. № 39. С. 2.

11. Славянские народы // Почаевские известия. 1909. 17 марта. № 714. С. 2.

12. Список № 7 «От православных приходов и хлеборобов» // Киевлянин. 1917. 22 декабря. № 281. С. 3.

13. *Федевич К.К., Федевич К.И.* За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархісти і український національний рух (1905–1917 роки). Київ: Критика, 2017. 308 с.

14. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України). Ф. 1175. Оп. 1. Спр. 1. Радомишльська виборча комісія по виборах до Всеросійських Установчих зборів.

15. *Шульгин В.* Земля // Киевлянин. 1919. 24 сент. № 28. С. 1.

16. *Шульгин В.* «Матушка-Русь» // Возрождение. 1927. 18 февр. № 626. С. 3.

17. *Шульгина Е.Г.* Конспект моих политических переживаний (1903–1922). М.: Фонд «Связь Эпох», 2019. 672 с.

18. Foreign News // The Reform Advocate. 1919. 18th October. № 11. P. 260.

19. Hoover Institution Archives (HIA). P.N. Vrangal Collection. Box 40. Folder

20. Сообщение «Аза» из Киева от 21 декабря 1918 г.

20. HIA. P.N. Vrangal Collection. Box 41. Folder 5. Отчет о состоянии правых и монархических организаций в Киеве.

21. *Margolin A.D.* The Jews of Eastern Europe. New York: Thomas Seltzer, 1926. 292 p.

22. *Plokhy S.* The gates of Europe: a history of Ukraine. New York: Basic Books, 2015. 460 p.

REFERENCES

1. Avdijenko, M. (1917) Viborcha kampaniya u Kiivi. *Robitnicha gazeta*. 26th July. pp. 2–3.

2. Kulchitsky, S.V. (ed.) (2008) *Velikiy golod v Ukraïni 1932–1933 rokiv* [The Great Famine in Ukraine in 1932–1933]. Vol. I. Kyiv: Kievo-Mogilyans'ka akademiya.

3. Protasov, L.G. (2014) *Vserossiyskoe Uchreditel'noe sobranie: Entsiklopediya* [All-Russian Constituent Assembly: An Encyclopedia]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
4. Galichanin. (1913) *Opasnost' ukrainskogo mazepinstva* [The danger of Ukrainian Mazepism]. *Volynskaya zemlya*. 23rd November. p. 2.
5. Demchenko, G. (1917) *Chto den' gryadushchiy nam gotovit?* [What does next day have in store for us?]. *Kievlyanin*. 23rd December. p. 1.
6. Kalchenko, T.V. (2014) *Istoricheskaya entsiklopediya* [Historical Encyclopedia]. Kyiv: Interkontinental'-Ukraina.
7. *Pochaevskiy listok*. (1915) *Konets mazepinstvu!* [The end to the Mazepism!]. 15th April. pp. 1, 3.
8. Margolin, A. (1922) *Ukraina i politika Antanty (Zapiski evreya i grazhdanina)* [Ukraine and the Politics of the Entente (Notes of a Jew and a Citizen)]. Berlin: S. Efron.
9. Omelyanchuk, I.V. (2000) *Chernosotennoe dvizhenie na territorii Ukrainy (1904–1914 gg.)* [The Black Hundred movement in Ukraine (1904–1914)]. Kyiv: National Institute of Ukrainian-Russian Relations.
10. Severyanin. (1912) *Ukrainomanskiy bred* [Ukrainoman drivel]. *Volynskaya zemlya*. 22nd May. p. 2.
11. *Pochaevskie izvestiya*. (1909) *Slavyanskije narody* [Slavic peoples]. 17th March. pp. 2.
12. *Kievlyanin*. (1917) *Spisok Nr. 7 "Ot pravoslavnykh prikhodov i khleborobov"* [List Nr. 7 "From orthodox parishes and grain growers"]. 22nd December. pp. 3.
13. Fedevich, K.K. & Fedevich, K.I. (2017) *Za Viru, Tsarya i Kobzarya. Malorosyys'ki monarkhisti i ukrains'kiy natsional'niy rukh (1905–1917 roki)* [For Faith, Tsar and Kobzar. The Little Russian Monarchists and Ukrainian National Movement (1905–1917)]. Kyiv: Kritika.
14. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO Ukraini). Fund 1175. List 1. File 1. Radomyshl Electoral Commission for the elections to the All-Russian Constituent Assembly.
15. Shulgin, V. (1919) *Zemlya* [Land]. *Kievlyanin*. 24th September. p. 1.
16. Shulgin, V. (1927) "Matushka-Rus'" ["Mother Rus'"]. *Vozrozhdenie*. 18th February. p. 3.
17. Shulgina, E.G. (2019) *Konspekt moikh politicheskikh perezhivaniy (1903–1922)* [Summary of my political experiences (1903–1922)]. Moscow: Fond "Svyaz' Epokh".
18. *The Reform Advocate*. (1919) Foreign News. 18th October. Nr. 11. p. 260.
19. Hoover Institution Archives (HIA). (1918) P.N. Vrangal Collection. Box 40. Folder 20. Message by "Az" from Kiev, 21st December 1918.
20. Hoover Institution Archives (HIA). P.N. Vrangal Collection. Box 41. Folder 5. Report on the condition of right-wing and monarchist organizations in Kiev.
21. Margolin, A.D. (1926) *The Jews of Eastern Europe*. New York: Thomas Seltzer.
22. Plokhyy, S. (2015) *The gates of Europe: a history of Ukraine*. New York: Basic Books.

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Anton A. Chemakin – Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

УДК 821.161.2Фед.09:316.473-027.63

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/12

«Я русин, я гуцул...»: етноімагологічні доміанти авторської візії Юрія Федьковича

Л.М. Ковалець¹, М.Б. Лановик², З.Б. Лановик³

¹Чернівецький національний університет ім. Ю. Федьковича

Україна, 58012, м. Чернівці, вул. М. Коцюбинського, 2

E-mail: lidijakovalets@gmail.com

^{2,3}Тернопільський національний педагогічний університет

ім. В. Гнатюка

Україна, 46027, м. Тернопіль, вул. М. Кривоноса, 2

E-mail: m-z@ukr.net

Авторське резюме

У статті досліджується, як у художньому світі автора – представника однієї нації – виникають образи інших націй. Теоретико-методологічним підґрунтям є імагологічний підхід, який забезпечує інструментарій для вивчення етнічних структур тексту. Філософсько-ідеологічну основу становлять дві теорії: національної ідентичності Е. Сміта й концепція Іншого Е. Левінаса. Проблема сприймання Іншого осмислена і на міжособистісному рівні, і на рівні міжкультурних взаємин. Теоретичні міркування апробуються на матеріалі художньої спадщини українського письменника Ю. Федьковича (1834–1888). Так увиразнюються ключові аспекти репрезентації інших етносів у контексті ідентичності автора з урахуванням культурно-історичних дискурсів літератури певного народу. Народжений у міжетнічній сім'ї в Буковинській Гуцулії, належачи до полікультурної Австрії, працюючи та відбуваючи військову службу на різних територіях Європи, спілкуючись із представниками різних етносів, Ю. Федькович зафіксував основні стереотипи сприймання представників інших націй, які розкривають специфіку міжетнічних стосунків європейських народів. Головну увагу звернено на аналіз гуцульського образу світу й домінантні образи Іншого (італійського, австрійського, німецького, молдавського / румунського, сербського, польського, єврейського, циганського Імаго). Визначальними чинниками формування образу Іншого, за Левінасом, стають ситуації свободи / поневолення, підсилені досвідом війни. Теоретичні міркування підтверджуються прикладами з художніх творів. У такому ракурсі література репрезентує міжкультурний діалог у просторі Європи і є джерелом вивчення етноімагології.

Ключові слова: Юрій Федькович, русин, гуцул, Буковинська Гуцулія, етноімагологія, Imago, Інший, ідентичність, національний образ світу, міжкультурний діалог.

«Я русин, я гуцул...»: этноимагологические доминанты авторского видения Юрия Федьковича

Л.М. Ковалец¹, М.Б. Лановик², З.Б. Лановик³

¹ Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича
Украина, 58012, г. Черновцы, ул. М. Коцюбинского, 2
E-mail: lidijakovalets@gmail.com

^{2,3} Тернопольский национальный педагогический университет
им. В. Гнатюка
Украина, 46027, г. Тернополь, ул. М. Кривоноса, 2
E-mail: m-z@ukr.net

Авторское резюме

Исследуется, как в художественном мире автора – представителя одной нации – возникают образы других наций. Теоретико-методологическим основанием является имагологический подход, который предлагает инструментарий для изучения этнических структур текста. Философско-идеологическую базу составляют две теории: национальной идентичности Э. Смита и концепция Другого Э. Левинаса. Проблема восприятия Другого осмыслена и на межличностном уровне, и на уровне межкультурных взаимоотношений. Теоретические рассуждения апробируются на материале художественного наследия украинского писателя Ю. Федьковича (1834–1888). Так, очерчиваются ключевые аспекты репрезентации других этносов в контексте идентичности автора с учётом культурно-исторических дискурсов литературы определенного народа. Рождённый в межэтнической семье в Буковинской Гуцулии, принадлежавшей поликультурной Австрии, работая и проходя воинскую службу на различных территориях Европы, общаясь с представителями различных этносов, Ю. Федькович зафиксировал основные стереотипы восприятия представителей других наций, которые раскрывают специфику межэтнических отношений европейских народов. Основное внимание обращено на анализ гуцульского образа мира и доминантных образов Другого (итальянского, австрийского, немецкого, молдавского / румынского, сербского, польского, еврейского, цыганского Imago). Определяющими факторами формирования образа Другого, согласно Левинасу, становятся ситуации

свободы / порабощения, усиленные опытом войны. Теоретические рассуждения подтверждаются примерами из художественных произведений. В таком ракурсе литература представляет межкультурный диалог в пространстве Европы и является источником изучения этноимагологии.

Ключевые слова: Юрий Федькович, русин, гуцул, Буковинская Гуцулия, этноимагология, Imago, Другой, идентичность, национальный образ мира, межкультурный диалог.

“I am a Rusin, I am a Hutsul...”: Ethnoimagological dominants of Yuriy Fedkovych’s vision

L.M. Kovalets¹, M.B. Lanovyk², Z.B. Lanovyk³

¹ Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University
2 M. Kotsubynsky Street, Chernivtsi, 58012, Ukraine
E-mail: lidijakovalets@gmail.com

^{2,3} Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University
2 M. Kryvonis Street, Ternopil, 46027, Ukraine
E-mail: m-z@ukr.net

Abstract

The article examines how images of other nations are formed in the artistic world of a writer – a representative of another nation. Employing the imagological approach with its tools for studying the ethnic structures of the text and drawing on E. Smith’s concept of the national identity and E. Levinas’s concept of the Other, the author analyses the problem of perception of the Other on the interpersonal and intercultural levels, using the artistic heritage of the Ukrainian Rusin writer Yu. Fedkovych as a case study. The article highlights the dominants in the representation of other ethnic groups in the context of the writer’s identity, taking into consideration the cultural and historical discourses of the literature of a particular nation. Born into an interethnic family in Bukovynian Hutsulia, which was part of multicultural Austria, working and doing military service in various territories of Europe, communicating with representatives of various ethnic groups, Y. Fedkovich recorded the main stereotypes in perception of other nations’ representatives, which reveal the specificity of European interethnic relations. The main attention is drawn to the analysis of the Hutsul image of the world and the dominant images of the Other (Italian, Austrian, German, Moldavian / Romanian, Serbian,

Polish, Jewish, Gypsy Imago). According to Levinas, the factors that determine the image of the Other are situations of freedom / enslavement, reinforced by the experience of war. Theoretical considerations are confirmed by examples from creative works. In this perspective, the literature represents intercultural dialogue in the European space to become a source of ethnoimagological studies.

Keywords: Yury Fedkovych, Rusin, Hutsul, Bukovynian Hutsulia, ethnoimagology, Imago, Other, identity, national image of the world, intercultural dialogue.

Сучасна постколоніальна та глобалізаційна ситуація у світі, позначена стиранням національних та етнічних меж, нівелюванням відмінностей між народами та географічними територіями, у протидії спровокувала зворотні процеси: рух за збереження ідентичностей, загострений інтерес до проблем культурних відмінностей. Це спричинило появу наукових розвідок, присвячених вивченню національних та етнічних структур, їх виявів, шляхів фіксування. Відтак з'явилися нові галузі знання, з-поміж яких вагоме місце посіла імагологія як наука творення різнокультурних образів світу (Imago – з *лат.* образ, зображення), національних картин світу, їхніх узаємних іміджів. Охопивши чи не всі суспільно-громадські та політичні сфери, ця наукова царина центрується на проблемі тексту, адже саме писемні пам'ятки здатні якнайповніше фіксувати і зберігати пам'ять про минулі модуси нації / етносу, колишні стани, зміни, які не завжди можна виявляти лише на ґрунті сучасних фактів.

Наше дослідження якраз виконане в річищі такої актуальної наукової проблематики, його метою є простежити, як у межах художнього світу автора – представника однієї нації / етносу / субетносу виникають та фіксуються в тексті етнічні атрибути своєї спільноти й національні образи інших націй. Крім імагологічного підходу, спираємось на дві філософсько-методологічні концепції, кожна з яких стала важливим внеском в оновлення й увиразнення методологічної парадигми світової науки XX–XXI ст. Перша – концепція національної ідентичності Е. Сміта [9], застосовуючи яку, братимемо до уваги ідеї щодо формування цілісного самоусвідомлення нації, різноманітних утілень власного позиціонування (культурних, психологічних, естетичних, символічних тощо) та їх віддзеркалення в текстах. Друга – концепція Іншого Е. Левінаса [3; 4], зокрема проблема сприймання Іншого не лише на міжособистісному рівні, а й на рівні міжкультурних взаємин; проблема часових зсувів у міжнаціональних стосунках, спричинених такими факторами, як війна чи поневолення. Теоретичні міркування апробовано на текстовому матеріалі – біографії та художній спадщині українського письменника і громадсько-культурного діяча Юрія

Федьковича (1834–1888) як надзвичайно показових щодо проблем етнічної самототожності й рецепції національних етносів Іншого. Підкреслимо, що, попри тривалий розвиток федьковичезнавства та його чималі досягнення, подібна методологія до характеристики цього автора досі не застосовувалась. Певною спробою звернення до заявленого підходу можна вважати хіба статтю В. Погребенника про іонаціональні мотиви в поетичній творчості буковинця [8].

Постать Федьковича обрана для спостереження невиняково: він народжений у міжетнічній та міжконфесійній сім'ї, де батько Адальберт Гординський де Федькович походив із Галицької Русі (Самбірщини) з польської (чи сполонізованої) шляхетської родини, що належала до герба «Сас»; матір Анна Гординська з роду Ганицьких репрезентувала руське православне середовище Буковинської Гуцулії. Етапами формування міжетнічного світоглядного контексту письменника виявились: навчання у двокласній німецькій школі Чернівців – середовищі представників фактично всіх земель, на яких Австрія прагнула «сповнити своє післанництво»; праця у Молдавії; понад десятирічна військова служба у Трансильванії, Італії, Австрії; перебування в Галичині; членство у Південно-Західному відділі Імператорського Російського географічного товариства; співпраця та спілкування з багатьма вченими, громадськими діячами й письменниками, чи й простими вояками, селянами – представниками різних етносів; інтимні почуття до двох жінок – польськошляхетського походження Емілії Марошані та циганки, можливо, на ім'я Цора. Володіючи п'ятьма мовами, Федькович понад усе цінував рідну буковинсько-гуцульську говірку і всіляко прагнув закріпити її в літературі¹.

Про те, що постать Федьковича разом зі своїм субетнічним контекстом творить неповторний синтез, писала вже Леся Українка. У розвідці «Писателі-русини на Буковині» (1900) вона з явним перебільшенням окреслила середовище буковинців як «замкнений, мало приступний стороннім впливам світ» [12: 273] й акцентувала, що тут живуть дуже відмінні між собою народи: русини, румуни, німці. «Племена эти слишком резко отличаются друг от друга, чтобы ассимилироваться», – зауважила письменниця в російськомовній версії дослідження, визнавши, що буковинські автори, надто Федькович, «дают интересную картину жизни всех слоев населения своего края» [11: 75].

Цілісний аналіз художньої спадщини Федьковича виявляє й особливості самоідентифікації цього автора («Я русин, я гуцул...» [15: 119], – проказує герой думи «Циганка», alter ego письменника), як виявляє і його, письменника, розуміння міжетнічних / міжнаціональних взаємин у другій половині XIX ст. на просторах Австрійської (з

1867 р. Австро-Угорської) монархії. Позаяк імагологічне дослідження передбачає картину світу спостерігача як систему координат, що фіксує погляд на інші етноси, то не можна оминати увагою домінантні риси кристалізації у Федьковича власного етнічного «Я» як виразника поглядів рідного субетносу й русинів загалом.

За даними словопоказчика мови творів Федьковича, складеному за його двотомником, етнонім «гуцул» належить до найуживаніших лексем письменника (він фіксується 136 разів [18: 44], тоді як «русин» – 7, «галичанин» – 3, «німець» – 25, «волох» – 14). На його основі постають такі похідні лексеми, як Гуцул-гори, Гуцул-край, гуцул-кобзар, Гуцул-Невір, німецькомовна версія етнічно значущого слова «гуцул» навіть була псевдонімом Федьковича.

Витворивши оригінальний, багатоаспектний міф Гуцулії, Федькович першим цілісно представив її в загальнокультурному просторі Європи. За визначенням Г. Григорієвича, «гуцул з роду, ходу, мови, думки, звичаїв і всеї поведінки» [2: 33], письменник вважав за посутнє пізнати долю своєї етнотрупи на рівні її генези. Кроками на шляху до цього стали зусилля щодо збереження зразків церковної та народнописенної культури гуцулів (збірки «Руськое весіле», «Колядник», «Наша Маланка Дністровая»).

Відкриті якраз у середині 1870-х дослідження слов'янської міфології І. Нечуя-Левицького, Кл. Ганкевича та ін. спонукали Федьковича пов'язати цей матеріал із гуцульським; до кола уваги потрапили також видані тоді ж студії про гуцулів С. Витвицького та В. Поля. Однак під враженням праць Е.-Р. Нойбауера («Оповіді з Буковини», 1869; «Нариси з історії Серетського краю», 1873) та представленої в них теорії половецького походження гуцулів Федькович приймає саме цю гіпотезу та різноплосинно інтерпретує її, надто у своїй художній довшушані. Ішлося, підкреслимо, не про достеменність поглядів на походження гуцулів, а про уявлення щодо цього, адже, за Е. Смітом, «при етнічній ідентифікації важить вигадане походження і вигадані предки» [9: 31]. Водночас зринає авторське намагання пов'язати історію Довбуша, а значить, гуцулів і зі слов'янською основою [13: 167], обидві теорії репрезентуються як набуток загальної історичної пам'яті. У «Довбуші» вже «задіяно» пряме колективне «ми» («Відколи / Ми побережіє моря Чорного / Нехали [тобто покинули] і в сих горах оселились, / То гуцул волен був» [13: 295]). Минуле оживало, навіть сакралізувалось, його суб'єктивне вираження мало оригінальну форму й ґрунтувалось зосібна й на легендарно-міфологічному образі, що поступово кристалізувався в літературі як архетип.

Драматична епопея про Довбуша постає художньою зоною відстеження чи не всієї субетнічної атрибутики гуцулів. У ній можна

«зчитати» Гуцулію від її праоснов, цей текст сприймається як «своєрідний лексикон гуцульського діалекту» [7: 45] чи «скарбниця, де збереглися перли гуцульської душі та світогляду» [6: 45]. Тут чітко простежуються язичницько-демонологічний і християнський вектори вірувань гуцулів (Довбуш зізнається воєводі-шляхтичу: «ми / По давньому звичаю праотец [тобто праотців] / Богам старим ся нашим поклоняєм» [13: 255] – і разом з тим він усвідомлює життя як «дар найкращий / Небесного отця» [13: 280]. Тут діють за «звичаєм», за «законом предків»; ось чому тут не можна порушувати присягу, кидати свого «калфу» (очільника), треба бути завжди готовим відбутися покуту і кров'ю змити образ. Ці та інші морально-етичні стереотипи діють і в стосунках гуцулів між собою, і в міжетнічних взаєминах. Тут поняття «рідний край» – не просто територія, а «гірська, дико-романтична країна», «священна територія». Так Федьковичів художній світ стає унікальним джерелом етнологічних знань про образ Гуцулії, водночас системою координат, у межах якої сприймаються й осмислюються національні образи інших етносів / націй у дихотомічних кореляціях Свій – Чужий, Свій – Інший.

Наступним кроком нашого аналізу є з'ясування, як у творчості Федьковича реалізується образ Іншого і представлено його художні репрезентації. З опертям на теорію діалогізму, передусім діалогізму міжетнічного, міжкультурного, це означає відшукати відповіді на ті питання, які письменник поставив чужим культурам, збагнути нові смислові глибини, запропоновані взаємним культурно-історичним віддзеркаленням. Як свідчать спостереження, новизна в діалозі, у взаємосприйнятті була притаманна навіть сфері стереотипних уявлень, які іноді кардинально змінювались, вона визначалась новим соціокультурним досвідом етно-Я – настроями поета в час відповідних самовиражень. В умовах чимраз активніших транскордонних відносин завдяки збільшенню емпіричного матеріалу зрозумілішими виявлялись механізми взаємодії буковинців (буковинських гуцулів) із «сусідами» й тими територіально віддаленішими спільнотами, в середовищі яких Федькович побував особисто.

Підкреслимо, що ряд контактних зон, репрезентованих письменником, був чималий: він пов'язувався із галичанами як окремою етноспільнотою та з волохами (молдаванами / румунами); сербів, словаків, угорців, італійців, австрійців Федькович відкрив для себе в час військової служби; з поляками та німцями доля зводила фактично впродовж усього життя; а ще були євреї та роми (у тогочасному лексиконі – цигани), що теж потрапили в поле зору митця, бо ті справді складали частину мультикультурного простору Гуцулії. У зв'язку з обмеженням обсягом розвідки зосередимось на найхарактерніших ідеях

Федьковичевої концепції Іншого як представника іншої території / країни, носія іншої культури.

З огляду на історичні обставини та суб'єктивні чинники лірика й ліро-епос письменника репрезентують дві художні площини, не розділені, однак, демаркаційно. Перша – рідна, ідеалізована «країна тая мила» – не сама по собі Буковина, а в уяві Федьковича локація, розпросторена й на «ляський бік», Червону Русь (Галичину) і ще ширший простір («Най Черемош запінений / І Чорний, і Білий / Із братію, із руською / Нас більше не ділить» [15: 153]). Автор вдається до символізації поки що помежованого простору через географічні маркери (Черемоша, Дністра, Дніпра), ідея майбутньої співпраці своєї культури та інших тут заґрунтована на паритетних засадах («Най загостить з того боку / На наше подвір'я / Руська щирість, а від нас знов / Православна віра / Най вернетця в Галичину» [15: 153]). Такі прагнення аж до соборницьких візій у палітрі настроїв поета займають вагоме місце, проте вони стосуються ідеального. На хвилях психологічних розчарувань поетове Я унікальній культурі Іншого – «високим церквам та препишним палатам» Львова та й навіть «золотим своїм горам» може протиставити закутину, бо тільки там воно, Я, здатне усамотнитись.

Власне, *галицький простір* суперечливий. Селянин-бойко з поеми «Дезертир» віддає в руки жандармів буковинця, втікача з австрійської армії, який поспішав сповнити свій батьківський обов'язок – нагодувати дітей, бойко діяв «з охоти, / Що дістане тільки гроший...» [15: 290]. Особливо різке морально-етичне згальблення меркантильних інтересів сягає найвищого реєстру, коли мова заходить про представників політично впливових націй на Буковині й Галичині та сферу мілітарну.

Так, фактично уже на своїй території для поета і його ліричного героя розгортається друга площина – чужинецька, але з рідними «мітками» («в Італії цвіт та цвіт / Укрив гору, укрив долину / То у бервінки, то в калину. / Бо де руська ніжка ходит, / Там бервінчик родит, / А де руська кровця кане, / Калинойов стане» [15: 147]). Головна ріка монархії – Дунай – у творчості Федьковича так само «кервава», маркована китайками чи хустинами. «Пустив свою китаєчку / Долів по Дунаю, – / Кровавую, сльозавую / До ненечки в гості» [15: 144], – зізнається герой «Новобранчика». Це своєрідні маркери, що засвідчують воєнне протистояння в добу австрійського поневолення багатьох народів. Там, на чужині, «люди не руські», вони наших людей «трутов [отрутою] напувають» [15: 136]. Важливо, що виказаний на хвилях крайнього антимілітарного страждання категоризм зорієнтований на тих, хто заправляє військовою машиною, тому він ситуативний, бо навіть у поетичній творчості як сфері емоційній, не кажучи про

прозу, урівноважується поміркованішими характеристиками Чужого.

У цій та деяких наступних характеристиках національних образів Іншого чітко відстежується ситуація, яку окреслив Е. Левінас у концепції, згідно з якою найвагомішими чинниками сприймання чужих культур стають ті, що пов'язані зі свободою / насиллям: «Війна <...> не дає можливості іншому існувати як іншому; вона ж руйнує ідентичність Тотожного» [4: 66–67]. Тим паче це стосується випадків співіснування націй у час війни в умовах багатокультурних імперій.

Показовим у цьому сенсі є етнічний образ Іншого, пов'язаний з «горячою», «кривавою», «лукавою» *Італією* передовсім як простором австро-італо-французької війни 1859 р., у якій поет брав участь. Тут і військова бравада («Кельнер-марш»), але й історично достовірні батальні сцени під Маджентою, Вероною, Кастенедоло, Сольферино, передані в дусі українського мелосу («три царове б'ються. / Ой не б'ються, але ріжуть» [15: 53]), водночас із чіткою вказівкою на жертви та наслідки.

Федькович демонструє два різні способи інтерпретації італійського культурологічного матеріалу. Поетична візія Венеції естетична, вона вмістила, крім моря, «циприсового гаю», також і дзвони з Дому Марка (тобто собору Святого Марка), «Палац Дожин [тобто дожів] з ясного мармуру» як знакові культурні пам'ятки незвичайного міста, а ще закономірні для нічної пори плач «гітари», закохану пару й збірний образ людей – «стружених, бідних», яким серце посилає бажання «мирного спочинку» («Сонні мари») [15: 13–14].

У Федьковича-прозаїка з його характерним зумисне простонародним типом оповідача Венеція відповідна такому сприйняттю: «церкви препишні то й не сказати», «двір величезний, якісь-то Дожі колись-то пересиджували чи що» («Таліянка») [14: 85]. У цих та подібних картинах втілюється Левінасова ідея тотожності загальнолюдського. Географічний і психічний простір постають у зв'язку, естетичні картини мовби цілком заступили собою тривожні передчуття небезпеки. Така єдність характерна і для іншого імагологічного тексту Федьковича, написаного вже по військовій службі, але ніби за гарячими італійськими враженнями. Йдеться про своєрідну ліричну перлину «Баркарола», «італійську» навіть на лексичному рівні: своєрідні «словесні сузір'я» творять ніби смислові стержні тексту: «лідо леліє», «у сріблі люни лягуна мріє. / А гондоліре краший Аполля / Пустився барков долів до моря», «Дождів чертоги», «Ріальта», «сеніора», «саго тіо», «мадонна» і т. п. [15: 365].

Якщо зважати на ґендерні, соціальні аспекти вибору персонажів, то це (як центральні) молоді жінки, що репрезентують інокультурну традицію, та наші вояки-русини, закономірні для молодості любовні пари.

У «Пісні молодецькій» після кривавої січі кілька наших вояків допомагали «гробарам побитих ховати <...>. Було їх, мабуть, сот з п'ять – і наших, і французів, і таліянів» [14: 115]. Невідома дівчина-таліянка, що гірко оплакувала свого братчика, запала в серце капралові Саганюку («цілий світ, мабуть, забув, дивлячись на волошку» [14: 116]). Буковинський парубок, вмираючи в Італії від кривавих ран, чує голос флюяри («Флюяра»): рідна культура вписується в інокультурний світ і стає ніби його часткою. Тож межі між Своїм та Чужим можуть бути плінними, інша в культурному та й соціальному аспекті група перестає бути чужою для Я, котре виявляється майже Своїм, тим паче, якщо ця група не пов'язана з війною чи насиллям.

Коли один і той самий національний образ сприймається як втілення то простору свободи, то території примусу, це призводить до появи протилежних *Imago*. Така закономірність простежується в інтерпретації Федьковичем образу *Австрії* – і як держави давньої європейської культури, і як виразника імперських інтересів. Художнє ж трактування такого матеріалу загалом зводиться до інтерпретації образу Відня і доволі неоднозначне, психологічно виправдане: від помірковано-поблажливого до різко заперечувального. Такою є рецепція законослухняного громадянина, який високу культуру Іншого сприймав за зразок, через свою німецькомовну творчість звідуював потребу прилучення до європейської традиції, заодно сподіваючись, що Габсбурги сповнять і на окраїнах монархії свою культурну місію. Водночас високий рівень етнічної самосвідомості диктував письменникові іншу лінію поведінки – як протистояння, опору.

Звідси – й готовність загинути за «Цісаря, Бога і Батьківщину», дуже наївно-тенденційна, спрощена сцена про перебування буковинських хлопців-жовнірів у Відні «коло самого цісаря» в «Пісні молодецькій» («Так-то нам уже добре там було! Пани пхають нам, було, гроші та цигари силов у кишені» [14: 115]). З безперечної симпатії до *німецького* – й ідеалізований образ німця, жандарма Тоні Тайвера (повість «Три як рідні брати»), вочевидь одного з найманців до австрійської армії. «Я аж з тої великої Німеччини» [14: 129], – без найменшого акценту каже він ліричному героєві, який з гуцулів. Більше того, Тайвер буковинське прийняв вище за своє: «Я <...> той руський край, та ті руські люде так полюбив, що і не сказати. У вас, каже, так якось сердечно, звичайно, красно; а у нас, на тій нашій Німеччині, холодно якось, нудно» [14: 136]. Синдром німця, людини, яка зазвичай вище ставила інтереси власної країни, у Федьковича теж представлено згідно з реалізацією художнього задуму.

І протилежний підхід демонструє поет у ліриці й ліро-епосі, присвячених захистові прав свого народу. Рідна людність уже висунула

захисника – Лук'яна Кобилицю як депутата до австрійського сойму, тож через його сприйняття постає цісарський Відень, у якому його господар метафорично спрimitизований («сидить на стільчику / Та в картах ся грає» [15: 168]). Федькович не дає описів «чужого» Відня чи Відня як культурно-історичного центру – це простір «без образу», як не пропонує експліцитних характеристик образу цісаря як Чужого. У цьому буковинсько-гуцульському наративі зафіксувалося власне розуміння ситуації, розвинута етнонаціональна свідомість конкретного Я.

Антицісарський мотив постає як антимілітаристський, опірність насиллю має криваву природу: кілька персонажів різних Федьковичевих творів, будучи жовнірами, кінчають життя самогубством саме у Відні, закривавляючи цісарську браму – як цісарський оплот – своєю кров'ю. Кров тут – маркер. Але у стосунку до цісарської брами вона не атрибут жертвоприношення героїв із їх явним комплексом жертви і не символ помсти, а радше символ страждання або ж навіть етнічного образу, етнічної єдності, етнічної вдачі [17: 127–131]. Австрійський славіст А. Волдан, аналізуючи ці твори, дійшов висновку, що саме Федьковичева «критика австрійської армії досягла найвищої точки серед українських авторів» [1: 122].

Національні образи Іншого, з яким можливе мирне, не пов'язане з досвідом насилля чи війни співіснування, вибудовують ту модель, у якій, за Е. Левінасом, «людське виявляє себе у взаєминах, які не є владою» [4: 16], тому відбувається цілковите «олюднення Іншого» [4: 39].

Ставлення Федьковича до **Молдавії** та молдаван / румунів, іменованих архаїчним для ХІХ ст. словом «волохи», визначали як власні спостереження, так і гетеростереотип: соціокультурна близькість пояснювалась, крім «сусідства», тривалою належністю Буковини до Молдавського князівства й іншими чинниками – від однакової конфесійності (православ'я) до схожості побуту, зовнішності, рис характеру. У своїх відомих рядках «Буковино, Волощино, / Мамко моя, ненько...» [15: 171] поет задекларував оцю самосвідомість колективного етнічного Я. На переконання В. Топорова, «народження, відкриття, пізнання такого Я майже неминуче передбачає відкриття іншого, передовсім найближчого сусіда в “етносі”» [10: 8–9]. Лірика поета («Ruine Nyamz» («Руїни Нямцу»), «Ніч у Яссах») фіксує урбаністичні картини, сповнені як шанобливих згадок про зятявлені з молодості пам'ятки старовини, так і характерні людські обличчя і навіть пісенні інтонації, власну реакцію на них («Які ж то красні співанки в Молдаві» [15: 55]). В поемі «Волошин» тема кохання постала в «міжнаціональному» ключі: історія почуттів заможної української дівчини Катерини і бідного волоського парубка Манолія «набуває концептуального характеру»

[8: 237], дарма що узалежнена від соціальних факторів. У «Волошині» багато іномовного лексичного матеріалу: закохані вивчають мову одне одного, досягаючи взаємопізнання. Виявляється, мова Іншого може легко ставати своєю, якщо вона звучить в унісон із мовою серця.

У прозі Федьковича («Штефан Славич», «Хто винен?») світ волохів соціально-побутовий. Жовнірові та його побратимам, командированим у волоське село для приборкання бунтівливих настроїв місцевих жителів, відкривається й естетика селянського побуту волохів, їх надзвичайна працьовитість («Хата красна, нова, білена, попід стелю образи премудрі, а все браними рушниками позапинані, стіни коверцями оббиті, а стіл та ослони усе мальовані» [14: 56–57]), і гостинність цих людей («старий [волох] дозирає нас, як свої діти, а найдуше вже тішився, що ми знали по-волоски» [14: 55]). До того ж волохам притаманна емоційність і темпераментність (тема кохання Зоїці та буковинського вояка).

Молдавський мотив закономірно фігурує в трагедії «Хмельницький», бо є частиною історії гетьмана. Посланець молдавського господаря, звертаючись за допомогою до українського очільника, зізнається: «Ви ж предсе [тобто все-таки] вже не раз нас ратували / І вашу кров козацку розсипали / За ту Мольдову бідну» [13: 312]. І така підтримка надається знов, хоча й коштує життя сина Хмельницького Тимоша, одруженого з молдавською господарівною.

Етнотип *серба* в уявленнях Федьковича ще з юності був оповитий симпатією. Свою роль тут зіграла лектура, тема боротьби балканських слов'ян проти турецького поневолення, активно порушувана, зокрема, німецькими й польськими авторами. Тож балади «Празник у Такові», «Сербські ваї», «Die Palmenfest zu Takow» («Цвітна неділя в Такові»), новела «Сафат Зінич» містять імагологічно значущу інформацію, яка вже на рубежі XIX–XX ст. активно транслювалась у суспільну свідомість українства. За О. Маковеєм, перший із творів чи не найбільше відомий у Галичині «з-поміж поезій Федьковича, бо вже від сорок років... знаходиться у шкільних читанках – мабуть, нема учителя, котрий би не завдавав єї ученикам вивчитись напам'ять» [5: 2].

Подія, зображена тут, стосується сербського національного повстання проти турецького гніту, що відбулось у т. зв. «цвітну неділю» 1815 р. Історичні маркери означено точно, і на них указують не стільки згадки про «Марка ясена» (тобто Марка Кралєвіча) та Кару Дьордія, борців ще з попередніх епох, чи згадки про «диби та кайдани», що дістались від «бісурменів», і навіть не плач матері-Сербії, скільки діяння теперішнього ватажка Милоша Обреновича. У творі постають одразу два образи Іншого – серба і турка, збройний діалог цих сторін. Читач же виявляється свідком концептуалізованого зображення національного

характеру сербів як людей терплячих, але й здатних до самоопанування, рішучих, героїчних та непохитних. У цвітну неділю у храмі на освяченні лози (сербською «ваїв») вони категорично заявляють: «Нині мем вмирати, / Або розбієм турка кайданами» [15: 101] – і «кождий стає рицарем, кождий з левом рідний». У творі актуалізується образ сербської церкви як місця формування національної самосвідомості, а також образ сербської фани (прапора) як символу давньої історії та культури сербів, сам владику вручає Обреновичу переховувану у храмі фану, благословляючи справу визволення народу.

Навіть вибір такого матеріалу є промовистим, як і твір «Сафат Зінич» зі своїм сербським мотивом. Ніби киваючи в бік Сербії, герой-жовнір уже на початку зазначає: «Туда ситні краі [тобто заможні], не такі, як у нас» [14: 94]. Федькович дає зрозуміти, наскільки можуть різнитися стосунки Своїх зі Своїми і Нас із Ними. Вони – це бідна вдова з донькою; буковинських хлопців, австрійських жовнірів, що квартирували у них, ті мали за рідних («І хліб нам був оден...»). Але це і зухвалий сербинчук Янко, що кинув своє кохання – безталанну вдовину доньку, взявши іншу, багату. Імагологічна проблема стосунків суб'єкта з етноспільнотою розв'язується у новелістичному ключі: Янко з Іншого стає Чужим, навіть Ворогом, розправа з ним Зінича не є етнічним протистоянням.

Психологічно складним виявилось ставлення Федьковича до образу *поляка*, точніше – ляха (як запримітила російська дослідниця С. Філюшкіна, «образ ляха водночас і вужчий, і виразніший, ніж поляка» [16: 147]). Далась узнаки небажана генеалогія батька, що суперечила демократичній самоідентифікації автора; до того ж поет був під впливом української народної традиції, Шевченкового трактування, де образ ляха з огляду на соціально-історичні, конфесійні причини фігурував як негативний, хоч неоднозначний.

Федькович-поет зовсім не торкався «ляського» питання, обмежуючись тільки лаконічно-згущеними, зате частими інсинуаціями на зразок: «Ляхи замучили...». Тож лях асоціюється з жорстокістю і постає образом ворога. Водночас письменник на різних рівнях пробує переосмислити старе кліше образу. Так, польськошляхетське походження своєї «Пері серця» Федькович старанно замовчує, дихотомія «панна та й циганка» створюється за різними критеріями. В поемі «Пуга» жовнір-поляк з'являється саме під «узагальненою» назвою, він промовляє польською і є майже своєю людиною: вони з ліричним героєм в одному становищі.

Більше того, у другій половині життя Федькович бере на себе місію ніби урівноважувати давні непорозуміння, засвідчуючи тим самим зміни в художній свідомості щодо окресленого питання. Отримавши

від поляків грамоту, згідно з якою гуцулам повертається воля, Довбуш із однойменної п'єси пророкує всім інше майбуття: «ангіль той / Благий, небесний [ідеться про мир] ме віднині вже / Витати меж ляхом и гуцулом» [13: 264]. Хмельницький у трагедії з гіркотою сприймає незгоди з Польщею, йому здається, що це єзуїти навчили поляків «на брата рідного кайдан сажати» [13: 332] і що страждання випадають також на долю цього Іншого: «Мені тя жаль, о польський народ» [13: 292]. І вже зовсім неприховано такі думки висловлено наприкінці життя в оповіданні «Панич»: «Ляхи, помимо сказавши, не є злі люди <...>. Лялась козацка і ляцка кров по цілій святій Руси ні во честь та ні во славу як козакам, так і ляхам» [13: 200]. Так стереотип завдяки Федьковичу втрачав силу. Про безпосередній діалог не йшлося, але прагнення порозуміння було, як і намагання критично оцінити позицію свого етносу в контексті теми.

«Люди без батьківщини» – *цигани* та *євреї* – в персонифікації письменника також посідають своє місце, визначене як стереотипами, так і особливостями індивідуальності автора. Федьковичеві цигани, точніше, циганки символізують волю, життя за незвіданими законами серця. У підтекстах, навіть у текстах прониклива емоція поета звернена до молододі незнайомки, яка, попри свою наївність, здатна була безвідмовно ділити з ним душевну самоту. Цигани постають носіями магічного знання, і ця їхня здатність така потужна, що допомагає пізнати власний етногенез, закорінений, мовляв, у єгипетській культурі (старий, як світ, Морган у драмі «Довбуш»). Вони язичники, однак життя у просторі іншої (християнської) традиції спонукає їх шанобливо віддавати і їй данину. «А про душу ж не гадаєш, / Про Бога святого?» [15: 163] – прямо запитує стара циганка засліплену почуттям дівчину, яка хоче приворожити милого.

Цигани у Федьковича – незрівнянні музики, але й добрі ремісники. За своїм соціальним статусом вони ближчі до простих русинів, ніж євреї, ведуть з русинами-гуцулами невпинний діалог, залишаючись, однак, маргіналами.

Інша річ – *євреї* (жиди), невіддільні від життя громади як корчмарі, лихварі, комерсанти. На перший погляд, вони статичні, є радше «функцією та символом, а не особою» (Г. Грабович). Позбавлені властивого циганам чару, Федьковичеві євреї підприємливі, хитрі, але не карикатурні. Вони засвоїли мову гуцулів, проте і свою демонструють бодай на рівні питомих «вей мір», «г'евалт», «ніроке». Власне, це той етнос, що йде на контакт з усіма. На це працює і статус сільського шинку, надто в зимову пору місця прихистку всіх охочих та локації неймовірних історій. У «веселій повісточці» «Чудатий кінь» «корчма була широка, але доста тепла, бо жид топив у великій кафльовій грубі як день, так

ніч» [14: 448]. Водночас село здатне іноді рішуче вказати Морткам, Мошкам Цьвокам (коли вони переходять межу) на їхнє місце: «А ти що собі гадаєш, пейсо? – що твоя кров ліпша, як того бідного жовняра, що він ю за свого цісаря проливає» [14: 47]. І цей категоризм не є антисемітським настроєм: персонаж «Люби – згуби» після того, як «стрітив Лейбину Анницю і став, поговорив трошки, пожартував, ущипнув зо двічі», відчув, як «попустило трохи з серця» [14: 22].

Втім, Федькович не дивився на єврейство «безособово». У ранній маловідомій новелі «Der Renegat» воно через образ головного героя Вернера трактується як синонім і шляхетної гордості, і нескazanного страдництва. Служачи в австрійській армії, Вернер носить тягар спогадів про родинне, інтимне, міжконфесійне буття – тягар настільки великий, що його несила пережити. Тож історія, виказана друзям по військовій службі – іншій (в етнічному сенсі) спільноті, справедливо розрахована на її розуміння, – так само діалог культур, ще одне підтвердження, наскільки велику роль відіграє для євреїв категорія «віри».

Імагологічний аналіз творів Федьковича пропонує сталі моделі сприймання й інтерпретації національних образів Іншого в їхній культурно-історичній конкретиці в системі координат русина і гуцула, якому доводиться співіснувати з цим Іншим у спільному геополітичному, етнографічному просторі. Творчість при всій її умовності репрезентує цілісну авторську позицію у ставленні письменника до Своїх та Інших, зумовлену, може, не стільки традицією, скільки пережитим досвідом у реальному житті та високим рівнем конкретної етносамосвідомості. Це ставлення загалом толерантне там, де воно пов'язане з людськими історіями й узгоджується з високими ціннісними принципами реципієнта, і негативне, якщо стосується війни / насильства. Отож, у другій половині XIX ст. «чужий світ» для русина, представника гуцульського субетносу, зовсім не видавався «terra incognita», а був площиною інтенсивних зустрічей, узаємовпливів, до участі в яких він, реципієнт, був безпосередньо причетний. Висновки підтверджують результативність запропонованого підходу, зокрема й щодо залучення художніх текстів для увиразнення історико-етнографічних оцінок та моделей, особливо стосовного давнього минулого, вияви якого ці тексти фіксують.

ПРИМІТКА

1. Докладніше див. монографію Л. Ковалець «Юрій Федькович. Історія розвитку творчої індивідуальності письменника» (Київ, 2011).

ЛІТЕРАТУРА

1. Волдан А. Австрія у дзеркалі української літератури. Сліди кризь століття // Пам'ять століть. 1996. № 1. С. 120–124.
2. Григорієвич Г. [Осип Федькович. Некролог] // Зоря. 1888. Ч. 2. С. 33–35.
3. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Универс. книга, 2000. 416 с.
4. Левінас Е. Між нами. Дослідження думки-про-іншого. Київ: Дух і літера: Задруга, 1999. 312 с.
5. Маковей О. З робітні поета. Замітки про Федьковичеві поеми «Киртчалі» і «Празник у Такові» // Руслан. 1912. Ч. 65. С. 2.
6. М[ихайло] Р[удницький]. Великий гуцул: у 40-ліття смерті О.Ю. Федьковича // Календар «Просвіти» на рік 1929. Річник 51. Львів, 1928. С. 64–69.
7. Павличко Д. Поет лицарської гідності і правди // Павличко Д. Біля мужнього світла: літ-крит. ст., спогади, виступи. Київ: Рад. письменник, 1988. С. 34–47.
8. Погребенник Ф. Інонаціональні мотиви поезії Юрія Федьковича // Українознавство. 2004. № 3–4. С. 236–239.
9. Сміт Е. Національна ідентичність. Київ: Основи, 1994. 223 с.
10. Топоров В. Образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в средние века (Сб. тезисов). М., 1990. С. 4–14.
11. Українка Леся. Малорусские писатели на Буковине // Збір. творів: у 12 т. Київ: Наукова думка, 1977. Т. 8. С. 62–75.
12. Українка Леся. Писателі-русини на Буковині // Збір. творів: у 12 т. Київ: Наукова думка, 1977. Т. 8. С. 273–281.
13. Федькович О.Ю. Писання / перше повн. і крит. вид. Львів: 3 друк. НТШ, 1906. Т. 3, ч. 1 «А»: Драм. твори. XVII, 455 с.
14. Федькович О.Ю. Писання / Перше повн. і крит. вид. Львів: 3 друк. НТШ, 1902. Т. 2: Повісті й оповідання. X, 495 с.
15. Федькович О.Ю. Писання / Перше повн. і крит. вид. Львів: 3 друк. НТШ, 1902. Т. 1: Поезії. XII, 783 с.
16. Филюшкина С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4. С. 141–155.
17. Чеснов Я.В. Лекции по истории этнологии. М.: Гардарики, 1998. 400 с.
18. Юрій Федькович. Словопоказчик мови творів письменника / Гол. ред. К. М. Лук'янюк. Чернівці: Місто, 2004. 188 с.

REFERENCES

1. Voldan, A. (1996) Avstriya u dzerkali ukrains'koï literaturi. Slidi kriz' stolittya [Austria in the mirror of Ukrainian literature. Traces through the centuries]. *Pam'yat' stolit'*. 1. pp. 120–124.
2. Grygorijevych, G. (1888) [Osip Fed'kovich. Nekrolog] [Osyp Fed'kovych. Obutuary]. *Zorya*. 2. pp. 33–35.

3. Levinas, E. (2000) *Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe* [Totality and Infinity: An Essay on Exteriority]. Translated from French. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

4. Levinas, E. (1999) *Mizh nami. Doslidzhennyya dumki-pro-inshogo* [Between us. Research of opinion-about-another]. Translated from French. Kyiv: Dukh i litera: Zadruga.

5. Makovey, O. (1912) Z robitni poeta. Zamitki pro Fed'kovichevi poemi "Kirtchali" i "Praznik u Takovi" [From the poet's office. Notes on Fedkovych's poems "Kirtchali" and "Holiday in Takovo"]. *Ruslan*. 65. p. 2.

6. R[udnitskiy], M. (1928) Velikiy gutsul: u 40-littya smerti O.Yu. Fed'kovicha [The Great Hutsul: on the 40th anniversary of the death of O.Yu. Fedkovych]. *Kalendar "Prosviti" na rik 1929*. 51. pp. 64–69.

7. Pavlichko, D. (1988) *Bilya muzhn'ogo svitla* [Near the courageous light]. Kyiv: Rad. pis'mennik.

8. Pogrebennik, F. (2004) Inonatsional'ni motivi poezii Yuriya Fed'kovicha [Other national motives in Yuri Fedkovych's poetry]. *Ukraїnoznavstvo*. 3–4. pp. 236–239.

9. Smith, E. (1994) *Natsional'na identichnist'* [National identity]. Translated from English. Kyiv: Osnovi.

10. Toporov, V. (1990) Obraz "sosedu" v stanovlenii etnicheskogo samosoznaniya (rusko-litovskaya perspektiva) [The image of a "neighbor" in the formation of ethnic identity (Russian-Lithuanian perspective)]. In: Litavrin, G.G. (ed.) *Slavyane i ikh sosedi. Etno-psikhologicheskiiy stereotip v srednie veka* [Slavs and their neighbors. Ethno-psychological stereotype in the Middle Ages]. Moscow: RAS.

11. Ukrainka, L. (1977a) *Zibr. tvoriv: u 12 t.* [Collected works: in 12 vols]. Vol. 8. Kyiv: Naukova dumka. pp. 62–75.

12. Ukrainka, L. (1977b) *Zibr. tvoriv: u 12 t.* [Collected works: in 12 vols]. Vol. 8. Kyiv: Naukova dumka. pp. 273–281.

13. Fedkovych, O. (1906) *Pisanya* [Writings]. Vol. 3(1). Lviv: NTSh.

14. Fedkovych, O. (1902a) *Pisanya* [Writings]. Vol. 2. Lviv: NTSh.

15. Fedkovych, O. (1902b) *Pisanya* [Writings]. Vol. 1. Lviv: NTSh.

16. Filyushkina, S. (2005) Natsional'nyy stereotip v massovom soznanii i literature (opyt issledovatel'skogo podkhoda) [National stereotype in mass consciousness and literature (experience of research approach)]. *Logos*. 4. pp. 141–155.

17. Chesnov, Ya.V. (1998) *Leksii po istorii etnologii* [Lectures on the history of ethnology]. Moscow: Gardarika.

18. Lukyanyuk, K.M. (ed.) (2004) *Yuriy Fed'kovich. Slovpokazhchik movi tvoriv pis'mennika* [Yury Fedkovych. The word index of the language of the writer's works]. Chernivtsi: Misto.

Ковалец Лидия Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры украинской литературы Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича (Украина).

Ковалець Лідія Михайлівна – доктор філологічних наук, доцент, професор кафедри української літератури Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича (Україна).

Lidija M. Kovalets – Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine).

E-mail: lidijakovalets@gmail.com

Лановик Марьяна Богдановна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики украинской и всемирной литературы Тернопольского национального педагогического университета им. В. Гнатюка (Украина).

Лановик Мар'яна Богданівна – доктор філологічних наук, професор кафедри теорії і методики української та світової літератури Тернопільського національного педагогічного університету ім. В. Гнатюка (Україна).

Mariana B. Lanovyk – Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: m-z@ukr.net.

Лановик Зоряна Богдановна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики украинской и всемирной литературы Тернопольского национального педагогического университета им. В. Гнатюка (Украина).

Лановик Зоряна Богданівна – доктор філологічних наук, професор кафедри теорії і методики української та світової літератури Тернопільського національного педагогічного університету ім. В. Гнатюка (Україна).

Zoriana B. Lanovyk – Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: m-z@ukr.net

УДК 81'42, 81'282.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/13

Речевой портрет жителя трансграничного региона (русско-белорусское взаимодействие)*

С.В. Волошина¹, Т.А. Демешкина², М.А. Толстова³

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: vsv1304@yandex.ru

² E-mail: demeta@rambler.ru

³ E-mail: tolstova_11@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается проблематика, связанная с выявлением русско-белорусского взаимодействия в речи языковой личности, относящейся к билингам. С применением метода лингвистического портретирования анализируются вербально-семантический, тезаурусный (когнитивный) и мотивационный уровни, выявляются причины утраты информантом одного из языков и способы сохранения своей принадлежности к белорусской культуре. Описывается речевая специфика, обусловленная длительным проживанием языковой личности в трансграничном регионе, характеризующемся признаками дискретности и многослойности.

Ключевые слова: речевой портрет, лингвоперсонология, Сибирь, трансграничный регион, культура, самоидентичность, русско-белорусское взаимодействие.

* Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Speech portrait of a resident of a cross-border region (Russian-Belarusian interaction)*

S.V. Voloshina¹, T.A. Demeshkina², M.A. Tolstova³

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: vsv1304@yandex.ru

² E-mail: demeta@rambler.ru

³ E-mail: tolstova_11@mail.ru

Abstract

The article deals with the problems related to the Russian-Belarusian interaction in the speech of a bilingual linguistic personality. Using the method of linguistic portraiture, the authors analyze the verbal-semantic, thesaurus (cognitive) and motivational levels and identify the reasons for the informant's loss of one of the languages and ways of preserving their belonging to the Belarusian culture. The article describes the specificity of speech that has formed due a linguistic personality's long-term residence in a discrete and multilayered transboundary region.

Keywords: verbal portrait, linguopersonology, Siberia, cross-border region, culture, self-identity, Russian-Belarusian interaction.

Сибирь – территория с особыми климатическими условиями, уникальной историей, это трансграничный регион, сложившийся в результате длительных внешних и внутренних миграций, вынужденных и добровольных переселений, взаимодействия мигрантов между собой и с коренными народами.

Мы рассматриваем трансграничный регион как исторически сложившуюся территорию, которая в течение длительного времени существовала в по-, между- и надграничных состояниях и в настоящее время сохраняет их следы в инфраструктуре, средствах жизнеобеспечения, социально-правовых нормах, менталитете и языке населения; ключевым признаком трансграничного пространства является его «многослойность» [11]. Применительно к Сибири это качество отражается в сложно составленной языковой, культурной палитре региона с отличиями в картинах мира населения, проживающего в

* This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project Nr 0721-2020-0042.

прилегающих к основным транспортным магистралям и удаленных от них районах [11].

С одной стороны, трансграничность региона определяется его географическим положением, историей и полиэтничностью. С другой стороны, история региона и его культурные, климатические особенности, трансграничные характеристики влияют на жителей Сибири, определяя их мировосприятие, специфику речи и жизненный уклад.

Цель данного исследования – создание фрагмента речевого портрета жительницы села Мельниково Шегарского района Томской области Загребиной Марии Аверьяновны, рожденной в Белоруссии и прожившей большую часть жизни в Сибири: описание особенностей речи информанта, выявление степени влияния на неё черт белорусского языка, факторов, повлиявших на формирование идентичности, обусловленных проживанием в трансграничном регионе, а также выявление в речи информанта ценностно маркированных представлений об окружающем мире.

Материалом анализа являются устные рассказы информанта, записанные авторами статьи (С.В. Волошиной и М.А. Толстой) во время диалектологических экспедиций в село Мельниково в период с 2018 по 2020 г.

Выбор села для обследования определяется несколькими факторами:

1. Историей. Это одно из старожильческих сел Томской области [32], которое было основано в 1782 г. [13]. «Документы переписи 1926 года указывают на еще более раннюю дату возникновения деревни Мельниково на реке Мундрове – 1616 г.» [30: 94]. С 1938 г. с. Мельниково – райцентр Шегарского района.

2. Географическим положением и развитой транспортной сетью. Село расположено в 64 км к западу от Томска. «В селе Мельниково сходятся автотрассы федерального значения, ведущие в Новосибирскую область и далее на Алтай, в с. Бакчар, Парабель, г. Кедровый, Колпашево, с. Каргасок, а также в г. Томск с выходом на Транссибирскую ж.-д. магистраль» [31: 915].

3. Наличием представителей разных типов речевой культуры (диалектоносителей, носителей литературного языка, просторечия). Село Мельниково Шегарского района Томской области – традиционное место для диалектологических экспедиций, осуществляемых сотрудниками и студентами филологического факультета Томского государственного университета с 1946 г. по настоящее время. Оно находится наряду со многими другими населёнными пунктами Томской области на территории распространения русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Ранее диалектологи записывали речь

жителей села, являющихся диалектоносителями, но записи последних лет показали, что чистых носителей среднеобского диалекта осталось немного и что село является многослойным в языковом отношении. В настоящее время записывается речь не только диалектоносителей, но и носителей литературного языка, просторечия и информантов, в речи которых наблюдается взаимодействие названных вариантов русского языка. Языковая ситуация, сложившаяся в данном селе, соответствует общей тенденции, наметившейся в сёлах и в малых городах России. Её можно охарактеризовать как переходную от диалекта к литературному языку. Исследователи предлагают выделять региональный вариант литературного языка, при этом отмечая, что «между диалектом и региональным вариантом литературного языка существуют переходные формы с большим или меньшим количеством диалектных черт – смешанные типы речи, в которых представлены, кроме фонетических, и грамматические диалектные признаки» [5: 16]. Кроме того, исследователи отмечают существование людей, которые в равной мере владеют и говором, и литературным языком и используют их в зависимости от ситуации [5: 14].

4. Полиэтничность. В селе проживают люди разных национальностей и культур: современные мигранты из Китая и Средней Азии, сельские жители и городское население – дачники и т. д., потомки местного населения и ссыльных немцев, эстонцев, латышей, корейцев, белорусов, а также добровольных переселенцев. На протяжении всей истории существования села происходит миграция населения. «В 19 веке территория современного Шегарского района представляла собой противоречивую картину. С одной стороны – несметное природное богатство, население более зажиточное, чем в европейской части, с другой – это был край чиновничьего своеволия, ссылок и каторги. В результате принудительной политики заселения Богородская волость (прежнее название Шегарского района. – С.В., Т.Д., М.Т.) была самым густонаселенным местом среди других районов Томской области. 150 лет назад здесь проживало около 10 000 человек, и треть из них – ссыльные» [30: 3]. Согласно данным переписи 2010 г., в с. Мельниково насчитывалось 8 914 чел.¹

Выбор информанта обусловлен тем, что М.А. Загребина является носителем белорусской и русской культур, добровольным переселенцем в Сибирь, имеющим опыт миграции, проживания в разных регионах страны (СССР), сохраняющим в речи черты белорусского и русского языков, литературного языка, просторечия и диалектной речи.

Шегарский район стал одной из тех сибирских территорий, куда на рубеже XIX–XX вв. белорусы активно переселялись по причине бедности и малоземелья. Как отмечает В.Ю. Корнева, «с конца XIX в. пере-

мещения белорусов с их этнической территории приобрели массовый характер. С 1885 по 1914 г., по неполным данным, только в Сибирь из Витебской, Минской, Могилевской, Виленской и Гродненской губерний переселилось около 550 тыс. белорусов» [21: 233].

Поскольку переселение белорусов в Сибирь имело массовый характер, процессы их заселения на сибирской территории, адаптация, сохранение и утрата идентичности, языка, культуры и т. п. стали объектом исследования разных наук. «В последние двадцать лет история и культура белорусов Сибири активно изучается фольклористикой, этнографией, исторической демографией, историей заселения и освоения Сибири, историческим краеведением, широкое развитие получили биографические исследования. При этом основной интерес современных исследователей сосредоточивается на изучении, прежде всего, культурных традиций белорусского народа» [20: 57]. В фокусе внимания учёных находится комплекс проблем, связанных с функционированием фольклорно-этнографических традиций в пространстве и времени, межкультурных взаимодействий и трансформаций элементов материальной и духовной культуры белорусских крестьян-переселенцев Сибири XIX–XX вв. [2].

В данной работе объектом изучения является речь представителя русской и белорусской культуры, проанализированная в аспекте лингвоперсонологии с применением метода речевого портретирования.

Речевое портретирование – метод, активно используемый в лингвоперсонологии, подразумевающий «описание особенностей речи индивида с опорой на доступные для наблюдения факты, позволяющее составить общее представление об его идиолекте» [17]. Самым распространенным в исследованиях, по мнению Е.В. Иванцовой, является фрагментарный тип речевого портрета, который предполагает характеристику ярких речевых особенностей изучаемой языковой личности [16: 128].

Объектами речевого портретирования являются журналисты [29], политики [8; 12], студенты [23], блогеры [34], персонажи художественных произведений [28; 33] и др.

В последние годы активно создаются речевые портреты жителей деревень, сёл, посёлков городского типа [6; 7; 15; 24; 35] и т. п. Появляются речевые портреты сельских жителей, являющихся носителями двух культур: русской и украинской [3], русской и китайской [9], русской и белорусской [25] и др.

Как отмечает Е.В. Иванцова, фрагментарные речевые портреты диалектоносителей «опираются на разный по объёму материал – от двух-трех до 10–15 часов записи устной речи; иногда в качестве источника используются также письменные тексты» [17].

Для создания речевого портрета М.А. Загребинной используются записи только устной речи. С информантом было проведено четыре беседы, общая длительность звучания записей составляет около 6 часов. Первая запись речи М.А. Загребинной была произведена на выставке декоративно-прикладного творчества в Краеведческом музее Шегарского района в селе Мельниково 20 марта 2018 г., последующие три записи сделаны у информанта дома.

Ю.Н. Караулов выделяет три уровня структуры языковой личности: вербально-семантический, тезаурусный (когнитивный), мотивационный (прагматический) [18], которые мы учитываем в данном исследовании. При создании речевого портрета М.А. Загребинной соединяются элементы нескольких вариантов портретирования: *социолингвистического*, при котором центральное место занимает поурусное описание языковой системы информанта, рассматриваются отдельные особенности его речевого поведения, приводятся биографические сведения об информанте, выделяются индивидуальные особенности речи и черты, характерные для той или иной социальной группы; *коммуникативного*, в центр анализа при котором выдвигается речевое поведение информанта – используемые коммуникативные стратегии, набор речевых жанров [16: 124–132].

Таким образом, фрагмент речевого портрета М.А. Загребинной формируется через рассмотрение и анализ следующих составляющих: 1) биография информанта, жанровая квалификация исследуемого материала, выявление набора наиболее распространённых жанров речи в дискурсе языковой личности; 2) вербально-семантический уровень: описание ярких фактов разных уровней языковой системы – фонетических, лексических, морфологических, синтаксических особенностей; 3) тезаурусный (когнитивный) уровень: рассмотрение в структуре языковой личности системы знаний о мире, ценностей, воплощенных в концептах, фреймах, схемах [18]; 4) мотивационный (прагматический) уровень: выявление коммуникативных потребностей, реализующихся в мотивах, целях речевой деятельности информанта, описание коммуникативных стратегий, используемых информантом.

1. Биография информанта, жанровая квалификация исследуемого материала. Мария Аверьяновна Загребина, жительница села Мельниково, родилась в 1937 г. в Белоруссии, в деревне Гойков (в настоящее время не существует) Чериковского района Могилёвской области. После Великой Отечественной войны вместе с семьей переехала в Казахстан (*В Усть-Каменогорск у нас уехали, в опшеш, как тебе сказать, брат после армии, он в десантной части служил, и его по комсомольской путёвке в Усть-Каменогорск отправили туда, Мишу. А*

он женился же до армии. Жена и дочь жили у моих родителей эти три года, пока он служил. А когда он по комсомольской путёвке в Усть-Каменогорск поехал, получил там квартиру, и он приехал и забрал жену с ребёнком туда. Ну а потом, когда уже папа умер, маму Миша забрал сюда. Мама там, значит, и я туда переехала), затем в Россию – в Удмуртию, потом снова в Казахстан (и вот когда я в декрет пошла, мы поехали в Удмуртию, там первую доченьку и родила. Кончился декрет, вернувшись), а в мае 1962 г. переехала к сестре в Сибирь, в Шегарский район Томской области.

Мария Аверьяновна окончила семь классов, затем училась 6 месяцев в училище, по окончании которого работала на стройке штукатуром-маляром.

Из рассказов Марии Аверьяновны мы узнаем о её тяжёлом детстве, об особенностях жизни в военное время (...партизаны уже здесь построили нам землянку, и в этой землянке были полаты у нас. На эти полатах снопы нажали мы, из травы, с осоки на реке нажали мы. Снопы были вместо подушек. И вот головы в эту сторону и в эту сторону, на эти подушки на мягкие. А ноги в одну сторону и другую сторону. Вот так мы спали. Железная печка стоит, как сейчас помню. Мы с Галей голые, чёрной мазью какой-то намажемся. Ну что? И вши, и часотка. А брат и папа по пояс намажутся. Мы возле печки стоим, чтобы впитывалось. Потом уже, когда всё тихо стало, всё отстроили, везде всё, начали дом строить. <...> Если надо, замарались, это постирать, значить на заднице сидим, ждём, пока это высохнет. Вши мало того, что в голове, и в одежде были вши. Вот снимаем с себя одежонку, на чурочку кладём шов, молоточком колотим, как конопля вши хрустят. Потом пошоркали, опять одели. Такое наше детство было. Начали прясть, на веретёжке пряли. До дырок. На этом пальце уже появится ранка. Этот палец тряпочкой замотаешь, другой. Пока этот заживает, там уже. Вот что мы направили, то соткали. Что соткали, то сшили. Такое у нас было детство. На полях работали старики, дети. Детства не было. Дом строили. Маме полосу дают жать вот рожь, ячмень, пшеницу, всё это и мне сажень. Мне сажень два метра, и мне к маминной полосе. И я жну), о гибели брата под Оршей в первые месяцы войны, о другом брате-лётчике, самолёт которого был сбит во время войны, о деревне, сожжённой в годы Великой Отечественной войны²: Ну вот война кончилась, мне было 8 лет. Я как сейчас помню. Последний год я никогда не забуду. Я вот военное кино если посмотрю, мне, девчонки, всё вспоминается. У меня тогда в глазах всё стоит. И я не могу уснуть. Я эту ночь тогда не сплю, если я военное кино посмотрю. У нас же в деревне даже сарая не осталось. Всё, всё уничтожили...; Когда наших гнали немцы, когда они отступали,

они горящими снарядами всё уничтожали. Ничего не осталось, даже сарая. И когда уже последние отступали, деревню сожгли. Деревню сожгли всю, вот даже, знаешь, под яблоньками в колхозном саду снопы стояли, кучечки, даже вот этими горящими снарядами уничтожили, даже яблоньки погорели. Вот эти кучки, уничтожали снопы эти даже, горели. Ничего не осталось!

В период проживания в Белоруссии М.А. Загребина владела двумя языками: по словам информанта, в семье и при обучении в школе использовались белорусский и русский языки: *[А когда вы дома с родителями жили, вы на каком языке говорили?] Ну на каком? Ну и русский, и белорусский, получается у нас. Даже вот мы у школе учились, у кого русские учебники, у кого белорусские <...> есть и русские, и белорусские уроки у нас. Вот литература – русский предмет, значит, есть устный и письменный. По два раза в неделю. Два устных, два письменных. Два русских, и два белорусских, и два немецких. Русский, белорусский и немецкий. Три языка мы изучали.* Можно отметить, что М.А. Загребина сформировалась как билингв в раннем детстве и в юности, что квалифицируется исследователями как ранний билингвизм, билингвизм от рождения [14: 43].

У Марии Аверьяновны были дети: две дочери (1961 г. р. и 1965 г. р.) и сын (1967 г. р.), в живых к настоящему времени осталась только одна дочь. Про мужа Мария Аверьяновна рассказывает редко: *Муж пил, так приходилось подолгу не работать, работаем, поживём, пока ничё не пьёт, всё хорошо, больше года он нигде не мог работать. Как запьёт, так его уволят. Уволят, а голова-то умная была, только горло дыравое. Поедет, его на работу сразу берут. Квартиру получит... и мы поехали, а маленькие дети были, я всю жизнь с ним ездила, больше года мы нигде не жили. Я уже у меня первая доченька в школу пошла, я ездить перестала.*

Смена места жительства (переезд из Белоруссии), оторванность от языковой среды способствовали утрате черт белорусского языка и закреплению в качестве активного русского языка. Мария Аверьяновна перестала активно использовать белорусский язык, но она его понимает и может говорить на нём в зависимости от коммуникативной ситуации. В Сибири работала почтальоном, затем телеграфистом, использовала русский язык в устной и письменной форме. Учитывая знание и степень употребительности языков, можно отметить, что информант принадлежит к билингвальному типу языковой личности и в настоящее время демонстрирует проявление нереализуемого билингвизма [14: 41].

С 1992 г. М.А. Загребина на пенсии, ветеран труда. Сейчас воспитывает двух правнуков, помогает внукам.

В жанровом отношении записанный материал характеризуется разнообразием. Речевые фрагменты-монологи представляют собой следующие речевые жанры:

– Воспоминание:

Четыре года мне было, война началась. Помню, как немцы к нам, 4 года не помню, а последний год как сейчас помню. Уже 8 лет было. И я как сейчас помню. Немцы приезжают в нашу деревню, на мотоцикле или на машинах, на мотоциклах даже ездили. Против дома останавливается машина, бегут немцы в дом: «Матка, млыко, яйко», млыко, млыко, яйко, спрашивают молока и яичек, русь солдат – русский солдат есть или нет, и подполом проверють, и в бане проверють, везде усё проверяли, чтоб партизаны не быть. Партизаны в лесу находились. Придут, наши родители накормят, переоденут, помогут.

– Автобиографический рассказ:

В Сибирь я приехала... Ну в 25 лет я стала мама. А в 45 я стала бабушкой. Вот значит в 25 я приехала сюда в Сибирь. В декабре я родила дочь. А в мае на следующий год мы сюда переехали.

– Бытовой рассказ:

У меня здесь внук порядок наводил. Ванну переделал. Видите, как переделал. Стоял здесь чёрный, страшный. Шкаф убрал, бойлер повесил. Сразу стало и шире, и светлее. Так хорошо прямо. Унитаз заменил, раковину заменил. Всё здесь заменил. И под ванной закрыл, чтобы грехи не было видать. У меня такой внучок.

(А воды горячей у вас нет, получается?) Кода отопление есть, мы с батареи берём. А всё равно, хоть бери, не бери, а вышшытывали отопление, и горячая вода с мойкой, и утилизация, всё вышшытывают. Брал, не брал, а всё равно вышшытывали. И у меня внучка прописана, вышшытывают за двоих. Мойка и утилизация. За мусор за двоих, утилизация, горячая водой с мойкой и канализация, всё я плачу за двоих, раз она прописана.

– Рассказ о случае:

Один раз понесла я масло это сдавать... несу, а это было весной и снег таял, в дороге лужа стоит, воды – надо обходить, а обходить надо – лес рядом. И вот я стою и думаю, как в лес идти сворачивать, по грязи же не пойдёшь босиком. Выскакиват.... Вот я стою на этой стороне, а волки на той стороне этой лужи играют. У меня волосы дыбом. Стояла я, напугалась. А потом палочку взяла и по чашке давай стучать. Волки убежали. Они же в лес убежали. Как я буду обходить?! Мне пришлось чуть не по колено по грязи шагать по полю. В лес я не могла пойти, раз я волков видела. Что только я не видела – ужас!

Выделяются в речи Марии Аверьяновны фрагменты, повторяющиеся в большинстве записей, которые, как представляется, можно

квалифицировать как рассказы-пластинки. Это повествования «о каком-либо событии, всякий раз воспроизводимые в более-менее устойчивом виде» [4: 26]. «Форма таких рассказов выверена и многократно отточена, хотя и допускает некоторое варьирование в зависимости от адресата или субъективных факторов» [19: 44–45]. Для таких рассказов, по мнению исследователей, характерна установка на юмор, шутку, языковую игру [4; 19]. Вместе с тем М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова отмечают, что, «видимо, можно говорить и о других жанровых разновидностях многократно репродуцируемых текстов, для которых характерна иная, более «серьёзная» коммуникативная установка рассказчика. Это обычно рассказы о драматических эпизодах семейной истории (болезнь, пожар и т. п.), рассказы притчевого характера и др. Их собирание и жанровая интерпретация – задача будущего» [19: 45]. В речи М.А. Загребинной встречаются рассказы-пластинки о глобальных исторических событиях: об уничтожении деревни в годы Великой Отечественной войны, о братьях, которые погибли в военное время, о помощи партизанам: *Даже помню один раз машина остановилась возле нашего дома, а партизан был у комнате. Мама только переодела, посадила исть, и машина останавливается, меня ему, этому партизану, на руки даёт мама: «Говори, называй папа!». На пороге берёт, мы выходим на улицу, на скамеечке сидим, я его обнимаю: «Папа, папа», раз просьба такая. А они побегали, русь солдат поискали, и в подполе, и везде заглянули, нигде нету, они уехали, слава богу, партизану; а также о том, как в детстве она училась вышивать, как подарила экспонаты краеведческому музею Шегарского района: *У меня вот этот внучок, который всё делает, во второй или третий класс ходил. И возле колхоза здесь деревянный был музей, небольшой. Их со школы водили в музей. Вот он приходит ко мне, а я ешшо жила на Пионерской. Приходит: «Баба, у тебя столько вышитых наволок, а в музее подушка без наволки, подари ты им». Ну вот я тогда унесла на подушку наволку, две дорожки вышитых, одну на койку постелили, одну на стенку, полотенце – икона висела голая, без полотенца. И вот я на это, на божничку салфеточку постелила, полотенце повесила, две дорожки и наволку унесла.**

2. Вербально-семантический уровень. Анализ аудиозаписей показал, что в речи М.А. Загребинной проявляются особенности на фонетическом, словообразовательном, лексическом и грамматическом уровнях.

Так, к **фонетическим** особенностям, обусловленным в т. ч. влиянием белорусского языка, относятся следующие:

– аканье: *Так надо на п[а]лях работать. Вот мы были ешшо после в[а]йны, к[а]да были п[а]дростками, маленькие ешшо;*

– твёрдый звук [ч], что обусловлено влиянием белорусского языка: *У меня же две вну[ч]ки. Одной вот нон[ч]е будет тридцать пять, а второй тридцать девять;*

– непоследовательно, редко проявляется твердый звук [р], что также является чертой белорусского языка, в котором нет звука [р']: *Уволют, а голова-то умная была, только горло ды[ра]вое.* Редко встречающийся твердый [р] на месте [р'] объясняется тем, что для северо-восточных белорусских говоров, которые являются родными для информанта, характерно различие твердости-мягкости [р] и [р'] как двух разных фонем в противопоставление неразличению их и наличию одной фонемы [р] на всей основной белорусской языковой территории [22: 189];

– непоследовательное использование *ў* (у неслогового) и параллельное употребление *в* в аналогичных позициях: *Ваня тоже у нас ў Москве, в Подмоскowie жил, работал лётчиком и вот его на войну забрали Ваню; И вот они поехали ў Венгрию и уже в мирное время, уже после войны, и их там в столовой отравили; Ну и вот эта лошадь, шшастье моё было, что рядом было болото. Я в кусты побежала. И то – с пяток кроў, с головы кроў. Тяжело было;*

– непоследовательно проявляется фрикативное произношение «г» – [ґ] наряду с «г» взрывным: *Могилевская область, Чириковский район и деревня [ґ]ойков;*

– долгие твердые шипящие, что может быть вызвано воздействием старожильческих говоров Среднего Приобья [26: 20]: *У меня шшас вся радость – правнуки; Тот настояшший рисунок несёт, этот – помазок; Вот была женишина и мушшина и пять девочек; Помню, на первом этаже, маленькие внуки когда у неё были, а я иду, старший кричит, ташишу или яблоко, или чё-нибудь; А когда я рашшитываться буду?; А себе, вот так большие эти брёвны тоже по размеру, задок и передок с телеги соединяли, всей семьёй впрягаемся и ташим;*

– в некоторых случаях проявляется стяжение гласных: *А Серёжа как раз частну квартиру снимал; кирпишну кладку до окошка уже склали;*

– редко используется конечный [с'] на месте [с'т']: *И вот мы учились, шшесь месяцев по-моему учились, потом практика у нас была;*

– отличное от литературной нормы ударение в некоторых словах: *...вот как от нашего дома до больницы вот такое расстояние до кладбища, ну больше километра; А потом, когда в Усть-Каменогорск переехал, Миша по комсомольской путёвке, забрал туда семью; Костёр мама разлѳжила в огороде, чугунок картошки закипает, песенки запели, обрадовались; Сколько было полотенцев, я пораздала людям; Она мне зубами голову пробила и копытáми, ноги-то были связаны*

у неё, она **копытáми** мне пятки отбила; По **снегу́**, по **снегу́** босиком ходили в школу.

Таким образом, на фонетическом уровне в речи отчётливо проявляются черты влияния белорусского языка.

На **словообразовательном уровне** яркой чертой является использование информантом суффиксов субъективной оценки, передающих семантику ласкательности, уменьшительности, позитивную оценку окружающей действительности: *Самолёт летит, я подскочила, **окопчик** был у нас такой, там яма и по **ступенечкам** туда; У них было двое **ребятишек**; Это вот просто такой у меня **узорчик**; Вот **василёчки**; У меня весной уже свои **курочки** пошли, и уже **курочка** сядет, и **цыплятки** с ей выведутся; Вот, как сейчас помню, мы с ней взяли белой ткани и, ну как, **ниточку, петелькой** сделали и **карандашик**, и кругом вот так вот круглую ткань сделали с Верой; Раньше мне всё сын делал. А теперь мне **Серёженька – внучок**. С ноября ему 34-й год идёт. Такой у меня мальчик! **Серёженька!** Вот он моё **солнышко** (показывает фотографию). 34 годика.*

Насыщенность речи деминутивами характеризует Марию Аверьяновну как человека эмоционального, позитивно воспринимающего и оценивающего разные стороны своего существования (предметы быта, растения, животные, дети). Мария Аверьяновна – человек высокой внутренней культуры, при прощании она всегда использует этикетную формулу: *Будьте здоровеньки!*

На **лексическом уровне** отмечается использование:

– разговорных, просторечных слов: *Ну и **видать**, **ихний** руководитель ешшо с ними; Помню как сейчас, пришла я к Витальке знакомиться, а... мне и говорит: «Ой, тебя, Маша, такой мальчишка **шебутной**, вам тяжело достанется, он минуты не сидит»; И, представьте, как **штукатурить**!? Камни-то в себя не впитывают. **Помаленечку** надо кидать; Война кончилась, я ешшо **соплячка** была – десять лет;*

– диалектных слов, относящихся к русским старожильческим говорам Среднего Приобья: *вечёрка, горбушка, исть, наволка, накидушка, найти (=родить), саженка и др.: Вышивки – это праздничная одежда. (А на какие праздники надевали?) Хоть на танцы, хоть на **вечёрку**; Вот, она вот здесь внизу сидит в очках, а сверху её сын и дочь. У меня над головой это старший правнук, а маленький вон у папы на **горбушке** сидит; Мама только передела, посадила **исть**, и машина останавливается...; И вот она фактически эта **накидушка** «Анютини глазки», все четыре угла и середина вышита, а они застелили на телевизор, получается как будто бы четыре уголка; И вот я на это, на божничку салфеточку постелила, полотенце повесила, две дорожки и **наволку***

унесла; А в мае в 62-м я в Сибирь приехала. А уже двоих потом здесь **нашла**: сына и дочь; Даже помню, у нас **саженка** была возле леса, так в **саженке** отмачивали, а потом сушили, а потом уже только делали эти нитки. И вот в **саженках** у нас помню рыбки водились, раки были. [А саженьки – это что такое?] Это яма выкопанная и в ней вода какая-то такая. Там и рыбы жили, недалеко от речки;

– образных единиц: Уволют, а голова-то умная была, только **горло дыравое**; Если я не буду делать, тогда **что попало будет в голове летать**;

– топонима *Белоруссия*, который возникает достаточно часто в речи М.А. Загребинной, что свидетельствует об осознании постоянной связи со своей исконной Родиной. Топоним возникает в текстах определенной тематики и речевого жанра. В первую очередь, это рассказы о прошлом: воспоминания о детстве (школа), рассказы о родственниках, которые похоронены в Белоруссии, это сохранившаяся национальная тематика вышивки, рефлексия по поводу фактов белорусского языка, функционирования его отдельных элементов при осознании своей национальной идентичности (*я белоруска*).

Таким образом, речь информанта содержит лексику разной системной принадлежности (литературной, просторечной, диалектной). Лексика белорусского языка не входит в активный словарный запас информанта и не находит отражения в естественной коммуникации. Вместе с тем знание лексики белорусского языка проявляется в определенных коммуникативных ситуациях, порождающих метаязыковые высказывания различного типа (*бурак, бульба* и др.). Более подробно см. в разделе Тезаурусный (когнитивный) уровень.

Морфологический уровень характеризуется такими чертами, как:

– использование у глаголов II спряжения в форме 3 л. мн. ч. окончаний -ут/-ют: *И вот они на юбилей мне приходят; Если что-то попросют, обязательно; Папа с мамой в лесу по размеру брёвнышки все пилют*, в чём, на наш взгляд, проявляется влияние родного для М.А. Загребинной северо-восточного диалекта белорусского языка, для которого характерно безударное окончание 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения -уць: *хóдзюць, вóзюць, нóсюць* [22: 185];

– последовательное употребление глагольных форм с постфиксом -ся, что также можно квалифицировать как влияние белорусского языка, в котором возвратные глаголы образуются при помощи постфикса -ся; постфикс -сь, по данным грамматики белорусского языка (1985 г.), в современном языке не является литературной нормой и употребляется только в стихотворной речи для создания рифмы [1: 156]: *Не пугайтесь!; Она в декабре родилась в 61-м; «Баба, ты же устала, ложись»;* *Осталась одна вот эта вот*;

– проявление в речи личного местоимения 3 л. мн. ч. *оне* (=они), что, как представляется, обусловлено влиянием сибирских говоров [26: 166]: *Работают оне все здесь, в центре, на бывшем маслозаводе.*

Отмеченные черты проявляются в речи М.А. Загребинной последовательно во всех коммуникативных ситуациях.

На синтаксическом уровне речь М.А. Загребинной характеризуется отсутствием заполнителей пауз, последовательным изложением, логичностью, отсутствием отступлений.

Наиболее яркими синтаксическими особенностями являются следующие:

– наличие большого количества сложных предложений с разными видами связи: *Даже помню, у нас саженька была возле леса, так в саженьке отмачивали, а потом сушили, а потом уже только делали эти нитки; И вот Нина, кода после Германии вернулась, она меня к золовке домработницей взяла в город, а так с колхоза же не отпускали;*

– разнообразие сложноподчиненных предложений с разными типами придаточных: *Кода забирали все вещи, эта начальник, или директор, кто она там, подошла, попросила с анютиными глазками; Маленько, ну как сказать, недели две всего я у брата пожила, в той комнате, где у мамы койка была;*

– на текстовом уровне наблюдается параллелизм повествования: *Что нарядём, то и соткём. Что соткали, то и на себя одели; У кого русский учебник, он на русском языке отвечает. У кого белорусский – на белорусском; Ну в 25 лет я стала мама. А в 45 я стала бабушкой. Вот значит в 25 я приехала сюда в Сибирь. В декабре я родила дочь. А в мае на следующий год мы сюда переехали;*

– наличие полных, распространённых предложений: *Мы – мальчишки, девчонки за поводок лошадь ведём по борозде, а сзади дедушка какой-то старенький за плугом идёт; Даже уже кода' в школу мы ходили, идём ў школу, с собой корзинку несём.*

Отмеченные черты свидетельствуют о высоком уровне владения информантом письменной формой русского литературного языка и о переносе этой формы в устную речь.

3. Тезаурусный (когнитивный) уровень. Особенности этого уровня обнаруживаются в тематической, содержательной стороне исследуемого материала. Имеющийся в распоряжении авторов статьи материал ограничен тематикой бесед, заданной диалектологами, что затрудняет анализ когнитивного уровня и выявление полного тематического спектра бесед. Вместе с тем, наряду с проведением тематических, сфокусированных интервью с информантом были проведены нефокусированные интервью, диалоги по различной тематике, что позволило выявить тематические доминанты в речи языковой личности: значи-

тельное место в речи Марии Аверьяновны отводится воспоминаниям о войне, семье, о родных местах, а также рассказам о работе и об увлечении рукоделием, прежде всего вышивкой: *Детства не было. Дом строили. Маме полосу дают жать вот рожь, ячмень, пшеницу, всё это и мне сажень. Мне сажень два метра, и мне к маминой полосе. И я жну. А огороды садили колхозные, даже раньше кормовая свекла была. Сахарную свеклу садили. От неё же, из этой сахарной свеклы, и сахар делали.... Редьку, всякую... на полях садили. И идём – мама с тяпкой и мы с тяпкой. И вот эту траву, что мы полем, мы всю в мешках носили домой, в огороде сушили траву к зиме, чтоб коровку прокормить. На полях там, где в лесу найдём поляночка там где-то, так за лето два-три раза косили, чтобы её принести домой. А на реке... серпами жали, а потом мешками носили домой сушить...; Прясь, вышивать я стала с малого детства, потому что у нас была война, у нас ничего не осталось. В чём мы были, в том и остались. Учились прясь. Что нарядём, то и соткём. Что соткали, то и на себя одели. Ну а потом я стала прятаться в огороде... Которы мама нитки нарядёт, этих ниток... где-то кусочек тряпочки найду и в огороде спрячусь, учусь вышивать. Не получается – я это, распушшу, опять... И вот так вот и стала вышивать. Сначала пряла, одевались, а вот потом и вышивать стала.*

Часто в повествовании появляются термины родства. У М.А. Загребинной хорошая память, она помнит все даты рождения и смерти родственников, возраст всех членов семьи и друзей, поэтому в речи высокочастотными являются числительные и слова, называющие отрезки времени: *И вот этой дочи, от сына сын, и от той дочери дочь. В Томске они живут. Маму и сына (уточняет) папу схоронила я их. Дочери было 43, было. Сыночке было 45. Щас бы уже Оле было бы 57 нынче. Её доченьке 37 лет. В Томске живёт. Вон маааленькая у меня была Алёнушка, теперь ей уже 37. А от сына сын. В 45 лет сына схоронила. Щас бы уже 52 было бы;*

В Белоруссию я ездила, уже мне 41 год был, на могилке побыли. Сестра у меня там в Белоруссии, на 13 лет меня старше которая, жила. А теперь у меня никого нету. Тогда я, в Белоруссии сестра, которая на 13 лет старше;

Вот, мне это сейчас 81, Вере было бы сейчас уже, ещё 5, 95 бы уже было ей сейчас. В 75 она умерла. Потом так, 20 апреля Веру схоронили в Белоруссии, и в Нелюбино сестра младшая, на 2 года меня моложе, третьего мая умерла. В течение двух недель и старшая, и младшая;

В декабре я родила дочь. А в мае на следующий год мы сюда переехали; И 27-го мы ездили, 27 сентября, а у меня как раз 27-го подруга была именинница. Утром в полвосьмого мы к райкому пошли. Не могу же я её в 7 часов поднимать поздравлять.

Подобные воспоминания и точная датировка событий, на наш взгляд, подчеркивают значимость предмета речи для информанта, а также позволяют и самому информанту структурировать свою жизнь, автобиографические воспоминания. Неслучайным представляется постоянное воспроизведение и почти дословное предъявление исследователям этой информации в разных аудиозаписях: это инструмент самоосознания, самоидентичности, закрепления себя в мире.

Мария Аверьяновна Загребина занимается вышивкой, сохраняя в том числе технику и узоры, которые освоила в детстве. Она училась вышивать с ранних лет. Сначала это было в большей степени не увлечением, а необходимостью в связи с отсутствием многих элементарных вещей, предметов: *Прясть, вышивать я стала с малого детства, потому что у нас была война, у нас ничего не осталось. В чем мы были, в том и остались. Вот учились прясть. Что напрядем, соткём. Что наткали, то и на себя надели.*

Вышивка была необходима и потому, что она применялась для украшения полотенец, одежды, скатертей, наволочек и т. п., выступавших обязательной частью повседневного быта: *На иконы обязательно надо было, полотенца вышивали... Это вот было, я не знаю, как закон. Я вот помню в моей молодости, в Белоруссии я жила, зайти в дом, если не было иконы, даже между окошками, как вот свои дома, между окошками висит рамка с фотографиями, и на этой рамке обязательно полотенце висит. Обязательно на рамках полотенца были. И вот эти вышивки кругом были всё, и на стол, и вот на комод даже было, и везде-везде. И на телевизор даже были вышивки. А сейчас, видите, и некуда вешать. Раньше ведь телевизоров не было. Снаряжали всё. А сейчас?! Это вот на телевизор, теперь мы не пользуемся, не вешаем. Вот василёчки;*

Это украшение в доме – вышивки. Но только, как тебе сказать, спать мы не спали на вышитых навалках. Внизу была наволка обыкновенная. На ночь вышитую снимаешь и спишь на простой.

Несмотря на миграцию (переезды в Казахстан, Удмуртию, Сибирь), М.А. Загребина сохраняла традицию вышивания везде, где она жила. Она выступает хранителем традиционной и повседневной культуры и её транслятором: *Даже у меня были задержушки на окошке вышитые. Внучкам в городе на окошко вешала; В музее мою тот раз накидушечку оставили, там так она и осталась теперь. Кода забирали все вещи, эта начальник, или директор, кто она там, подошла, попросила с анютиными глазками. Вот, в газетке. Вот; Мария Аверьяновна обучала детей из многодетной семьи вышивке: Я учила, там у одной женщины было шестеро приёмных детей: три мальчика и три девочки. Я ходила к ним, вела кружок. В виде кружка. Она бывшая учи-*

тельница, на 10 лет меня моложе. Мне вот 81, а ей 71. И вот я к ней хожу. <...>. Вобщишем 7–8 детей постоянно было у меня на занятии. Учила их вязать, вышивать и вот эти кружки учила. В сентябре 2018 г. М.А. Загребина в составе коллектива «Дружба» ездила в соседние деревни для обмена опытом.

Информант хранит вышитые предметы как семейную реликвию: *А это берегу – мамина память. Мама пряла нитки, мама ткала вот это полотно, мама вышивала, и мама кружево вязала.*

Впоследствии Мария Аверьяновна, несмотря на то, что жила уже не в Белоруссии, старалась в своих работах сохранять всё, что связано с родными местами: *Это белорусский танец крыжачок танцуют в березовой роще парень с девушкой. Вот, видишь, чё, и фартук у неё вышитый, у него рубашка, вот всё это вышито; В Белоруссии у нас была мода тогда. Вот это всё вышитое. И кофта у неё, и фартук вышитый, мужики – рубашки вышитые, вот видите, на рукавах, внизу, на груди – это всё вышитое. Вышивки носили и мужики, и женщины(ы)-ны постоянно. Постоянно. У нас как белорусская, наверное, белорусская мода, выходит. Все как только праздник какой, все только в вышивках.* Тематика работ, техника, которой М.А. Загребина научилась в детстве, свидетельствуют о сохранении самобытности, идентичности, вышивка позволяла ей адаптироваться к новым условиям, сохранять в себе всё, что близко ей, является родным, напоминающим родину: *Я отвлекалась вышивкой и забывала, что даже не ела. И так вот всю жизнь с вышивкой и пробыла. С одной стороны, вышивка – это средство конструирования идентичности, с другой – хобби и средство своего рода терапии: Просто вышивкой, как сказать, я, можно сказать, что лечилась. Такая жизнь была, что если ничего не делать, мы с ума сойдём от безделья. А я когда что-то делаю, у нас же все нервы в пальчиках. Мы же сами себя успокаиваем. И пользу сделаем, и себя лечим.*

Вышивка является средством визуализации белорусской национальной культуры, она отражает элементы традиционной моды (В Белоруссии у нас была мода всегда), танцевальные традиции (крыжачок).

Вышивка для Марии Аверьяновны (в определенные периоды её жизни) представляла материальную ценность, являлась одним из средств к существованию: *Даже в Белоруссии, я как сейчас помню, с одной женщиной, она не умела вышивать, немка она была. Она вышивать не умела. А мы как раз переехали на другое место. А всегда, знаете, когда на новое место переезжаешь, чего-то нету. И вот мы вдвоём ходили к ней. И она не любила запах свежего мяса, а гусей, уток, кур держала. А осенью надо всех колоть, она свежего запаху не могла. И вот я всё ходила ей куриц этих чишу. Вышивала я ей всё, а она мне тогда за зиму надавала. Я пока я ей вышивала да курочек этих обраба-*

тывала, она мне надавала гусей десяточек, курочек. У меня весной уже свои курочки пошли, и уже курочка сядет, и цыплятки с ей выведутся.

Вместе с тем в речи М.А. Загребинной отмечаются трансформации декоративно-прикладного искусства в связи с социально-экономическими факторами.

С появлением в магазинах одежды и домашней утвари исчезла необходимость шить, вышивать, изменилась цена на материалы: *Даже помню, придём с работы с девчонками, в общежитии жили, я сажусь вышиваю, а они поели – и на кровать. Потом: «Маша, да ты ещё не ела, на работу же надо идти»; На то время это было дорого. А сейчас ничего не стоит. А сейчас, можно сказать, толком никто и не вышивает.*

В связи с определенными событиями, социальными тенденциями расширяется тематика вышивки. В вышивке отражаются мотивы, традиции, культура самых разных народов мира: это и Испания (*Кармен*), и Индия (*индийка с кувшином*), Китай (техника вышивания). Вышивка – это способ освоения информантом другой культуры, вхождения его в разные мировые культуры: (показывает на вышитую картину) *А вот это Кармен. Раньше пудра, одеколоны, мыло, всё было «Кармен», вот такие вот были рисунки. А вот та индийка наверху с кувшином сидит. Раньше же канвы не было, нитки выдёргивали, крестики чтобы вышивать, а как будешь вышивать?; А там индийка. Ну как, берёшь, покупаешь на бумажке рисунок, и там написано «Индийка на берегу с кувшином сидит». Пошла за водой, видишь, и сидит, ждёт. Чего она ждёт?*

Благодаря распространению разных материалов, миграцией и знакомству с другими техниками Мария Аверьяновна освоила технику вышивки китайской гладью: *Вот китайской гладью. Так же вот как подушечка. Ну здесь сначала я чёрными нитками всё это вышшываю, делаю кубики, а потом уже заполняю.*

Интерьер современных домов и квартир не подразумевает постоянного наличия скатертей на столах, вышитых наволочек на подушках и покрывал на кровати, накомодников и т.д.: *Раньше же все застилали, а сейчас что?! Столы стоят, скатертью застилать не надо. У меня вот одна скатерть вышитая, а вторая выбитая.*

Возрастные особенности оказывают влияние на творчество. М.А. Загребина с сожалением говорит о невозможности сейчас вышивать продолжительное время: *Сейчас-то мне не видать, а раньше раздолье было; А я сейчас раз вышивать не могу, не могу уже, не вижу, так я стараюсь, кружки вяжу.*

Вместе с традиционным декоративно-прикладным искусством и техниками жители с. Мельниково, участники клуба «Дружба» осваива-

ют и новые посредством интернета. Там они знакомятся со схемами, учатся делать игрушки. Осваивают скрапбукинг и новый вид вышивки – алмазную вышивку.

Представители старшего поколения сетуют на забвение молодежью традиций. Хотя М.А. Загребина отмечает, что когда она переехала в Сибирь, то никто из её новых друзей не умел вышивать: *Да в основном из моих друзей никто вышивать не умеет, всем вышивала я. Как только они как увидели, и тут мне вышей, и тут мне вышей.*

Привезённое декоративно-прикладное искусство как сохраняет свои черты, так и переживает трансформации, связанные с социальными, экономическими, демографическими причинами. Оно выполняет утилитарную, эстетическую, психотерапевтическую функции в жизни информанта, является средством визуализации элементов родной (белорусской) культуры.

Таким образом, ценностно обусловленными для Марии Аверьяновны выступают понятия родных мест, семьи, анализ материала показывает особую выделенность воспоминаний о войне и рассказов о вышивке.

4. Мотивационный (прагматический) уровень – наиболее сложный для описания, поскольку он требует определения коммуникативных потребностей информанта, коммуникативных стратегий.

С Марией Аверьяновной авторы статьи познакомились на выставке в Краеведческом музее Шегарского района, где она представляла результаты вышивания. Речь информанта – инструмент конструирования самоидентичности. То, что выбрала Мария Аверьяновна для повествования, показывает, что для неё было важно поделиться именно этой информацией, и отражает её восприятие исследователей.

Рассказывая о своей жизни в прошлом и настоящем, уделяя много внимания событиям из жизни семьи, Мария Аверьяновна через эти жизненные этапы и социальные роли идентифицирует себя с точки зрения возраста: *мама, бабушка, прабабушка: Ну в 25 лет я стала мама. А в 45 я стала бабушкой; В нашем доме есть только одна старше меня. Вот Киселёва Мария Васильевна. Она самая старшая. А за ней уже иду я. Вот нас с ней по десять лет, в мае будет нам по одиннадцать лет. И обе майские. Ешшо вот соседка была жива, на тринадцать лет меня моложе. Пять лет уже как умерла. Так мы все были. Я 19 мая, Мария Васильевна 20, а эта была 21. Мы всё смеялись – как загудим.*

В самоидентификации по национальному признаку информант демонстрирует двойственное осознание своей этнической принадлежности. При знакомстве М.А. Загребина многое рассказала о войне, о своей семье. Первым стало высказывание, отражающее её

национальную самоидентификацию: *Я же белоруска.*

В то же время при дальнейших встречах Мария Аверьяновна определяла себя как сибирячку: *54 года я уже в Сибири живу. Я уже сибирячка настоящая стала. В Белоруссию, если бы кто-то был, я бы съездила, но там никого нету. К кому ехать. Приедешь, может быть там и никого нету, кого я хоть маленько во сне видела. Шшас же там никого нету. [А по-белорусски вы не говорите сейчас ни с кем?] А с кем будешь говорить? Да я уже и не умею [А когда вы сюда переехали, вам здесь понравилось?] Так теперь и умирать буду. Больше никуда.*

Прожив основную часть жизни в Сибири, М.А. Загребина осознаёт себя причастной к местному населению. Показательно, что, как и многие жители Сибири, Мария Аверьяновна идентифицирует себя не как *русская*, в противопоставлении к *белоруска*, а именно как *сибирячка* [10]. Этот факт согласуется с наблюдением о том, что, «идентифицируя себя с метаэтнической общностью, конкретизировавшейся в сознании до определенного культурного поля, откуда вышел каждый мигрант, он, с той или иной долей уверенности, начинает ассоциировать себя и с неким региональным сообществом» [27: 198].

Несмотря на то, что большую часть жизни М.А. Загребина прожила в Сибири, она помнит белорусский язык, в детстве в её семье использовались два языка: русский и белорусский. Среди причин, повлиявших на утрату родного языка, можно отметить отсутствие языковой среды, отсутствие белорусского языка в личностной и институциональной коммуникации: *А с кем будешь говорить? Да я уже и не умею. [Не помните уже язык просто?] Как вам сказать?! В обшшем, белорусский язык самый лёгкий. Даже вот мы у школе учились, у кого русские учебники, у кого белорусские. Вот, например, по истории, географии или литературе...; А математика, например, или там, это, история, у кого русский учебник, тот по-русски отвечает, у кого – белорусский, тот на белорусском отвечает.*

Характерным для информанта является высокая степень рефлексивности по поводу фактов славянских языков. В зону восприятия и осмысления попадает сопоставительный анализ восточнославянских языков, степень их сходства и различия на уровне лексики, что отражается в метаязыковых высказываниях: *А разница небольшая. Только, видите, как получается: русский и белорусский подходят к украинскому, или наоборот, мы белорусский подходит и к тому, и к тому. Вот у русских говоришь «карова» и пишешь «корова», пишешь – «корова», говоришь «карова», а белорусский как говоришь «карова», так и пишешь «карова». А украинский пишут «корова» и говорят «корова», а белорусский самый простой, он самый лёгкий. Как говоришь, так и пишешь; Вот здесь есть ешиш такое предложение: «Рабая*

карова з'ела ўсе храпкі». Ну всё равно ведь поймёшь, что рябая корова все кочерыжки съела. Всё равно ведь понятно. Ну вот свекла – ой, как, бураки. Капуста – так и есть капуста. Лук – цибуля. А чеснок – есть так чеснок. Разницы немного. [А картошка – бульба?] Бульба. Так немножко есть кое-что, но всё равно оно как-то понятно.

В приведённых высказываниях рефлексии на уровне обыденного сознания подвергаются русский, украинский и белорусский языки. Информант сравнивает родственные языки по соотношению в них правил произношения и написания и демонстрирует это на примере слова «корова», делая вывод о том, что наиболее оптимальным (*простым, легким*) является фонетический способ письма, существующий в белорусском языке. Принцип понятности, родственности языков проявляется, по мнению М.А. Загребинной, и на уровне отдельных высказываний, в которых различия в лексике и фонетике компенсируются контекстом (*Рябая карова з'ела ўсе храпкі*). Для аргументации положения о степени близости рассматриваемых языков информант обращается к тематической группе «Названия овощей», отмечая общность и различие её лексического состава во всех трех языках.

Несмотря на миграции, постоянные переезды, Мария Аверьяновна помнит родной язык, сохраняет знания о традиционных белорусских узорах, используемых при вышивании; вместе с тем, к сожалению, ей не удалось научить родному языку детей и внуков и передать им национальные традиции.

Заключение

Анализ речевых особенностей М.А. Загребинной показал, что она билингв от рождения: владеет русским и белорусским языками, но белорусский язык в настоящее время не находится в активном употреблении, что является проявлением нереализуемого билингвизма. Описание вербально-семантического уровня языковой личности свидетельствует о том, что в её речи встречается лексика разной системной принадлежности (литературная, просторечная, диалектная). Лексика белорусского языка употребляется в определенных ситуациях общения. Наиболее отчётливо влияние белорусского языка проявляется на уровне фонетики. Длительность проживания в Сибири обусловила появление в речи Марии Аверьяновны черт, характерных для русских старожильских говоров Среднего Приобья. Анализ когнитивного уровня выявил тематические доминанты в речи информанта: война, семья, родные места, рукоделие (вышивка). Исследование мотивационного уровня языковой личности показало, что информант осознает свою принадлежность к белорусской и сибирской культуре,

сохранение белорусских корней обнаруживается в сфере декоративно-прикладного искусства через занятия рукоделием, вышивкой, которая служит способом визуализации национальной культуры. Таким образом, индивидуальные особенности речи информанта определяются местом и временем его рождения, жизни, интересами, местами проживания.

Авторы выражают благодарность и глубокую признательность доктору филологических наук, профессору кафедры белорусского языкознания Белорусского государственного университета Ирине Олеговне Гапоненко за советы и ценные замечания при работе над данной статьей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Информация взята на сайте Шегарского района. URL: <http://www.shegadm.ru/melnikovo.html> (дата обращения: 10.11.2020).

2. По данным проекта «Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны», деревня Гойков была разрушена в сентябре 1943 г., до войны в деревне было 22 дома, разрушены все. URL: <http://db.narb.by/search/?title=%C3%EE%E9%EA%EE%E2&title=s=old®ion=&district=&year=> (дата обращения: 15.07.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларуская граматыка: у 2 ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; [рэд. М.В. Бірыла, П.П. Шуба]. Мінск: Навука і тэхніка, 1985–1986. Ч. 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск, 1985. 431 с.

2. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры / Е.Ф. Фурсова, А.В. Титовец, А.А. Люцидарская и др. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 424 с.

3. Блохинская А.В. Речевой портрет потомка русских и украинцев на амурской земле // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2013. Вып. 10. С. 76–81.

4. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Изучение диалектного текста: рассказ-пластинка // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В.Е. Гольдина. Саратов: Амирит, 2015. С. 26–36.

5. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Провинциальная речь: от диалекта к литературному языку // Региональные варианты национального языка: Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2013. С. 12–16.

6. Волошина С.В., Шевчик А.В. Фрагмент речевого портрета жителя совре-

менного российского села // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3 (14). С. 20–32.

7. Ганичева С.А. Синтез локального и профессионального в речевом портрете Николая Павловича Шаброва // Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета: монография. Вологда; Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2017. Гл. 4. С. 159–171.

8. Гарифуллина Д.Б. Речевой портрет политического лидера (на материале инаугурационных речей президентов России и США) // Международные отношения и общество. 2019. Т. 1, № 1. С. 106–111.

9. Гордеева С.В. Речевой портрет потомка русских переселенцев в Китай (на материале речи Цю Цзиньсю, село Бяньцзян, провинция Хэйлунцзян, КНР) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 82–94.

10. Демешкина Т.А. Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // Русин. 2015. № 3 (41). С. 90–107.

11. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44. DOI: 10.17223/19986645/67/2

12. Джигоева В.П. Речевой портрет политика-билингва в цифровом пространстве // Вестник Донецкого национального ун-та. Серия Д: Филология и психология. 2020. № 1. С. 76–83.

13. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. 180 с.

14. Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедев, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович. М.: Флинта: Наука, 2017. 632 с.

15. Иванцова Е.В. Взаимодействие подсистем современного русского языка в идиолектном отражении: речевой портрет жителя поселка городского типа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 104–120.

16. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.

17. Иванцова Е.В. Методы анализа диалектной языковой личности // Демешкина Т.А., Тубалова И.В., Волошина С.В., Иванцова Е.В. Новые направления в русской диалектологии: Массовый открытый онлайн-курс. Томск: ТГУ, 2017. URL: <https://mooc.tsu.ru/ru/?courses=новые-направления-в-русской-диалектологии> (дата обращения: 16.07.2020).

18. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

19. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.

20. Комлева Е.В. История и культура белорусов в Сибири в освещении современной российской историографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 56–60.

21. Корнева В.Ю. Белорусы Шегарского района Томской области в конце XIX – начале XX века // Вестник ОмГАУ. 2016. № 4 (24). С. 233–240.

22. Лінгвістычная геаграфія і групайка беларускіх гаворак / Акадэмія навук Беларускай ССР; Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа; пад рэд. члена-карэспандэнта Акадэміі навук СССР Р.І. Аванесава, акадэміка Акадэміі навук БССР К.К. Атраховіча (Кандрата Крапівы) і доктара філалагічных навук Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1968. 318 с.

23. *Максимов Ю.В., Бочкарева Т.А.* Штрихи к речевому портрету студента-первокурсника // Актуальные проблемы логопедии: сб. науч. и науч.-метод. ст. Саратов, 2014. С. 90–95.

24. *Мурса И.Н.* О речевых портретах носителей современного просторечия (на материале речи жителей села Камышенка) // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и техники: сб. науч. статей междунар. конференции. Барнаул, 2018. С. 2008–2010.

25. *Порядина И.К., Стародубец С.Н.* Речевой портрет жителя Добруша Гомельской области Беларуси // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: сб. докл. участников Междунар. науч. форума / Под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова, С.М. Пронченко. Брянск; Гомель, 2019. С. 240–246.

26. Русские говоры Среднего Приобья / Ред. В.В. Палагина. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. Ч. 1. 201 с.

27. *Савельева Л.П.* Истоки сибирского регионального сознания, или о конструировании воображаемой реальности // Байкальская Сибирь. Из чего складывается стабильность: сб. науч. статей. Сер. «Проект “Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе: мониторинг и анализ”: исследования и материалы». М., 2005. С. 188–200.

28. *Салимова Д.А., Солунова Я.А.* Сравнительный анализ речевых портретов персонажей романа Г.Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 7 (25). С. 9.

29. *Соколова О.И., Станиславская С.А.* Речевой портрет журналиста В.М. Пескова как носителя полнофункционального типа речевой культуры // *Litera*. 2020. № 3. С. 41–47.

30. Судьба земли Шегарской: сб. краеведческих очерков к 70-летию Шегарского района. Томск: ОАО «Изд-во Красное знамя», 2006. 316 с.

31. *Ульянова О.С.* Шегарский район // Энциклопедия Томской области. Т. 2: Н–Я. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 914–916.

32. *Усольцева О.В.* Сельская поселенческая сеть Томской области во второй половине 1940-х – 1980-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2016. Т. 1. 271 с.

33. *Хотянова О.Б.* Стилистические средства создания речевого портрета Остапа Бендера // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2015. № 2. С. 111–118.

34. *Шляховой Д.А.* Моделирование обобщенного речевого портрета блогера (на материале немецкой военной блогосферы) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 4. С. 879–892.

35. *Ярмаркина Г.М.* Русская устная речь современного сельского жителя как носителя народно-речевой культуры // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 3. С. 80–99.

REFERENCES

1. Biryła, V. & Shuba, P.P. (eds) (1985) *Belaruskaya gramatyka: u 2 ch.* [Belarusian Grammar. In 2 parts]. Part 1. Minsk: Navuka i tekhnika.
2. Fursova, E.F., Titovets, A.V., Lyutsidarskaya, A.A. et al. (2011) *Belorusy v Sibiri: sokhraneniye i transformatsii etnicheskoy kul'tury* [Belarusians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
3. Blokhinskaya, A.V. (2013) Rechevoy portret potomka russkikh i ukrainsev na amurskoy zemle [Speech portrait of a descendant of Russians and Ukrainians on the Amur land]. In: Arkhipova, N.G. & Oglezneva, E.A. (2013) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh* [The Word: Folklore-Dialectological Almanac]. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 76–81.
4. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2015) Izuchenie dialektnogo teksta: rasskaz-plastinka [The study of dialectal text: the story recorded]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: K 80-letiyu V.E. Gol'dina* [Language in the space of speech cultures: To the 80th anniversary of V.E. Goldin]. Saratov: Amirit. pp. 26–36.
5. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2013) [Provincial speech: from dialect to literary language]. *Regional'nye varianty natsional'nogo yazyka* [Regional Variants of the National Language]. Proc. of the Conference. Ulan-Ude: Buryat State University. pp. 12–16. (In Russian).
6. Voloshina, S.V. & Shevchik, A.V. (2018) A fragment of a speech portrait of a modern Russian village's resident. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 3(14). pp. 20–32 (in Russian). DOI: 10.17516/2311-3499-025
7. Ganicheva, S.A. (2017) Sintez lokal'nogo i professional'nogo v rechevom portrete Nikolaya Pavlovicha Shabrova [Synthesis of the local and the professional in the speech portrait of Nikolai Pavlovich Shabrov]. In: Volkova, N. A., Ganicheva, S.A., Zagumennov, A.V., Ilina, E.N. & Melnikova, N.G. (2017) *Narodnaya rech' Vologodskogo kraya: opyt muzhskogo rechevogo portreta* [People's Speech of the Vologda Territory: A Male Speech Portrait]. Vologda; Cherepovets: Cherepovets State University. pp. 159–171.
8. Garifullina, D.B. (2019) Rechevoy portret politicheskogo lidera (na materiale inauguratsionnykh rechei prezidentov Rossii i SShA) [Speech portrait of a political leader (based on the inaugural speeches of the presidents of Russia and the United States)]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i obshchestvo*. 1(1). pp. 106–111.
9. Gordeeva, S.V. (2013) Rechevoy portret potomka russkikh pereselentsev v Kitay (na materiale rechi Tsyu Tszin'syu, selo Byan'tsyzan, provintsiiya Kheylyuntszyan, KNR) [Speech portrait of a descendant of Russian immigrants to China (based on the speech of Qiu Jinxiu, Bianjiang village, Heilongjiang province, China)]. In: Arkhipova, N.G. & Oglezneva, E.A. (2013) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh* [The Word: Folklore-Dialectological Almanac]. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 82–94.

10. Demeshkina, T.A. (2015) Traits of the Slavic Identity in the Self-Identification of a Siberian Native. *Rusin*. 3(41). pp. 90–107 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/7

11. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The Socio-Communicative Space of Transboundary Areas: A Reconstruction Model of the Cultural and Linguistic Landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/67/2

12. Dzhioeva, V.P. (2020) Speech portrait of a bilingual politician in digital space. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo un-ta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya – Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*. 1. pp. 76–83 (in Russian).

13. Emelyanov, N.F. (1981) *Zaselenie russkimi Srednego Priob'ya v feodal'nyuyu epokhu* [Russian Settlements in the Middle Ob Region of the Feudal Era]. Tomsk: Tomsk State University.

14. Zhukova, I.N. et al. (2017) *Slovar' terminov mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Dictionary of Cross-Cultural Communication Terms]. Moscow: Flinta: Nauka.

15. Ivantsova, E.V. (2019) The Interaction of Subsystems of the Modern Russian Language in an Idiolectic Reflection: The Speech Portrait of a Resident of an Urban-Type Village. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 62. pp. 104–120 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/62/7

16. Ivantsova, E.V. (2010) *Lingvopersonologiya: Osnovy teorii yazykovoy lichnosti* [Linguopersonology: Fundamentals of the Theory of Linguistic Personality]. Tomsk: Tomsk State University.

17. Ivantsova, E.V. (2017) Metody analiza dialektnoy yazykovoy lichnosti [Methods of analysis of dialectal linguistic personality]. In: Demeshkina, T.A., Tubalova, I.V., Voloshina, S.V. & Ivantsova, E.V. *Novye napravleniya v russkoy dialektologii: Massovyy otkrytyy onlayn-kurs* [New Directions in Russian Dialectology: Massive Open Online Course]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <https://mooc.tsu.ru/ru/?courses=novye-napravleniya-v-russkoy-dialektologii> (Accessed: 16th July 2020).

18. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. 7th ed. Moscow: LKI.

19. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (1999) *Rech' moskvicey: Kommunikativno-kul'turologicheskiy aspekt* [Speech of Muscovites: Communicative and Cultural Aspect]. Moscow: Russkie slovari.

20. Komleva, E.V. (2014) History and culture of Belorussians in Siberia in contemporary Russian historiography. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1. pp. 56–60 (in Russian).

21. Korneva, V.Yu. (2016) Belorusy Shegarskogo rayona Tomskoy oblasti v kontse XIX – nachale XX veka [Belarusians of the Shegarsky district of the Tomsk region in the late XIX - early XX century]. *Vestnik OmGAU*. 4(24). pp. 233–240.

22. Avanesov, R.I., Atrakhovich, K.K. & Matskevich, Yu.F. (eds) (1968) *Lingvistichnaya geografiya i grupy belaruskikh gavorak* [Linguistic Geography and Dialects of the Belarusian Group]. Minsk: Navuka i tekhnika.

23. Maksimova, Yu.V. & Bochkareva, T.A. (2014) *Shtrikhi k rechevomu portretu studenta-pervokursnika* [Strokes to the speech portrait of a first-year student]. In: Kryuchkov, V.P. (ed.) *Aktual'nye problemy logopedii* [Current Issues of Speech and Language Therapy]. Saratov: Bukva. pp. 90–95.

24. Mursa, I.N. (2018) *O rechevykh portretakh nositeley sovremennogo prostorechiya (na materiale rechi zhiteley sela Kamyshehenka)* [On verbal portraits of modern vernacular (based on the speech of village of Kamyshehenka residents)]. In: Rodionov, E.D. (ed.) *Lomonosovskie chteniya na Altae: fundamental'nye problemy nauki i tekhniki* [The Lomonosov Readings in Altai: fundamental problems of science and technology]. Barnaul: Altai State University. pp. 2008–2010.

25. Poryadina, I.K. & Starodubets, S.N. (2019) *Rechevoy portret zhiteley Dobrusha Gomel'skoy oblasti Belarusi* [Speech portrait of a resident of Dobrusha, Gomel region of Belarus]. In: Starodubets, S.N., Pustovoytov, V.N. & Pronchenko, S.M. (eds) *Idiolekt russkoyazykovoy lichnosti kak otrazhenie lingvokul'turnoy situatsii v slavyanskom pogranich'e* [Idiolect of the Russian language personality as a reflection of the linguocultural situation in the Slavic borderland]. Bryansk; Gomel': [s.n.]. pp. 240–246.

26. Palagina, V.V. (ed.) (1984) *Russkie govory Srednego Priob'ya* [Russian dialects of the Middle Ob region]. Tomsk: Tomsk State University

27. Savelieva, L.P. (2005) *Istoki sibirskogo regional'nogo soznaniya, ili o konstruirovani voobrazhaemoy real'nosti* [The origins of the Siberian regional consciousness, or the construction of an imaginary reality]. In: Dyatlov, V.I. (ed.) *Baykal'skaya Sibir'. Iz chego skladyvaetsya stabil'nost'* [Baikal Siberia. What makes stability]. Moscow: Natalis. pp. 188–200.

28. Salimova, D.A. & Solunova, Ya.A. (2019) *Sravnitel'nyy analiz rechevykh portretov personazhey romana G. Yakhinoy "Zuleykha otkryvaet glaza"* [A comparative analysis of speech portraits of the characters in the novel by G. Yakhina "Zuleikha opens her eyes"]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7(25). pp. 9.

29. Sokolova, O.I. & Stanislavskaya, S.A. (2020) *Rechevoy portret zhurnalista V.M. Peskova kak nositeleya polnofunktsional'nogo tipa rechevoy kul'tury* [A verbal portrait of journalist V.M. Peskov as a carrier of a fully functional type of verbal culture]. *Litera*. 3. pp. 41–47.

30. Vdovina, L.T. & Kosov, V.N. (2006) *Sud'ba zemli Shegarskoy* [The Fate of the Shegarska Land]. Tomsk: Krasnoe znamya.

31. Ulyanova, O.S. (2009) *Shegarskiy rayon* [Shegarsky District]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Encyclopedia of Tomsk Region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 914–916.

32. Usoltseva, O.V. (2016) *Sel'skaya poselentcheskaya set' Tomskoy oblasti vo vtoroy polovine 1940-kh – 1980-e gg.* [Rural settlement network of Tomsk region in the second half of the 1940s – 1980s]. Vol. 1. History Cand. Diss. Tomsk.

33. Khotyanova, O.B. (2015) *Stylistic instruments of creating a speech portrait of Ostap Bender*. *Vestnik MGUP imeni Ivana Fedorova*. 2. pp. 111–118 (in Russian).

34. Shlyakhovoy, D.A. (2019) *Modeling of a Generalized Speech Portrait of a Blogger (as Exemplified in the German Military Blogosphere)*. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies*,

Semiotics and Semantics. 10(4). pp. 879–892 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-879-892

35. Yarmarkina, G.M. (2019) Russkaya ustnaya rech' sovremennogo sel'skogo zhitelya kak nositelya narodno-rechevoy kul'tury [Russian oral speech of a modern villager – a carrier of folk verbal culture]. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN – Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 3. pp. 80–99.

Волошина Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета (Россия).

Svetlana V. Voloshina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vsv1304@yandex.ru

Демешкина Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета (Россия).

Tatyana A. Demeshkina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: demeta@rambler.ru

Толстова Мария Анатольевна – младший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета (Россия).

Maria A. Tolstova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tolstova_11@mail.ru

УДК 81'33

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/14

Поздравление с профессиональными праздниками в восточнославянском президентском дискурсе: когнитивно- дискурсивный анализ*

Ю.А. Эмер¹, К.А. Акентьева²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: emerjulia1@gmail.com

² E-mail: akenteva_ksenia@mail.ru

Авторское резюме

Рассматриваются особенности концептуальной и композиционной трансформации жанра поздравления в президентском дискурсе восточнославянских стран на материале поздравлений В.В. Путиным, А.Г. Лукашенко и В.А. Зеленским профессиональных сообществ. Проанализированы особенности моделирования картины мира при взаимодействии праздничного и президентского дискурсов в рамках этикетного жанра. В президентском дискурсе жанр поздравления становится одним из инструментов сохранения и укрепления власти, а также способом формирования необходимых ценностей и установок и формой коммуникации, в т. ч. и с профессиональными сообществами, что может способствовать развитию профессионального самосознания и укреплению престижа профессии, а также актуализации позиции главы государства. Поздравление с профессиональными праздниками позволяет моделировать образ специалиста, который, с одной стороны, обусловлен социокультурными особенностями данного социума, а с другой – политическими установками автора, являющегося лидером страны с неоспоримым авторитетом. Как и в других поздравлениях в президентском дискурсе, в рассматриваемых текстах при сохранении традиционной структуры жанра (обращение, поздравление, пожелание) появляется информационная часть, где автор моделирует образ профессионала, выбирая

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (проект № 8.1.12.2020).

характеристики в соответствии с собственными политическими целями и задачами, а также дает установку на будущее. При этом ее содержание обусловлено как праздничной идеей (чествование профессионального сообщества), так и установками автора, и актуальной политической и экономической ситуацией в стране.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, жанр, поздравление, праздник.

Congratulation on professional holidays in the East Slavic presidential discourse: a cognitive-discourse analysis*

J.A. Emer¹, K.A. Akenteva²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: emerjulia1@gmail.com

² E-mail: akenteva_ksenia@mail.ru

Abstract

The article examines the conceptual and compositional transformation of the genre of congratulations on professional holidays in the East Slavic presidential discourses of V.V. Putin, A.G. Lukashenko and V.A. Zelensky. The authors analyze the specificity of modeling a picture of the world in the interaction of holiday and presidential discourses within the traditionally interpersonal communication genre. In the presidential discourse, congratulations are a tool to maintain and strengthen power, a way to form necessary values and attitudes and a form of communication with professional communities, which can contribute to the development of professional identity and strengthen the prestige of the profession. Congratulations on professional holidays allow to model the image of a specialist, which, on the one hand, is determined by the socio-cultural characteristics of this society, and on the other hand, by the political attitudes of the speaker, who is the country leader with undeniable authority. As in other congratulations in the presidential discourse, the texts under consideration preserve the traditional structure of the genre and add an informational part, where the speaker models the image of a professional, choosing characteristics in accordance with their

*The research is supported by the TSU Competitiveness Enhancement Program (Project Nr. 8.1.12.2020).

own political goals and objectives, and gives an orientation to the future. At the same time, the content of the congratulation is determined by the holiday (honoring the professional community), the speaker's attitudes, and the current political and economic situation in the country.

Keywords: discourse, political discourse, genre, congratulation, holiday.

Поздравление как ядерный жанр праздничного дискурса не раз становилось объектом исследований в гуманитарных науках в различных аспектах: жанроведческом, коммуникативно-прагматическом, лингвокультурологическом, когнитивно-дискурсивном и др. (Е.К. Вдовина [5], Н.В. Немчинова [15], Т.П. Сухотерина [30], Т.В. Тарасенко [31] и др.). В силу особенностей, связанных с «этикетной природой» (например, моделирование идеальной, эмоционально-позитивной картины мира), жанр поздравления востребован разными институциональными дискурсами (О.А. Евтушенко [8], В.В. Кашпур [10] и др.). Популярность обращений к данному жанру административного и политического дискурсов во многом объясняется и тем, что в поздравлении фиксируются ценностные ориентиры социума. Именно поэтому в политическом дискурсе, в т. ч. и в президентском, оно используется в качестве инструмента продвижения политических идей и формирования институционально «нормативной» картины мира (В.Ю. Ослопова [17], Е.А. Кожемякин [11], Н. В. Кондратенко [12], Л.А. Ласица [13] и др.).

Ценностные установки и их трансформация, зафиксированные в поздравлении, описываются исследователями, как правило, на материале поздравлений с праздниками, имеющими общенациональный характер, – Новым годом, Международным женским днем, 9 мая и др. (см. работы В.Ю. Ослоповой [17], Л.А. Ласицы [13], Ж.Р. Сладкевич [28] и др.). Однако в качестве ключевой идеи, зафиксированной в тексте поздравления, может выступать и обоснование востребованности обществом той или иной профессии, ценность которой детерминруется в тексте в зависимости от социокультурной, экономической и политической ситуации в стране. Подобного рода тексты, функционирующие в президентском дискурсе, нуждаются не только в философском, культурологическом и социологическом описании (см., напр., работы В.В. Алешина, Э.Б. Воронова, Р.Л. Кричевского и др.), но и в лингвистическом исследовании. Когнитивно-дискурсивный анализ текстов президентских поздравлений позволяет выявить результаты адаптации профессионально смысловых доминант к конкретно историческим и национально-культурным особенностям дискурса их существования. Именно поэтому в фокусе нашего внимания в

данной статье будут тексты поздравлений с профессиональными праздниками.

Цель статьи – описание концептуальной и композиционной трансформации речевого жанра поздравления в президентском дискурсе восточнославянских стран, выполненное на материале текстов поздравлений с профессиональными праздниками.

Материалом послужили тексты поздравлений с профессиональными праздниками, авторами которых являются президенты России, Украины и Республики Беларусь:

1. Поздравления В.В. Путина, размещенные на сайте Президента РФ (русский язык), 2020 г. [21].

2. Поздравления В.А. Зеленского, размещенные на сайте Президента Украины (украинский язык), 2020 г. Отметим, что на данном ресурсе существует отдельный раздел, где размещаются подобного рода тексты [25].

3. На сайте Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко размещаются информационные сообщения на белорусском языке, в которых указывается, с какими профессиональными праздниками поздравлял президент. Полные тексты поздравлений размещаются на профильных сайтах (Нефтехимия, МЧС, Национальный статистический комитет) и новостных ресурсах на русском языке. В связи с этими факторами мы увеличили временной отрезок для поиска поздравлений – 2019–2020 гг. [18].

Охарактеризуем кратко роль профессиональных праздников в культуре.

Феномен праздничной культуры активно описывался в зарубежной и отечественной литературе (В. Беньямин, Ж. Бодрийяр, К. Жигульский, К. Леви-Стросс, М. Мосс и др.). Особое внимание профессиональным праздникам было уделено в работах В.И. Чичерина и В.Я. Проппа в рамках «трудовой теории праздника».

Профессиональные праздники существуют в культуре как явление, исторически обусловленное, имеющее сакральные корни и отражающее систему разделения труда в данную эпоху (Е.В. Алексеева [3], М.М. Бахтин [4] и др.), что позволяет противопоставить их монотонным упорядоченным будням, поскольку «никакое “упражнение” в организации и усовершенствовании общественно-трудового процесса, никакая “игра в труд” и никакой отдых или передышка в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными. <...> к ним должно присоединиться что-то из иной сферы бытия, из сферы духовно-идеологической» [4].

Если «внешняя» задача праздника – сформировать положительное отношение к профессии в обществе, сфокусировав внимание общественности на характеристиках, которые в повседневности

растворяются, ограничены, то «внутренней» задачей является возвращение представителей профессии к «мифологической» модели, профессиональной самоидентификации.

Действительно, профессиональные праздники выделяются на основании принадлежности группы людей к одной профессиональной сфере (Д.М. Генкин [7: 56–58], Г.Г. Карпова [9: 54–55]). Субъекты подобного типа праздников чётко ограничены (журналисты, шахтеры, учителя, медики и др.), при этом праздничная идея базируется на обосновании того, какой вклад в повышение качества жизни других людей и в развитие страны приносят представители определенной профессии (шахтеры добывают уголь, чтобы в домах было тепло и существовал товар для экспорта, учителя обучают и воспитывают будущее поколение и т. д.).

Праздник является одним из способов коммуникации с профессиональным сообществом и может выступать катализатором позитивных процессов в развитии общества (профессиональный рост, самоидентификация представителей сообщества, формирование трудовых ценностей и т. д.). Именно поэтому он становится востребованным в процессах управления компанией, регионом, страной, поскольку позволяет зафиксировать в первую очередь сохранение или трансформацию ценностных установок профессии согласно ценностям общества, актуализацию тех или иных характеристик профессии в ее обусловленности социокультурной ситуацией и глобальными вызовами.

Отметим, что профессиональные праздники имеют различную степень локальности. Так, День учителя стал всенародным праздником, в то время как День шахтера является регионально обусловленным. Он имеет особую значимость, например в Кемеровской области, большая часть территории которой совпадает с территорией Кузнецкого угольного бассейна, и добыча угля – важная часть экономики региона. В связи с этим День шахтера является ключевым праздником для региона. Для сравнения: в Томской области День шахтера не внесен в праздничный календарь региона.

Праздничная идея любого праздника, в т. ч. профессионального, получает воплощение при помощи символично-ритуальных форм, а также вербальных практик, имеющих разножанровую форму, при этом ядерным жанром является поздравление, которое и заимствуется разными институциональными дискурсами, в частности политическим, для выполнения собственных задач.

Рассмотрим подробнее особенности воплощения праздничной идеи профессионального праздника в тексте поздравления.

Поздравление президента, как любое другое политическое по-

здравление, подстраиваясь под запросы «принимающего» дискурса, актуализирует институциональные установки автора, а также моделирует обусловленную ими нормативную картину мира, которая позиционируется в качестве идеальной для данного общества. При этом содержание поздравления обусловлено как праздничной идеей, так и политическими установками автора, которые, в свою очередь, детерминированы актуальной государственной и мировой повесткой. Так, например, в тексте поздравления с Днем медика в 2020 г. образ врача претерпел изменения в силу сложившейся эпидемической обстановки в мире. На смену актуальным ранее для поздравления характеристикам «гуманный», «оказывающий помощь» пришли «мужественный», «борющийся с пандемией». Выстраиваемый образ профессионала в рамках президентского поздравления включает ранее периферийные для профессии характеристики, формируя ценностно новый образ.

Важно отметить, что президентское поздравление обращено одновременно к двум адресатам: к профессиональному сообществу и обществу в целом. Поэтому оно не только направлено на укрепление профессионального самосознания и престижа профессии, но и является своего рода посланием о стоящих перед сообществом и обществом в целом задачах.

Выбор профессиональных праздников, с которыми президенты поздравляют сообщества, не случаен и продиктован задачами, которые стоят перед руководителями государств. Так, например, в 2020 г. (выборка до начала октября) в более чем 65 % поздравлений В.В. Путин и В.А. Зеленский обращались к представителям военных и силовых структур (пограничники, национальная гвардия, сотрудники органов следствия и др.), что обусловлено нестабильностью политической ситуации в мире, а также сложившейся эпидемической и экологической обстановкой, когда военным приходилось решать социальные проблемы. При этом президент России подчеркивает необходимость сохранения порядка в стране и безопасности граждан (*Сегодня мы чествуем защитников российских рубежей, мужественных и смелых людей, которые оберегают безопасность Родины и наших граждан* [22]) – это одна из приоритетных целей, что В.В. Путин неоднократно отмечает в своих публичных выступлениях и что зафиксировано в стратегии национальной безопасности Российской Федерации [6].

В.А. Зеленский, в свою очередь, апеллирует к необходимости государственной самостоятельности страны, защиты границ и достижения внутренней стабильности (*ви першими стаєте на шляху ворога, відображаєте його атаки і рішуче просуваєтьс назустріч небезпеці, борючись для нашої держави те, що належить їй по праву*

[26]). Автор стремится сплотить страну перед лицом внешнего врага и активно использует милитаризированную лексику: *українська піхота продовжує впевнено виконувати складні завдання на лінії бойового зіткнення, дає гідну відсіч російському агресору, стримує його збройні провокації і підступні обстріли* [26] и т. д.

А.Г. Лукашенко, в отличие от своих коллег, акцентирует внимание на «рабочих», мирных профессиях. 81,25 % текстов адресованы шахтерам, строителям, ученым, металлургам, специалистам сферы ЖКХ и т. д. Он подчеркивает важность этих профессий для развития страны и ее экономики, отмечает значительный вклад адресатов и создает идеализированный образ каждого специалиста: *Без слаженного, напряженного, результативного труда работников стальных магистралей сегодня невозможно представить жизнь страны. Вы вносите огромный вклад в развитие экономики, обеспечивая бесперебойную перевозку пассажиров и грузов* [19]. Адресатами остальных поздравлений в 2020 г. стали военные (пограничники, представители транспортных войск и десантники).

Как мы отмечали выше, в фокусе президентского поздравления оказывается образ профессионала, моделируемый с учетом актуальных задач, стоящих перед государством, и потребностей общества. Рассмотрим подробнее, как формируется образ врача в тексте поздравления с Днем медицинского работника.

Профессия медика отрафлексирована в мировой и отечественной культуре. Как правило, в общественном представлении врач – это не только профессионал, но и человек, исповедующий человеколюбие, имеющий определенные ценностные установки, главным для него является человеческая жизнь, все его действия направлены на ее сохранение (см., напр., В.И. Абляева, Н.А. Николаева [1]). Именно такой образ формировался в поздравлениях президентов в предыдущие годы: *Вы выбрали самую гуманную и благородную профессию, требующую глубоких знаний, исключительного трудолюбия и полной самоотдачи. А главное – душевной щедрости, чуткости и отзывчивости. Именно эти качества испокон века были присущи лучшим представителям российской медицины* (В.В. Путин, поздравление с Днем медицинского работника, 2017 г.) [14]. Так, в данном тексте акцент при построении образа медика делается на моральных качествах специалистов и ценностных составляющих профессии (*душевная щедрость, чуткость и отзывчивость*), а также на профессиональных компетенциях (*глубокие знания, исключительное трудолюбие и полная самоотдача*).

Иной образ медика предстает в поздравлении Президента России в 2020 г., что обусловлено экстралингвистическими факторами,

прежде всего эпидемическими изменениями в мире. Это привело к востребованности и актуализации как иных профессиональных, так и личностных характеристик медика: ***С самых первых дней вы были, без преувеличения, на передовой, ежеминутно рисковали своим здоровьем. Многие неделями жили в разлуке с родными и близкими, в буквальном смысле слова сражались за людей в так называемых красных зонах больниц и часто действительно на пределе человеческих возможностей и сил*** (В.В. Путин, поздравление с Днем медицинского работника, 2020) [23]. Использование милитаризированной лексики (*на передовой, рисковали, сражались* и др.), а также метафоры «войны» (*на передовой, рисковали здоровьем, в разлуке, сражались* и др.) позволяют героизировать профессию, повысив ее общественный статус.

Отметим, что подобная логика моделирования образа медика характерна и для поздравлений А.Г. Лукашенко. Однако поскольку поздравление является инструментом для реализации программных установок политика, то в тексте при моделировании образа профессионала появляются дополнительные блоки, опосредованно связанные с деятельностью медика как такового. В данном случае основным адресатом поздравления оказывается в первую очередь широкая общественность, а профессиональное сообщество становится вторичным адресатом: ***К счастью, в Беларуси выстроена система здравоохранения с мощной эпидемиологической службой, современными научно-практическими центрами, оборудованными клиниками, собственным фармацевтическим производством и, самое главное, достаточным количеством практикующих медиков. Именно ваши самоотверженный труд, верность долгу, высокая квалификация и компетентность позволяют обеспечить доступной и качественной медицинской помощью все население республики*** (А.Г. Лукашенко, 2020) [20]. В данном тексте акцент сделан на достижениях системы здравоохранения, материальной обеспеченности, развитии отрасли и кадровом потенциале страны.

Использование лексики из разных тематических групп – «медицина» (*эпидемиологической, фармацевтическим*), «экономика» (*собственное производство*), «наука» (*научно-практическими*), а также оценочных прилагательных (*мощный, достаточным*) – позволяет создать образ современной технологически развитой, материально оснащенной отрасли, чтобы снять у общественности панические страхи в условиях пандемии. И лишь во вторую очередь президент моделирует идеальный образ врачей, акцентирует внимание на ценностных установках профессии (*самоотверженный труд, верность долгу*), профессиональных качествах (*квалификация, компетентность*), обращаясь к медицинскому сообществу.

Иным образом выстроено поздравление В.А. Зеленского, поскольку политик использует его, прежде всего, для получения политических дивидендов. В фокусе внимания оказывается его деятельность, направленная на изменение сложившейся в стране ситуации в области медицины: *Як і обіцяв, я не допущу закриття лікарень. Чи не допущу того, щоб лікарі втрачали роботу і шукали кращої долі за кордоном. Я був, є і завжди буду в хорошому сенсі слова лобістом інтересів кожного українського медика. І зроблю все, щоб ви отримували захист, повагу і гідну оплату за свою роботу. Щоб, рятуючи життя українців, ви не думали про власне виживання* (В.А. Зеленский, 2020) [29].

Употребление в тексте глаголов активного действия (*не допущу, зроблю*), оппозиции будущее/прошлое: *гідна оплата / думали про виживання, лобістом інтересів кожного медика / закриття лікарень* позволяют автору превратить поздравление в предвыборное выступление для массовой аудитории, обозначив дальнейшую стратегию развития страны.

Как показал сравнительный анализ поздравительных текстов политиков, посвященных другим праздникам (8 марта, День Победы, 23 февраля и др.), поздравление президентов строится по характерной для политических поздравлений схеме: обращение, поздравление, информационное сообщение, пожелание, а также соотносится с ними по цели, содержанию и используемым языковым средствам.

Информационная часть характерна для всех поздравлений политического и президентского дискурса. Например, поздравление президента с Новым годом берет на себя функцию годового отчета об успехах прошедшего года, в связи с чем автор актуализирует политические тезисы и демонстрирует фактическое подтверждение положительных результатов своей деятельности. При этом на первый план выходит его институциональная позиция, и глава государства предстает как активный деятель, который работает над созданием идеального мира для электората [2].

В поздравлениях с профессиональными праздниками, как мы упоминали выше, прямым адресатом является профессиональное сообщество, однако текст адресован широкой общественности. В связи с этим в информационной части автор моделирует идеализированный образ адресата. Представление о важности профессии создается при помощи позитивно окрашенных лексем (*самоотверженный, достойно, спасли, злагожденість, впевненість* и т. д.), словосочетаний (*дать отпор, бороться с врагами, выполнять долг, добросовестный труд, благородный путь* и т. д.), метафор (медики – воины, экологи – защитники, пограничники – защитники и т. д.). При помощи глаголов активного действия и лексем, иллюстрирующих достигнутый результат (*помогли,*

вылечили, спасли, выходили граждан; продолжает решать задачи и т.д.), автор описывает важность и нужность профессии для решения задач, стоящих перед страной. Отметим, что образ профессионала в соответствии с существующими социокультурными стереотипами, способы его формирования и языкового воплощения оказываются для восточнославянских стран в значительной степени общими.

Адресованность поздравления широкой аудитории обуславливает появление в тексте программных установок политика, которые транслируются чаще всего через перечень задач, стоящих перед профессиональным сообществом. В 2020 г. в поздравлениях с профессиональными праздниками президентов восточнославянских стран основной темой является обеспечение безопасности жизни населения страны, что связано с мировой повесткой и эпидемической ситуацией. Так, в текстах поздравлений с профессиональными праздниками В.В. Путина и А.Г. Лукашенко акцент делается прежде всего на необходимости деятельностной позиции профессионалов, а имплицитно и власти по обеспечению безопасности людей и страны: *По каждому из этих направлений **нужно действовать решительно, результативно** и, подчеркну, **строго в рамках закона**, всегда на **первое место ставить права и интересы граждан страны**, опираться на доверие и уважение людей* (В.В. Путин, 2020) [24]; ***Не останавливаясь на достигнутом, сегодня вы реализуете** масштабные проекты по повышению эффективности производства, улучшению качества выпускаемой продукции, наращиванию экспортного потенциала, **претворяете в жизнь** инвестиционные и социальные проекты. Ваш добросовестный труд всегда нацелен на достижение важнейшей задачи – обеспечение энергетической независимости страны* (А.Г. Лукашенко, 2020) [16].

Обилие императивов позволяет рассматривать данный фрагмент как установку для профессионального сообщества, с одной стороны, а с другой – как актуализацию позиции главы государства, которая обозначена ранее в ряде официальных документов.

Тема безопасности населения страны в качестве задачи для профессионального сообщества может быть обозначена и через сохранение суверенитета страны и национальной идентичности: *Сьогодні ми разом продовжуємо **будувати державну службу нового зразка**, яка базується на принципах **професіоналізму, доброчесності та патріотизму**.*

*Саме від вас залежить **успіх** політичних, економічних та соціальних **перетворень в країні**. Відповідальність людей, які служать народу України, представляючи державу, бажання долучитися до якісних змін в різних сферах суспільного життя дозволяють **правильно організувати***

ефективне управління на всіх рівнях влади (В.А. Зеленский) [27]. В данном случае активно используется милитаризированная лексика, текст строится на реализации оппозиции «свой – чужой», апелляции к национальной принадлежности адресата.

Таким образом, этикетный жанр поздравления в президентском дискурсе трансформируется в политическое поздравление. Его обязательный элемент – информационная часть – позволяет главе государства озвучить основные установки для профессионального сообщества в контексте задач, стоящих перед государством, скорректировать и представить образ профессионала согласно ожиданиям и запросам общества, обозначить собственную позицию относительно профессионального сообщества, данной отрасли в целом. Общность в моделировании образа профессионала, в первую очередь, обусловлена общей историко-культурной ситуацией в восточнославянских странах, а отличия детерминируются как политическими целями автора, так и ситуацией в стране и событиями прошедшего года в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абляева В.И., Николаева Н.А.* Образ врача в изобразительном искусстве. URL: <https://medconfer.com/node/11579>. (дата обращения: 10.11.2020).
2. *Акентьева К.А. Эмер Ю.А.* Жанровая трансформация «поздравления» в политическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 135 – 148. DOI: 10.17223/19986645/61/8
3. *Алексеева Е.В.* Тенденции развития профессиональных праздников в современной культуре: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2008. 201 с.
4. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/bakhtin_rablai.pdf (дата обращения: 10.09.2020).
5. *Вдовина Е.К.* Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2007. 199 с.
6. *Гарант.* Информационно-правовое обеспечение. URL: http://base.garant.ru/71296054/#block_1000 (дата обращения: 05.10.2020).
7. *Генкин Д.М.* Массовые праздники. М.: Просвещение, 1975. 140 с.
8. *Евтушенко О.А.* Корпоративный жанр поздравления в административном дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 1 (Т. 1). С. 149 – 155.
9. *Карпова Г.Г.* Праздник в контексте социальных изменений: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2001. 157 с.
10. *Кашпур В.В.* Жанр «поздравление» в русском политическом дискурсе: к проблеме лингвокогнитивного моделирования // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 11 – 14.

11. Кожемякин Е.А. Дискурсивное конструирование национальной идентичности в новогодних телевизионных обращениях президента к гражданам России // Дискурс-Пи. 2018. № 3–4 (32–33). Т. 15. С. 26–37. DOI: 10.17506/dipi.2018.32.3.2537

12. Кондратенко Н.В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения // Труды международной конференции «Диалог 2007». М., 2007. С. 302–306.

13. Ласица Л.А. Новогоднее обращение главы государства: семантические особенности ритуального жанра политического дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1 (201). С. 19–24.

14. Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: https://edu.rosminzdrav.ru/fileadmin/user_upload/Pozdravlenie_Prezidenta_Rossiiskoi_Federacii_V.V._Putina_s_Dnem_medicinskogo_rabotnika.jpg?1498120104 (дата обращения: 07.10.2020).

15. Немчинова Н.В. Когнитивно-дискурсивное исследование текста корпоративной поздравительной открытки: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2010. 198 с.

16. Нефтехимия. Новости. URL: <https://belchemoil.by/news/oficialno/pozdravlenie-prezidenta-respubliki-belarus-s-dnem-rabotnikov-neftyanoj-gazovoj-i-toplivnoj-promyshlennosti> (дата обращения: 08.10.2020).

17. Ослопова В.Ю. Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 329. С. 19–22.

18. Президент Республики Беларусь: Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. Выступления. URL: <http://president.gov.by/by> (дата обращения: 09.10.2020).

19. Президент Республики Беларусь: Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. Выступления. URL: http://president.gov.by/by/news_by/view/vinshavanne-z-dnem-chygunachnika-24152/ (дата обращения: 09.10.2020).

20. Президент Республики Беларусь: Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. Выступления. URL: http://president.gov.by/by/news_by/view/vinshavanne-z-dnem-medytynskix-rabotnikau-23840/ (дата обращения: 09.10.2020).

21. Президент России: речи и обращения. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches> (дата обращения: 09.10.2020).

22. Президент России: речи и обращения. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63421/print> (дата обращения: 09.10.2020).

23. Президент России: речи и обращения. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63541> (дата обращения: 09.10.2020).

24. Президент России: речи и обращения. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63068> (дата обращения: 09.10.2020).

25. Президент Украины: официальное интернет-представительство. URL: <https://www.president.gov.ua> (дата обращения: 09.10.2020).

26. Президент Украины: официальное интернет-представительство.

URL: <https://www.president.gov.ua/news/vitannya-prezidenta-ukrayinskim-voyinam-pihotincyam-60945> (дата обращения: 09.10.2020).

27. Президент Украины: официальное интернет-представительство. URL: <https://www.president.gov.ua/news/vitannya-prezidenta-z-nagodi-dnyaderzhavnoyi-sluzhbi-61773> (дата обращения: 11.10.2020).

28. Сладкевич Ж.Р. Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента (на материале новогодних обращений президентов России, Белоруссии и Польши за 2000–2015 гг.) // Политическая наука. 2016. № 3. С. 168–193.

29. Страна.ua. URL: <https://strana.ua/news/274336-zelenskij-pozdravil-vrachej-s-dnem-medika-i-poobeshchal-povysit-zarplatu.html> (дата обращения: 09.10.2020).

30. Сухотерина Т.П. «Поздравление» как гипержанр естественной письменной русской речи: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 252 с.

31. Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: Благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 169 с.

REFERENCES

1. Ablyayeva, V.I. & Nikolaeva, N.A. (n.d.) *Obraz vracha v izobrazitel'nom iskusstve* [The image of a doctor in the visual arts]. [Online] Available from: <https://medconfer.com/node/11579> (Accessed: 10th November 2020).

2. Akentieva, K.A. & Emer, Yu.A. (2019) Genre transformation of “congratulations” in political discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 61. pp. 135–148 (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/61/8

3. Alekseeva, E.V. (2008) *Tendentsii razvitiya professional'nykh prazdnikov v sovremennoy kul'ture* [Development trends of professional holidays in modern culture]. Culturology Cand. Diss. St. Petersburg.

4. Bakhtin, M.M. (n.d.) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i renessansa* [François Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. [Online] Available from: http://www.bim-bad.ru/docs/bakhtin_rablai.pdf (Accessed: 10th September 2020).

5. Vdovina, E.K. (2007) *Pozdravlenie i pozhelanie v rechevom etikete: kontseptual'nyy i kommunikativnyy analiz* [Congratulatory and wishes in speech etiquette: conceptual and communicative analysis]. Philology Cand. Diss. Moscow.

6. Garant. Information and legal support. [Online] Available from: http://base.garant.ru/71296054/#block_1000 (Accessed: 5th October 2020).

7. Genkin, D.M. (1975) *Massovye prazdniki* [Public holidays]. Moscow: Prosveshchenie.

8. Evtushenko, O.A. (2012) Korporativnyy zhanr pozdravleniya v administrativnom diskurse [Corporate genre of congratulations in

administrative discourse]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 1(1). pp. 149–155.

9. Karpova, G.G. (2001) *Prazdnik v kontekste sotsial'nykh izmeneniy* [Holiday in the context of social change]. Sociology Cand. Diss. Saratov.

10. Kashpur, V.V. (2007) Zhanr "pozdravlenie" v russkom politicheskom diskurse: k probleme lingvokognitivnogo modelirovaniya [Genre "congratulations" in Russian political discourse: on the problem of linguo-cognitive modeling]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 305. pp. 11–14.

11. Kozhemyakin, E.A. (2018) Discursive construction of national identity in the President's New Year television addresses to the citizens of Russia. *Diskurs-Pi*. 3–4 (32–33). Vol. 15. pp. 26–37 (in Russian). DOI: 10.17506/dipi.2018.32.3.2537

12. Kondratenko, N.V. (2007) Novogodnee obrashchenie kak ritual'nyy zhanr politicheskogo diskursa: makrostrukturnye komponenty i sredstva ikh vyrazheniya [New Year's address as a ritual genre of political discourse: macrostructural components and means of their expression]. *Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2007"*. pp. 302–306.

13. Lasitsa, L.A. (2017) New Year's address by the head of state: semantic features of the ritual genre of political discourse. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Orenburg State University*. 1(201). pp. 19–24 (in Russian).

14. Putin, V.V. (n.d.) *Pozdravlenie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii V.V. Putina s dnem meditsinskogo rabotnika* [President of the Russian Federation V.V. Putin's congratulation on the Day of Medical Professionals]. [Online] Available from: https://edu.rosminzdrav.ru/fileadmin/user_upload/Pozdravlenie_Prezidenta_Rossiiskoi_Federatsii_V.V._Putina_s_Dnem_meditsinskogo_rabotnika.jpg?1498120104 (Accessed: 7th October 2020).

15. Nemchinova, N.V. (2010) *Kognitivno-diskursivnoe issledovanie teksta korporativnoy pozdravitel'noy otkrytki* [Cognitive Discursive Research on Corporate Greeting Card Text]. Philology Cand. Diss. Barnaul.

16. Lukashenko, A.G. (2020) *Pozdravlenie Prezidenta Respubliki Belarus's Dnem rabotnikov neftyanoy, gazovoy i toplivnoy promyshlennosti* [Congratulation of the President of the Republic of Belarus on the Day of Oil, Gas and Fuel Industry Workers]. [Online] Available from: <https://belchemoil.by/news/oficialno/pozdravlenie-prezidenta-respubliki-belarus-s-dnem-rabotnikov-neftyanoy-gazovoy-i-toplivnoj-promyshlennosti> (Accessed: 8th October 2020).

17. Osloпова, V.Yu. (2009) [New Year's address of the head of state to the people as a genre of political discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 329. pp. 19–22 (in Russian).

18. President of the Republic of Belarus. (n.d.). *The official internet portal of the President of the Republic of Belarus. Speeches*. [Online] Available from: <http://president.gov.by/by> (Accessed: 9th October 2020).

19. President of the Republic of Belarus. (n.d.). *The official internet portal of the President of the Republic of Belarus. Speeches*. [Online] Available from: http://president.gov.by/by/news_by/view/vinshavanne-z-dnem-chygunachnika-24152/ (Accessed: 9th October 2020).

20. President of the Republic of Belarus. (n.d.). *The official internet portal of the President of the Republic of Belarus. Speeches*. [Online] Available from: http://president.gov.by/by/news_by/view/vinshavanne-z-dnem-medytynskix-rabotnikau-23840/ (Accessed: 9th October 2020).

21. Kremlin.ru. (n.d.) *Prezident Rossii: rechi i obrashcheniya* [President of Russia: speeches and addresses]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches> (Accessed: 9th October 2020).

22. Kremlin.ru. (n.d.) *Prezident Rossii: rechi i obrashcheniya* [President of Russia: speeches and addresses]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/63421/print> (Accessed: 9th October 2020).

23. Kremlin.ru. (n.d.) *Prezident Rossii: rechi i obrashcheniya* [President of Russia: speeches and addresses]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/63541> (Accessed: 9th October 2020).

24. Kremlin.ru. (n.d.) *Prezident Rossii: rechi i obrashcheniya* [President of Russia: speeches and addresses]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/63068> (Accessed: 9th October 2020).

25. Ukraine. (n.d.) *Prezident Ukrainy: ofitsial'noe internet-predstavitel'stvo* [President of Ukraine: official website]. [Online] Available from: <https://www.president.gov.ua> (Accessed: 9th October 2020).

26. Ukraine. (n.d.) *Prezident Ukrainy: ofitsial'noe internet-predstavitel'stvo* [President of Ukraine: official website]. [Online] Available from: <https://www.president.gov.ua/news/vitannya-prezidenta-ukrayinskim-voyinam-pihotincyam-60945> (Accessed: 9th October 2020).

27. Ukraine. (n.d.) *Prezident Ukrainy: ofitsial'noe internet-predstavitel'stvo* [President of Ukraine: official website]. [Online] Available from: <https://www.president.gov.ua/news/vitannya-prezidenta-z-nagodi-dnya-derzhavnoyi-sluzhbi-61773> (Accessed: 11th October 2020).

28. Sladkevich, Zh.R. (2016) The organization of the semiotic space of the New Year's president's greetings (based on the New Year messages of the presidents of Russia, Belarus and Poland in 2000–2015). *Politicheskaya nauka*. 3. pp. 168–193 (in Russian).

29. Strana.ua. (2020) *Zelenskiy v Den' medika poprosil men'she krichat' pro "zradu" i poobeshchal vracham povysit' zarplatu* [Zelensky asked to shout less about "zrada" on the Medical Day and promised doctors to raise salaries]. [Online] Available from: <https://strana.ua/news/274336-zelenskiy-pozdravil-vrachej-s-dnem-medika-i-poobeshchal-povysit-zarplatu.html> (Accessed: 9th October 2020).

30. Sukhoterina, T.P. (2007) *"Pozdravlenie" kak giperzhanr estestvennoy pis'mennoy russkoy rechi* ["Congratulations" as a hypergenre of natural written Russian speech. Philology Cand. Diss. Kemerovo.

31. Tarasenko, T.V. (1999) *Etiketnye zhanry russkoy rechi: Blagodarnost', izvinenie, pozdravlenie, soboleznovanie* [Etiquette genres of Russian speech: gratitude, apology, congratulations, condolences]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.

Эмер Юлия Антоновна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Julia A. Emer – Tomsk State University (Russia).

E-mail: emerjulia1@gmail.com

Акентьева Ксения Алексеевна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Ksenia A. Akenteva – Tomsk State University (Russia).

E-mail: akenteva_ksenia@mail.ru

УДК 94(497.1)(=477)"1918/1941"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/15

К истории русинов в межвоенной Югославии

В.Н. Власенко

Сумский государственный университет
Украина, 40007, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2
E-mail: v_m_vlas@ukr.net

Авторское резюме

Рассматривается содержание работы сербского историка, заведующего кафедрой русинистики Университета г. Нови Сад профессора Я. Рамача «На распутье: Русины в Югославии в 1918–1941 годах» на русинском языке. В книге исследуются история, культура и религия русинской общины в Югославии в период между Первой и Второй мировыми войнами. Поднимается проблема национальной и религиозной ориентации русинских общественных организаций, анализируются основные направления деятельности проукраинского Русинского народно-просветительного товарищества и пророссийского Культурно-просветительного союза югославских русинов, переименованного впоследствии в Культурно-национальный союз югославских русинов. Работа состоит из 19 очерков, связанных между собой хронологически и тематически.

Ключевые слова: Воеводина, Королевство сербов, хорватов и словенцев, национальная ориентация, религиозная ориентация, русин, Югославия.

To the history of the Rusins in the interwar Yugoslavia

V.N. Vlasenko

Sumy State University
2 Rimsky-Korsakov Street, Sumy, 40007, Ukraine
E-mail: v_m_vlas@ukr.net

Abstract

The article discusses the book *At the Crossroads: The Rusins in Yugoslavia in 1918–1941* written in the Rusin language by Professor Janko Ramach, Serbian histo-

rian, Head of the Department of the Rusin Studies at the University of Novi Sad. The book studies the history, culture, and religion of the Rusin community in Yugoslavia between the First and Second World Wars. The work raises the problem of the national and religious orientation of Rusin public organizations, analyses the main activities of the pro-Ukrainian Rusin people and educational association, and pro-Russian Cultural and Educational Union of Yugoslav Rusins, which was later renamed into the Cultural and National Union of Yugoslav Rusins. The book consists of 19 essays, linked together chronologically and thematically.

Keywords: Vojvodina, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, national orientation, religious orientation, Rusin, Yugoslavia.

На страницах журнала «Русин» неоднократно освещались разнообразные аспекты жизнедеятельности русинской общины в Югославии вообще и Воеводине в частности. Речь шла о русинах в Сербии [4: 126–133], югославских русинах и украинцах во Второй мировой войне [1: 37–51], переселении русинов из Карпатского региона на территорию современной Воеводины [9: 182–191], языке бачко-сремских русинов [8: 242–253; 10: 165–178], языковых правах русинов, украинцев и других национальных меньшинств в Сербии [2: 229–238] и Воеводине [3: 271–284], создании и деятельности общественных организаций русинов-украинцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев [6: 307–328] и Союза русинов и украинцев Югославии [7: 277–291] и др.

Воеводина – край, в котором проживает основная масса русинов и украинцев Сербии. В 1983 г. для удовлетворения их потребности в сохранении языка и культуры в Университете города Нови Сад была создана кафедра русинистики. Ныне её возглавляет доктор исторических наук профессор Янко Рамач. Он изучал историю в Нови-Садском и Белградском университетах. В 1995 г. в Ужгороде защитил докторскую диссертацию на тему «Русины в Южной Венгрии (1745–1918)». Его перу принадлежит пять книг. В соавторстве с Т. Войновичем и М. Рамачем перевёл Новый Завет на русинский язык.

В 2016 г. издательство «Руске слово» (Нови Сад) выпустило книгу «На крижней драги: Руснаци в Югославиї од 1918–1941 року» [5]. Она посвящена истории русинской общины в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия).

В предисловии Я. Рамач обосновал хронологические рамки своего исследования. Книга представляет собой собрание опубликованных за последние 20 лет в научных журналах и материалах конференций его трудов на трёх языках – сербском, русинском и украинском. В своих работах профессор использовал не только опубликованные

источники, но и документы из архивов религиозных организаций, в частности Крижевацкой епархии греко-католической церкви, а также материалы местной и зарубежной прессы межвоенного периода.

В книге освещены разнообразные аспекты истории русинов в Югославии. Но наибольшее внимание автор уделил деятельности русинских общественных организаций, их подразделений и учреждений. В период между двумя мировыми войнами они имели противоположную национально-культурную ориентацию – проукраинскую или пророссийскую. С первой ассоциируется Русинское народно-просветительное товарищество (Руске народне просвитне друштво, РНПД), со второй – Культурно-просветительный союз югославских русинов (Културно-просветни савез југословенских русина, КПСР), который впоследствии был переименован в Культурно-национальный союз югославских русинов (Културно-национални савез југословенских русина, КНСР).

Деятельности РНПД посвящено несколько публикаций. В первой речь идёт об истории его создания и роли греко-католического священника Джуры Биндаса в этом процессе [5: 9–30], во второй – об организационной, культурно-просветительной и редакционно-издательской деятельности председателя РНПД Д. Биндаса [5: 31–48]. Большое внимание автор уделил издательской деятельности товарищества, в частности первой в Воеводине газете на русинском языке «Руски новини», которая издавалась с 1924 г. [5: 49–73]. В следующей работе освещается процесс реализации идеи создания собственной типографии, растянувшийся во времени на два десятилетия. Впервые идею об открытии типографии местные русины сформулировали в 1913 г., а заработала она лишь в январе 1937 г. Именно в ней с того времени стали печататься такие периодические издания, как «Руски новини», «Рідне слово», «Руски календар» и журнал для детей «Наша заградка» [5: 74–86]. Используя материалы этих изданий, автор раскрыл особенности развития школьного дела русинов в Югославии [5: 87–108], показал Тараса Шевченко как поэта, художника и украинского национального героя [5: 146–158], обратил внимание на переводы на русинский язык художественной литературы южных славян, преимущественно тех произведений, которые по своему содержанию соответствовали идеологическим и религиозным взглядам РНПД [5: 159–168].

Через призму периодических изданий товарищества автор охарактеризовал деятельность русинских сельскохозяйственных и кредитных кооперативов в Югославии [5: 206–229], развитие в среде русинов системы здорового образа жизни и физкультуры [5: 230–250], существование русинской и украинской общин в восточ-

ной части тогдашней Чехословакии (ныне Пряшевщина в Словакии и Закарпатье в Украине) в межвоенный период [5: 250–272]. Я. Рамач проанализировал публикации на страницах изданий РНПД о голоде 1932–1933 гг. на Украине и реакции местных русинов на эту трагедию [5: 273–284], о положении русинов и украинцев в Восточной Галиции и Польше [5: 285–298], о событиях конца 1938 – весны 1939 г. в Закарпатье, когда статус этой территории изменился от автономной Подкарпатской Руси и самостоятельной Карпатской Украины до оккупации Венгрией [5: 299–328].

Автор обратил внимание на деятельность РНПД на ниве музыкального искусства и хорового пения. Подробно освещена творческая работа культурного учреждения РНПД – хора Русской народной читальни (библиотеки) в Русском Керестуре (Руски Крстур). Весной 1939 г., когда после оккупации Венгрией Закарпатье творческая интеллигенция вынуждена была покинуть родину и часть её оказалась в Югославии, хор принял участие в спектаклях, поставленных режиссером и бывшим директором театра «Новая сцена» в закарпатском городе Хуст Юрием Шерегием [5: 169–183].

Два материала книги посвящены деятельности КНСР. В первом автор проанализировал содержание и направленность брошюры «Руски батог» (Русински бич). Инициатором издания выступила группа русинов, недовольных политической, национальной и религиозной ориентацией руководителей РНПД, среди которых были греко-католические священники и представители проукраинской интеллигенции. Предполагалось, что это будет еженедельник, однако увидел свет только один номер. Авторами издания были литератор Моисей Мудри из Куцура и студент-медик Александр Сакачов (ответственный редактор). В брошюре использовались понятия «русин», «малоросс» и «русский». Русинов рассматривались как «братья по языку и крови» малороссов и великороссов и ближайшие «родственники» сербов. М. Мудри предлагал заменить в русинских школах учителей венгерской ориентации на русских эмигрантов, среди которых было много малороссов, знавших польский язык, что упрощало их взаимопонимание с детьми в школе. Он также выступал за переход части русинов в православие. «Руски батог» стал политической платформой для создания и дальнейшей деятельности Культурно-национального союза югославских русинов [5: 133–145].

Второй материал посвящен деятельности КНСР в политической и религиозной сферах, а также на ниве культуры и просвещения. Он охватывает период 1934–1941 гг. Автор проанализировал деятельность союза по материалам его периодических изданий – газеты «Заря» («Русска заря» / «Русска правда») и календаря «Русски народ-

ни календар Заря». Автор пришёл к выводу об их москвофильском характере. Руководители союза осуждали деятельность русинских греко-католических священников в Югославии за их провенгерскую ориентацию и одновременно пропагандировали пророссийскую, призывали русинов к переходу в православие и замене греко-католических священников на православных из числа белых эмигрантов, а также к введению в русинских школах русского языка. Про украинцев, украинский язык и украинский национальный вопрос в изданиях союза писали негативно. Одновременно восхищались достижения советской экономики [5: 350–360].

В отдельной статье автор осуществил сравнительный анализ национальных ориентаций русинов, объединенных в РНПД и КНСР. Он обратил внимание на различия в подходах этих организаций относительно «русинского вопроса» в Югославии. Эти различия, по мысли автора, нашли отражение в общественно-политической и культурно-просветительной деятельности организаций, а также в национальной и религиозной сферах [5: 109–132].

В книге есть материал историографического характера. Автор проанализировал около 50 работ о русинах в межвоенной Югославии, написанных в 1921–2012 гг. Среди них преобладают работы русинских авторов (Югославия, Сербия), а также труды венгерских, советских и украинских ученых [5: 329–349].

В конце книги представлена библиография трудов Я. Рамача, насчитывающая 136 позиций. Среди них – монографии, учебники, сборники документов, статьи в научных журналах, доклады на конференциях, переводы с древнегреческого (Новый Завет), немецкого и украинского (труды В. Гнатюка), украинского и хорватского (труды Г. Костельника) языков на русинский. Представлена также короткая биография учёного.

Рецензируемая книга заслуживает внимания разнообразной читательской аудитории. Она пригодится не только специалистам по истории русинско-украинской общины в Югославии, но и учёным, преподавателям, студентам, изучающим русинистику, а также широкой общественности стран, в которых проживает русинская община.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буркут И.* Югославские русины и украинцы во Второй мировой войне (1941–1945) // Русин. 2011. № 2 (24). С. 37–51.
2. *Катунин Д.А.* Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в законодательстве Республики Сербия // Русин. 2015. № 1 (39). С. 229–238. DOI: 10.17223/18572685/39/15

3. Катунин Д.А. Русинский язык и языки других национальных меньшинств в законодательстве Воеводины // Русин. 2016. № 1 (43). С. 271–284. DOI: 10.17223/18572685/43/17
4. Милошевич З. Руси́ны в Сербии // Русин. 2009. № 2 (16). С. 126–133.
5. Рамач Я. На крижней драги: Руснаци у Югослави́ од 1918–1941. року. Нови Сад: Руске слово, 2016.
6. Сеган Г.В. Створення та діяльність громадських організацій русинів-українців в Королівстві сербів, хорватів і словенців у міжвоєнний період // Русин. 2019. № 57. С. 307–328. DOI: 10.17223/18572685/57/17
7. Сеган Г.В. Створення та перші роки діяльності Союзу русинів і українців Югославії // Русин. 2018. № 54. С. 277–291. DOI: 10.17223/18572685/54/16
8. Fejsa M. The Bachka-Srem Rusin Animal Idioms and their English Equivalents // Русин. 2019. № 56. С. 242–253. DOI: 10.17223/18572685/56/15
9. Fejsa M. The Ruthenian Journey from the Carpathian Mountains to the Panonian Plain // Русин. 2014. № 2 (36). С. 182–191. DOI: 10.17223/18572685/36/10
10. Fejsa M. The improvement of the orthographic rules in the Bachka-Srem Rusin language // Русин. 2017. № 4 (50). С. 165–178. DOI: 10.17223/18572685/50/11

REFERENCES

1. Burkut, I. (2011) Yugoslavskie rusiny i ukraintsy vo Vtoroy mirovoy voyne (1941–1945) [Yugoslavian Rusins and Ukrainians in the Second World War (1941–1945)]. *Rusin*. 2(24). pp. 37–51.
2. Katunin, D.A. (2015) The Rusinian and Ukrainian languages in the current laws of Serbia. *Rusin*. 1(39). pp. 229–238 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/15
3. Katunin, D.A. (2016) The Rusin language and the languages of other national minorities in the legislation of Vojvodina. *Rusin*. 1(43). pp. 271–284 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/17
4. Miloshevich, Z. (2009) Rusiny v Serbii [Rusins in Serbia]. *Rusin*. 2(16). pp. 126–133.
5. Ramach, Ja. (2016) *Na kryzhnej dragy: Rusnacy u Jugoslavyyi od 1918-1941. roku* [At the Crossroads: Rusins in Yugoslavia in 1918–1941]. Novi Sad: Ruske slovo.
6. Sagan, G.V. (2019) Formation and activities of Rusin-Ukrainian Societies in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes in the interwar period. *Rusin*. 57. pp. 307–328 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/57/17
7. Sagan, G.V. (2018) The Union of Rusins and Ukrainians of Yugoslavia: creation and first years of activity. *Rusin*. 54. pp. 277–291 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/54/16
8. Fejsa, M. (2019) The Bachka-Srem Rusin Animal Idioms and their English Equivalents. *Rusin*. 56. pp. 242–253. DOI: 10.17223/18572685/56/15

9. Fejsa, M. (2014) The Ruthenian Journey from the Carpathian Mountains to the Panonian Plain. *Rusin*. 2(36). pp. 182–191. DOI: 10.17223/18572685/36/10
10. Fejsa, M. (2017) The improvement of the orthographic rules in the Bachka-Srem Rusin language. *Rusin*. 4(50). pp. 165–178. DOI: 10.17223/18572685/50/11

Власенко Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Учебно-научного института права Сумского государственного университета (Украина).

Valery N. Vlasenko – Sumy State University (Ukraine).

E-mail: v_m_vlas@ukr.net

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русини

Основан в 2003 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2021. № 63

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 292 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, а/я 1041

Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 25.03.2021. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 14/0521.

Отпечатано в типографии «Taicom».

г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

В 2021 году международный исторический журнал
ФОНД РУССКИЙ МИР «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

СЛАВЯНЕ

НИКОЛАЙ ДОБРОНРАВОВ

Зловещий призрак снова бродит.
Восходит ржавая трава.
И снова жизнью верховодит
Иван, не помнящий родства.

Но мы спасаем наши души,
Спасаем рвущуюся нить.
Возможно здание разрушить,
Но души — не разъединить...

Ах, пока гром не грянет,
Мы не придём в себя.
Мы, чёрт возьми, на грани, —
Так вспомним, что мы славяне,

Славяне — это судьба!

Источник: <https://poemata.ru/poets/dobronravov-nikolay/slavyane>